

05
340-36
ЖС-12148

ЖИВАЯ СТАРИНА.

Основана В. И. Ламанскимъ.

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО Русского Географического Общества.

Годъ XXII.

Выпускъ I—II.

1913.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. Д. Смирнова, Екатерининский кан., № 45.
1913.

Редакція „ЖИВОЙ СТАРИНЫ“

ПОСВЯЩАЕТЪ НАСТОЯЩІЙ ВЫПУСКЪ

Дмитрю Николаевичу

АНУЧИНУ

КО ДНЮ СЕМИДЕСЯТИЛІТІЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

V. Засѣданіе 27 апрѣля 1912 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, С. К. Булича, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: М. А. Адабаша, Б. Б. Барадійна, А. А. Веселовскаго, Н. А. Виташевскаго, Э. А. Вольтера, В. Г. Глазова, А. А. Достоевскаго, Н. П. Евстифѣева, А. И. Иванова, И. С. Иванова, А. О. Кана, В. Л. Котвича, Т. Кильбальчича, А. А. Макаренко, Н. Н. Михайловскаго, Э. К. Пекарскаго, А. А. Петерса, Н. Ф. Рахманинова, А. Д. Руднева, С. Г. Рыбакова, А. Ф. Селиванова, Р. Д. Семенова-Тянъ-Шанскаго, А. К. Сержпутовскаго, А. М. Смирнова, П. Н. Черемисинова, Л. Я. Штернберга и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитаны и утверждены журналы засѣданій Отдѣленія 30 марта и 6 апрѣля.

II.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданіяхъ.

1. Národopisný Věstník Českoslovanský. R. VII, č. 2—3. 1912.
2. Časopis Museálnej slovenskej spoločnosti. R. XV. č. 1. 1912.
3. Родопски Напрѣдъкъ. Годъ IX. Кн. V и VI. Пловдивъ. 1912.
4. August von Löwis of Menar. Der Held im Deutschen und russischen Märchen. Jena, 1912.

III.

Доложена просьба чл. сотр. М. Б. Едемскаго о выдачѣ ему открытаго листа для этнографической поѣздки въ Вологодскую, Архангельскую и смежныя губерніи.

Постановлено: просить Совѣтъ Общества объ удовлетвореніи просьбы М. Б. Едемскаго.

IV.

Доложено приглашение Организационного Комитета XIV Международного Конгресса Антропологии и Доисторической Археологии въ Женевѣ прислать представителей.

Постановлено: принять къ свѣдѣнію.

V.

Произведены выборы членовъ Медальной Комиссии по Отделению Этнографии на 1912 г.

Избраны: А. А. Шахматовъ, А. Д. Рудневъ, Л. Я. Штернбергъ, В. В. Бартольдъ и В. М. Истринъ.

VI.

Сем. Аким. Раппопортъ сдѣлалъ сообщеніе на тему: „**Еврейское народное творчество**“ по слѣдующей программѣ:

I. Вслѣдствіе существующей у евреевъ въ теченіе тысячетѣтій обязательной грамотности и книжности, еврейскій фольклоръ въ большей степени проникнутъ элементами и мотивами религіозной письменности (біблійской и талмудической). Онъ распадается на произведения: 1) созданныя религіозной интеллигенціей съ дидактической цѣлью и вполнѣ ассимилированныя народной массой, 2) созданныя народомъ подъ вліяніемъ, а часто и на мотивы религіозной письменности и 3) созданныя народомъ въ духѣ обычаго фольклора.

Наибольшему религіозному вліянію подверглось сказочное и, отчасти, пѣсенное творчество. Произведенія народной мудрости (пословицы, поговорки и, въ особенности, житейскія притчи) эмансицированы отъ религіозности, отчасти даже проникнуты отрицательнымъ къ ней отношеніемъ.

II. Характерные особенности сказки: 1) она всегда дидактична, 2) въ большинствѣ случаевъ, пришаровлена къ популярному духовному лицу (раввину, цадику), вслѣдствіе чего, имѣеть характеръ легенды или сказанія, 3) въ ней отсутствуютъ мотивы воинственно-героического эпоса, 4) отсутствуютъ любовные мотивы, 5) основная тенденція: духовная мощь могущественнѣе физической; цѣль жизни: духовное совершенство и познаніе высшей мудрости (Торы).

Главнымъ образомъ подъ вліяніемъ творчества другихъ народовъ, въ еврейскую сказку проникли всѣ классические мотивы европейскаго фольклора, но они перенесены съ почвы физической, материальной на почву духовную. (Примѣры).

III. Основные мотивы сказки: 1) порывъ къ духовному совершенству и подвигу. Героями этого цикла являются: праведники,

отшельники, сокрытые праведники, самоотверженные люди, рѣшившиеся на борьбу съ Асмодеемъ и его воинствомъ, дабы вызвать пришествіе Мессіи. Наиболѣе обычные персонажи—Илья Пророкъ, патріархи, ангелы. Мѣсто дѣйствія—теремъ въ лѣсу, пещера, Іерусалимъ, рѣка Самбатванъ, Горы Тымы, Море Печели.

2) Достигшіе совершенства: главнымъ образомъ хассидскія легенды. Рассказываются чудеса и описывается безграницная мощь цадиковъ.

3) Сказки гоненій и ужасовъ. Описываются кровавые и другіе навѣты, преслѣдованія, гоненія на евреевъ и чудесное ихъ спасеніе. Обычные персонажи: съ одной стороны: король, папа, бишофъ, злой царедворецъ; съ другой: сокрытый праведникъ, тайный совѣтчикъ царя (еврей) „второй отъ короля“ (еврей), ангель, „гойлемъ“ (нѣчто въ родѣ гомункулуса, созданного праведникомъ специально для борьбы противъ кровавыхъ навѣтовъ).

4) Сказки о колдунахъ и дѣтской.

IV. Народныя пѣсни: 1) Большинство на религіозные мотивы: переложенныя молитвы, праздничныя, восхвалительныя (Бога, Торы, Израиля, Іерусалима), хассидскія, мистическія. 2) Бытовыя, большей частью проникнуты религіознымъ настроениемъ и въ элегическомъ тонаѣ. 3) Дѣтскія, свадебныя, любовныя, рекрутскія, семейныя. 4) Юмористическія, осмысливающія человѣческія слабости. Героическая, историческая и воинственныя совершенно отсутствуютъ.

Характерная особенность пѣсни, что многія на русскомъ, польскомъ языкахъ, иѣкоторыя смѣшанныя.

V. Притча. Старая форма. Притча дидактическая. Ея творцы (проповѣдники, синагогальныя обличители). Современная притча-анекдотъ. Освобожденіе отъ вліянія религіозной догмы. Тонкій юморъ, художественность, злободневность. Безпощадная критика пороковъ.

VI. Пословицы и поговорки. Сходныя съ европейскими; заимствованыя. Библійскія и талмудическія.

Пословицы и поговорки на другихъ языкахъ (древне-еврейскомъ, русскомъ, польскомъ, смѣшанныя).

Двухъ-этажныя пословицы: сентенція и ея отрицаніе.

Основныя черты: скептицизмъ, особенное отношение къ Богу, отрицаніе прописной морали. Глубокая житейская мудрость, юморъ, мораль, пословицы.

Заключеніе.

VI. Засѣданіе 28 сентября 1912 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. Ф. Ольденбурга, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: Б. Б. Барадійна,

Г. В. Вильямса, Н. А. Виташевского, Ф. К. Волкова, К. К. Гильзена, А. А. Достоевского, Л. Ф. Добротворского, М. Б. Едемского, П. П. Елсакова, В. Н. Зайцева, Д. К. Зеленина, В. И. Іохельсона, А. А. Макаренко, В. П. Мансикка, С. Е. Малова, Н. Н. Михайловского, П. Г. Москалева, А. А. Миллера, Напалкова, Р. Р. Поле, А. М. Позднєева, И. И. Поддубного, Л. Я. Штернберга, и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложена просьба профессора Софійского университета Л. Милетича выслать университету полный комплектъ „Живой Старины“ въ обмѣнъ на „Ізвѣстія семинарія по славянской филологии“.

Постановлено: удовлетворить.

III.

Доложена просьба Предсѣдательницы Совѣта Калужскаго Общества ревнителей о народномъ благѣ въ память 1812 г. о бесплатной высылкѣ „Живой Старины“ въ читальную Общества.

Постановлено: просить предварительно прислать Отчетъ Общества.

IV.

Должено о поступлениі изъ Библіотеки Этнографического Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III списка книгъ, поступившихъ въ библіотеку за май 1912 г.

Постановлено: благодарить.

V.

Доложено о печатныхъ изданіяхъ, поступившихъ въ Отдѣленіе:

1. Русскій Филологический Вѣстникъ, 1912, № 1, 2, 3.
2. Каталогъ книгъ библіотеки А. П. Бахрушина, выш. П. Москва, 1912.
3. Этнографическое обозрѣніе, 1911, № 3—4. Москва, 1912.
4. Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссіи, вып. 29. Саратовъ, 1912 г.
5. Красноярскій Подъотдѣль И. Р. Географического Общества. Отчеты за 1907—1910 г.г. Красноярскъ, 1912.
6. Извѣстія Калужскаго Общества Изученія природы мѣстнаго края. Книга I. Калуга, 1912.

7. Участіе Саратовской губернії въ Отечественной войнѣ 1812 г. Составиль Н. Ф. Хованскій. Изд. Сарат. Уч. Арх. Комиссіи. Саратовъ, 1912.
8. Отчетъ о дѣятельности Общества Защиты и Сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины. СПБ. 1912.
9. Труды Ярославской Губ. Уч. Арх. Комиссіи, Кн. V. Москва, 1909.
10. Труды Ярославской Губ. Уч. Арх. Ком. Кн. 6-ая, вып. II. Ярославль, 1912.
11. Ученые записки И. Московского Университета. Отдѣлъ ест.-истор., вып. 30, 31, 32.
12. Труды Оренб. Уч. Арх. Комиссіи. I. А. Кастанье, нагробная сооруженія Киргизскихъ степей. Оренбургъ, 1911.
13. Сообщенія И. Православнаго Палестинскаго Общества. 1912, т. XXIII, вып. II.
14. Етнографічний Збірник. Т. XXX. Етнографічні матеріяли з Угорської Руси. Зібраав Володимир Гнатюкъ. Т. VI. У Львові, 1911.
15. Kwartalnik Historyczny. R. XXVI. Z. 1—2. We Lwowie. 1912.
16. Národopisný Věstník Českoslovanský. R. VII. Č. 5—6, 7—8. Praha. 1912.
17. Časopis Musea Království Českého. 1912. V Praze.
18. Zprava o Museu Království Českého za rok 1911. V Praze. 1912.
19. Родонски Напрѣдъкъ. Годъ IX, кн. VII, VIII, IX. Пловдивъ. 1913.
20. F. F. Communications N. 10. Übersicht der mit dem Verzeichniss der Märchentypen in den Sammlungen Grimms, Grundtvigs, Afanasjews, Gonzensbachs und Hahns übereinstimmenden Märchen. Zusammengestellt von Antti Aarne. Helsinki, 1912.
21. Political Science Quarterly, №№ 2, 3. 1912.
22. Программа для собиранія произведеній народной словесности. Изд. Комм. по нар. слов. при Этн. Отд. И. О. Л. Е. А. и Э. Москва, 1912.

Постановлено: передать въ библіотеку Общества.

VI.

Доложено о присланныхъ въ Отдѣленіе рукописяхъ:

- 1) Свяц. Петровъ, Языческая вѣрованія чuvаній.
- 2) Савельевъ, Материалы по этнографіи Бѣльской вол. Енисейского уѣзда и губерніи (4 тетради).
- 3) В. Смолинъ. Образцы народной литературы изъ подъ Томска.
- 4) Г-жа Казановичъ, Общая характеристика русского сектантства.
- 5) Покойный проф. Сырку, Народный календарь румынского населения въ Бессарабіи.

- 6) Его же, Погребальные обычаи и обряды румынъ Бессарабії.
 - 7) Ткачъ, Паступескій грѣхъ, разсказъ изъ народной жизни.
 - 8) Медвѣдскій, Сборникъ бѣлорусскихъ пародныхъ пѣсенъ (съ нотами).
 - 9) Аѳанасьевъ, Свадебныя пѣсни Ардатовск. уѣзда, Симбирской губ.
 - 10) Тростянскій, Народныя пѣсни, Землянского и Задонского у.у. Воронежской губерніи.
- Постановлено: передать на разсмотрѣніе Редакціонной Комиссіи.

VII.

1) Доложено письмо г-на Иванова съ предложеніемъ 100 русскихъ пѣсенъ.

2) Доложено письменное предложеніе г. Н. Никольскаго издать его рукопись: „Статистическая свѣдѣнія о Мордвѣ съ указаніемъ литературы о ней на мордовскомъ языке“.

Постановлено: передать оба предложенія въ Редакціонную Комиссію.

VIII.

Д. чл. В. И. Йохельсонъ сдѣлалъ сообщеніе: „Восемнадцатый Международный Съездъ Американистовъ въ Лондонѣ въ Маѣ 1912 года“, на которомъ докладчикъ присутствовалъ въ качествѣ делегата отъ Общества. Программа сообщенія:

Происхожденіе и задачи американізма. Исторический обзоръ международныхъ съѣздовъ американістовъ. Первые 10 съѣздовъ происходили только въ Европѣ. Дальнѣйшее преобразованіе съѣздовъ и чередованіе ихъ засѣданій въ Америкѣ и Европѣ. Организація съѣздовъ американістовъ. Новѣйшая проблемы американізма и преобладающее въ немъ значеніе американскихъ изслѣдователей. Участіе русскихъ делегатовъ на съѣздахъ американістовъ. Первый международный съездъ американістовъ въ Англіи. О членахъ съѣзда по государствамъ и о делегатахъ отъ правительствъ и ученыхъ обществъ. Засѣданія XVIII-го съѣзда американістовъ въ зданіи Лондонскаго университета. Доклады на Лондонскомъ съѣздѣ по Палеоантропологіи, Физической Антропологіи, Лингвистикѣ, Археологіи, общей Этнологіи, и Колоніальной Исторіи Америки. Пріемы и торжества. Пояздки делегатовъ въ Кембриджъ и Оксфордъ. Конференція въ Лондонскомъ Королевскомъ Антропологическомъ Институтѣ по вопросу объ основаніи международныхъ съѣзовъ для обсужденія общихъ антропологическихъ и этнологическихъ проблемъ.

Дополненія и замѣчанія по поводу сообщенія были сдѣланы: Л. Я. Штернбергомъ, С. ѡ. Ольденбургомъ, ѡ. К. Волковымъ, Д. К. Зеленинымъ.

IX.

Докладчикъ внесъ въ Отдѣленіе предложеніе о томъ, чтобы Отдѣленіе высказалось за желательность учрежденія международныхъ конгрессовъ по антропологии и этнографіи.

Постановлено: разослать предложеніе докладчика членамъ Отдѣленія при повѣсткѣ на одно изъ слѣдующихъ засѣданій.

VII. Засѣданія 12 октября 1912 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, С. Ф. Ольденбурга, въ присутствіи г.г. почетныхъ дѣйствительныхъ членовъ, членовъ сотрудниковъ: В. М. Алексеева, Б. Б. Барадайна, Л. С. Багрова, Ф. К. Волкова, Э. А. Вольтера, А. А. Достоевскаго, Д. К. Зеленина, М. Б. Едемскаго, А. И. Иванова, И. С. Иванова, В. И. Іохельсона, П. К. Козлова, П. Н. Луппова, Н. Я. Марра, В. П. Мансикка, С. Е. Малова, А. А. Макаренко, М. А. Нарбута, Э. К. Пекарскаго, А. Д. Руднева, С. И. Руденко, Б. А. Тураева, Л. Я. Штернберга и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданіяхъ.

1. Ю. А. Яворскій, Великорусскія пѣсни въ старинныхъ Карпато-русскихъ записяхъ. СПБ. 1912.
 2. Его же, Пропавшая западно-русская книга „Діалогъ о смерти“ 1629 года. СПБ. 1912 г.
 3. Вѣстникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Харьковъ, 1912, вып. 2.
 - 4—7. Отчеты Имп. Росс. Исторического Музея имени Имп. Александра III въ Москвѣ за годы 1908—1911. Москва. 1909—1912.
 8. Каталогъ книгъ библіотеки А. П. Бахрушина. Книги на иностранныхъ языкахъ. Москва, 1912.
 9. И. Рудченко, Народныя южнорусскія сказки. Вып. 1—2. Киевъ, 1869—1870 (Даръ Э. А. Вольтера).
- Постановлено: передать въ библіотеку Общества.

II.

Б. Л. Богаевскій сдѣлалъ сообщеніе: „Жертвенные церковные приношения современныхъ грековъ“ по слѣдующей программѣ:

I. Мѣсто, занимаемое „вотивными“ приношеніями въ религіозной жизни народа.

- II. Вотивныя приношения въ древней Халдеѣ, Греціи и Римѣ.
 III. Вотивныя приношения въ современной Италіи и Германії.
 IV. Жертвенныя церковныя приношения въ современной Греціи.

1. Приношения подражательныхъ изображений:

- а. человѣческія изображенія,
- б. изображенія частей человѣческаго тѣла,
- с. изображенія животныхъ и частей ихъ тѣла,
- д. изображенія изъ растительнаго міра,
- е. изображенія неодушевленныхъ предметовъ.

2. Приношения изображений символического характера:

- а. пылающее сердце,
- б. рука, держащая письмо.

3. Приношения цінныхъ предметовъ:

- а. предметы украшенія иконъ,
- б. предметы женскаго украшенія,
- с. предметы, представляющіе цѣнность (часы, медали, деньги).

V. Цѣль жертвенныхъ приношений:

- а. приношенія обѣтныя,
- б. приношенія просительныя.
- с. приношенія благодарственныя.

VI. Распространеніе обычая жертвеннаго приношения среди грековъ.

VII. Жертвенная церковная приношенія въ Россіи.

Сообщеніе иллюстрировалось діапозитивами.

Въ обсужденіи доклада приняли участіе: В. М. Алексѣевъ, Ф. К. Волковъ, В. И. Іохельсонъ, Л. Я. Штернбергъ, М. Б. Едемскій, А. А. Макаренко, Д. Н. Сергѣевскій, И. А. Орбели.

В. М. Алексѣевъ сдѣлалъ нѣкоторыя дополненія къ докладу Б. Л. Богаевскаго. Онъ началъ съ того, что внесъ новую категорію приношений (даже именно, скорѣе всего, приношений, а не логически симпатическихъ символовъ), именно приношений украшательныхъ, каковыя онъ самъ наблюдалъ въ Китаѣ (напр. въ храмѣ Вост. Гора, Дунъ Юе мяо, въ Пекинѣ), состоящихъ изъ вазъ (огромныхъ, сдѣланныхъ изъ бархата и цвѣтовъ) и арки, параллельной входной рамѣ.

(*Примѣчаніе.* В. И. Іохельсонъ возражалъ на это положеніе, основываясь на чувствахъ чукчей и алеутовъ къ божеству... Однако, по мнѣнію оппонента, постройка храма Петра въ Римѣ, придѣлы въ православной церкви и т. д. суть проявленія культурнаго чувства сліянія съ творчествомъ общины, и никакихъ здѣсь исковъ къ божеству не предъявлено).

Алексѣевъ указываетъ на параллельность многихъ приношений, наблюдавшихся имъ въ китайскихъ храмахъ, какъ напр.: кораблей въ храмахъ Небесной Владычицы (покровительницы моряковъ); женскихъ грудей, фигуръ младенцевъ, туфелекъ-копытецъ дѣвичьихъ ногъ и т. д.

въ храмахъ Чадоподательницы и Чадоцѣлительницы; письменныхъ при-
должностей для канцеляріи Верховного Судії мертвыхъ (Дунъ Юе);
изъ, какъ символа исцѣленія; надписей благодарственныхъ и про-
зительныхъ, въ изобиліи встрѣчающихся въ каждомъ храмѣ (фор-
мула, наиболѣе чистая: Ю цю ба инъ—„попросимъ—непремѣнно отвѣ-
тить“), изъ которыхъ любопытнѣе многихъ другихъ надписи, на ко-
торыя Алексѣевъ натолкнулся истекшимъ лѣтомъ въ Кантонѣ („по-
моги моей судьбѣ“ приношеніе шуллеровъ и игроковъ вообще). Отно-
сительно заклада и выкупа дитяти, имѣющаго, слѣдовательно, быть
оберегаемымъ Божествомъ лично, такъ сказать, и непосредственно,
Алексѣевъ привелъ полную параллель кантонскихъ обычаевъ и усло-
вился съ Богаевскимъ изучить эти интересныя формулы совмѣстно
съ одной печатной статьѣ. Наконецъ, деньги—самое существенное изъ
приношеній—чаще всего встрѣчаются въ Китайскомъ храмѣ, только
въ видѣ бумажныхъ вещей, сдѣланныхъ на подобіе слитковъ (ямбовъ)
серебра и золота. Алексѣевъ указываетъ на универсальную повторя-
емость сообщенныхъ Богаевскимъ явлений.

Ѳ. К. Волковъ сообщилъ нѣсколько фактовъ, дополняющихъ
сообщеніе и дающихъ поводъ къ установлению еще нѣсколькихъ кате-
горій *ex voto* (приношенія коммеморативныя, приношенія предметовъ
особенно дорогихъ, хотя и не имѣющихъ прямого отношенія къ боже-
ству, напр. ордена), приношенія одежды умирающихъ дѣтей (на кре-
стахъ) и, наконецъ, жертвы *in effigie* (бумажные животныя и т. п.).

В. И. Іохельсонъ поблагодарилъ докладчика за сообщеніе чрез-
вычайно интересныхъ фактовъ изъ религіозной жизни современныхъ
грековъ, фактовъ тѣмъ болѣе цѣнныхъ, что докладчикъ ихъ самъ
наблюдалъ и что онъ привелъ аналогичные факты изъ другихъ хри-
стіанскихъ странъ. Желаніе В. И. было провести нѣкоторыя параллели
и генетически связать сообщенные факты съ явленіями религіозной
жизни примитивныхъ племенъ. Прежде всего надо опредѣлить мѣсто
занимаемое жертвами въ комплексѣ явленій, называемомъ религіей.
Религія и наука преслѣдуютъ одни и тѣ же задачи, хотя и различ-
ными путями. Какъ наука дѣлится на чистую и прикладную,—при
чемъ первая вытекаетъ изъ стремленія человѣка вообще познать окру-
жающее, а вторая изощряется въ возможно большемъ извлечениіи для
себя выгодъ и устраненіи золъ и опасностей представляемыхъ при-
родой,—такъ и религія, даже самая примитивная, съ одной стороны
удовлетворяетъ любознательность и жажду знанія человѣка, съ дру-
гой—заботится о доставленіи ему благъ и удаленіи отъ него зла. Первый
отдѣль религіи составляетъ міѳологію, а второй—культъ съ обрядами.
Однимъ изъ элементовъ культа, или прикладной религіи являются
жертвы. Жертва вообще имѣеть въ виду доставленіе божеству чего
либо пріятнаго или, полезнаго,—съ человѣческой точки зрѣнія,—чтобы
такимъ путемъ получить отъ божества удачу, счастье, лѣченіе, отпу-

щеніе грѣховъ или, чтобы выразить благодарность за полученный уже даръ, благодать или за міровой порядокъ вообще. Упомянутыя г. Алексѣевымъ украшательныя жертвы и даже такъ называемое благоговѣніе имѣютъ утилитарную подкладку и весьма опредѣленную. Жертвы поэтому могутъ быть различныхъ категорій. Съ точки зренія такой дефиниціи жертвы, нѣкоторыя изъ категорій приношеній упоминаемыхъ докладомъ не подходятъ подъ понятіе о жертвѣ, или употребленъ терминъ, по мнѣнію В. И., не соотвѣтствующій значенію жертвы вообще, а тѣмъ болѣе вотивной. Такъ, то, что докладчикъ охарактеризовалъ какъ обмѣнное приношеніе, мы имѣемъ и у примитивныхъ племенъ. Приведены примѣры изъ жизни эскимосовъ и коряковъ. Коряки, напримѣръ, жертвуютъ лучшихъ оленей тому божеству, которое само создало оленей и дало ихъ людямъ. Ясно, что божество въ оленяхъ не нуждается и жертву эту можно объяснить только тѣмъ, что человѣкъ желаетъ показать божеству, что онъ для него ничего не жалѣть. Подвѣшиваніе въ храмахъ изображеній частей тѣла людей и животныхъ съ лѣчебной или превентивной отъ болѣзней цѣлью, не можетъ считаться жертвой. Это скорѣе относится къ области магії. Модель больной части тѣла ставится въ близкое соприкосновеніе съ божествомъ и таинственное дѣйствіе отъ присутствія божества по аналогіи переходитъ съ модели на оригиналъ т.-е. на больную часть тѣла лица, давшаго приношеніе. Совершенно точно такой формы магического воздѣйствія мы не имѣемъ у примитивныхъ племенъ потому, что тамъ нѣтъ храмовъ и божества или духи вызываются для лѣченія къ постели больного.

М. Б. Едемскій сказалъ: „Для выясненія затронутаго здѣсь вопроса о классифікаціи церковныхъ приношеній можно привести примѣры изъ религіозной жизни и обычаяевъ нашего простого народа. Мнѣ известны случаи, когда для излѣченія болѣзни прибѣгаютъ къ употребленію уже раньше, другими, привѣщенными къ иконѣ чеканныхъ изображеній различныхъ частей тѣла. Въ одной изъ церквей Тотемскаго уѣзда на иконѣ Св. Николая Чудотворца было привѣшено около сотни такихъ изображеній. Каждый молящійся обѣ исцѣленіи снимаетъ съ иконы, самъ или черезъ церковнаго служителя, ту „привѣску“, которая удачнѣе изображаетъ больную часть тѣла, погружаетъ ее затѣмъ въ принесенный жбанчикъ съ водой и молится. По миѳованіи надобности привѣска возвращается на свое мѣсто. Ясно, что здѣсь „привѣски“ не являются вовсе церковными жертвами, а служить лишь необходимыми символами, ярче подчеркивающими характеръ прошенія молящагося и позволяющими въ то же время черезъ ихъ посредство имѣтьльному соприкосновеніе съ самой иконой.“

Что касается жертвенныхъ церковныхъ приношеній, то ихъ форма и характеръ являются весьма разнообразными у русскаго простого народа, и остается только, присоединяясь къ докладчику, пожелать,

Чтобы эти стороны русской народной жизни были подвергнуты тщательному и всестороннему изучению и получили должное освещение. И продукты земледелия и скотоводства, и ткани, и женская рукоделия и наряды—могут служить предметами церковных жертвований. Некоторые изъ такихъ приношений являются периодическими, другія обращаются въ обязательная, завѣщанная „на вѣчные времена“, и могутъ имѣть связь съ самимъ отдаленнымъ прошлымъ. Существующій во многихъ мѣстахъ обычай варить къ праздникамъ сусло и приносить *канунъ* изъ него въ церковь, по народному преданію, явился на смѣну другого обычая: приносить каждую девятую мѣру *хлѣба* въ жертву Богу (и сжигать). Мне пришлось также слышать преданіе, что въ Ракулѣ, Вельского уѣзда, будто бы каждый годъ въ извѣстный праздникъ прибѣгалъ къ церкви олень, котораго и приносили въ жертву Богу; теперь же на смѣну этому стали приносить широги, сусло, пиво и проч.

Въ докладѣ не говорилось нигдѣ о томъ, существуютъ ли у грековъ обращенія съ молитвой объ исцѣленіи одной болѣзни—къ одному святыму, другой—къ другому; между тѣмъ это важно было бы отмѣтить для установления связи христіанскихъ народныхъ вѣрованій съ прежними языческими“.

А. А. Макаренко сообщилъ, что онъ наблюдалъ среди простонародья Харьковской губерніи слѣдующее: покупаютъ восковую свѣчу, зажигаютъ ее, будучи въ церкви или часовнѣ, у основанія и ставятъ въ подставъ фитилемъ внизъ передъ иконой Ивана-воина, моля его поразить такого-то тѣмъ или инымъ несчастiemъ.

Д. Н. Сергеевскій сообщилъ, что изображеніе на одной изъ подвесокъ человѣка въ средне-вѣковомъ вооруженіи съ виноградной гроздью въ рукѣ, повидимому, повторяетъ мотивъ, часто встрѣчавшійся на античныхъ надгробьяхъ; на этихъ послѣднихъ онъ служилъ символомъ культа Диониса, встрѣчаясь на ряду съ другими вакхическими символами. Мотивъ былъ преимущественно распространенъ въ Малой Азии и Италии и перешелъ въ орнаментику христіанскихъ надгробныхъ памятниковъ; въ коренной Греціи онъ получилъ распространеніе въ сравнительно позднее время.

І. А. Орбели сообщилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья также наблюдаются случаи приношения въ церкви человѣческихъ изображеній. На развалинахъ крѣпости Каянъ Бердъ въ часовнѣ Орбели видѣлъ сдѣланная изъ желѣза руки, ноги и даже цѣлья фигуры, у нѣкоторыхъ изъ которыхъ были отсѣчены тѣ или иные члены, а у другихъ члены (напр. руки) были непропорционально велики. Недалеко отъ Каянъ Берда имѣются греческія поселенія.

На Кавказѣ и въ Турецкой Армении очень распространенъ обычай привязывать къ особымъ священнымъ кустамъ и деревьямъ лоскутковъ, вѣточекъ съ ягодами и ягодъ, которые приносятся также и къ

Крестнымъ камнямъ (въ Джевапирѣ) въ Карталиніи неплодныя женщины приносятъ Богоматери изображенія колыбелей, обыкновенно серебряные. Въ Сваніи охотники приносятъ Джыгыраку (св. Георгію) стрѣлы, копья и др. оружіе.

Въ Турецкой Арmenіи, напр. въ Ванскомъ вилайетѣ, охотники украшаютъ церкви рогами убитыхъ ими ибексовъ.

VIII. Заседаніе 26 октября 1912 года.

Заседаніе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи, С. Ф. Ольденбурга, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: Б. Б. Барадійна, Л. С. Багрова, Н. А. Виташевскаго, Э. А. Вольтера, Г. Г. Гинкена, Н. С. Державина, А. А. Достоевскаго, М. Б. Едемскаго, Д. К. Зеленина, А. И. Иванова, С. Е. Малова, В. А. Михайлова, Н. Н. Михайловскаго, В. П. Мансикка, бар. Р. А. Майдель, В. Ф. Миллера, Э. К. Пекарскаго, Б. Э. Петри, А. Д. Руднева, С. И. Руденко, А. Н. Рябинина, И. И. Солосина, А. А. барона Сталь-фонъ-Гольстейна, Б. А. Тураева, П. Н. Черемисинова, В. П. Шнейдеръ, Ф. И. Щербатскаго, и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитаны и утверждены журналы заседаній 28 сентября и 12 октября.

II.

Избранъ, по предложенію Предсѣдательствующаго, въ члены сотрудники Владимиrъ Ивановичъ Тростянскій.

III.

Разрѣшено д. чл. Я. В. Чекановскому пріобрѣсти полный комплектъ „Живой Старины“ по 1 р. за томъ.

IV.

Доложено о поступившихъ изданіяхъ:

1. Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, 1912, вып. III тома XXIII.
 2. Časopis Muzeálnej slovenskej spoločnosti. R. XV. Cislo 3.
 3. Revue d'ethnographie et de sociologie. № 9—10. 1912.
- Постановлено: передать въ Библіотеку Общества.

V.

Доложено письменное предложение М. В. Таряникова прислать для издания свои этнографические материалы, собранные въ Корочанскомъ уѣздѣ Курской губерніи.

Постановлено: просить прислать.

VI.

Предсѣдательствующій далъ краткій отчетъ о дѣятельности Ска-
зочной Комиссіи.

VII.

Н. Ф. Познанскій сдѣлалъ докладъ „**о вопросу о происхожденіи и развитіи заговоровъ**“ по слѣдующей программѣ:

I. Мѣсто заговоровъ въ исторіи литературы.—Цѣнность заговоровъ, какъ особаго вида поэзіи.—Интересъ изученія формальной стороны заговоровъ.—Необходимость тщательной разработки морфологіи заговоровъ; безъ нея невозможно никакое дальнѣйшее ихъ изученіе.—Quomodo и quomodo-non-формулы.—Отношеніе заговоровъ этого вида къ заговорамъ эпическихъ.—Виды эпическихъ заговоровъ.—Симпатические пріемы, практикующіеся въ заговорахъ: а) симпатические эпитеты, б) симпатическая гипербола.—Взаимоотношеніе между заговоромъ и сопровождающимъ его обрядомъ.—Заговоры, сопровождающіеся параллельнымъ обрядомъ.—Два вида обрядовыхъ чаръ.—Независимость обоихъ видовъ обрядовыхъ чаръ отъ заговора.—Зародыши заговоровъ.—Развитіе словесной формулы за счетъ отмирающаго обряда.—Законъ сохраненія равновѣсія между сознаніемъ и дѣйствіемъ зناхаря.—Расширеніе области сравненія въ формулахъ quomodo и quomodo-non.—Два пути введенія эпической части въ заговоръ.—Оправданіе магического обряда миѳомъ.—Миѳ образуетъ эпическую часть заговора: то, что раньше продѣлывалъ самъ знахарь, приписывается необыкновенному существу.—Оправданіе магической силы слова.—Требованіе неизмѣнности заговорныхъ формулъ.

II. Примѣненіе изложенной теоріи къ изслѣдованію заговоровъ.

а) отъ воровъ, б) отъ грыжи; объясненіе формулы „тына желѣзного“.

Заключеніе.

Въ собесѣданіи съ докладчикомъ относительно его теоріи приняли участіе: В. Ф. Миллеръ, В. П. Мансикка, Д. К. Зеленинъ, И. И. Солосинъ, и С. Ф. Ольденбургъ.

В. Ф. Миллеръ отмѣтилъ интересъ сообщенія, основаннаго на изученіи обширнаго материала заговоровъ и научной литературы

по этой области народной словесности, не нашелъ вполнѣ убѣдительной основную мысль доклада, что заговорной формулѣ всегда необходимо предшествовать обрядъ и что слово служило лишь поясненіемъ дѣйствія. Могуче слово, категорическое приказаніе какого-нибудь шамана, кудесника, силѣ котораго вѣрили его соотечественники, могло само по себѣ, безъ всякаго обряда, достигать определенной цѣли. Для доказательства своей теоріи докладчикъ представилъ разборъ заговоровъ отъ воровъ и грыжи, находя въ ихъ содѣржаніи указанія на обрядъ, предшествовавшій словесной формулѣ. Но В. Ф. Миллеръ обратилъ вниманіе на упомянутый референтомъ такой заговоръ (у Сахарова), въ которомъ нельзя найти никакого намека на обрядъ; а въ заговорѣ отъ грыжи (грызи), сопровождаемомъ дѣйствіемъ грызенія больного мѣста, В. Ф. Миллеръ объяснилъ это дѣйствіе этимологіей названія болѣзни, такъ что дѣйствіе должно было пойти отъ слова, а не наоборотъ. Въ формулѣ „желѣзпаго тына“, объясняемой авторомъ изъ символического примѣненія желѣзныхъ предметовъ для отогнанія злой силы, В. Ф. Миллеръ находить лишь обычный въ заговорахъ гиперболизмъ и не усматриваетъ въ „желѣзномъ тынѣ“ отголоска какого-нибудь предшествовавшаго обрядового дѣйствія.

В. П. Мансикка сказалъ: „Мнѣ придется отчасти повторить то, что было сказано Академикомъ В. Ф. Миллеромъ.

Самое любопытное въ сегодняшнемъ докладѣ—объясненіе эпитетовъ и гиперболы въ заговорѣ, толкованіе нѣкоторыхъ обрядовъ и, съ другой стороны, установленіе органической связи между словомъ и дѣломъ. Но въ этомъ отношеніи авторъ старается видѣть элементъ дѣла даже тамъ, где центральное мѣсто принадлежитъ слову. Объясненіе упоминанія какого-нибудь предмета въ формулѣ подъ влияниемъ обряда далеко не всегда выдерживаетъ критику. Возможно, что формула возникла совершенно инымъ путемъ и что упоминаніе предмета или событія имѣеть совершенно иное происхожденіе, безъ участія обряда.

Авторъ не правъ, говоря, что заговоръ передается съ безусловною точностью, въ неизмѣнномъ видѣ. Въ этомъ отношеніи заговоръ раздѣляетъ судьбу остальныхъ видовъ народной поэзіи.

Вообще, можно было сузить область предмета, остановиться на болѣе специальныхъ вопросахъ, тѣмъ болѣе, что теоретическая сторона заговора достаточно выяснена. Надо осторожно подойти къ объясненію эпическихъ формулъ. Слишкомъ слабо оттѣняется роль апокрифической молитвы и религіозной поэзіи въ зарожденіи заговора.

Петръ и Богородица упоминаются въ заговорѣ противъ вора вѣроятно потому, что атрибутомъ первого является ключъ, а послѣдня въ символикѣ уподобляется тому же предмету“.

Д. К. Зеленинъ сказалъ: „Новѣйшія изслѣдованія о заговорахъ

позволяют сдѣлать смѣлый выводъ, что большая часть заговоровъ не принадлежитъ къ „устной“ словесности: это переводы греческихъ апокрифическихъ молитвъ (срв. изданіе ихъ проф. Алмазова), распространяющіеся въ народѣ при помощи рукописей. Прежде формальнаго изученія заговоровъ необходимо выдѣлить эти церковно-апокрифические и подобные имъ элементы, которые къ формальному процессу развитія народнаго творчества не имѣютъ никакого отношенія.— Увлечение докладчика формальной стороной заговоровъ—слѣдъ вліянія миѳологической николы, которая много занималась именно этими вопросами, а при объясненіи одной изъ заговорныхъ формулъ обычнаго зачина (въ дѣйствительности взятаго изъ греческихъ апокрифическихъ молитвъ), высказала даже и основную мысль докладчика—объ отраженіи въ заговорахъ стараго обрядового дѣйствія (Аѳанасьевъ. Поэтич. воззр. I, 414). Мысль эта примѣнна только къ первобытнымъ заговорамъ".

И. И. Солосинъ—указалъ на связь заговоровъ съ религіознымъ культомъ, съ нѣкоторыми церковными обрядами. Содержаніе многихъ заговоровъ напоминаетъ текстъ церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ. Иногда въ заговорѣ цѣликомъ входятъ молитвы, слова псалмовъ и т. п. Нѣкоторые псалмы, какъ напр. 96, и молитвы, какъ „Отче нашъ“, самостоятельно употребляются въ качествѣ заговоровъ. Слова церковной молитвы обѣ избавленій „отъ очесть призора“ (изъ послѣдованія „по внегда родити менѣ отроча“) находять себѣ соответствіе въ заговорахъ „отъ глаза“. Многіе заговоры, обериги и соединенные съ ними обряды невольно напоминаютъ молитвы изъ большого требника, въ многочисленныхъ чинопослѣдованіяхъ котораго находятся молитвы и заклинанія („надъ пшеницею осквернившимъ“, надъ солью, надъ гумномъ, молитва о немощнѣмъ и неспящемъ и т. п.), съ которыми заговоры имѣютъ много общаго. Принявъ во вниманіе что въ селахъ, гдѣ духовенство живетъ общею жизнью съ народомъ, подобные чинопослѣдованія и обряды выполняются еще достаточно усердно, не слѣдуетъ-ли предположить, что церковные обряды и молитвословія служатъ одной изъ причинъ широкаго распространенія заговоровъ и живучести ихъ въ народѣ? Во всякомъ случаѣ, помимо апокрифической литературы, на содержаніе, обрядность заговоровъ, намъ кажется, должно признать также вліяніе религіознаго культа и церковныхъ пѣснопѣній и молитвъ.

IX. Засѣданіе 9 ноября 1912 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи С. Ф. Ольденбурга, въ присутствіи Товарища Предсѣдательствующаго С. К. Булича, г.г. почетныхъ, дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: С. И. Акерблома,

В. М. Алексеева, Л. С. Багрова, Б. Б. Барадайна, В. В. Бартольда, В. Н. Васильева, Ф. К. Волкова, А. Э. Вольтера, В. К. Гильзена, А. А. Достоевского, В. А. Егорова, К. Г. Залемана, Д. К. Зеленина, Д. Л. Иванова, В. И. Іохельсона, П. К. Козлова, В. Л. Котвича, Н. Лисовского, П. П. Луппова, А. А. Макаренко, А. А. Миллера, Н. Д. Миронова, Н. Н. Михайловского, П. Н. Михайлова, Э. К. Пекарского, Б. Э. Петри, А. М. Поздняева, Ф. А. Розенберга, А. Д. Руднева, А. М. Смирнова, Сосновского, А. А. Шахматова, В. П. Шнейдера, Л. Я. Штернберга, Я. В. Чекановского, В. И. Ясевичь-Бородаевской, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

С. Ф. Ольденбургъ заявилъ о сложеніи съ себя обязанностей Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи по недостатку свободного времени.

III.

С. К. Буличъ заявилъ о сложеніи съ себя обязанностей Товарища Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи по тѣмъ-же основаніямъ.

IV.

По предложенію Предсѣдательствующаго были памѣчены подачей записокъ кандидаты на должность Предсѣдательствующего въ Отдѣленіи. Изъ 38 поданныхъ записокъ 34 получилъ Вс. Ф. Миллеръ, 3—А. А. Шахматовъ и 1—Пл. Андр. Кулаковскій.

V.

Должено о поступившихъ печатныхъ изданіяхъ:

- 1) Русский Филологический Вѣстникъ, 1912, № 4.
 - 2—3) Труды Ярославской Губернской Ученой Архивной Комиссіи кн. IV, вып. 2 и кн. III вып. 3.
 - 4) Издание Яросл. Уч. Арх. Комиссіи. Триста лѣтъ тому назадъ въ Ярославлѣ. Ярославль, 1912.
- Постановлено: передать въ библіотеку Общества.

VI.

Должено о присылкѣ библіотекой Этнографического Отдѣла Русского Музея Императора Александра III списка книгъ, пріобрѣтенныхъ за октябрь мѣсяцъ.

Постановлено: благодарить.

VII.

Доложена просьба Сибирскаго Научнаго Кружка при С.-Петербургскомъ Университетѣ о бесплатной высылкѣ ему Живой Старины.

Постановлено: исполнить.

VIII.

Доложена просьба проф. Д. Н. Кудрявскаго о бесплатной высылкѣ Живой Старины на Высшіе Женскіе курсы въ Юрьевъ.

Постановлено: исполнить.

X. Засѣданіе 30 ноября 1912 г.

Засѣданіе открылось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣлѣніи С. Ф. Ольденбурга въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: Л. С. Багрова, В. В. Бартольда, С. К. Булича, П. В. Булычева, В. Н. Васильева, Г. В. Вильямса, Ф. К. Волкова, Э. А. Вольтера, кн. А. Е. Гагарина, К. К. Гильзена, А. А. Достоевскаго, К. Г. Залемана, Д. К. Зеленина, А. И. Иванова, В. И. Іохельсона, В. Л. Котвича, Н. Лисовскаго, П. И. Лупнова, А. А. Макаренко, Н. Я. Марра, Н. Д. Миронова, А. А. Миллера, Н. М. Могилянскаго, Э. К. Пекарскаго, А. А. Петерса, В. В. Радлова, А. Д. Руднева, Дм. Д. Руднева, барона А. А. Сталь-фонъ-Гольстейна, кн. Д. Э. Ухтомскаго, Я. В. Чекановскаго, Л. Я. Штернберга, В. И. Ясевичъ-Бородаевской, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Были произведены выборы Предсѣдательствующаго въ Отдѣлѣніи въ виду сложенія съ себя обязанностей такового С. Ф. Ольденбургомъ. Изъ 36 поданныхъ дѣйствительными членами Общества избирательныхъ записокъ оказалось: 1 за А. И. Соболевскаго и 35 за Всеволода Феодоровича Миллера. Такимъ образомъ избраннымъ оказался В. Ф. Миллеръ, которому С. Ф. Ольденбургъ и передалъ предсѣдательствованіе въ засѣданіи. С. Ф. Ольденбургъ, при единодушномъ одобрѣніи собранія, привѣтствовалъ В. Ф. Миллера, какъ новаго предсѣдателя, послѣ чего В. Ф. Миллеръ благодарили членовъ Отдѣлѣнія за оказанную ему честь и довѣріе, несмотря на то, что онъ въ Петербургѣ является новымъ человѣкомъ, homo novus, но вмѣстѣ съ тѣмъ 30-лѣтнее предсѣдательствованіе въ Этн. Отд. И. Р. О. Л. Е. уже указываетъ само, что онъ не будетъ въ состояніи посвятить слиш-

комъ много силъ исполненю сложныхъ обязанностей Предсѣдателя, но во всякомъ случаѣ онъ сдѣлаетъ все, что сможетъ.

II.

Былъ прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

III.

Доложено предложеніе редакціи журнала „Гермесъ“ вступить въ обмѣнъ изданіями на „Живую Старину“ съ 1911 года.

Постановлено: предложеніе принять.

IV.

Доложена просьба Библіотеки Наукового Товариства імені Шевченко у Львові доставить ей безвозмездно утраченный ею вып. I „Живой Старинѣ“ за 1911 г.

Постановлено: просьбу удовлетворить.

V.

Доложено предложеніе редакціи журнала Rocznik Slawistyczny вступить въ обмѣнъ изданіями на „Живую Старину“.

Постановлено: предложеніе принять.

VI.

Доложено о поступившихъ книгахъ:

- 1) Уч. Записки И. Юрьевского Университета, 1912, годъ 20, № 8.
- 2) Kwartalnik Historyczny, годъ 26, кн. 3.

Постановлено: передать въ библіотеку Общества.

VII.

Доложенъ проектъ сметы расходовъ на 1913 г. по Отдѣленію Этнографіи и состоящимъ при немъ постояннымъ комиссіямъ:

- 1) На изданіе журнала „Живая Старина“ 3.900 р.
- 2) На Комиссію по составленію Этнографической карты Россіи 2.900 р.

[Печатаніе Библіографического указателя Д. К. Зеленина—1.000 р.; печатаніе карты русскихъ говоровъ и изданіе шаблоновъ географической карты Россіи—900 р.; печатаніе программы—500 р.; командировкі 500 р.].

- 3) На сказочную комиссию 500 р.
- 4) На изданіе записокъ Отдѣленія 3.100 р. [Окончаніе печатанія

труда Яворского—400 р.; окончаніе печатанія труда Макаренко—500 р.; изданіе сказокъ Архива Географическаго Общества—1.200 р.; и изданіе рукописи Молостовой: секта Иеговистовъ—1.000 р.]

Постановлено: проектъ смѣты одобрить и передать въ Совѣтъ Общества.

XI. Засѣданіе 21 декабря 1912 г.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдательствующаго въ Отдѣлениі, В. Ф. Миллера, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ и членовъ сотрудниковъ: В. М. Алексѣева, Л. С. Багрова, Н. А. Бобровникова, Э. А. Вольтера, Д. К. Зеленина, И. М. Калинина, В. Л. Котвича, С. П. Луневскаго, С. Ф. Ольденбурга, С. Е. Малова, А. А. Макаренко, Э. К. Пекарскаго, И. П. Поддубнаго, С. И. Руденко, А. Д. Руднева, П. Н. Черемисинова, кн. Д. Э. Ухтомскаго, Л. Я. Штернберга, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Предсѣдательствующій предложилъ Отдѣлению на должность Товарища Предсѣдательствующаго А. А. Шахматова и на должность секретаря А. Н. Самойловича, что и было принято Отдѣлениемъ.

III.

Доложено о поступившихъ въ Отдѣленіе печатныхъ изданіяхъ:

- 1) Отчетъ Этнографического Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III за 1911 годъ.
- 2) Каталогъ библіотеки Этнографического Отдѣла Русскаго Музея Императора Александра III съ 11 декабря 1910 года до 30 ноября 1911 года.
- 3) № 22 двухнедѣльного журнала „Рыболовъ и Охотникъ“ за 1912 г.
- 4) Этнографічний Збірникъ. т. XXXI—I, Львовъ, 1912 г.
- 5) Chronik der Ukrainischen Ševčenko - Gesellschaft der Wissenschaft in Lemberg, №№ 45—46, 1911 г.

IV.

Д. чл. С. И. Руденко сдѣлалъ сообщеніе на тему: „Жертвоприношенія черемисовъ язычниковъ Бирскаго уѣзда Уфимской губерніи“, по слѣдующей программѣ:

Моленія и празднства.—Священнныя рощи и жрецы.—Божества и порядокъ жертвоприношений во время „кюсё“.—Приготовленія къ жертвоприношенію.—Мольбище.—Испытаніе жертвенного животнаго.—Закланіе жертвенного животнаго и жертвоприношеніе кровью.—Частныя молитвы.—Жертвоприношенія мясомъ, хлѣбомъ и медомъ и сопровождающая ихъ молитвы.—Сожженіе шкуры.—Заключеніе.

По окончаніи сообщенія Н. А. Бобровниковъ сказалъ нѣсколько словъ о желательности и важности изслѣдованія вѣрованій черемисовъ и другихъ племенъ Восточно-европейской Россіи, а затѣмъ демонстрировалъ рядъ фотографическихъ снимковъ, относящихся къ вѣрованіямъ черемисовъ и исполненныхъ черемисомъ.

Въ преніяхъ по поводу сообщенія приняли участіе Л. Я. Штернбергъ, Э. К. Пекарскій, А. К. Сержпутовскій, Д. К. Зеленинъ, С. Е. Дмитріевъ, кн. Д. Э. Ухтомскій, А. А. Макаренко.

Предсѣдательствующій предложилъ докладчику нѣсколько вопросовъ, (кто состоить жрецами у черемисовъ, участвуютъ въ моленіяхъ деревни или рода?), отмѣтилъ различія въ подробностяхъ моленія между черемисами, которыхъ наблюдалъ докладчикъ, и черемисами, о которыхъ сообщали въ Этнографическомъ Отдѣлѣ Московскаго Общества Любителей Естествознанія г.г. Лебединскій и Кузнецовъ, (напримѣръ при закалываніи жертвенного животнаго, при вѣшаніи шкуръ на деревья, при распредѣленіи чашъ съ кровью и друг.) и, въ заключеніе, поблагодарилъ С. И. Руденко отъ лица Отдѣленія за его подробный и интересный докладъ.

Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія Этнографіи и состоящихъ при немъ постоянныхъ комиссій за 1912 годъ.

A. Дѣятельность Отдѣленія.

I.

Въ отчетномъ году Отдѣленіе Этнографіи имѣло 11 засѣданій. Въ засѣданіи 9 ноября С. Ф. Ольденбургъ заявилъ о сложеніи съ себя обязанностей Предсѣдательствующаго, дальнѣйшему исполненію которыхъ препятствуетъ отсутствіе свободного времени, и члены Отдѣленія обсуждали вопросъ о кандидатахъ на замѣщеніе этой должности. Въ томъ же засѣданіи С. К. Буличъ сложилъ съ себя обязанности Товарища Предсѣдательствующаго, побуждаемый къ тому обремененностью другими обязанностями. Въ засѣданіи 30 ноября на должность Предсѣдательствующаго былъ избранъ акад. В. Ф. Миллеръ, который въ слѣдующемъ засѣданіи, 21 декабря, предложилъ Отдѣленію на должность Товарища Предсѣдательствующаго ак. А. А. Шахматова и на должность секретаря — прежняго секретаря прив.-доц. А. Н. Самойловича. Въ засѣданіи 27 апрѣля были произведены выборы членовъ Медальной комиссіи на 1912 годъ, а въ засѣданіи 30 ноября обсуждалась смета расходовъ по Отдѣленію и состоящихъ при немъ постоянныхъ комиссій на 1913 г. Въ засѣданіи 26 октября былъ сдѣланъ докладъ о дѣятельности Комиссіи по сказкамъ предсѣдателемъ ея, ак. С. Ф. Ольденбургомъ. Всѣ засѣданія отчетнаго года были закрытыми; число членовъ Общества, посѣщавшихъ засѣданія Отдѣленія, выражалось, въ среднемъ, приблизительно цифрою 25; съ разрѣшеніемъ Предсѣдательствующаго, въ закрытыхъ засѣданіяхъ присутствовали и гости. Главнѣйшая текущія дѣла и порядокъ ихъ разрѣшенія въ отчетномъ году были тѣ же, что и въ предыдущемъ.

II.

Научныя сообщенія въ Отдѣленіи Этнографіи сдѣлали въ отчетномъ году слѣдующія лица и на слѣдующія темы:

- 1) 27 января. Чл. сотр. Н. С. Державинъ — „Слѣды древне-гру-

зинскихъ цеховыхъ организаций въ современной жизни грузинскихъ ремесленниковъ".

2) 24 февраля. Д. чл. Б. Я. Владимірцовъ — „Поездка по Сѣверо-западной Монголіи“ (съ діапозитивами).

3) 30 марта. Д. чл. Э. А. Вольтеръ — „Литовцы Витебской губерніи“.

4) Тогда же. Чл.-сотр. С. Е. Маловъ — „Остатки шаманства у желтыхъ уйгуровъ“ (съ діапозитивами).

5) 6 апрѣля. Д. чл. В. И. Іохельсонъ — „Изученіе алеутского языка, его фонетика и морфологическая основы“.

6) 27 апрѣля. С. Ак. Раппопортъ — „Еврейское народное творчество“.

7) 28 сентября. Д. чл. В. И. Іохельсонъ — „Восемнадцатый Съездъ Американистовъ въ Лондонѣ въ маѣ 1912 года“ (докладчикъ былъ на съездѣ делегатомъ И. Р. Географического Общества).

8) 12 октября. Б. Л. Богаевскій — „Жертвенные церковныя приношения современныхъ грековъ“ (съ діапозитивами).

9) 26 октября. Н. Ѳ. Познанскій — „Къ вопросу о происхожденіи и развитіи заговоровъ“.

10) 21 декабря. Д. чл. С. И. Руденко — „Жертвоприношенія чремисовъ язычниковъ Бирского уѣзда, Уфимской губерніи“.

Такимъ образомъ, народностямъ Россіи было посвящено 4 сообщенія (1, 3, 6, 10), народамъ смежныхъ съ Россіей странъ — тоже 4 (2, 4, 5, 8), общимъ вопросомъ этнографіи — 2 (7, 9).

III.

Издательская дѣятельность Отдѣленія Этнографіи выразилась въ отчетномъ году въ слѣдующемъ:

Выпущены въ свѣтъ вып. III—IV за 1911 г. и вып. I за 1912 г. „Живой Старины“; послѣдній выпускъ, открывавшій собой третій десятокъ томовъ этого журнала, посвященъ основателю „Живой Старины“ ак. В. И. Ламанскому и украшенъ его портретомъ. Члены Отдѣленія имѣютъ право получать „Живую Старину“ за 1 р. въ годъ для Петербурга и за 1 р. 50 к. съ доставкой въ Петербурга.

Печатаются вып. II—IV „Живой Старины“ за 1912 г., соединенные въ одну книжку, которая содержитъ исключительно материалы и статьи по сказкамъ (русскимъ и восточнымъ) и посвящается памяти братьевъ Grimmовъ. Приготавляются къ печати первые выпуски за 1913 г.

Вышелъ томъ XXXV „Записокъ И. Р. Г. Общества по Отдѣленію Этнографіи“: Пѣсни русскихъ сектантовъ мистиковъ (съ 22 таблицами рисунковъ и 2 таблицами нотъ), сборникъ, составленный Т. С. Рождественскимъ и М. И. Успенскимъ. Стр. LV + 871 — 8°.

Находятся въ печати слѣдующіе томы „Записокъ“:

О. П. Семенова — „Быть русскаго крестьянина“.

Ю. А. Яворскій — „Карпато-русскія сказки, легенды, преданія“ (выйдутъ въ началѣ 1913 года).

А. А. Макаренко — „Сибирскій народный календарь“ (выйдетъ въ началѣ 1913 года).

Д. К. Зеленинъ — „Библіографический указатель этнографической литературы на русскомъ языкѣ о народахъ Россіи, начиная съ 1700 г. примѣнительно къ нуждамъ этнографической карты“ (выйдетъ въ началѣ 1913 года).

Подлежать печати:

Е. В. Молострова — „Секта Іеговистовъ“.

Карта русскихъ нарѣчій и говоровъ съ объяснительнымъ текстомъ (составила Московская Дialectологическая Комиссія).

Намѣчены къ изданію:

Великорусскій сборникъ сказокъ изъ Архива И. Р. Географического Общества.

Вятскій сборникъ сказокъ Д. К. Зеленина.

Сборникъ малоросс. сказокъ И. Я. Рудченко, т. I (подготавливается).

IV.

Согласно постановленію Отдѣленія Этнографіи 1910 года, въ отчетномъ году, какъ и въ предыдущемъ, у Совѣта Общества были испрошены денежныя средства лишь на командировки, непосредственно связанныя съ дѣятельностью Комиссіи по составленію этнографической карты Россіи. И. А. Кипшидзе совершилъ на средства Общества поездку въ Мингрелію для собиранія матеріаловъ по составленію лингвистической карты Кавказа и представилъ отчетъ объ этой поездкѣ съ дополнительной запиской ак. Н. Я. Марра.

Д. А. Золотаревъ, В. В. Сахаровъ, Л. Е. Чекаленко совершили на средства Общества экскурсіи для антропологическихъ измѣреній: первый — въ Новгородскую губернію, второй — въ Волынскую и третій — въ Полтавскую. Открытые листы получили отъ Общества: Б. Г. Крыжановскій для измѣреній въ Пермской, Уфимской и Оренбургской губерніяхъ и С. И. Руденко — для измѣреній въ Полтавской губерніи. Отчетъ о всѣхъ этихъ антропологическихъ экскурсіяхъ представленъ ю. К. Волковымъ; Д. А. Золотаревъ представилъ отдѣльный отчетъ. М. Б. Едемскому былъ выданъ открытый листъ для этнографической поездки въ губерніи Вологодскую, Архангельскую и смежныя.

V.

Въ члены сотрудники Отдѣленія Этнографіи избраны и Совѣтомъ Общества утверждены: Влад. Иван. Тростянскій (26 октября), ученый лама Зарбайнъ (30 ноября).

VI.

За труды на пользу этнографіи, согласно представлению Отдѣленія, Совѣтомъ Общества присуждена 1 Константиновская медаль, 1 большая золотая, 1 малая золотая и 6 серебряныхъ нижеслѣдующимъ лицамъ:

1) Константиновская медаль:

Чл. сотр. Павлу Аполлоновичу Ровинскому, путешественнику по Славянскимъ землямъ и Монголіи, за совокупность научныхъ трудовъ, особенно-же за четырехъ-томное сочиненіе „Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ“. [Отзывъ о научной дѣятельности П. А. Ровинского составленъ проф. П. А. Лавровымъ и пр.-доц. А. Д. Рудневымъ].

2) Большая золотая медаль Отдѣленія Этнографіи:

Д. чл. Дмитрію Константиновичу Зеленину за совокупность его ученыхъ трудовъ по этнографіи Россіи. [Отзывъ составленъ ак. А. А. Шахматовымъ и ак. С. ѡ. Ольденбургомъ].

3) Малая золотая медаль Общества:

Чл. сотр. Михаилу Борисовичу Едемскому за этнографические труды по изученію Кокшеньги, особенно за сочиненіе „Свадьба въ Кокшеньгѣ“ (СПБ. 1911. „Живая Старина“ 1910) и докладъ „О крестьянскихъ постройкахъ на сѣверѣ Россіи“ (Засѣданіе Отд. Этн. 16 декабря 1911 г.). [Отзывъ составленъ д. чл. Д. К. Зеленинымъ].

4—9) Серебряные медали Общества:

В. А. Анохину за сообщеніе о музыкѣ алтайскихъ турковъ (въ Отд. Этн. 3 мая 1910 г.) и за собраніе матеріаловъ по вѣрованіямъ Алтайскихъ турковъ. [Отзывъ составленъ д. чл. Л. Я. Штернбергомъ].

Н. Гр. Козыреву за статью „Свадебные обряды и обычаи въ Островскомъ уѣздѣ Псковской губерніи“ (Ж. Ст. 1912). [Отзывъ составленъ ак. С. ѡ. Ольденбургомъ].

С. Е. Малову за статьи въ Ж. Ст. о сибирскихъ и восточно-туркестанскихъ туркахъ: „Нѣсколько словъ о шаманствѣ у турецкаго населенія Кузнецкаго уѣзда Томской губ. (1909. вып. 2—3), „Остатки шаманства у желтыхъ уйголовъ (1912. вып. 1) и др. [Отзывъ составленъ пр.-доц. А. Н. Самойловичемъ].

Н. ѡ. Кознанскому за сообщеніе въ Отдѣленіи Этн.: „Къ вопросу о происхождении и развитіи заговоровъ“ (26 октября 1912 г.) и за

описание сказокъ Архива Общества [Отзывъ составленъ ак. А. А. Шахматовымъ и ак. С. Ф. Ольденбургомъ].

Ф. И. Поликарпову за статьи въ Ж. Ст. и въ томъ числѣ за работу: „Нижнедѣвицкій уѣздъ. Этнографическая характеристики“ (1912 г. вып. I). [Отзывъ составленъ ак. А. А. Шахматовымъ].

В. И. Тростяняскому за рядъ рукописей, пожертвованныхъ имъ Отдѣлению, особенно же за рукописное собрание пѣсень Воронежской губерніи. [Отзывъ составленъ ак. А. А. Шахматовымъ].

VII.

Изъ трехъ старыхъ постоянныхъ комиссій при Отдѣлениі Этнографіи: 1) по собиранию народныхъ пѣсень съ напѣвами, 2) по собиранию и изданію юридическихъ обычаевъ, 3) по собиранию и изданію русскихъ народныхъ сказокъ, продолжала свою дѣятельность, возобновленную въ 1911 году, только послѣдняя комиссія. Имѣется надежда на то, что въ 1913 году возобновить свою дѣятельность и 2-ая комиссія, которую еще въ 1911 году рѣшено было переименовать въ Отдѣлъ обычного права Комиссіи по составленію этнографической карты Россіи; въ истекшемъ году число лицъ, изъявившихъ желаніе участвовать въ трудахъ названного отдѣла, увеличилось. Две новыхъ комиссіи, организованныхъ въ 1910 году: Редакціонная и по составленію этнографической карты Россіи, продолжали свою дѣятельность и въ отчетномъ году.

В. Дѣятельность состоящихъ при Отдѣлениі Этнографіи постоянныхъ комиссій.

I. Дѣятельность Редакціонной Комиссіи.

Въ связи съ перемѣнами въ личномъ составѣ бюро Отдѣления Этнографіи, происшедшими въ концѣ отчетнаго года, предсѣдательствованіе въ Редакціонной Комиссіи перешло отъ С. Ф. Ольденбурга къ В. Ф. Миллеру, а должность товарища предсѣдателя — отъ С. К. Булича къ А. А. Шахматову; членами Комиссіи состояли тѣ же лица, что и въ 1911 году. Засѣданій состоялось три: 15 февраля, 12 октября и 14 декабря. Въ отчетномъ году Комиссія занималась исключительно текущими дѣлами, связанными съ изданіемъ „Живой Старины“, „Записокъ Отдѣленія“, а также съ разсмотрѣніемъ поступающихъ въ Отдѣлениѣ рукописей и докладовъ.

II. Дѣятельность Сказочной Комиссіи.

Комиссія имѣла два засѣданія.

По порученію Комиссіи Н. Ф. Познанскій подвергъ полному пересмотру рукописное собраніе малорусскихъ сказокъ покойнаго И. Я. Руд-

ченко, состоящее болѣе чѣмъ изъ 1000 №№ и хранящееся въ рукописномъ Отдѣлѣ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ. Собраніе будетъ издано Географическимъ Обществомъ подъ редакціей ак. А. А. Шахматова и Ф. К. Волкова, причемъ въ изданіе войдутъ и ранѣе изданныя сказки, такъ какъ, во-первыхъ, старое изданіе стало библіографической рѣдкостью, а во-вторыхъ, въ печатномъ текстѣ оказались измѣненія сравнительно съ оригиналомъ. Н. Ф. Познанскій же пересмотрѣлъ, подъ руководствомъ С. Ф. Ольденбурга и А. А. Шахматова, весь сказочный великоруссій матеріалъ Архива И. Р. Географическаго Общества и отобразилъ неизданныя сказки, которыхъ войдутъ въ Сборникъ великорусскихъ сказокъ, подготовляемый къ изданію А. М. Смирновымъ, подъ редакціей С. Ф. Ольденбурга и А. А. Шахматова. Комиссія рѣшила исчерпать весь сказочный матеріалъ Архива Общества. Такъ какъ выяснилось, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ можно расчитывать на богатый сборъ еще незаписанныхъ сказокъ, то Комиссія рѣшила лѣтомъ 1913 года командировать Н. Ф. Познанскаго въ Тамбовскую губернію, Н. Г. Козырева—въ Псковскую, М. Б. Едемскаго—въ Вологодскую. Комиссія надѣется, что въ настоящее время возможно собрать сказочный матеріалъ, превосходящій количествомъ все собранное и изданное раньше; нужны только искусствые записыватели и денежныя средства.

Комиссія просили Д. К. Зеленина приготовить къ печати имѣющеся у него собранія Вятскихъ сказокъ; впослѣдствіи имѣется въ виду издать Пермскія и другія сказки собранія Д. К. Зеленина.

Нѣкоторыя слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ и слушатели СПБ. Университета каталогизировали, подъ руководствомъ С. Ф. Ольденбурга и А. М. Смирнова, значительную часть напечатанныхъ сказочныхъ сборниковъ, съ краткимъ изложеніемъ содержанія. Когда работа каталогизаціи всѣхъ изданыхъ русскихъ будетъ окончена, карточки поступятъ въ Архивъ Общества.

III. Дѣятельность Комиссіи по составленію этнографической карты Россіи.

Въ отчетномъ году Комиссія собиралась одинъ разъ (30 ноября) для обсужденія проекта сметы на 1913 годъ и разсмотрѣнія корректуры шаблона географической карты Европейской Россіи, заготовленного И. П. Поддубнымъ. Изданіе карты русскихъ нарѣчий и говоровъ, составленной Московской Діалектологической Комиссіей, въ отчетномъ году не осуществилось и отложено до слѣдующаго года. Упомянутый уже въ настоящемъ отчетѣ „Библіографический указатель этнографической литературы“ Д. К. Зеленина начать печатаніемъ. Географическимъ Обществомъ было рааослано народнымъ учителямъ губерній съ малорусскимъ населеніемъ 2000 опросныхъ ли-

стовъ о жилищѣ, одѣждѣ, хозяйственномъ бытѣ и пищѣ, отпечатаныхъ Этнографическимъ Отдѣломъ Русскаго Музея Императора Александра III и предоставленныхъ имъ въ распоряженіе Комиссіи по составленію этнографическихъ картъ Россіи; до 1912 года въ Комиссію возвращено болѣе 500 заполненныхъ листовъ, которые переданы для разработки Ф. К. Волкову.

Изъ девяти отдѣловъ Комиссіи въ отчетномъ году имѣли по 1 засѣданію 5 отдѣловъ: 1) по антропологіи, 2) по жилищу и постройкамъ, 3) по хозяйственному быту, 4) по одѣждѣ и украшеніямъ, 5) по вѣрованіямъ. Послѣдній отдѣлъ, окончательно еще нес организованный, собрался 20 апрѣля подъ предсѣдательствомъ Ф. К. Волкова, чтобы наблюдать камланье шамана кудинскимъ бурятъ, оказавшагося въ Петербургѣ.

Въ засѣданіи отдѣла по антропологіи 16 марта, было доложено о результатахъ пересмотра и критики имѣющагося печатнаго материала по антропологіи великороссовъ, малороссовъ, поляковъ, поволжскихъ финновъ и инородцевъ бассейна рѣки Оби; къ журналу засѣданія приложены списки литературы; докладывали: Ф. К. Волковъ, Я. В. Чекановскій, С. И. Руденко и Д. А. Золотаревъ. Какъ упомянуто выше, пятеро лицъ были командированы отдѣломъ для производства антропологическихъ измѣреній въ разныхъ мѣстахъ Россіи.

Въ засѣданіи отдѣла по жилищу и постройкамъ, 13 апрѣля, были разсмотрѣны слѣдующія программы для собранія свѣдѣній о жилищѣ и постройкахъ, примѣнительно къ нуждамъ Комиссіи по составленію этнографической карты Россіи: 1) программа Д. К. Зеленина (жилище и постройки великороссовъ); 2) программа А. К. Сержпутовскаго (жилище и постройки белоруссовъ); 3) программа С. И. Руденко (жилище и постройки башкиръ).

11 апрѣля состоялось первое собраніе отдѣла по хозяйственному быту; предсѣдательствовалъ Ф. К. Волковъ, секретарствовалъ А. К. Сержпутовскій; была выработана основная программа по хозяйственному быту, по образцу которой будуть составлены программы для отдѣльныхъ народностей.

Въ засѣданіи отдѣла по одѣждѣ и украшеніямъ, 4 апрѣля, были разсмотрѣны программы по одѣждѣ и украшеніямъ: 1) Ф. К. Волкова—для малороссовъ, 2) А. К. Сержпутовскаго—для белоруссовъ и поляковъ, и 3) С. И. Руденко—для башкиръ.

Отдѣломъ по языку былъ командированъ, какъ упомянуто выше, И. А. Кипшидзѣ въ Мингрелію для собранія материаловъ по говорамъ Мингреліи.

Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

I. Засѣданіе 11 января 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Товарища Предсѣдательствующаго, А. А. Шахматова, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ, членовъ сотрудниковъ и многочисленныхъ гостей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Чл. сотр. С. Г. Рыбаковъ прочелъ вступительное слово Н. И. Привалова о кобзарѣ Харьковской губерніи И. И. Кучугура-Кучеренко. Н. И. Приваловъ не могъ, по болѣзни, присутствовать въ засѣданіи.

II.

И. И. Кучугура-Кучеренко исполнилъ:

1. Старинную казацкую думу про Морозенка.
2. Ой не кыпися пива-меди! (Чумацкая пѣсня).
3. Скину кужель ма повицу,
Сама пиду на вулицу (веселая пѣсня на бандурѣ).
4. Дума про Олексія Поповича (Буря на Черномъ морѣ).
5. Ой не шуми, муже.
6. Дума про смерть Богдана Хмельницкаго.
7. а) Ой, дивчина-горлица,
До казака горнется!
б) Ой, за гаемъ-гаемъ.
в) Гречаныки.

Послѣдній номеръ былъ исполненъ на трехъ бандурахъ г. Кучугура-Кучеренко и любителями г.г. Гемба и Пестряковымъ.

II. Заседание 18 января 1913 года.

Заседание состоялось под председательствомъ Председательствующаго въ Отделении, В. Ф. Миллера, въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ: И. С. Абрамова, В. В. Бартольда, С. И. Балтромайтиса, А. А. Бѣлоголовыхъ, Н. А. Виташевскаго, Э. А. Вольтера, А. А. Достоевскаго, С. Е. Дмитріева, М. Б. Едемскаго, Д. К. Зеленина, А. И. Иванова, И. С. Иванова, И. М. Калинина, В. И. Іохельсонса, И. Катальскаго, А. А. Макаренко, Н. Н. Михайловскаго, М. И. Мозина, А. Москалевы, И. П. Поддубнаго, М. М. Пришвина, М. С. Свержевскаго, Т. И. Тихонова, И. Ф. Унтербергера, В. Шведова, Ющенко, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитаны и утверждены журналы заседаний 21 декабря 1912 г. и 11 января 1913 года.

II.

Должено о присылкѣ библіотекаремъ Этн. Отдѣл Русскаго Музея Императора Александра III списка книгъ, поступившихъ въ библіотеку Отдѣла за ноябрь 1912 г.

Постановлено: благодарить.

III.

Прочитанъ докладъ медальной комиссіи.

Постановлено: докладъ утвердить и передать въ Совѣтъ Общества.

IV.

Прочитанъ отчетъ по Отдѣлению Этнографіи за 1912 годъ.

Постановлено: отчетъ утвердить и передать въ Совѣтъ Общества.

V.

Дѣйств. чл. Д. К. Зеленинъ сдѣлалъ сообщеніе „**о въпросу объ этнографическомъ изученіи русской плетеной обуви („лаптей“)**“ по слѣдующей программѣ:

Лапти, какъ особый типъ обуви. Древность лаптей; названіе ихъ. Географическое распространение и материалъ. Два главныхъ типа плетенія лаптей: бѣлорусско-малорусскій и великорусскій; типъ смѣшанный (такъ называемые „татарскіе лапти“). Разновидности лаптей, отличающіяся по формѣ, отдѣлкѣ и т. п. Неизученность этого типа обуви.

Съ вопросами по поводу сдѣланного сообщенія къ докладчику обращались: Э. А. Вольтеръ, Н. А. Виташевскій, М. А. Мозинъ, Святскій, М. Б. Едемскій.

Предсѣдательствующій, признавая цѣнность сдѣланныхъ докладчикомъ наблюдений надъ географическимъ распространениемъ типовъ плетенія лаптей, замѣтилъ, что при этнографическихъ наблюденіяхъ желательны историческая справки. Такъ интересно было бы выяснить, не отразились ли на типѣ финскихъ лаптей мѣры Петра Великаго, который, по свидѣтельству Штелина и Голикова, примѣтилъ на „чухонскихъ мужикахъ“ очень плохую обувь, приказалъ привезти въ Петербургъ нѣсколько искусственныхъ лапотниковъ изъ Нижегородской и Казанской губерній и отправилъ ихъ въ Выборгскій уѣздъ, чтобы они научили „чухонцевъ“ умѣнью плести хорошія лапти. Штелинъ уверяетъ, что мужики по всей русской Финляндіи дѣйствительно, вслѣдствіе этой мѣры Петра В., научились въ нѣсколько мѣсяцевъ плести хорошія лапти изъ ивы и липы. Если это такъ, то въ финскихъ лаптяхъ, по крайней мѣрѣ, въ Выборгскихъ мѣстахъ, можетъ быть великорусскій типъ плетенія вытеснилъ старый финскій.

VI.

Д. чл. С. Е. Дмитріевъ прочелъ докладъ: „Байга у каракиргизовъ по случаю смерти манана Шабдана Джантаева въ Пишпекскомъ уѣздѣ“ по слѣдующей программѣ:

Личность Шабдана Джантаева; заслуги его передъ русскимъ правительствомъ и отношеніе къ нему соглеменниковъ.

Рѣшеніе тынаевцевъ устроить безпримѣрныя поминки своему сородичу, умершему 6-го апрѣля 1912 года.—Приготовленія къ поминкамъ.—Время и мѣсто байги (скачекъ).—Участники байги.

Причитанія по умершему присяжныхъ плакальщицъ внутри его юрты, отмѣченной стягомъ, и поклоненіе гостей реликвіямъ покойнаго.—Пѣвцы (акыны) и музыканты.—Угощеніе (аш).

Организація скачекъ и спортивные пріемы; *даякъ, калтымюнъ, сюреу*.—Отношеніе киргизовъ къ своимъ скакунамъ.—Породы коней, участвовавшихъ въ состязаніи.—Общія и частныя скачки.—15-верстная скачка по случаю перевозки юрты покойнаго и его стяга изъ Б. Кебина на мѣсто поминальныхъ торжествъ 5-го октября, 10-верстная скачка 11-го октября, 10-верстная скачка для двухлѣтковъ (кунан) и трехлѣтковъ (дунён) 12-го октября и 38-верстная — для коней всѣхъ породъ и возрастовъ 14-го октября.—Призы.

Программа 13-го октября: скачки для русскихъ казаковъ—семирѣковъ Самсоновской станицы; рыцарскій турниръ у киргизовъ (сайыш или сайыс); борьба (көрускен),—Стрѣльба изъ лука.—Заключеніе.

Сообщеніе иллюстрировались діапозитивами.

III. Заседание 15 февраля 1913 года.

Заседание состоялось под председательством Председательствующего в Отделении Этнографии, Вс. Ф. Миллера, в присутствии г.г. действительных членов и членов сотрудников: И. С. Абрамова, В. В. Бартольда, А. А. Достоевского, Э. А. Вольтера, Г. В. Вильямса, Б. Б. Барадийна, М. Б. Едемского, Д. К. Зеленина, Д. Л. Иванова, И. М. Калинина, В. Л. Кошвица, И. Ю. Крачковского, Н. Я. Марра, А. А. Миллера, Н. Н. Михайловского, и стороннихъ посѣтителей, при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго заседанія.

II.

Доложено о поступившихъ книгахъ:

1) Dr. Josefjanko: O pravěku slovanském (kurs šestipřednáškový).

Прага 1912.

2) Отчетъ о дѣят. Ниж. Уч. Арх. Ком. за 25 лѣть. 1913.

3) Kwartalnik historyczny, годъ XXVI, вып. 4. 1912.

4) Sborník museálnej slovenskej spoločnosti. Годъ XVII, вып. II, 1912.

5) Anmerkungen zu den Kinder- u. Hausmärchen der Brüder Grimm.

Neu bearbeitet von J. Bolte und G. Polívka. Erster Band Leipzig, 1913:

6) Уч. Зап. И. Юр. Унив. годъ, 20. № 11. Юрьевъ. 1912.

7) Rocznik Slawistyczny. T. V. Kraków. 1912.

8) Národopisný věstník českoslovanský. Прага 1913.

9) Каталогъ книгъ библиотеки А. Н. Бахрушина вып. III. Москва.

1912.

10) The American Museum Journal. January, 1913.

11) Časopis Muz. slov. spoločnosti. Годъ XV, вып. 4. 1912.

III.

Доложено о присыпкѣ библиотекаремъ Этнографического Отдѣла Русского Музея Императора Александра III списка книгъ поступившихъ въ библиотеку Отдѣла въ декабрѣ 1912 года.

Постановлено: благодарить.

IV.

Д. К. Зеленинъ передалъ для Архива Общества рукопись Д. О. Святского: „Песни и сказки крестьянъ с. Прудковъ и с. Свѣжногорскаго Сѣвскаго у. Орловской губ.“ съ предисловиемъ Д. К. Зеленина.

Постановлено: благодарить жертвователей.

V.

Доложено о поступлении рукописи И. М. Калинина: „Чудь и паны“.
Постановлено: передать въ Редакционную Комиссию.

VI.

Доложено письмо члена Комиссии по устройству бесплатной читальни при Московскихъ Педагогическихъ курсахъ О-ва воспитательницъ и учительницъ М. Изюмовой съ просьбой о бесплатной высылкѣ Живой Старины.

Постановлено: просьбу удовлетворить.

VII.

Въ члены-сотрудники Отдѣленія избраны: сотрудники „Живой Старины“ Мезерницкій и Демичъ и Саратовскій этнографъ Мих. Евг. Соколовъ.

VIII.

Чл. сотр. И. С. Абрамовъ прочелъ сообщеніе „Быть поволжского села (Саратовской г.) по этнографическимъ записямъ мѣстного крестьянина“, по слѣдующей программы:

Письмо хранителя музея Саратовской Ученой Архивной Комиссіи С. А. Щеглова объ авторѣ этнографическихъ записокъ, крестьянинъ с. Князевки Петровск. у. Саратовской губ. Гавріилъ Заварицковъ.—Изъ прошлаго с. Князевки. Легенды о Стенькѣ Разинѣ.—Достопримѣчательные мѣстные типы. Колдуны и кольдуны.—Рассказы о крѣпостномъ правѣ.—Исторія разведенія картофеля въ с. Князевкѣ.—Дѣтскія пѣсни и игры. Крестьянская свадьба.—Изъ области мѣстного фольклора: пѣсни, загадки, похоронныя причитанія, сказки и присказки.—Народное захарство.—Желательность изданія трудовъ крестьянина этнографа.

Д. Л. Ивановъ задалъ докладчику нѣсколько вопросовъ. Д. К. Зеленинъ заявилъ, что по его мнѣнію, многіе отдѣлы изъ рукописи Заварицкова, особенно отдѣлы объ особыхъ мѣстахъ и способахъ погребенія нечистыхъ покойниковъ (затаптываніе въ трясину и т. п.), представляютъ собою большой этнографической интересъ. Рукопись Заварицкова желательно напечатать, исключивъ лишь его собственныхъ стихотворенія, ошибочно ванныя „пѣснями“.

Предсѣдательствующій, отмѣтивъ интересъ нѣкоторыхъ этнографическихъ данныхъ, сообщенныхъ крестьяниномъ Заварицковымъ о его родномъ селѣ, обратилъ вниманіе на легенду о Стенькѣ Разинѣ. Среди многочисленныхъ легендъ, записанныхъ на Волгѣ о немъ, легенда Заварицкаго отличается полнотой и любопытна для характеристики народныхъ представлений объ этомъ герое народныхъ пѣсенъ и преданій конца XVII в.

IX.

Д. чл. А. Н. Самойловичъ подѣлился своими этнографическими наблюденіями надъ Ставропольскими туркменами, которыхъ онъ посѣтилъ лѣтомъ 1912 года; были показаны діапозитивы и коллекція одежды, собранная для Этнографического Отдѣла Русского Музея Императора Александра III. Докладчику было задано пѣсколько вопросовъ Н. Я. Марромъ, В. В. Бартольдомъ, Д. К. Зеленинымъ, А. А. Миллеромъ, С. И. Руденко.

IV. Засѣданіе 15 марта 1913 года.

Засѣданіе состоялось подъ предсѣдательствомъ Предсѣдателя-ствующаго въ Отдѣлѣніи Вс. Ф. Миллера, въ присутствіи г.г. дѣйствительныхъ членовъ и членовъ сотрудниковъ:

В. М. Алексѣева, Н. А. Виташевскаго, Ф. К. Волкова, А. А. Достоевскаго, М. Б. Едемскаго, П. Жукова, Д. К. Зеленина, А. И. Иванова, В. М. Іонова, В. И. Іохельсона, П. М. Калинина, И. Ю. Крачковскаго, А. А. Макаренко, С. Е. Малова, Б. Э. Петри, А. К. Сержнотовскаго, Л. Я. Штернберга, стороннихъ посѣтителей и при секретарѣ А. Н. Самойловичѣ.

I.

Прочитанъ и утвержденъ журналъ предыдущаго засѣданія.

II.

Доложено письмо А. А. Смирнитскаго изъ Одессы съ предложениемъ напечатать въ „Живой Старинѣ“ записанную имъ въ 1910 году вертепную пьесу „Тронъ“, которая исполняется на Рождество крестьянами посада Новоархангельскъ, Тинковской волости Елизаветградскаго уѣзда. Къ письму приложенъ оттискъ работы А. А. Смирнитскаго „cranіологическая коллекція въ музѣѣ сравнительной анатоміи при Императорскомъ Новороссійскомъ университѣтѣ“.

Постановлено: просить А. А. Смирнитскаго прислать въ Отдѣлѣніе на просмотръ рукопись пьесы „Тронъ“, а оттискъ передать въ библіотеку Общества.

III.

Доложено письмо земскаго врача городскаго участка Исковскаго уѣзднаго Земства, Э. Я. Заленскаго, сообщающаго о своихъ работахъ по изученію народнаго знахарства и по собиранію народныхъ пѣсень и извѣщающаго Отдѣлѣніе о присылкѣ ему двухъ книгъ г. Заленскаго: 1) Изъ записокъ земскаго врача. Церевенская эпидемія. Народное знахарство. 2) Что поеть современная деревня Исковскаго уѣзда.

Постановлено: благодарить Э. Я. Заленскаго за присылку его трудовъ и передать обѣ книжки въ библіотеку Общества.

IV.

Доложено о поступивших въ Отдѣленіе печатныхъ изданіяхъ:

1) Гермесъ, иллюстрированный научно-популярный вѣстникъ античнаго міра. Тома 8—11, и № 1—5 тома 12.

2) В. А. Мошковъ. Болгарія, ея други и недруги, разсмотрѣнныя со стороны вырожденія. Варшава. 1913.

3) Извѣстія состоящей подъ Высочайшимъ Его Императорскаго Величества Государя Императора покровительствомъ Тамбовской Ученой Арх. Ком. вып. 55. Тамбовъ. 1913.

4) Библіотека знанія. Индоевропейцы. Проф. О. Шрадера. Переводъ Ф. И. Павлова подъ редакц. А. Л. Погодина.

5) Ф. Я. Заленскій. Изъ записокъ земскаго врача. Деревенская эпидемія. Народное захарство. Псковъ. 1908.

6) Ф. Я. Заленскій. Что поетъ современная деревня Псковскаго уѣзда. Псковъ. 1912.

Постановлено: передать въ библіотеку Общества.

V.

Д. чл. Ф. А. Вольтеръ сдѣлалъ сообщеніе „Причитанія (raudas) у Литовцевъ“ по слѣдующей программѣ:

Цѣль сообщенія—выработать вопросникъ для анкеты о современномъ бытovanіи похороннаго плача.—Главнѣйшия типы литовскихъ причитаній съ 1882-1909 г.г.—Царство душъ покойниковъ Велисовъ въ причетахъ.—Покойники, опираясь на кресты, выходить изъ могилъ.—Пять братьевъ въ рукахъ Крижаковъ крестоносцевъ и обучение ихъ въ зеленомъ строю шпицрутеновъ.—Обрядъ кунигованія невѣсты, плачъ передъ барскимъ смотромъ.—Древнѣйшія извѣстія о причитаніи обрядомъ родовыхъ жрецовъ и начальниковъ надъ воинами.—Эпические мотивы причитаній у Стрійновскаго и въ пѣсняхъ.—Новѣйшія изслѣдованія и сборники похороннаго фольклора Свенцицкаго.—Этнogr. зборникъ Тов. Шевченка Otto Bockel.—Программа Ф. К. Волкова.—Ходъ изученія причитаній на Литвѣ. Записи 50-хъ годовъ братьевъ Юшкевичей. Новые наблюденія 1885-87 г.г. Новѣйшія разысканія послѣ 24 апреля 1904 года. Фонограммы и записи грамотныхъ литвинокъ на мѣстахъ.

Выводы. У литовцевъ и древнихъ прусовъ причитанія надъ покойниками произносились мужчинами, а не женщинами. Рекрутскія плачи являются продолженіемъ или откликами древнихъ причетовъ родовыхъ жрецовъ или родоначальниковъ—князей. Кунигованіе—свадебный плачъ въ связи съ отбытіемъ княжей подати. Преобладающее значеніе женщины въ причитаніи устанавливается подъ влияніемъ христіанства и культа Богоматери.

Сообщеніе сопровождалось исполненіемъ причитаній на фонографѣ. Въ собесѣданіи по поводу сообщенія приняли участіе: А. К. Сержпутовскій, Д. К. Зеленинъ, Я. В. Прохоровъ, Н. А. Вита-

шевскій, Л. Я. Штернбергъ, А. А. Макаренко, Ф. К. Волковъ, В. И. Іохельсонъ.

А. К. Сержпутовскій сказалъ, что „причитанія похоронныя производятся импровизаціей, а потому записывать ихъ при помощи фono-графа очень трудно. Записывать слѣдуетъ, когда причитаютъ на кладбищахъ при проводахъ покойника и т. п. Въ импровизаціи причитаній вносятся вѣрованія и повѣрія причитающей женщины“.

Я. В. Прохоровъ указалъ докладчику, что „1) Литовское причитаніе объ умершихъ родителяхъ одинаково съ таковымъ же у Славянскихъ народовъ великорусовъ, бѣлорусовъ и малороссовъ. Существуютъ также свадебныя пѣсни въ честь невѣсты-сироты того же содержанія. 2) Причеты не являются импровизаціей и представляютъ собой воспроизведеніе старыхъ давно существующихъ образцовъ. 3) Въ Калужскомъ уѣздѣ при положеніи въ гробъ стелютъ подъ покойницу ея старую рубашку, кладутъ подъ нея вѣнчикъ (въ гробѣ). Послѣ положенія въ гробъ надъ ней родственники причитаютъ на извѣстный мотивъ“.

Н. А. Виташевскій сказалъ слѣдующее: „отношеніе между причитаніями по покойникѣ и рекрутскими причитаніями прослѣдить не трудно: рекрутъ въ положеніи человѣка, для котораго возможна и даже очень вѣроятна смерть въ ближайшемъ будущемъ. Такимъ образомъ, объяснены причитанія какъ результатъ желанія оградить оставшихся въ живыхъ отъ посѣщенія ихъ духомъ покойника. Но въ иномъ положеніи—причитанія свадебныя: тутъ элементъ боязни посѣщенія покойникомъ оставшихся въ живыхъ совершенно отсутствуетъ. Такимъ образомъ, можно думать, что причитаніе какъ такое, самостоятельно эволюціонировало, и свадебное, напримѣръ, причитаніе, заимствуя отъ причитанія по покойникѣ виѣшнюю форму, по причинамъ своего возникновенія ничего общаго съ причитаніями по покойникамъ не имѣть.—Къ вопросу о характерѣ происхожденія причитаній по покойникѣ обращаю вниманіе собранія на то, что у довольно хорошо изученной мною народности,—у якутовъ,—совершенно нѣть причитанія, какъ я въ этомъ убѣдился за время моего 14-ти-лѣтняго близкаго соприкосновенія съ якутами, и это несмотря на то, что у тѣхъ же якутовъ на лицо—много пріемовъ огражденія оставшихся въ живыхъ отъ посѣщенія ихъ покойникомъ: сохранились воспоминанія объ убийствѣ на могилѣ рабовъ покойника, до сихъ поръ убиваютъ коня, скотину, „убиваются“ котлы и оружія, „кормятъ“ покойника,—и т. д. Единственное указаніе въ этомъ родѣ заключается въ томъ, что шаманъ дѣлаетъ изображеніе юр'я покойника и обращается къ нему съ рѣчью (содержаніе которой не установлено), но и сїда причитаній въ истинномъ смыслѣ нѣть“.

Ф. К. Волковъ выразилъ сомнѣніе относительно возможности включать свадебныя въ число причитаній вообще. Кроме содержанія ихъ наблюдается напримѣръ въ Украинѣ разница въ самой формѣ „плача“. Въ

украинской свадьбѣ онъ выражается исключительно пѣснями только въ очень рѣдкихъ мѣстностяхъ слѣдующихъ орацій имѣющихъ впрочемъ видимо книжный характеръ и вообщѣ замѣняющихъ собою пѣсни и свадьбы С.-Западной Украины напримѣръ въ Гродненской губ. и пр. Кромѣ того Ф. К. Волковъ указалъ на нѣкоторые несоотвѣтствующія названія игръ надъ мертвыми—фактами и выразилъ мнѣніе что выраженіе это врядъ ли возможно вводить въ программу. Въ отношеніи причитаній онъ предлагає различать три формы: 1) плачъ безъ словъ (такъ наз. йойканье или голосінне) 2) речитативные причитанія съ плачемъ и 3) ораціи“.

Предсѣдательствующій отмѣтилъ достоинства реферата, заключающіяся въ обстоятельности и точности наблюдений, указалъ на то, что хотя похоронныя причитанія составляютъ, повидимому, всюду преимущественно специальность женщинъ, однако литовскія древнія извѣстія объ обрядовомъ причитаніи родовыхъ жрецовъ и начальниковъ надъ воинами являются далеко не исключительнымъ фактомъ. Такъ на Кавказѣ у тушинъ участіе въ оплакиваніи покойника принимаютъ и мужчины, ударяя себя кулаками въ грудь и восхваляя умершаго. У гурійцевъ существуютъ специальные плакальщики. У киргизовъ мужчины поютъ причитанія въ честь извѣстныхъ вліятельныхъ покойниковъ. У гагаузовъ причитанія обязательны не только для женщинъ, но и для мужчинъ и т. п. Но мѣнію В. Ф. Миллера, изъ свидѣтельства объ участіи въ оплакиваніи покойниковъ жрецовъ и начальниковъ у литовцевъ въ древнее время нельзя еще выводить, что женщины были прежде устраниены отъ этой роли и что у литовцевъ плакальщицы появились лишь впослѣдствіи подъ влияніемъ культа Богоматери. Скорѣе можно думать, что у литовцевъ, какъ и у другихъ народовъ мужчины оплакивали преимущественно павшихъ воиновъ и знатныхъ покойниковъ, воздавая имъ этимъ послѣднюю честь, но при этомъ участіе женщины въ обрядовомъ оплакиваніи всякаго покойника представлялось все же обязательнымъ.

Въ параллель къ тому, что духовенство у литовцевъ относилось съ терпимостью къ народному обычаю оплакиванія В. Ф. Миллеръ замѣтилъ, что на Кавказѣ у гурійцевъ при гоношеніи надъ покойникомъ также присутствуетъ духовенство и даже приглашаются архимандриты.

VI.

Г. А. Бончъ-Осмоловскій сдѣлалъ сообщеніе „О религіозномъ культе хевсуровъ“ по программѣ:

Празднства. Священнослужители. Святылища. Священные предметы. Общий обзоръ вѣрованій.

За позднимъ временемъ докладчикъ опустилъ послѣдній пунктъ своего сообщенія. Были показаны священные предметы хевсуровъ, собранные для Этнографического Отдѣла Русского Музея Императора Александра III и діапозитивы.

Докладчику были предложены нѣкоторые вопросы А. А. Макаренко и Н. Я. Марромъ.

Русские народные обряды со старою обувью.

Соответствующие обряды другихъ народовъ.—Девять свидѣтельствъ о русскихъ обрядахъ, два о финскихъ и два о чувашскихъ.—Замѣчанія о нихъ.—Разныя объясненія обрядовъ этого цикла въ литературѣ.—Объясненіе Самтера и его мотивировка.—Поправки къ объясненію Самтера на основаніи данныхъ финскихъ и русскихъ обрядовъ.—„Куриные боги“.

У западно-европейскихъ этнографовъ мы встрѣчаемъ нѣсколько попытокъ сгруппировать и объяснить народные обряды и обычай, связанные со старою обувью. П. Сартори уже въ 1894-мъ году напечаталъ обширную статью подъ заглавиемъ „Башмакъ въ народныхъ повѣрьяхъ“¹. Т. Захаріе посвятилъ этимъ обычаямъ начало своей статьи „Къ древне-индійской свадебной обрядности“². Наконецъ, Э. Самтеръ удѣлилъ недавно тому же вопросу цѣлую главу своей книги „Рожденіе, бракъ и смерть“³.—Мы не называемъ здѣсь ряда авторовъ, которые касались данного вопроса между прочимъ: нѣкоторые изъ нихъ будутъ упомянуты нами ниже.

Всѣ названные этнографы не привлекали соответствующихъ русскихъ⁴ обрядовъ и обычаевъ. Между тѣмъ, эти послѣдніе представляютъ немалый интересъ въ общей суммѣ немногочисленныхъ народныхъ повѣрій о старой обуви.

Цѣль нашей настоящей замѣтки—собрать свѣдѣнія о русскихъ обрядахъ и обычаяхъ, связанныхъ со старою обувью, и попытаться объяснить ихъ по аналогіи съ западно-европейскими, индійскими и иными соответствующими обрядами, уже въ большей или меньшей

¹ Paul Sartori, *Der Schuh im Volksglauben* (*Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*, IV. 1894).

² Theodor Zachariae, *Zum altindischen Hochzeitsritual* (*Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*, XVII. 1903).

³ Ernst Samter, *Geburt, Hochzeit und Tod. Beiträge zur vergleichenden Volkskunde*. 1911. Гл. XVIII, напечатанная первоначально авторомъ въ *Neue Jahrb. XIX*, въ 1907 г.

⁴ Правда, Захаріе и Самтеръ приводятъ со словъ путешественника XVII-го вѣка Мартиньера русскую легенду объ одномъ сапожнике и обѣ, Иванѣ Грозномъ. Легенда эта создана въ объясненіе мѣстного обычая вѣшать на одно дерево старые лапти.

степени выясненными у пазванныхъ выше изслѣдователей. Говоря о русскихъ обрядахъ, мы не могли опустить изъ виду также и обряды союзныхъ финно-угровъ и чувашъ: вслѣдствіе территоріальной близости тѣхъ и другихъ весьма возможны были взаимныя заимствованія, а также и общее переживаніе различныхъ чужихъ вліяній.

Первоначально мы считаемъ умѣстнымъ познакомить читателей съ наиболѣе типичными обрядами другихъ народовъ. Въ этихъ обрядахъ можно различать три главныхъ группы: 1) обряды свадебные, 2) обряды при отправлении въ путь и 3) обряды, предохраняющіе отъ злого глаза и злыхъ духовъ. Въ первыхъ двухъ группахъ старая обувь обыкновенно *бросается* въ слѣдъ новобрачныхъ или отправляющихъ въ путь; въ послѣднемъ же случаѣ бросанія обычно не бываетъ, а обувь просто *выставляется* въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Говоря о свадебныхъ обрядахъ, напомнимъ прежде всего читателямъ одну сцену изъ романа Диккенса „Давидъ Копперфильдъ“¹:

„Пока мы суетились у дверей, мистеръ Пегготти запасся старымъ башмакомъ и подалъ его м-ссе Геммиджъ, прося бросить его намъ вслѣдъ на счастье.—Нѣть, пусть это сдѣлаетъ кто нибудь другой, Деильт,—отвѣтила м-ссе Геммиджъ.—Я несчастная, одинокая женщина, и все, что напоминаетъ мнѣ о женщинахъ не несчастныхъ и не одинокихъ, дурно дѣйствуетъ на меня”.—„Да, ну, старая!“—воскликнуль мистеръ Пегготти.—„Возьми и брось!“—Нѣть, Деильт,—отвѣтила м-ссе Геммиджъ, всхлипывая и грустно качая головой.—Еслибъ я меныше чувствовала, другое дѣло. Ты не такъ чувствуешь, какъ я. Ты не такой неудачникъ, какъ я. Брось лучше самъ.—По тутъ Пегготти, которая до сихъ поръ торопливо перебѣгала отъ одного къ другому, цѣлуя каждого, а теперь уже сидѣла вмѣстѣ съ нами на повозкѣ (мы съ Эмли сидѣли рядомъ на двухъ маленькихъ стульяхъ), закричала, чтобы м-ссе Геммиджъ непремѣнно бросила башмакъ. М-ссе Геммиджъ, наконецъ, уступила, но омрачила праздничный характеръ нашей поѣздки, запившись слезами и упавши въ безпомощномъ состояніи на руки Хама, съ заявлениемъ, что она вѣмъ въ тягость, и что лучше прямо отдать ее въ богадѣльню“.

Здѣсь описывается моментъ передъ отправлениемъ молодыхъ въ церковь для бракосочетанія. Въ виду имѣется широко распространенный въ Англіи, особенно на сѣверѣ, равно какъ и въ Шотландіи, народный обычай, по которому въ слѣдъ новобрачнымъ, когда они уѣзжаютъ изъ церкви или же покидаютъ родительскій домъ, бросаютъ старый башмакъ², иногда замѣняемый зернами риса. Тотъ же самый обычай существуетъ и въ Даніи³. На Рейнѣ въ брачную пару кидали башмаками въ то время, когда она оставляла свадебный ширъ⁴.

¹ Гл. 10. „Собраніе сочиненій Диккенса. Переводъ Ю. А. Говсѣева“. Т. XXIII. Спб. 1898, стр. 145—146.

² F. Liebrecht, Zur Volkskunde. Alte und neue Aufsatze. Heilbronn 1879. Стр. 492, со ссылкою на Folk Lore. Choice Notes from Notes and Queries. London. 1859, стр. 261 и слѣд.

³ Samter, Geburt, Hochzeit und Tod, 195.

⁴ Samter, тамъ же, стр. 196.

У цыганъ въ Трансильвани и Семиградіи молодой четъ, когда она впервые вступает въ свою палатку, кидаютъ старый башмакъ, сапогъ или сандаліц, чтобы брачный союзъ былъ плодовитымъ¹. На турецкой свадьбѣ жениха осыпаютъ цѣльмъ градомъ старыхъ башмаковъ, для предохраненія его отъ злого глаза². Подобный же обычай существовалъ, повидимому, и въ древней Греціи; по крайней мѣрѣ, па античной вазѣ съ изображеніемъ свадьбы старикъ бросаетъ брачной парѣ башмакъ; другой башмакъ уже лежитъ на полу: видимо, тоже только что кинутъ³.

Переходимъ къ случаемъ другого рода. Въ Затерландѣ отправляющемся въ путь или идущему изъ дома по дѣламъ бросаютъ, при выходѣ его изъ дверей, деревянный башмакъ, чтобы онъ имѣлъ успѣхъ въ своемъ предприятіи⁴. Сартори цитуетъ нижненѣмецкую народную комедію XV-го вѣка, гдѣ герой, отправляясь „къ черту“, просить указывающаго ему дорогу еврея: „чтобъ мнѣ тамъ повезло, брось мнѣ въ слѣдъ старый башмакъ“⁵. Въ Англіи бросаютъ старый башмакъ идущему куда-либо, желая ему успѣха⁶. Въ Ааргау бросяютъ туфлю или башмакъ отъѣзжающему родственнику⁷.

Переходимъ къ третьей категоріи интересующихъ настѣ обрядовъ. Повѣрье о томъ, что старая обувь служить оберегомъ отъ злого глаза, распространено главнымъ образомъ въ Россіи (о чёмъ, впрочемъ, рѣчь будетъ ниже), въ Индіи и въ Турціи. Мы уже встрѣтили выше этотъ же самый мотивъ въ турецкомъ свадебномъ обрядѣ: въ жениха бросаютъ старую обувь, чтобы предохранить его отъ злого глаза. По словамъ Самтера, въ Константинополѣ и въ Индіи до сихъ поръ существуетъ обычай класть на домъ старый башмакъ, для предохраненія обитателей дома отъ злого глаза⁸. У племени Мараваръ въ южной Индіи роженица остается послѣ родовъ въ отдельномъ помѣщеніи 15 дней; чтобы удалить отъ нея въ это время нечистую силу, около нея кладутъ ножъ или другую какую-либо желѣзную вещь; но ту же самую роль можетъ выполнить и старый башмакъ, равно какъ

¹ Zachariae, Zum altindischen Hochzeitsritual, 135, со ссылкою на Wisslocki, Vom wandernden Zigeunervolk, 189; W. Crooke, The popular religion and folk-lore of Northern India, т. II. 1896, стр. 34, со ссылкою на E. S. Hartland, Legend of Perseus, 1894—95, стр. 171.

² Zachariae, тамъ же, 135, со ссылкою на M. R. Cox, An introduction to folklore, 1895, стр. 18.

³ Samter, тамъ же, 196, гдѣ приведены и рисунокъ.

⁴ Sartori, Der Schuh im Volksglauben, 153.

⁵ Тамъ же, стр. 152.

⁶ Zachariae, тамъ же, 136, со ссылкою на Brand, Observations on popular antiquities, Лондонъ, 1841—42, III, 85. Другія цитаты у Самтера, 198, примѣч. 2.

⁷ Samter, тамъ же, 198, со ссылкою на Rochholz, Schweizersagen aus dem Aargau, I, 79.

⁸ Samter, тамъ же, стр. 198.

и старый вѣникъ¹. У сосѣдняго съ Мараваромъ индійского племени Катурамаратхисъ родильница находится въ теченіе двухъ мѣсяцевъ послѣ родовъ въ отдельной палаткѣ; возлѣ ея помѣщенія въ это время лежитъ пара старыхъ башмаковъ, которая предохраняетъ роженицу и ея новомъ отъ злого глаза и удаляетъ отъ нихъ нечистыхъ духовъ². Въ Бомбѣй повивальная бабка, для предохраненія отъ злого глаза, держитъ въ лѣвой руцѣ башмакъ, приспособленіе для вѣянья хлѣба и вѣникъ³.

Въ Индіи же, въ округахъ Годавари, беременная женщина жжетъ рисъ и привязываетъ башмакъ къ дверному косяку, чтобы отразить отъ себя демоновъ⁴. Въ разныхъ мѣстахъ Индіи младенцу, на пятый день по рожденію, кладутъ подъ подушку кожаный башмакъ, чтобы отогнать отъ него злого духа; равнымъ образомъ и тотъ, кого давить во снѣ домовой, спить съ башмакомъ подъ подушкою⁵.

Старая обувь служить оберегомъ не только для живыхъ существъ, но также и для растеній. Въ Индіи, для защиты отъ злого глаза посѣвовъ, выставляютъ на поляхъ, на колу, старый башмакъ: въ другихъ мѣстахъ для той же цѣли прикрѣпляютъ старые башмаки къ плодовымъ деревьямъ; а нѣмцы въ Канадѣ кладутъ старые башмаки подъ вѣтви огурцовъ, чтобы получить обильный урожай⁶.

Нѣсколько особнякомъ стоять нѣмецкое повѣрье, въ силу котораго для утишения поднятой вѣдьмами бури выбрасываютъ башмаки⁷.

Переходимъ теперь къ *руsskимъ обрядамъ*. Во всѣхъ нихъ есть одна общая черта: въ качествѣ старой обуви употребляются исключительно изношенные лапти (плетеная изъ древесной коры низкая обувь съ длинными веревками для привязыванія ея къ ногѣ), известные въ говорахъ подъ названіемъ „осметковъ“ и „отонковъ“.

1. Изъ русскихъ свадебныхъ обрядовъ со старою обувью намъ известны только два. Свящ. Ник. Ловцовъ въ рукописномъ описании села Рыковой Слободы, Рязанскаго уѣзда и губерніи, сообщаетъ, что передъ тѣмъ какъ свахѣ-сходатаѣ идти сватать, ее сажаютъ за столъ, всѣ четыре ножки коего связываютъ кушакомъ,—чтобы лучше

¹ Fed. Jagor, Berichte über verschiedene Völkerstämme in Vorderindien (Zeitschrift für Ethnologie, XXVI, 1894, стр. 70).

² Jagor, тамъ-же, стр. 80.

³ W. Crooke, The popular religion and folk-lore of Northern India. T. II. Westminster. 1896, стр. 191.

⁴ The Indian Antiquary XXIV, стр. 296.

⁵ Тамъ-же.

⁶ Цитаты у Самтера, тамъ-же, стр. 199.

⁷ Karl Simrock, Deutsche Mythologie. Bonn. 1874, стр. 154.

связалась свадьба, — а въ спину свахи бросаютъ, при выходѣ ея изъ двери, осметкомъ, т. е. изношеннымъ лаптемъ, который для этого случая нарочно приготавляется¹.—Сообщеніе это относится къ началу 50-хъ годовъ XIX-го столѣтія. Село Рыкова Слобода отстоить въ 8-ми верстахъ отъ Рязани и населено казенными крестьянами, вѣроятно бывшими однодворцами, т. е. потомками военно-служилыхъ людей. Среди послѣднихъ было вообще не мало выходцевъ изъ за западнаго рубежа, плѣнныхъ и разныхъ иноземцевъ (особенно въ „драгунскихъ службахъ“). Черезъ посредство этихъ послѣднихъ сюда могли легко проникнуть и нѣкоторые западно-европейскіе обычаи. А такъ какъ отмѣченный обычай бросать свахѣ въ спину старый лаптъ является у русскихъ чѣмъ-то единственнымъ и исключительнымъ, то можно было бы думать о случайному запесеніи столь распространеннаго въ Западной Европѣ обычая. Однако, и въ Казанской губерніи также отмѣченъ русскій свадебный обрядъ со старыми лаптями, хотя и отличный отъ рязанского (см. ниже 2).

Мы не упоминаемъ здѣсь о весьма широко распространенномъ у русскихъ свадебномъ обычай, по которому женихъ дарить невѣстѣ лапти (какъ это было въ старину) или же башмаки, коты (что обычно теперь); этотъ обычай не имѣть ничего общаго съ рассматриваемыми нами обрядами уже по одному тому, что тутъ дарится *новая* обувь. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ простымъ подаркомъ, лишніемъ миѳологического значенія.

2. Другой случай употребленія изношенныхъ лаптей въ русскихъ свадебныхъ обрядахъ отмѣченъ въ с. Косяковѣ Свияжскаго уѣзда Казанской губерніи, но только въ исключительномъ случаѣ, а именно— при бракосочетаніи вдовца. „Когда вѣщается вдовецъ, тогда мальчики и взрослые парни приходятъ къ церкви съ охапками изношенныхъ лаптей и, лишь только изъ церкви появляется новобрачный, закидываютъ его гнилыми лаптями. Бомбардировка лаптями продолжается до входа новобрачного въ его домъ или выѣзда за полевыя ворота села. Дѣлается все это въ полной увѣренности, что безъ такой бомбардировки бракъ вдовца будетъ несчастливъ“².—Такимъ образомъ, и здѣсь бросаніе лаптей въ новобрачнаго предвѣщаетъ ему благополучіе.

3. Чтобы покончить съ обрядами, въ коихъ старые лапти *кидаются*, упомянемъ еще о чувашии обычай. У чуваши Казанской губерніи „старые лапти кидаются въ догонку уѣзжающему изъ деревни начальству: волостному писарю, становому приставу и судебному слѣдователю“³. Нужно думать, что этимъ выражается пожеланіе уѣз-

¹ Архивъ Географ. Общ. XXXIII, 24.

² Сѣверн. Вѣстникъ, 1888, № № 5, с. 93 (изъ Волжскаго Вѣстника, 1888, № 61).

³ В. Магнитскій. Материалы къ объясненію старой чуваший вѣры, 183.

жающимъ „скатертью дороги“, счастливаго пути; предполагать противоположное нельзя уже по одному тому, что случившаяся съ начальствомъ при отъездѣ изъ данной деревни непріятность легко могла повлечь за собою непріятности и для жителей этой деревни.—У казанскихъ же чувашъ существуетъ еще обычай „въшивать старые лапти на сучья березъ по почтовымъ трактамъ“ ¹; здѣсь, повидимому, выражается пожеланіе счастливаго пути всякому путнику безразлично.

Всѣ прочіе русскіе обряды со старою обувью не имѣютъ ничего общаго со свадьбою, а большею частью и вообще не связаны съ какимъ-либо опредѣленнымъ моментомъ времени. Почти во всѣхъ нихъ старая обувь является оберегомъ отъ злого глаза и только въ одномъ случаѣ (10) предохраняетъ куръ въ курятникѣ отъ шалостей домового. Распространены эти обряды главнымъ образомъ на востокѣ Европейской Россіи, на Вяткѣ и въ сосѣднихъ съ нею губерніяхъ, въ Тамбовской губерніи, Владимірской, но встрѣчаются также и на западѣ, напр. въ Смоленской губерніи.

Изъ семи извѣстныхъ намъ свидѣтельствъ о русскихъ обрядахъ данного рода три относятся къ Вятской губерніи. На нихъ мы прежде всего и остановимся.

4. Согласно сообщенію 1848 г. изъ Нолинскаго уѣзда Вятской губерніи, мѣстные крестьяне, „изношенныя лапти въ большомъ количествѣ привѣшиваютъ подъ клюками (т. е., подъ жердями съ крючьями, поддерживающими стропила крыши и водосточные желобья) у крыши скотныхъ дворовъ на лицевую сторону — для того, чтобы скотина всякая велась“ ².

5. Изъ Котельническаго уѣзда той-же губерніи въ 1850-мъ году сообщено мѣстное повѣрье: „если у хозяина навѣшено около (скотнаго) двора много отопковъ, т. е. старыхъ лаптей, (навѣшиваютъ ихъ до воза и болѣе), то и скота много будетъ; если же лапти эти, отгнивъ, отпадутъ, и скотъ пройдетъ около ихъ, то бываетъ тяжело и ему“ ³.

6. Тотъ же самый обычай извѣстенъ мнѣ лично по впечатлѣніямъ дѣтства. На моей родинѣ, въ селѣ Люкѣ, Сарацульскаго уѣзда Вятской губерніи, въ 90-хъ годахъ XIX-го вѣка, можно было видѣть у нѣкоторыхъ крестьянъ груды „отопковъ“, т. е. изношенныхъ лаптей, висѣвшія около скотнаго двора. Крестьянскіе дома въ данной мѣстности большею частью смотрѣть на улицу конькомъ и двумя-тремя окнами избы. Въ одну линію съ выходящей на улицу стѣной

¹ Тамъ же, с. 183.

² Архивъ Географ. Общ. X, 14, рукопись свящ. А. Войтинева „Этнографические материалы изъ села Курчумскаго“.

³ Архивъ Географ. Общ. X, 28; рукопись свящ. М. Спасскаго „О жителяхъ Тороповскаго прихода, иограничныхъ съ вологодскими“.

фронтоне тянется заборъ, въ которомъ по одну сторону избы находятся ворота, черезъ которыхъ входятъ во дворъ и потомъ въ избу, а по другую сторону избы—дверцы для скота, ведущія на скотный дворъ. Изъ сѣней дома на тотъ же самый скотный дворъ выдается родь висячаго балкончика съ перилами, большей частью некрытаго и одновременно служащаго также отхожимъ мѣстомъ. На перилахъ этого самаго балкончика обычно и навѣшивались старые лапти, привязанные своими „оборами“ (веревками) такъ, чтобы они смотрѣли на скотный дворъ. А такъ какъ дома здѣсь строятся на высокихъ срубахъ („подпольяхъ“), то этотъ балкончикъ, полъ которого лежитъ всегда на одномъ уровне съ поломъ избы, виденъ бываетъ и съ улицы; видны вмѣстѣ съ тѣмъ и висящіе на немъ старые лапти,—въ тѣхъ, разумѣется, случаяхъ, когда скотный дворъ не крытый.

Груду старыхъ лаптей здѣсь вѣшаютъ на описанномъ мѣстѣ для того, чтобы велась скотина: ее никто тогда не „изурочить“ или не „сглазить“. Иными словами: старые лапти и здѣсь служатъ оберегомъ отъ злого глаза.

7. Съ аналогичнымъ обычаемъ мы пришлось столкнуться въ 1904-мъ году въ Усень-Ивановскомъ заводѣ Белебеевскаго уѣзда Уфимской губерніи. Только здѣсь старые лапти вѣшаютъ не на скотномъ дворѣ, а при входѣ въ домъ, у крыльца. Посѣтителю, при входѣ съ улицы въ ворота дома, прежде всего бросается въ глаза именно эта связка изношенныхъ лаптей, висящая на перилахъ крылечка или же на выдавшемся концѣ бревна сѣнной стѣны. Лаптей здѣсь вѣшаютъ по количеству меньше, чѣмъ въ Вятской губерніи, но и носять ихъ также рѣже.

Мѣстные крестьяне объясняли миѣ, что они привѣшиваютъ лапти для предохраненія отъ злого глаза всего того, что находится во дворѣ и въ домѣ: „ярость-та чтобы на лаптяхъ осталась“ ¹.

8. Въ селѣ Матчерка, Моршанскаго уѣзда Тамбовской губерніи, „во многихъ дворахъ при входѣ въ ворота бросается въ глаза связка (отъ 50-ти до 100 штукъ) „асметковъ“, т. е. изношеныхъ лаптей, привѣшенная или къ столбу, поддерживающему навѣсъ надъ воротами, или около крыльца; это „атъ лихова глаза: када лихой чилавѣкъ взглянить на нихъ и пыднится, тада ушъ опъ начаво у миня ии дварѣ ии сможить сглазить“ ².

9. Священникъ села Рупосова, Юхновскаго уѣзда, Смоленской губерніи, въ 1852-мъ году писалъ слѣдующее: „По многимъ домамъ моего прихода, едва ли и не въ каждомъ, при входѣ въ домъ, глазъ невольно встрѣтится съ старыми лаптями, которыхъ у богача не поды-

¹ Срв. мою статью „Черты быта Усень-Ивановскихъ старовѣровъ“ (Извѣстія Общ. Археологии, Исторіи и Этнографіи, XXI, 1905, № 3, стр. 233).

² Архивъ Географ. Общ. XL, 31: рукопись свящ. Стандровскаго 1854 года.

мешь и на возъ... На вопросъ мой, для чего у нихъ на дворѣ висятъ старые лапти, мужикъ, служащій при Волостномъ Правленіи полицейскимъ, отвѣчалъ: „А это вотъ, батюшка, для чего: виши ты, какъ взойдешь на дворъ, да видя такие лапти уже и подумаешь о нихъ да подивишься, къ чему они висятъ? Стало быть, уже старики баяли ¹ такъ: съ первого раза *глазъ и сломинь* надъ лаптями, тогда уже не сглазишь на дворѣ ни скотины, ни въ избу пришедши—сидящихъ за работою бабъ, либо вотъ когда бываетъ молодежь—ягниты и теляты, никогда ихъ никто не сглазить“. — Да, да, вотъ къ дѣлу запла рѣчь,— подхватилъ тутъ земской волостной писарь:—я видѣлъ тоже однажды у одного огородника: прѣѣхалъ я къ нему на огородъ, а у него вокругъ огорода на каждомъ почти колу висятъ по старому лапти. Я спросилъ у него: скажи, братъ старикъ, для чего это ты навѣсили столько лаптей на колы? аль чтобы воронья или какая итица не садились?— „Нѣть, братъ добрый человѣкъ; а вотъ для чего. Ты вотъ пришелъ къ огороду, да и дивишься лаптямъ; считаешь только ихъ, а на огородѣ мой и не смотриши. Коли бы не эти лапти, у меня бы такой капусты не было!“ — А у него такая была капуста, что рѣдко где было въ томъ году отыскать.— „И всякой такъ придется, да сперва глядѣть на лапти, да дивится имъ, а на капусту не глядѣть и не дивится; а то бъ давно ея не было: либо червь бы съѣѣлъ ее, либо какая мопка навалилась бы, и кочаньевъ-то не было бы, а то видишь, какие кочанья!“ ².

10. Въ Вязниковскомъ уѣздѣ, Владимирской губерніи, видя на головѣ у курѣ выщипанныя перья, заключаютъ, что курѣ не вѣлюбили *домової*; для устраненія этихъ непріязненныхъ отношеній къ курамъ домового, „въ курятникѣ подвѣшиваютъ кремнисто-бугроватый камень или глиняный рукомойникъ съ отбитымъ на половину дномъ, или, иаконецъ, перебрасываютъ черезъ пашесть, на коемъ сидѣть куры, на веревкѣ истоптанный лапоть“ ³. — Здѣсь характерно, что лапоть предназначается для умилостивленія „домового“, связь коего съ культомъ предковъ вѣдь сомнѣнія. Истоптанный лапоть здѣсь равнозначущъ съ „куринымъ богомъ“, который въ простѣйшемъ видѣ представляется собою камень съ естественною скважиною ⁴; въ немъ мы склонны видѣть каменное орудіе, предназначенное для предковъ.

11. У финской народности пермяковъ отмѣченъ весьма интересный для насъ обычай, имѣющій много общаго съ описанными выше рус-

¹ Говорили.

² Вѣстникъ И. Р. Географич. Общества, часть VII, 1853, смѣсь, стр. 40—41.—Село Рупосово, повидимому, великорусское, а не белорусское.

³ Архивъ Географ. Общ. VI, 53, рукопись Н. Добрынкина; срв. Труды • Владим. Губ. Статист. Комитета, VII, 1868, с. 67.

⁴ Нѣкоторые данные о „куриномъ богѣ“ сгруппированы въ моей статьѣ „Троепытница“ (Памятн. Книжка Вятск. губ. на 1906 г., с. 40 и 237).

скими обрядами. А именно: въ Великій четвергъ хозяїка дома „вѣситъ на передній уголъ дома голикъ и худой лапоть для защиты цыплять отъ коршуна и другихъ хищныхъ птицъ въ продолженіе лѣта“¹.

12. Еще изъ финской обрядности мы приведемъ одинъ вотяцкій поминальный обрядъ, который особенно для насъ интересенъ: „По окончаніи поминокъ² начинаются проводы покойниковъ, совершаемые слѣдующимъ образомъ. Берутъ старый лапоть, въ который кладутся перья, пухъ и уголь съ огнемъ. Этотъ лапоть уносить за околицу одинъ изъ мужчинъ. Унося его, онъ дуетъ на уголь, произнося слѣдующую молитву: „Старики, ѿшьте, пейте, да уходите отсюда; кто намъ завистникъ, того съ собой уведите; враговъ нашихъ, колдуновъ, съ собой уведите“³.

13. Съ этимъ вотяцкимъ обрядомъ поминокъ можно сопоставить одинъ чувашский поминальный же обрядъ. У чувашъ Казанской губерніи весенняя поминки по усопшимъ совершаются въ Великій четвергъ (такъ называемый „день выхода мертвыхъ“: *виль тухны кун*) или же въ среду и субботу той же страстной недѣли, иногда—на второй день Пасхи; въ это время, по чувашскимъ повѣрьямъ, покойники отпускаются изъ могилъ на волю. Кое-гдѣ при этихъ поминкахъ проходитъ обрядовое сожженіе старыхъ лаптей: съ пивомъ, блинами и крашеными яйцами вся деревня выходитъ въ поле, гдѣ раскладывается костеръ изъ изношенныхъ лаптей, нарочно для того сберегаемыхъ и просушиваемыхъ втеченіе недѣли; черезъ этотъ костеръ собравшіеся перепрыгиваютъ до трехъ разъ, а, уходя домой, приглашаютъ къ себѣ покойниковъ словами: „приходите, дѣдушки, бабушки, дѣтушки!.. для васъ сварены яйца, напечены блины“. Костеръ изъ старыхъ лаптей иногда разводится въ поддень, на берегу рѣки около деревни или же за рѣчкой; кое-гдѣ лапти сжигаютъ, передъ началомъ поминокъ, въ банѣ⁴. Наконецъ, иногда вместо старыхъ лаптей сжигаютъ „кожуру съ лыкъ“⁵.—На основаніи этого послѣдняго обстоятельства можно было бы думать о связи данного обряда съ культомъ деревьевъ и вообще растительности⁶: по замѣчательно,

¹ Роговъ, Материалы для описанія быта пермяковъ (Пермскій Сборникъ вып. II. М. 1860, отд. 2, стр. 28).

² Рѣчь о поминкахъ общихъ, совершаемыхъ въ опредѣленное время года, а не послѣ смерти кого-либо одного.

³ П. М. Богаевскій, Очерки религіозныхъ представлений вотяковъ (Этнографич. Обозрѣніе, VII, 1890, № 4, стр. 56). Курсивъ вездѣ нашъ.

⁴ В. Магнитскій. Материалы къ объясненію старой чувашской вѣры, 183—184.

⁵ Тамъ же, с. 183.

⁶ Срв. съ этимъ голикъ (старый вѣнникъ), который иногда замѣняетъ старый лапоть въ обрядѣ пермяковъ; срв. вѣники, которыми хлещутъ мальчики тещу въ Череповѣскомъ уѣздѣ (Этнограф. Обозр. 1894, № 1, с. 123).

что человѣка, обувшагося на Пасхѣ (т. е. во время этихъ самыхъ поминокъ) въ *старые* лапти, чувавши называютъ „колдуномъ, наговорщикомъ“ (*тогатмыи*) ¹.—Больше оснований думать, что сожженіе лаптей—жертва умершимъ, которые, конечно, могутъ пользоваться всѣмъ тѣмъ, что въ честь ихъ сожжено.

Мы не останавливаемся на обычаяхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ интересующею насъ группою обрядовъ. Напр., въ Казанской губерніи, при задержаніи у роженицы послѣда, привязываютъ къ ея цуповинѣ мужнинъ лапоть и водятъ ее по избѣ ². Думаемъ, что въ данномъ случаѣ прежде брался вообще какой-нибудь легкій предметъ, который однако же производилъ бы извѣстное надавливаніе и притомъ былъ бы удобенъ для привязыванья; лапоть удовлетворяетъ этимъ требованіямъ; потомъ, по аналогіи съ другими предметами, употребляемыми при родахъ, стали брать именно мужнинъ лапоть.—У Удиновъ Нухинскаго уѣзда, для ускоренія родовъ, даютъ роженицѣ пить, между прочимъ, воду изъ лаптя ³; этимъ, думаемъ мы, просто-на-просто хотятъ вызвать отвращеніе и позывъ къ рвотѣ.

Разсматривая приведенные нами выше свидѣтельства о русскихъ и финскихъ обрядахъ со старою обувью, мы прежде всего замѣчаемъ, что въ 6-ти изъ нихъ старые лапти одинаково служать оберегомъ отъ злого глаза; чаще всего они предохраняютъ отъ злого глаза скотъ, почему и вывѣшиваются на скотномъ дворѣ (№№ 4, 5 и 6; срв. 10); несолько рѣже предохраняютъ они всѣхъ обитателей дома (7 и 9), изъ числа коихъ, конечно, не исключается и домашній скотъ; еще рѣже (9)—огородныя овоци. По пермяцкому повѣрью (11), „худой лапоть“ предохраняетъ домашнюю птицу и притомъ не отъ злого глаза, а отъ хищныхъ птицъ. Но тутъ существенной разницы можетъ и не быть: злой глазъ вредитъ скотинѣ не самъ по себѣ, а насыпая на нее разныя бѣдствія; чаще всего, правда, такими бѣдствіями являются болѣзни, но и похищеніе домашней птицы коршуномъ весьма легко можетъ быть въ числѣ такихъ же бѣдствій. Однако, во Владимірской губерніи (10) старый лапоть предохраняетъ куръ отъ злого домового, чтобъ связать съ повѣрьями о зломъ глазѣ врядъ ли возможно.

Нѣчто особенное представляеть собою котельническое (3) повѣрье о томъ, что если вывѣшенніе на скотномъ дворѣ лапти, „отгнивъ, отпадутъ, и скотъ пройдетъ мимо ихъ, то бываетъ тяжело и ему“. Мы склонны думать, что это послѣднее повѣрье возникло, такъ сказать, на почвѣ опыта: въ данной мѣстности навѣшиваютъ лаптей

¹ В. Магнитскій, тамъ же, с. 183.

² Аршиновъ, О народномъ лѣченіи въ Казанской губ. (Изв. Общ. Археологии, Исторіи и Этнографіи, LXI, прилож., стр. 12).

³ М. Бежановъ, Краткія свѣдѣнія о с. Варташенѣ и его жителяхъ (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа, XIV, 1892, отд. 1, стр. 244—5).

„до воза и болѣе“; если такая громада упадетъ на лежащую корову,— не говоря уже о мелкомъ скотѣ, — то скотинѣ, конечно, не поздоровится. Случай такого рода, предполагаемъ мы, и дали поводъ къ появлѣнію этого новаго повѣрья.

Русскіе обряды, какъ мы уже замѣчали, не связаны съ опредѣленнымъ временемъ. Сколько намъ извѣстно, навѣшанные лапти никогда не убираются; навѣшиваются же ихъ по мѣрѣ накопленія: износятся лапти, и ихъ кладутъ вмѣстѣ съ другими. Но у финновъ и у чувашъ (13) еще сохранилась связь этихъ обрядовъ съ опредѣленнымъ моментомъ; въ вотяцкомъ обрядѣ (12) связь эта очень ясна: обрядъ совершается при окончаніи поминокъ; старый лапоть здѣсь является безспорною жертвою умершимъ предкамъ и предназначается служить имъ обувью при уходѣ съ поминокъ обратно въ загробный міръ.

Въ пермяцкомъ обычай (11) не трудно усмотреть связь съ тѣми же поминальными обрядами. Великій четвергъ, когда пермяки вѣшаютъ на переднюю часть дома старый лапоть,—день всеобщаго поминовенія умершихъ предковъ; предполагается, что въ этотъ день умершіе предки приходятъ въ жилища своихъ потомковъ¹⁾.

Мы не упомянули здѣсь о рязанскомъ и казанскомъ свадебныхъ обрядахъ (№ 1 и 2), объ особенностяхъ коихъ была рѣчь выше; здѣсь все иначе: и время совершенія обряда—на свадьбѣ, и наличность бросанія лаптя, тогда какъ во всѣхъ прочихъ русскихъ обрядахъ лапти просто выставляются на видное мѣсто. Эти свадебные обряды, равно

¹⁾ По свидѣтельству Столгава (41-я глава, вопр. 26), въ этотъ день „порану солому палять и кличуютъ мертвыхъ“. По словамъ древнерусскаго поученія до-монгольской эпохи, въ этотъ день предлагаютъ мертвымъ разную пищу и тоянуть для нихъ бани; посреди бани насыпаютъ пепелъ, и если потомъ замѣчаютъ на этомъ пеплѣ слѣды, того говорятъ: „приходили къ намъ навыя (т.-е. покойники) мыться“ (Жив. Стар. IV, 1891, стр. 229, замѣтка А. И. Соболевскаго). Этотъ древнерусскій обычай сохранился въ с. Копально, Пермскаго уѣзда и губерніи, гдѣ тоянуть баню для умершихъ наканунѣ родительскаго дня во вторникъ Фоминой недѣли; въ наполненную баню уносятъ вѣнникъ, мыло и бѣлье, но сами не моются: грѣшно, да и можно встрѣтиться съ покойникомъ, да и баникъ напугаетъ; на другой день здѣсь тѣхъ же умершихъ угошаютъ обѣдомъ въ запертої комнатѣ (Архивъ Географ. Общ. XXIX, 77, рукопись Ф. Дягилева, 1889 г.). Таковы русскія повѣрья; но финская мифологія тѣснѣйшимъ образомъ переплетена съ русскою. Какъ и у русскихъ, у финновъ поминки съ В. четверга перенесены теперь на Радуницу (Пермск. Сборн. II, 29 и 125; Б. Гавриловъ, Произведенія нар. слов., обр. и пов. вотяковъ, 185). У симбирскихъ чувашъ въ концѣ XVIII-го вѣка поминки умершихъ въ четвергъ Страстной недѣли были еще обычными. (К. Мильковичъ, О чувашахъ. Казань, 1888, стр. 19). Уржумскіе черемисы продолжаютъ и теперь поминать покойниковъ въ четвергъ на Страстной недѣлѣ, причемъ день этотъ извѣстенъ у нихъ подъ именемъ „щелочного дня“ (койкече), потому что въ этотъ день покойники приходятъ мыться въ баню (Архивъ Географ. Общ. X, 60, Милютинъ)—повѣрье, совершенно тождественное съ описаннѣемъ выше древне-русскимъ.

какъ и первый чувашскій обычай (3) вполнѣ почти тожественны съ описанными выше западно-европейскими обрядами, и въ особыхъ комментаріяхъ не нуждаются.

Переходя теперь къ объясненію изложенныхъ выше русскихъ обрядовъ со старою обувью, мы прежде всего приведемъ тѣ толкованія, которыя уже даны въ этнографической литературѣ аналогичнымъ обычаямъ западно-европейскихъ народовъ, индійцевъ и турокъ.

Старымъ авторамъ были известны главнымъ образомъ *свадебные* обряды интересующаго насъ цикла, и въ своихъ объясненіяхъ они исходили именно изъ свадебныхъ обрядовъ. Макъ Ленинапъ видѣлъ въ свадебномъ бросаніи башмаковъ пережитокъ древняго брака черезъ похищеніе¹. Либрехтъ усматривалъ въ томъ же обрядѣ афродизи-ческій символъ²; всѣ не-свадебные обряды со старою обувью онъ считаетъ производными отъ соответствующихъ свадебныхъ обычаевъ. Нердризетъ и Гучинсонъ объясняютъ свадебный обычай бросанія обуви, какъ знакъ выхода невѣсты изъ-подъ отеческой власти, и въ качествѣ аналогіи указываютъ на древній еврейскій обычай, описанный въ книгѣ „Руѣ“: „прежде такой былъ обычай у Израиля при выкупѣ³ при мѣнѣ, для подтвержденія какого-либо дѣла: одинъ снималъ саногъ свой и давалъ другому, и это было свидѣтельствомъ у Израиля“⁴.

Всѣ эти однобокія объясненія разобраны и признаны несостоятельными у Захаріе⁵ и у Самтера⁶. Для толкованія русскихъ обрядовъ они во всякомъ случаѣ не примѣнимы; даже и рязанскій свадебный обрядъ не можетъ быть совсѣмъ понятенъ съ точки зрѣнія М. Ленина, Либрехта или Гучисона: здесь старую обувь бросаютъ не въ невѣstu, а въ сваху.

Захаріе высказалъ предположеніе, согласно которому башмаки служатъ оберегомъ отъ злыхъ духовъ потому, что духи боятся кожи⁶. И это сомнительное объясненіе совершенно не примѣнимо къ русскимъ обрядамъ, въ которыхъ кожаная обувь никогда не употребляется, а употребляются только лапти, плетеные изъ древесной (именновиповой) коры.

Гольдманъ видѣлъ въ обрядѣ бросанія башмаковъ путевую чару (Reisezauber), при которой присущая человѣческой ногѣ предохранительная сила переносится на башмаки⁷. Изъ нашихъ обрядовъ такое толкованіе примѣнено только къ рязанскому свадебному обряду (1), а также къ первому чувашскому (3).

¹ Лэбокъ, Начало цивилизаций, и первобытн. сост. человѣка. Спб. 1871, с. 69.

² F. Liebrecht, Zur Volkskunde, 492.

³ Руѣ, IV, 7. Другія цитаты см. у Samter'a, Geburt, Hochzeit und Tod, 197.

⁴ Zachariae, тамъ же, стр. 136—137.

⁵ Samter, тамъ же, стр. 197—198, 200.

⁶ Zachariae, тамъ же, стр. 138, прим.

⁷ Goldmann, Beitrage zur Geschichte der germanischen Freilassung, стр. 20 (Untersuchungen zur Deutschen Staats- und Rechtsgeschichte, herausg. von Otto Gierke,

Шире смотря́ть на дѣло Сартори, толкованіе коего принимаетъ и развиваетъ Захаріе, и особенно Самтеръ, которому принадлежитъ наиболѣе удовлетворительное объясненіе интересующихъ нась обрядовъ. По Сартори, бросаніе башмаковъ служить символомъ счастья и благословенія; въ частности, на свадьбѣ оно означаетъ будущую плодовитость брака¹; но на чёмъ основано это символическое значеніе башмаковъ, Сартори не объясняетъ. Вопросъ этотъ пытается уяснить Захаріе, который видить въ бросаніи башмаковъ чару, предохраняющую отъ злого глаза и т. п. и вмѣстѣ приносящую счастье и благополучіе². Вопросъ о происхожденіи такой чары остается однако же мало выясненнымъ.—Это объясненіе Сартори-Захаріе можно примѣнить и къ русскимъ обрядамъ, если предполагать, что существовавшіе прежде обряды бросанія старой обуви вымерли и сохранилось только общее значеніе обуви, какъ оберега.

Однако, лучше всего подходить къ русскимъ обрядамъ объясненіе Самтера, особенно съ нѣкоторыми поправками. Самтеръ объясняетъ обряды со старою обувью, какъ жертвоприношеніе умершимъ предкамъ. У него впервые подчеркивается съ нужнымъ вниманіемъ то обстоятельство, почему въ данныхъ обрядахъ употребляется *старая* обувь, а не новая.

Самтеръ прежде всего приводить рядъ свидѣтельствъ въ доказательство того, что предметы обуви, равно какъ и разныя другія принадлежности одежды, дѣйствительно употребляются въ качествѣ жертвенныхъ приношеній. Старая, испепленная³ обувь приносится потому, что она легко можетъ быть разсмотрима, какъ часть самаго человѣка, приносящаго эту жертву; приношеніе въ жертву духамъ, особенно же умершимъ, какой-нибудь частицы своего тѣла (волосъ, крови) или своего имущества очень обычно и имѣеть цѣлью удовлетворить этой частицею духовъ, чтобы предохранить все остальное.

Рядомъ съ этимъ, первымъ и главнымъ, мотивомъ къ жертвоприношенію старой обуви могъ быть и другой, содѣйствующій мотивъ. Весьма широко распространенъ у разныхъ народовъ обычай полагать въ гробы умершихъ обувь⁴. Послѣдняя, естественно, предназначалась для перехода покойниковъ въ потусторонній міръ. Приносить въ жертву умершимъ обувь послѣ того, какъ переходъ этотъ уже совер-

70 Heft). Послѣ Гольдманомъ было высказано новое мнѣніе, о которомъ мы упомянемъ ниже.

¹ Sartori, тамъ же, стр. 153.

² Zachariae, тамъ же, стр. 137—138

³ Какъ на второстепенную причину этого предпочтенія *старой* обуви Самтеръ указываетъ на то обстоятельство, что въ чародѣйствѣ вообще предпочитаются древнія вещи, полученные въ наслѣдство (стр. 268, прим. 1).

⁴ Къ приведеннымъ у Самтера многочисленнымъ фактамъ этого рода стоило бы прибавить современные обычаи финскихъ народовъ: черемисы въ

шился, было, по словамъ Самтера, не логично; но религіозные обряды развиваются далеко не всегда по законамъ логики. Можно думать о такой связи: такъ какъ башмаки издавна полагались въ гробы мертвыхъ, то естественно, что на нихъ стали смотрѣть, какъ на особенно пріятный мертвымъ даръ, почему и избирали ихъ предпочтительнымъ предметомъ свадебнаго жертвенного приношеннія; большая часть свадебныхъ обрядовъ прежде всего имѣеть въ виду умершихъ предковъ¹.

Наконецъ, Самтеръ допускаетъ возможность и еще одного второстепеннааго мотива, выставленнаго Гольдманомъ. По новѣйшему мнѣнію Гольдмана, бросаніе башмаковъ есть обрядъ путевой чары, служащей знакомъ подчиненія, принятія во владѣніе; являясь жертвою добрымъ духамъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ желаніе подчинить себѣ волю злыхъ духовъ².

Описанные нами выше русскіе обряды со старою обувью могутъ служить лишнимъ доказательствомъ въ пользу того, что предложенное Самтеромъ объясненіе подобныхъ обрядовъ, какъ жертвоприношеннія умершимъ, справедливо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на основаніи русскихъ и финскихъ обрядовъ не трудно внести въ объясненія Самтера нѣкоторыя поправки и дополненія.

Вопреки Самтеру, ничего „не логичнаго“ въ томъ, что умершимъ приносится обувь долго спустя послѣ перехода ихъ въ потусторонній міръ, нѣтъ. Во время поминокъ, а вѣроятно и въ другое время, умершіе предки посѣщаются жилище своихъ потомковъ. Для ихъ возращенія въ обратный путь (№ 12; срв. 13), а также и для удобства ихъ при осмотрѣ скотнаго двора, всегда грязнаго, имъ нужна обувь, которая имъ и предлагается въ разсмотрѣнныхъ нами обрядахъ. Въ пермяцкомъ обрядѣ (11) еще и теперь старая обувь выставляется на видное и почетное мѣсто дома (передній уголъ) въ день поминокъ, когда именно умершіе предки и приходятъ въ домъ, хотя связь обряда съ культомъ предковъ уже совершенно забыта. Можно предполагать, что и русскіе нѣкогда вывѣшивали обувь также въ дни поминокъ.

Для путешествія и вообще для удобнаго хожденія годится не всякая обувь; нужна обувь по ногѣ, которая бы не давила, не терла и т. п. Особенно это важно для старииковъ. Если теперь умершимъ предкамъ предложить новые лапти, то они, пожалуй, окажутся не по

гробъ покойника-мужчины кладутъ, между прочимъ, и начатый плетеніемъ, но неоконченный лапоть съ кочедыкомъ, т.-е. съ особымъ шиломъ для плетенія (С. Кузнецовъ, Культъ умершихъ и загробн. вѣров. луговыхъ черемисъ: Этнограф. Обозр. 1904, № 1, стр. 81). То же дѣлаютъ и чуваши (Ѳ. Виноградовъ, Слѣды язычества въ дом. обих. чувашъ, 16; Леопольдовъ, Статистич. опис. Сарат. губ. 43).

¹ Samter, тамъ же, стр. 206—208.

² Mitteilungen des Instituts fr österreich. Geschichtsforschung, XXX, стр. 332 и слѣд.; Samter, тамъ же, стр. 210.

ногъ старикамъ или вообще не понравятся имъ почему-либо. Какъ удовлетворить вкусу стариковъ въ данномъ случаѣ, вкусу, часто столь прихотливому?—Проще всего, конечно, предложить имъ ту самую обувь, въ которой они сами ходили при жизни, или, по крайней мѣрѣ, вообще старую обувь, разношеннюю и обношеннюю, которая легко надѣнется на ногу и не станетъ давить ее; въ крайнемъ случаѣ желательна обувь, которую умершіе старики видѣли въ свое время, а то они еще, пожалуй, ея и не узнаютъ. Правда, эта старая обувь еле держится на погахъ; но для мертвыхъ она годится: у нихъ все не совсѣмъ по-нашему.

Подъ вліяніемъ такихъ разсужденій, думаемъ мы, для умершихъ предковъ стали вывѣшивать именно старую, изношенную, казалось бы ни на что негодную обувь. Нечего и говорить о томъ, что при этомъ всегда удерживается тотъ именно типъ обуви, который носили предки: предложи имъ новый, модный, типъ, и они, конечно, не узнаютъ его, осердятся, ходя босыми, и навредятъ. Потому-то, конечно, у русскихъ и у финновъ кожаная обувь въ интересующихъ насъ обрядахъ совершенно не употребляется: въ старину всѣ носили лапти, а не кожаные сапоги.

Домашній скотъ находится подъ особливымъ покровительствомъ умершихъ предковъ. Не даромъ же „домовой“,—олицетвореніе умершаго предка, оставшагося „дома“, а не ушедшаго въ дальний міръ,—ближе всего стоитъ именно къ скоту. Если же старые лапти предназначаются для прихода умершихъ предковъ съ того свѣта, то въ лицѣ ихъ домашній скотъ получаетъ новыхъ покровителей; для него, такимъ образомъ, есть всѣ данные хорошо вестись. И это тѣмъ болѣе, что, при обилії знакомой и удобной обуви, пришедши посѣтить родной домъ умершіе предки, конечно, не полѣнятся обойти всѣ скотные хлѣвы, конюшни и закутки, какъ бы въ нихъ ни было грязно.

Но конечно, покровительство умершихъ предковъ простирается и на другія стороны домашняго обихода. Если, въ частности, умерший предокъ отправится вмѣстѣ съ живымъ своимъ потомкомъ куда-либо въ путь, то отъ такого желательнаго спутника можно ожидать только помощи и успѣха. Но какимъ способомъ можно вызвать загробнаго гостя на такое совмѣстное путешествіе?—Предложить ему для дороги удобную для него обувь.—На такой почвѣ мы склонны объяснять обряды съ бросаніемъ старой обуви въ спину отправляющихся куда-либо.

Восточные народы, по справедливому замѣчанію одного русскаго этнографа, живутъ подъ постояннымъ страхомъ злого глаза ¹. На этой почвѣ легко могло возникнуть новое объясненіе жертвенныхъ принесеній старой обуви. Объясненіе это, столь широко распространенное въ Россіи, Индіи и Турціи, легко могло утвердиться чисто раціоналисти-

¹ Н. Ф. Сумцовъ, Культурныя переживанія. Киевъ. 1890, стр. 233.

ческимъ путемъ: созерцаніе большого количества ни къ чему негодныхъ, некрасивыхъ и грязныхъ отбросовъ, сохраняемыхъ на видномъ или даже на почетномъ мѣстѣ, производить на человѣка, особенно новаго, очень сильное впечатлѣніе: посторонняго зрителя оно удивляетъ и поражаетъ своею неожиданностью, въ привычномъ — возбуждаетъ невольную улыбку. Въ томъ и другомъ случаѣ возможность гипнотического воздействиа со стороны этого зрителя, дѣйствительна, на данный моментъ, исключается или, по крайней мѣрѣ, ослабляется.

Разсмотрѣнныи обычай, которому такъ посчастливилось въ западно-европейской этнографической литературѣ, можетъ пролить свѣтъ на исторію другихъ аналогичныхъ народныхъ обычаевъ и прежде всего — такъ называемыхъ „куриныхъ боговъ“. Оберегомъ для куръ служить камень съ природнымъ въ немъ отверстиемъ, иногда замѣняемый ручкою отъ разбитаго кувшина. Во Владимѣрской губерніи, какъ мы выше видѣли, такой „куриний богъ“ иногда замѣняется изношеннымъ лаптѣмъ. По аналогіи съ этимъ послѣднимъ, и въ „куриномъ богѣ“ нужно видѣть нечто, предназначаемое для пользованія умершихъ предковъ; что именно,—на этотъ вопросъ можно будетъ отвѣтить съ точностью только послѣ детального обслѣдованія формы „куриныхъ боговъ“; теперь же можно лишь предполагать, что это — простѣйшее каменное орудіе, которое нужно умершему предку, вѣроятно, для расправы съ тѣми существами, которыхъ вредятъ курамъ.

Другой, повидимому также аналогичный разсмотрѣнному обрядъ существуетъ на Вяткѣ въ такомъ видѣ: Въ Великій четвергъ, до восхода солнца, хозяйка дома, нагая, бѣжитъ со старымъ горшкомъ въ рукѣ на огородъ и опрокидываетъ горшокъ на колъ; горшокъ остается опрокинутымъ на колу втеченіе всего лѣта — онъ предохраняетъ куръ отъ хищной птицы. Въ такомъ видѣ обрядъ этотъ совершаєтся, по моимъ наблюденіямъ, въ Сарапульскомъ уѣздѣ. В. Магницкій отмѣтилъ его въ Уржумскомъ уѣздѣ той же губерніи¹. Въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губ. „старый горшокъ, помѣщаемый на высокомъ мѣстѣ двора, гдѣ находятся курицы наѣстѣ“, называется „куричимъ богомъ“; по мѣстному народному повѣрю, „въ этомъ горшкѣ селится духъ, покровительствующій курамъ“². — Если это опрокидываніе горшка, въ критический день Нового года³, на высокій колъ во дворѣ не есть магическое закрываніе двора отъ хищной птицы (такое предположеніе весьма вѣроятно), — то въ немъ можно будетъ видѣть также жертву предкамъ: не исключена возможность, что горшокъ прежде выносили съ какой-либо пищей.

Дм. Зеленинъ.

¹ В. Магницкій. Повѣрья и обряды въ Уржумскомъ уѣздѣ. Вятка. 1883, с. 16.

² Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. 72, с. 45, ст. В. Волоцкаго.

³ Русскіе обряды Великаго четверга почти не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что это — обряды въ день Нового года, который, къ тому же, никогда падалъ именно на мартъ мѣсяцъ.

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи.

Образъ Горя.

I.

Мѣсто повѣсти среди произведеній народной поэзіи.

Вопроſъ объ отношеніи Повѣсти о Горѣ-Злочастіи къ русской народной поэзіи пока еще не решенъ въ опредѣленномъ смыслѣ. Первый изда́тель повѣсти, Н. И. Костомаровъ, колебался въ опредѣлении ея характера; признавая, что по формѣ она принадлежитъ къ разряду былинъ, Костомаровъ не счелъ возможнымъ всецѣло причислить ее къ этому разряду; по выражению Костомарова, „и философскій тонъ, и стройное изложеніе показываютъ въ ней не чисто народное, а сочиненное произведеніе“. То же колебаніе замѣтно у всѣхъ изслѣдователей, касавшихся повѣсти. Послѣдній изда́тель ея, г. Сиповскій, видѣть въ народныхъ произведеніяхъ, группирующихся около повѣсти, „элементы, изъ которыхъ она сложилась“; но обращаясь къ пѣснямъ о Горѣ, ближайшимъ по содержанію къ повѣсти, г. Сиповскій признаетъ, что эти пѣсни въ пѣкоторыхъ отношеніяхъ сокращаютъ текстъ повѣсти¹, изъ чего прямо слѣдуетъ выводъ, что они восходятъ къ ней и не могли служить ея элементами.

Чтобы выяснить отношеніе повѣсти къ устнымъ произведеніямъ, необходимо прежде всего опредѣлить составные элементы повѣсти. Содержаніе ея сводится къ слѣдующимъ чертамъ:

- 1) Грѣхопаденіе Адама.
- 2) Наставлени¤ родителей молодцу.
- 3) Ограбленіе молодца другомъ въ кабакѣ и уходъ на чужую сторону.
- 4) Молодецъ на пиру.
- 5) Наставлени¤ добрыхъ людей.

¹ Вводная статья Костомарова перепечатана при изданіи Н. Симони: Памятники старинного русского языка и словесности, вып. VII, I, Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, стр. 5. Вводная ст. В. В. Сиповскаго—въ его изданіи: Русскія повѣсти XVII — XVIII в. в. Спб. 1905. Стр. XXXVI — XXXVII.

- 6) Наживаніе богатства.
- 7) Намѣреніе жениться.
- 8) Горе подслушиваетъ похвалъбу молодца.
- 9) Совѣтъ Горя отказать невѣстѣ и идти въ кабакъ.
- 10) Второй совѣтъ Горя, явившагося въ видѣ Архангела Гавриила.
 - 11) Второе пьянство молодца и второй уходъ на чужую сторону.
 - 12) Рѣка на дорогѣ.
 - 13) Намѣреніе молодца утопиться.
 - 14) Горе мѣшаеть этому намѣренію и заставляетъ молодца поклониться ему до земли.
 - 15) Перевозчики перевозятъ молодца за его хорошую напѣвочку.
 - 16) Добрые люди, крестьяне, совѣтуютъ молодцу идти на родину и просить прощенія у родителей.
 - 17) Новое появленіе Горя въ полѣ.
 - 18) Оборотничество молодца и Горя.
 - 19) Горе совѣтуетъ бить и грабить людей.
 - 20) Уходъ молодца въ монастырь.

Таковы основныя черты содержанія новѣсти. Отдельно нѣкоторыя изъ этихъ чертъ находятся во многихъ народныхъ произведеніяхъ; но для насъ важнѣе найти такія, въ которыхъ повторялись бы всѣ главнѣйшія черты содержанія повѣсти. Таковыми нужно признать двѣ „старины“, записанныя въ Кижахъ, Петрозаводскаго у., отъ двухъ известныхъ сказателей Кузьмы Романова¹ и Трофима Рябинина². Изъ 20 намѣченныхъ выше чертъ въ содержаніи повѣсти въ пересказѣ Романова содержатся слѣдующія 12 черты: 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 12, 13, 15, 18, 20. Въ пересказѣ Рябинина содержится слѣдующія 4 черты: 6, 11, 17, 18; что касается третьей черты, то она измѣнена въ томъ смыслѣ, что молодца грабить не другъ, а голи кабацкіе. Изъ этого сравненія видно, что пересказъ Рябинина столь же отличается отъ пересказа Романова, какъ послѣдній отъ повѣсти; но и въ первомъ содержатся черты повѣсти, выпавшія въ пересказѣ Романова. Тотъ видъ былины, отъ котораго пошли два известные намъ варіанта, очевидно, имѣлъ 14 черть изъ намѣченныхъ мною 20. Отсюда ясно, что повѣсть и двѣ былины представляютъ собою три варіанта одного и того же произведения. Можно думать, что нѣкоторыя черты по выхъ пересказовъ выпали еще въ повѣсти, несмотря на то, что она была записана въ XVII в. Сюда, напр., можно отнести название рѣки „Смородина“, сохраненное въ пересказѣ Романова (а также въ краткихъ пересказахъ сборника Варепцова).

¹ Пѣсни Рыбникова, I изд., т. I, 479; II изд., т. I, 307.

² Тоже, I изд., т. 471; II изд., т. I, 133; Гильфердингъ, № 90.

Указанныя отношения повѣсти къ былинамъ новой записи не устраниютъ предположенія такого рода: не представляютъ ли собою олонецкія старины народную передѣлку литературнаго произведенія? Чтобы выяснить этотъ вопросъ, остановимся на тѣхъ чертахъ повѣсти, которымъ нѣтъ соотвѣтствія въ указанныхъ былинахъ:

1) Грѣхопаденіе Адама.

Эта черта, играющая роль вступленія въ повѣствованіе, въ той же роли имѣется въ пересказѣ духовнаго стиха о Голубиной книгѣ, включенномъ въ сборникъ Кирши Данилова. Зачинъ этого пересказа почти буквально совпадаетъ съ зачиномъ повѣсти.

Повѣсть о Горѣ.

А въ началѣ вѣка сего тлѣннаго сотворилъ небо и землю, сотворилъ Богъ Адама и Евву. Повелѣль имъ жити во святомъ раю, далъ имъ заповѣдь божественну: не повелѣль вкушати плода винограднаго отъ едемскаго древа великаго... Прельстился Адамъ со Евою..., вкусили плода винограднаго отъ дивнаго древа великаго... И вселилъ ихъ на землю на нискую... и отъ своихъ трудовъ велѣль имъ сытымъ быть...

Стихъ о Голубиной книгѣ.

Да съ начала вѣка животлѣннова сотворилъ Богъ небо со землею, сотворилъ Богъ Адама съ Евою. Надѣлилъ питаньемъ во свѣтломъ раю... жити во свою волю, положилъ Господь на ихъ заповѣдь великую...: не скушать Адаму съ едново древа тово сладка плоду виноградова... Прелестила эмъя подколодная, приносила ягоды съ единица древа. Одну ягоду воскушаль Адамъ... Опушталъ на землю ево трудную... Отъ своихъ трудовъ онъ сталъ сытымъ быть...

8) Горе подслушиваетъ похвалъ молодца.

Эта черта, играющая въ повѣсти роль главнѣйшаго момента, когда впервые появляется Горе; въ той же самой роли имѣется въ стихѣ про удачу-добраго молодца¹. Въ повѣсти молодецъ хвастается своимъ счастьемъ и богатствомъ; его „хвастанье молодецкое“ подслушивается Горе; въ стихѣ онъ восхваляетъ себя за родство и прирождество; Горе является тотчасъ изъ-подъ моста, по которому погуливавъ молодецъ, „со того слова съ молодецкаго“. Въ отличие отъ повѣсти Горе является въ стихѣ послѣ рѣчи о рѣкѣ Смородынѣ или Смородовкѣ; по въ этомъ отношеніи стихъ сходенъ съ варіантомъ повѣсти—указанной выше былиной Рябинина, въ которой Горе появляется на сцену въ самомъ концѣ, когда молодецъ побѣжалъ въ поле.

¹ В. Варенцовъ, Сборникъ русскихъ дух. стиховъ, 128, 131.

Такимъ образомъ, оказывается, что двѣ важныя черты повѣсти, не сохранившіяся въ олонецкихъ старинахъ, находятся въ другихъ произведеніяхъ устной поэзіи. Изъ этого факта самъ собою вытекаетъ выводъ, что повѣсть о Горѣ-Злочастіи—устное произведеніе, стоящее на границѣ между былинами и духовными стихами.

Дошедшій до насъ въ единственной рукописи текстъ Повѣсти о Горѣ-Злочастіи нельзя признать вполнѣ точною записью эпической пѣсни. Нѣкоторыя частности этого текста довольно легко выдѣлить изъ состава Повѣсти, въ виду того, что онѣ не подходятъ подъ стихотворный метръ. Сюда принадлежать между прочимъ начальныя слова Повѣсти. Вотъ эти слова: „Изволеніемъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Вседержителя отъ начала вѣка человѣческаго“. Далѣе слѣдуютъ слова, точно соотвѣтствующія началу „Голубиной книги“ въ пересказѣ Кирши Данилова. Этими словами, и начиналась, очевидно, пѣсня. Что-же касается выдѣленныхъ мною выраженій, то слова „отъ начала вѣка человѣческаго“ не имѣютъ синтаксического смысла, слѣдовательно, представляютъ собою очевидную вставку, а стоящія передъ этой вставкой слова являются приступомъ, повидимому, традиціоннымъ у сѣверно-русскихъ повѣствователей-книжниковъ XVI—XVII в.в. Точно такимъ приступомъ начинается „Повѣсть о приходѣ царя Иоанна IV Василіевича въ Новгородъ“: „Посѣщеніемъ и изволеніемъ и наказаніемъ Вседержителя Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа¹. Сходство между исторической повѣстью о разгромѣ Новгорода и Повѣстью о Горѣ-Злочастіи не ограничивается начальными словами: во введеніи къ первой повѣсти проводится та же идея, что и въ Повѣсти о Горѣ. Авторъ повѣсти о новгородскомъ погромѣ говорить о томъ, что „приходитъ съ небеси гиѣвъ Божій на сыны противнія и непокорнія“ Идея необходимости покоряться проводится и во вступленіи къ Повѣсти о Горѣ („илемя... къ своей матери непокорливо“). На основаніи изслѣдованія метрической стороны Повѣсти о Горѣ возможно выдѣлить и другія мѣста, въ которыхъ можно распознать авторство неизвѣстнаго лица, запи-
савшаго или, лучше сказать, изложившаго письменно пѣсенный текстъ. Такимъ образомъ можно выдѣлить, напр., слѣдующія книжническія выраженія: 1) „безживотіе злое, сопостатнія находы, злуу непомѣрную наготу и босоту, и безконечную нищету и недостатки послѣдніе“; 2) „тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери“, и т. п.

Теперь обратимся къ вопросу о происхожденіи поэтическаго образа Горя, который носить въ повѣсти не вполнѣ опредѣленный характеръ.

¹ Новгородскія лѣтописи. Спб. 1879. Стр. 393.

II.

Происхождение поэтического образа Горя.

Въ одномъ причитаніи, записанномъ въ Олонецкой губ., разсказывается о томъ, что Горе сидѣло въ подземельныхъ норахъ: когда эти норы раскрыли,

Съ подземелья злое Горе разомъ бросилось...
Много прибрало семейныхъ головушекъ,
Овдовило честныхъ мужнихъ молодыхъ женъ,
Осиротило сиротныхъ малыхъ дѣтушекъ.

По замѣчанію Жданова, адѣсь образъ Горя вполнѣ совпадаетъ съ представлениемъ Смерти ¹. Подобнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ повѣсти Горе представлено всегубительнымъ существомъ, похожимъ не на злую участь вообще, а именно на смерть:

Молодецъ сталь в полѣ ковыл-трава,
А Горе пришло с косою вострою;
Да еще Злочастіе над молотцемъ насыпалося:
„Быть тебѣ, травонка, посѣченой,
„Чежат тебѣ, травонка, посѣченой
„И буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной!“
Понешил молодец в море рыбою,
А Горе за нимъ счастными неводами;
Еще Горе злочастное насыпалося:
„Быти тебѣ, рыбонкѣ, у бережку уловленой,
„Быть тебѣ да и съѣденой,
„Умереть будетъ напрасною смертію!“

Такого рода представленія Горя находятъ себѣ полное соотвѣтствіе въ образахъ смерти, которая встрѣчаются въ средне-вѣковыхъ памятникахъ: „смерть—косарь, который подкашиваетъ человѣческія существованія, какъ траву; смерть—охотникъ, который ловить людей, точно личь“ ²; смерть—хищная птица ³. Такіе образы лежать въ основѣ широкого распространенныхъ лирическихъ или лиро-

¹ Сочиненія И. Н. Жданова, I. 726.

² Ждановъ, Сочиненія, I. 537.

³ Тамъ же, стр. 711—714.

эпическихъ пѣсенъ о Горѣ¹. Въ нихъ повторяются мотивы кошенія (или жатвы), охоты и прилетанія хищной птицы (или хищнаго звѣря); Горе въ нихъ обладаетъ почти тѣми же родами оружія, что и Смерть въ житіи Василія Новаго и Прѣнія Живота со Смертью²: косою, серпомъ, граблями, лопатою, сѣтью, неводомъ. Большая часть этихъ пѣсенъ оканчивается смертью героя или геройни, при чемъ Горе закапываетъ ихъ въ землю. Повѣсть о Горѣ-Злочастіи находитъ другой выходъ для молодца въ его борьбѣ съ Горемъ: молодецъ постригается въ монахи, а Горе остается у воротъ монастыря; но одинъ изъ вариантовъ старины о Горѣ заканчивается смертью героя: Горе летѣло за молодцемъ ворономъ, и молодецъ преставился.

Отсюда видно, что въ основѣ образа Горя, даннаго въ повѣсти, былъ литературный образъ Смерти. По этому есть полное основаніе сравнивать повѣсть съ тѣми произведеніями, которыя рассказываютъ о борьбѣ героя со смертью. При этомъ, конечно, нужно взять лишь вторую, меньшую, половину повѣсти, такъ какъ въ первой половинѣ (въ изданіи г. Симони стр. 27 — 38, строки 1—208) Горе не упоминается.

Прежде всего сравнимъ повѣсть съ Прѣніемъ Живота со Смертью.

8) Горе подслушиваетъ похвальбу молодца.

Молодецъ хвалится своимъ богатствомъ. Въ Прѣніи богатырь хвалится силою³, но въ то же время онъ „богатъ зѣло, имѣя у себя много золата и серебра, и красныхъ ризъ“⁴. Смерть въ Прѣніи является такъ же неожиданно, сейчасъ же за похвальбою, какъ и Горе—въ повѣсти. Слова Горя:

„Бывали люди у меня Горя,
„И мудряя тебя и досужае—
„И я ихъ, Горе, перемудрило..
„До смерти со мною боролися...
„Нани⁵ они во гробъ вселились“.

Въ Прѣніи то же самое говоритъ Смерть: „Не мудряя ты царя Соломона..., не умняя ты Акира Премудраго⁶... Человѣци таціи же быша, яко и ты—и противо мя не могоша братися“⁷.

Въ повѣсти Горе представлено злымъ демономъ-искусителемъ.

¹ Эти пѣсни указаны мною въ Бѣломорскихъ былинахъ, стр. 612.

² См. Соч. Жданова, I, 707, 697, 701.

³ Ждановъ, I, 700—701.

⁴ См. приложение.

⁵ Пока не.

⁶ См. приложение.

⁷ Ждановъ, I, 695.

Но въ концѣ оно является совершенно другимъ существомъ, чѣмъ противорѣчить общему замыслу слагателя. Когда молодецъ хочетъ утопиться.

14) Горе мѣшаетъ этому намѣренію и заставляетъ молодца поклониться ему до земли.

Горе напоминаетъ ему, что прежде онъ не захотѣлъ покориться и поклониться своимъ родителямъ. Въ Прѣніи Смерть говоритъ Животу: „Было ти врѣмя покаянія, но въ гордости и въ славѣ прѣбысть“¹. Роль Смерти здѣсь вполнѣ понятна; что же касается подобнаго нравоученія Горя, то оно можетъ быть объяснено лишь, какъ заимствованіе изъ Прѣнія.

Съ Прѣніемъ стоять въ весьма близкой связи стихъ обѣ Аникѣвінѣ. Поэтому есть сходство между повѣстю и стихомъ. Нѣкоторыя черты Смерти, какъ она изображена въ стихѣ, вполнѣ отвѣчаютъ чертамъ Горя въ повѣсти. Въ стихѣ Смерть говоритъ Аникѣ:

Нѣть у меня, у смерти,
Не отца и не матери,
Нѣть и малыхъ дѣтокъ,
Нѣту и молодой жены,
Нѣть ни сродниковъ, ни пріятелевъ...
Я гдѣ раба застигаю,
Я тутъ раба воскошаю:
Хоть во чистыи морѣ,
Хоть на синіи морѣ,
Хоть въ темныи морѣ,
Хоть при пути, при дороги².

Горе не такое одинокое, какъ Смерть; поэтому въ повѣсти оно не можетъ говорить обѣ отсутствіи у него родни; но порядокъ расположения мыслей въ повѣсти тотъ же, чѣмъ и въ стихѣ.

Не одно я Горе — еще сродники,
А вся родня наша добрая,
Всѣ мы гладkie, умильныя.
А кто въ семью къ намъ примѣшается,
Ино тотъ между нами замучится...
Хотя кинься во птицы воздушныя,
Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою,—
А я съ тобою пойду подъ руку подъ правую.

¹ Тоже, 697.

² Варенцовъ, Сборникъ русскихъ дух. стиховъ, 126, ср. пб.

Нѣкоторое сходство представляютъ слѣдующія слова Смерти и Горя. Смерть говоритъ Аникѣ:

Гдѣ тужутъ, плачутъ,
Туть мнѣ, смерти, и празникъ¹.

Горе говоритъ молодцу:

Хочу я, Горе, въ людехъ жить...
А гнѣздо мое и вотчина во бражникахъ.

Наконецъ, повѣсть сближается съ Прѣніемъ и со стихомъ обѣ Аникѣ обиліемъ разговоровъ. Появленіе длинныхъ рѣчей Горя въ повѣсти трудно объяснить иначе, какъ вліяніемъ Прѣнія, представляющаго въ своей старой формѣ чистый діалогъ.

A. B. Марковъ.

¹ Варенцовъ, 127.

О крестьянскихъ постройкахъ на съверѣ Россіи.

А. Постройки въ смежныхъ частяхъ Тотемскаго, Вельскаго и Шенкурскаго уѣздовъ.

Въ предлагаемой статьѣ дается описание деревенскихъ построекъ главнымъ образомъ въ мѣстности, расположенной въ бассейнѣ средняго теченія р. Ваги и ея притоковъ—Усьи съ Кокшеньгой, Вели, Кулоя и частью другихъ. Населеніе всей этой области характеризуется многими общими чертами своего быта, значительно отличающими его отъ сосѣдей¹. Здѣсь мы встрѣчаемъ и одинъ общий типъ построекъ, отличающихся довольно большими размѣрами, просторомъ жилыхъ помѣщеній, и часто внѣшней красотою. Недаромъ мѣстные крестьяне свои жилыя постройки зовутъ не только домомъ, но еще часто и „хоромами“.

Каждый благоустроенный домъ состоить изъ цѣлаго ряда построекъ и помѣщеній: двухъ (иногда и больше) изъ съ перегородками, горницъ, клѣтей, вышекъ, скотнаго двора и проч.

Такой типъ жилища могъ сложиться лишь въ мѣстности, обильной лѣсомъ; теперь онъ поддерживается по традиціи, хотя лѣсу стало мало.

I.

Домъ или дворъ.

Приступимъ къ описанію собственно дома или двора. Беремъ для примѣра домъ кокшара (жителя Кокшеньги) средней зажиточности.

Домъ состоить изъ слѣдующихъ главныхъ частей: перѣдъ, середка и озадокъ или задъ; между ними—зимній мостъ (сѣни) и лѣтній.

Перѣдъ представляеть изъ себя лѣтнее жилье, а озадокъ—зимнее; середка включаетъ въ себя скотный дворъ, хлѣвы, повѣты, горницы и клѣти на повѣти. Все это подъ одной общей крышей, имѣющей два ската, съ желобами по краямъ и охлупнемъ по срединѣ, па вершинѣ скатовъ.

¹ См. Н. Иваницкій, материалы по этнографіи Вологодской губерніи, стр. 6.

Въ порядкѣ важности основной и существеннѣйшей частью дома является зимняя изба; за ней слѣдуютъ середка и затѣмъ перѣдъ. Таковъ обыкновенно и порядокъ постройки этихъ частей по времени.

1) Зимняя изба („зимовка“)

занимаетъ часть озадка дома, или весь озадокъ; въ послѣднемъ случаѣ она разгораживается капитальной стѣной на двѣ половины и

Рис. 1. Озадки домовъ.
(дер. Рыкаловской Спасск. в. Т. у.).

На первомъ планѣ видны 2 окна зимней горницы и дальше ворота на конюшню, въ которыхъ мечутъ съ воза сѣно; на второмъ и третьемъ озадкахъ видны окна зимнихъ избъ.

является уже не одной избой, а какъ бы двумя, удерживая за собою по преимуществу название озадка; часто еще послѣднюю форму называютъ двойнями и пятистѣнкомъ. Название двойни чаще относятъ къ тѣмъ случаямъ, когда не одна, а двѣ стѣны разгораживаютъ озадокъ, который въ такомъ случаѣ и состоитъ уже изъ двухъ отдѣльныхъ избъ. Если изба занимаетъ часть озадка, то обыкновенно въ основѣ своей она представляетъ четырехстѣнный срубъ занимающей одинъ изъ угловъ озадка, выходя двумя составляющими виѣшнюю часть угла стѣнами наружу, двумя другими примыкая къ остальной части дома; внутри такого сруба досчатыми перегородками, переборками или заборами, могутъ отдѣляться шомпыша, грека, чуланъ и губеецъ; нѣкоторыхъ изъ этихъ отдѣлений можетъ и не быть.

Въ расположениі внутренняго устройства такой избы съ только что названными отгородками могутъ быть разныя варіаціи. Очень часто можно встрѣтить такое расположение: нальво отъ входа—передній уголь, образуемый передней стѣной (со входомъ) и лѣвой боковой (съ окнами), или сутки, съ образами и столомъ; дальше нальво и впередь—горенка; направо ближе къ срединѣ правой боковой стѣны—печь, рядомъ съ которой, можетъ быть гоубецъ; за печью дальше направо въ углу—шомныша, къ которой обращено устье печи; ближе направо отъ стѣны со входной дверью до печи—полати, на нѣкоторой довольно значительной высотѣ; иногда подъ полатями—кровать; между печью и правой стѣной можетъ иногда оставаться мѣсто для чулана. Часть избы, оставшаяся въ такомъ случаѣ ближе ко входу (за исключеніемъ отдѣленныхъ горницы, шомныши, чулана) можетъ быть названа *собственno избой*. Когда желаютъ указать, что какая-нибудь вещь находится въ этой части, то говорять, что она—въ избѣ, или—на избѣ; въ отличие отъ того случая, когда она находится въ горницѣ, въ шомнашѣ, въ чуланѣ. (См. планъ рис. 2).

Нерѣдко встрѣчается иная комбинація тѣхъ же частей избы: тамъ, гдѣ горница, помѣщается шомныша и наоборотъ. Тогда печь бываетъ ближе къ задней (противопол. отъ входа) стѣнѣ и устьемъ обращена влѣво (въ шомнышу); а горница занимаетъ задний правый уголъ за печью, выдаваясь угломъ къ срединѣ избы. Остальное—такъ же, какъ въ предыдущемъ случаѣ. При такомъ расположениі, если печь будетъ близко къ правой (глухой, безъ оконъ) стѣнѣ, мѣста для горницы не остается и за печью появляется вмѣсто нея лишь чуланъ (иногда можетъ не быть и его), и тогда изба приметъ видъ самый простой, довольно распространенный и, вѣроятно, самый древній, а потому болѣе присущій старымъ, особенно чернымъ изbamъ. (См. планъ I, рис. 2). Въ послѣднее время все чаще и чаще появляются избы съ горницей направо, которая при этомъ отдѣляется часто капитальной стѣной (см. планъ III, рис. 2), иногда имѣеть и отдѣльный входъ. Въ такомъ случаѣ изба простая переходитъ уже въ двойни и можетъ занимать весь озадокъ дома.

Вернемся однако къ первоначальному варіанту расположениія частей избы (планъ II) и остановимся на нихъ нѣсколько подробнѣе.

Итакъ, въ собственно избѣ, нальво отъ входа, уголь, составленный передней стѣной (со входной дверью) и лѣвой боковой, съ окнами, называется *сутками*. Это—главная часть избы во многихъ отношеніяхъ. Здѣсь находится божийца съ образами и большой обѣденный столъ (единственный въ бѣдныхъ хоziйствахъ). По-за столу возлѣ стѣны тянутся двѣ главныя въ избѣ лавки: одна, болѣе короткая, начинаясь отъ входной двери, идетъ по передней стѣнѣ къ углу, встрѣчаясь здѣсь съ другой, болѣе длинной лавкой, тянувшейся по всей длинѣ лѣвой боковой стѣны подъ окнами, доходя до задней

стѣны, при чёмъ нерѣдко продолженіемъ своимъ заходя въ горницу или шомнышу. Первая лавка называется короткой или мужской, такъ какъ во время обѣдовъ и столованья вообще на ней принято сидѣть мужчинамъ; а вторая—доугої или бабьей, такъ какъ на ней

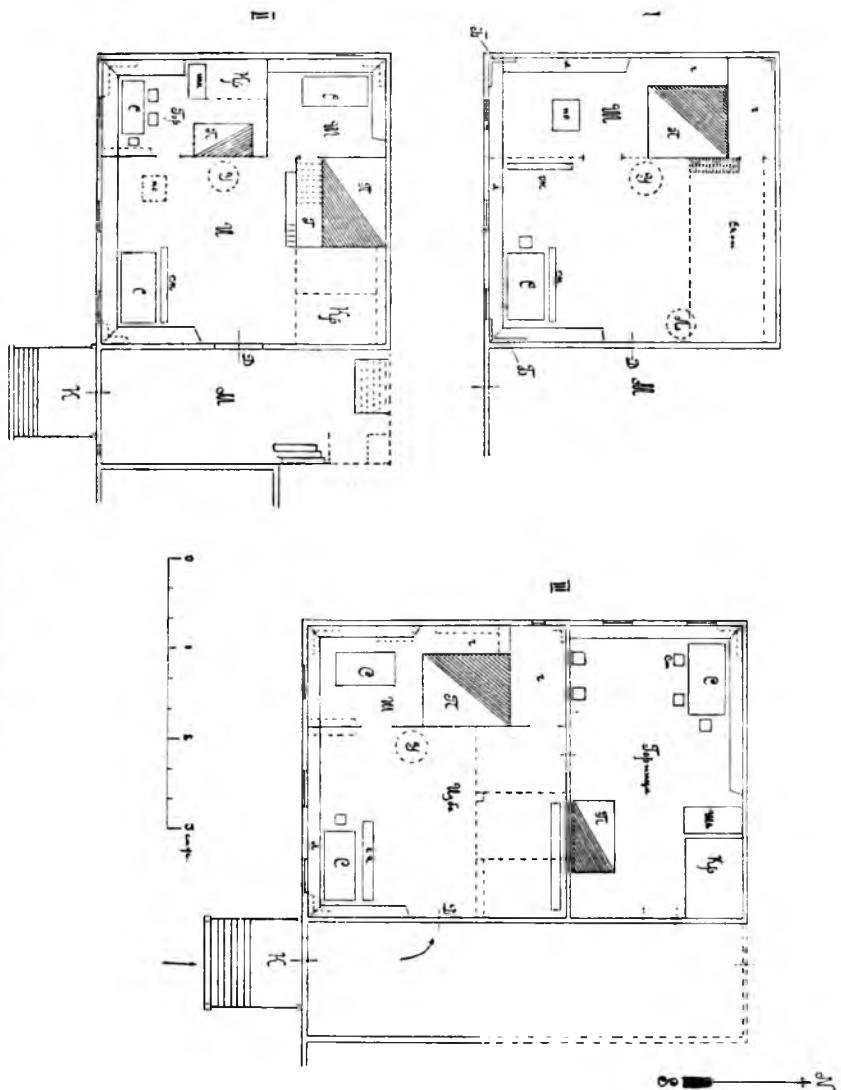

Рис. 2. Три плана зимнихъ изб.

I—собствено изба; *II*—входъ въ избу изъ сѣней (*Мѣсто*); *III*—шомныша; *Лоп*—горница; *Ч*—чуланъ; *П*—печь; *С*—столъ; *Ск*—скамыши; *Лавки*; *Б*—божница; *Г*—голобель; *Шкаф*; *Кровать*; *Ском*—скотуха; *Но*—входъ въ полполье; *Стулья*; *Ушатъ*; *Лохань*; *Крыльце*.

должны въ тѣхъ же случаяхъ сидѣть женщины. Лавки представляютъ изъ себя широкіе, иногда до $\frac{3}{4}$ аршина, и толстые, до 3-хъ вершк., сосновые брусья, отчасти опирающіеся на врѣзанныя въ нихъ снизу подставки—кронштейны; въ смыслѣ прочности и надежности—сидѣнья несокрушимыя. На нихъ, впрочемъ, нерѣдко рубятъ рыбу, мясо и прочее.

Передъ столомъ стоять скамьи или стулья. Надъ лавками, параллельно имъ, на высотѣ полатей и, примѣрно, человѣческаго роста, тянутся поліцы—длинныя, довольно широкія, никогда однако не достигающія ширины лавокъ, полки. При чёмъ не только та изъ нихъ, которая идеть надъ долгой (длинной) лавкой, тянется во всю длину стѣны, но и другая, проходящая надъ короткой лавкой, идеть отъ сутокъ надъ входною дверью до правой (отъ входа) стѣны или до воронца полатей. На полицахъ складываются всевозможные предметы домашняго обихода, особенно часто употребляемые и не слишкомъ громоздкіе и тяжелые: инструменты (ножи, ножницы, шилья, стамески, стружки и друг.), дратвы, нитки, швейки, прядки, а также—шапки, рукавицы и прочее.

И такъ, въ суткахъ сходятся (стыкаются, сутыкаются) двѣ главныя лавки и двѣ поліцы; получается двойной „сутыкъ“. Отсюда, вѣроятно, (срв. слов. Даля) и название этой части избы—сутки („передний“ или „красный уголъ“ другихъ мѣсть).

Божница помѣщается въ самомъ углу, какъ разъ подъ полицами и представлять изъ себя тоже полку, но всегда болѣе или менѣе разукрашенную рѣзьбой, красками и проч. Въ обычное время здѣсь помѣщается одна—три деревянныхъ иконы, средней величины, съ мѣднымъ распятіемъ и мѣдными же складнями; но къ торжественнымъ праздникамъ, въ нѣкоторыхъ домахъ, съ той и другой стороны божницы приставляются еще отдѣльныя полочки и на нихъ ставятся иконы, принесенныя на это время изъ другихъ покоевъ дома. Передъ иконами во время молитвы зажигаются восковыя свѣчки: лампады, какъ исключение, лишь въ богатыхъ домахъ. Сутки, значитъ, являются и обѣденнымъ мѣстомъ и молитвеннымъ, святымъ, угломъ, гдѣ всѣ члены семьи собираются для общей молитвы, какъ и для Ѣды. Здѣсь протекаютъ всѣ главные и торжественные моменты въ жизни крестьянина. Въ суткахъ совершаются свадебная церемонія, проводы рекрута, а также крестины и послѣднія напутствія въ загробную жизнь.

Слѣдующей по важности частью собственно избы является мѣсто между обѣденнымъ столомъ и горницей, тоже нальво отъ входа, у стѣны съ окнами. Тутъ ведутся многія домашнія работы: шитье, вязанье, штопанье, пряденіе и проч.; здѣсь же ставятся весной кросна: небольшія посидѣнки, какъ дневныя, такъ и вечернія, также собираются здѣсь, при чёмъ для сидящихъ приставляются скамьи, замыкающія вмѣстѣ съ лавками четырех-угольную площадку—бесѣдку.

Прямо передъ входомъ у заборки, между дверями въ горницу и въ шомнышу, обыкновенно ставится ушать или кадка съ водой, для питья и для другихъ потребностей.

Направо подъ полатями, если нѣть кровати, то обыкновено ставятся запасныя скамьи, съ помощью которыхъ нерѣдко устраиваются

„примѣстки“ для спанья. Здѣсь же, ближе ко входнымъ дверямъ, вѣшается рукомѣйка надъ широкой трехногой лоханью или, у болѣе зажиточныхъ крестьянъ,—надъ мѣднымъ тазомъ. Въ этомъ углу частенько высушивается и промазывается дегтемъ конская сбруя; ставятся шайки для поенія и кормленія мелкаго домашняго скота: телять, овецъ и порослятъ и прочее.

Большую часть слѣдующаго направо угла занимаетъ печь, обращенная устьемъ въ шомнышу. Она всегда бываетъ сбита изъ глины, и только трубка выводится изъ кирпичей. Рядомъ съ печью, съ лѣвой стороны, пристраивается голбецъ, представляющій изъ себя снаружи видъ дощатой лежанки, такой же длины, какъ и печь, и лишь немножко пониже ея. По особой маленькой лѣсенкѣ, вѣзираются сначала, на голбецъ, а потомъ на печь, которая сверху представляетъ всегда довольно значительную площадку для спанья, сушенія хозяйственныхъ продуктовъ, разнаго домашняго скарба, валенокъ и проч.

Шомныши или, по терминологіи другихъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстъ той же области, куть, въ указанномъ планѣ занимаетъ задній уголъ избы направо за печью. Изъ собственно избы въ нее ведетъ входъ, между заборкой слѣва и угломъ голбца справа, иногда съ дверью, иногда безъ нея. Въ задней стѣнѣ противъ устья печи имѣется одно, рѣдко два окна. Возлѣ стѣнъ тянутся лавки или скамьи и полицы; имѣется своя маленькая божница. У глухой (безъ оконъ) правой стѣны часто особыя полки, крытыя и съ приполочниками, въ видѣ висячей этажерки, всегда неподвижно придѣланныя къ стѣнѣ,—для кухонной посуды. Иногда тутъ же подъ этой полкой, ближе къ печи, шкапъ для установки кушаний и кринокъ съ молокомъ (хотя послѣднія ставятся и просто на лавкахъ, а иногда даже и на полу); часто специальныхъ посудныхъ полокъ и шкаповъ не бываетъ, и тогда посуда складывается въ особую, висящую на томъ же мѣстѣ, гдѣ и полка, корзину, открытую сперѣди въ верхней части, очень напоминающую тѣ корзины, въ которыхъ петербургскія селедочницы разносятъ по дворамъ свой товаръ. Корзина носитъ специальное название суднѣцы.

По срединѣ шомныши, иногда ближе къ божницѣ стоять столъ для обрядовъ, т.-е. для стряпанья пироговъ и проч. Часто для этой цѣли на время приносится столѣшица (верхняя доска стола, безъ ножекъ) изъ собственно избы и для стряпанья устанавливается нижней стороной вверхъ гдѣ-нибудь на лавкахъ и скамьяхъ; сверхъ того имѣются иногда и отдѣльныя столѣшицы, въ видѣ широкой доски, тоже полагаемыя на лавкахъ или полицахъ; въ послѣднемъ случаѣ для складыванія горячихъ пироговъ. По срединѣ пола часто имѣется входъ въ подиолье, прикрытый особымъ досчатымъ люкомъ (крышкой); иногда этотъ входъ бываетъ и изъ собственно избы; а чаще всего—изъ голбца, если таковой имѣется. Въ послѣднемъ случаѣ изъ шом-

ныши въ голбецъ ведеть особая дверь, за которой, на нѣкоторомъ разстояніи, спускается въ подполье лѣстница, иногда не прикры- ваемая уже люкомъ. Частенько внутри голбца, особенно когда изъ него нѣтъ входа въ подполье или когда послѣдній прикрывается, помѣщаются болѣе громоздкія кухонныя принадлежности: корчаги, лопаты, ведра и проч. При отсутствіи голбца эту послѣднюю роль исполняетъ чуланъ, между печью и боковой правой стѣной.

Горница при описываемомъ расположениіи частей избы не отличается особымъ просторомъ. Однако въ ней помѣщается обыкновенно такихъ же почти размѣровъ, какъ и обѣденный, столъ, вокругъ котораго стоять частью скамыи (со стороны стѣнъ), частью стулья или табуреты; лавки и полицы могутъ отсутствовать; столъ обыкновенно занимаетъ уголь между лѣвой боковой и задней стѣной; въ томъ же углу—божница.

Направо недалеко отъ стола стоять высокій шкаль для чайной посуды и принадлежностей, называемый часто камбомъ; еще правѣе за нимъ вслѣдъ, въ углу,—кровать. Противъ кровати и шкала у заборки, черезъ которую ведеть входъ въ горницу, направо отъ этого входа, находится небольшая кирничная печь—лѣжанка. Входъ въ горницу всегда съ дверью, болѣе или менѣе укращенной рѣзьбой, или росписанной красками. Оконъ бываетъ одно, рѣдко два.

При болѣе упрощенномъ устройствѣ избы (см. планъ I, рис. 2.) сутки также занимаютъ лѣвый отъ входа уголь, горница отсутствуетъ; но зато остается мѣсто для чулана. Шомныша занимаетъ обыкновенно задній лѣвый уголь; печь, обращенная устьемъ въ шомнышу стоять въ правомъ заднемъ углу, нѣсколько отступая отъ обѣихъ стѣнъ, правой и задней, или только отъ правой. Въ такомъ случаѣ мѣсто между печью и правой стѣной и занимаетъ чуланъ въ 3—4 аршина длиною и около 2 арш. (рѣдко до 3 арш.) шириной. Въ немъ черезъ заднюю стѣну продѣливается маленькое оконце, а со стороны собственно избы въ него ведеть небольшая дверь, часто, впрочемъ, отсутствующая. Если печь отодвинута и отъ задней стѣны, то образуется между ними (печью и стѣной) еще маленький чуланчикъ съ открытымъ входомъ изъ шомныши, служащей для укладки наиболѣе громоздкихъ кухонныхъ принадлежностей. Первый же чуланъ можетъ имѣть разное назначеніе: то играетъ роль маленькой горенки, то молельни для старухъ и старииковъ, то просто для свалки разнаго домашняго скарба; иногда же въ немъ держать нѣкоторое время только-что родившихся телятъ или ягнятъ.

Уголъ направо и все пространство отъ входной стѣны до печи, подъ полатями, при этомъ расположениіи частей, являются довольно обширными. Въ старыхъ избахъ здѣсь, вдоль правой стѣны, отъ входной стѣны и почти вплоть до чулана или печи устанавливается большая деревянная колода, у которой кормился по зимамъ рогатый скотъ.

На время кормления скотъ загонялся или приводился на веревочныхъ поводкахъ, вязкахъ, черезъ общию въ избу входъ, и привязывался къ колодѣ съ заготовленнымъ кормомъ. Вся эта часть избы называлась скотухой; название это, впрочемъ, удерживается для этой части избы и по настоящее время, хотя кормление скота въ избахъ почти вывелоось повсемѣстно [и встречается уже только въ видѣ исключенія въ захолустныхъ деревняхъ по р. Усьѣ, рѣже Кокшеньгѣ]. На мѣстѣ скотухи иногда и поль не настилялся; въ такомъ случаѣ въ скотуху прорубался со стороны скотнаго двора особый входъ для скота, закрывавшійся небольшой дверью, и расположенный у самой земли, слѣдовательно, значительно ниже людскаго входа.

Въ старину кормление скота въ избѣ было здѣсь настолько повсемѣстнымъ, что название зимней избы постоянно замѣнялось названіемъ скотня изба, что первѣко можно встрѣтить и въ настоящее время въ свадебныхъ пригетахъ и пѣсняхъ (см. мою ст. „Свадьба въ Кокшеньгѣ Тот. у.“, „Ж. С.“ за 1910 г.), а также въ преданіяхъ, сказкахъ и анекдотахъ.

Что касается того случая расположенія частей избы, когда горница отдѣляется капитальною стѣною (см. планъ III), то въ общемъ и здѣсь устройство остается такимъ же, какъ и въ первомъ случаѣ: лишь имѣется большиe простору. Чуланъ здѣсь уже всегда можетъ имѣть значеніе особой комнаты, хотя, смотря по потребностямъ семьи, можетъ и отсутствовать. Печь въ горницѣ можетъ быть большихъ размѣровъ и принимать видъ обыкновенной пекарки, или лежанки и даже иногда голландки, съ особымъ дымоходомъ, выходящимъ отдельно и на крышу; тогда какъ трубка лежанки въ маленькой горенкѣ чаще всего идетъ въ дымовую трубу большой печи (въ собственно избѣ). Когда въ такой горницѣ имѣется при печкѣ-пекаркѣ (русской) и особый входъ снаружи, изъ тѣхъ же стѣнъ, то она уже представляеть изъ себя вторую, болѣе чистую, какъ бы запасную избу, составляя вмѣстѣ съ собственно избою двойни, занимающія уже весь озадокъ дома.

Какой бы видъ ни представляла изба въ своей дифференціаціи на части, въ ней всегда,—за исключениемъ того случая, когда горница отдѣлена капитальной стѣной,—поль и потолокъ являются въ видѣ общихъ простыхъ настиловъ. Поль настиляется (набирается) изъ толстыхъ, въ $1\frac{1}{2}$ —2 вершка толщиною, досокъ—половицъ, которыя имѣютъ направление отъ входной стѣны къ противоположной и укладываются обыкновенно на трехъ балкахъ, называемыхъ перевѣдами; одна перевода подъ срединой половицы и двѣ подъ концами. Переводы своими концами врублены въ стѣны. Половицы сплачиваются при помощи деревянныхъ шиповъ. Всѣ переборки, косяки дверей въ горницу, шомнышу и проч. вдалбливаются или придѣлываются инымъ способомъ, непосредственно въ половыя доски. Отдельныхъ

досчатыхъ или иныхъ подпольковъ почти не бываетъ. Чтобы удержать въ избѣ тепло, при неизбѣжномъ разсыханіи пола, нижнія „закладныя“ бревна зимней избы укладываются плотно на землю, затѣмъ къ нимъ приваливается и утрамбовывается земля, особенно съ внутренней стороны; въ рѣдкихъ случаяхъ подъ всѣмъ поломъ земля утрамбовывается съ глиной или мелкимъ кирпичнымъ щебнемъ и заливается известкой. Послѣднему обстоятельству, впрочемъ, не благопріятствуетъ устройство подполья въ качествѣ складочнаго мѣста съѣстныхъ продуктовъ. Подполье устраивается въ формѣ ямы окружной или угловатой, довольно разнообразной по глубинѣ и размѣрамъ, однако никогда почти не занимающей всей площади подъ поломъ и не превышающей роста человѣка глубиною. Края и дно подполья дѣлаются довольно гладкими и ровными, въ бокахъ имѣются широкіе земляные уступы (террасы), представляющіе подобіе полокъ.

На дно подполья изъ избы спускается дощатая лѣсенка самаго простого устройства. Входъ изъ избы черезъ полъ открывается чаще всего въ формѣ квадратнаго окна, около одного аршина площадью, и, какъ было выше упомянуто, можетъ быть въ шомнышѣ, въ голбѣ, а иногда и въ собственно избѣ; онъ захлопывается особымъ люкомъ (дверцей), называемымъ иногда „обокнкомъ“.

Въ подпольѣ хранятся овощи, молочные продукты и другая провизія, требующая прохладнаго мѣста, но не выносящая замораживанія.

Потолокъ, называемый иногда накатомъ, при чемъ послѣдній терминъ имѣеть и болѣе общее значеніе, набирается или изъ цѣльныхъ круглыхъ бревенъ или изъ толстыхъ плахъ (распиленныхъ на двое бревна), обращенныхъ плоскою стороною во внутрь; при чемъ потолочки укладываются параллельно „половицамъ“, имѣя то же осевое (длиннотное) направленіе, что и послѣднія. Концы потолочинъ закрѣпляются въ широкихъ выдолбленныхъ пазахъ „черепахъ“ двухъ противоположныхъ стѣнъ, а въ срединѣ поддерживаются толстой бревенчатой, (чаще всего круглой), поперечной балкой, именуемой матицей¹.

Сверху потолокъ проконопачивается паклей („отрѣпями“), или иногда мхомъ, и заливается глиной съ пескомъ, рѣже съ известкой; сверхъ того, покрывается слоемъ рыхлой земли.

Общіе размѣры простой зимней избы (не двойнѣй), со всѣми ея частями, обыкновенно колеблются между девятью и одиннадцатью аршинами по длини и почти таковы же и по ширинѣ; высота отъ 3-хъ до 4-хъ аршинъ; изрѣдка встрѣчаются избы и меньшихъ размѣровъ, а еще рѣже большихъ. Стѣны выводятся изъ довольно толстыхъ (меньше 5 вершк. толщины считаются не пригодными для

¹ Загадка: Сорокъ братьевъ на одномъ зголовье спять.

стройки зимних избъ) преимущественно сосновых бревенъ, часто не струганыхъ и не кантованныхъ, только очищенныхъ отъ коры. Въ качествѣ фундамента подъ углы вкапываются или камни—валуны, иногда до десятка и болѣе пудовъ вѣсомъ каждый, или толстые бревенчатые обрубки („стулье“) стоймя; рѣдко подкладываютъ еще по камню или чурбану и подъ средины закладныхъ бревенъ; такимъ образомъ послѣднія лежать прямо на землѣ, нѣсколько углубленныя въ нее, такъ какъ рыхлая земля (почва) изъ-подъ закладныхъ бревенъ обыч-

Рис. 3. Зимняя (скотная) изба съ окнами безъ косяковъ.

(Дер. Плоская на Усьѣ, Вельск. у.).

новенно удаляется. Подъ закладныя бревна и на нихъ устилается иногда береста для предохраненія отъ сырости¹. Стѣны рубятся „въ зарубу“, съ „зауголкамп“, и между бревнами, въ пазахъ, прокладываются мхомъ; иногда затѣмъ проконопачиваются и снаружи и свнутри мхомъ или паклей, иногда же такъ и остаются не конопачеными². Съ внутренней стороны стѣны отесываются и выстругиваются, однако не во всѣхъ частяхъ: вверху, надъ полицами, и внизу, подъ лавками, а также за печью, иногда и въ углу подъ полатями (въ прежней скотухѣ) очень часто бревна остаются круглыми. Совсѣмъ неотесанныхъ стѣнъ, повидимому, не было и въ старину, на что указываетъ

¹ Существуетъ обычай при закладкѣ на первыя закладныя бревна, въ угловыя зарубы, класть монеты, „чтобы богато жилось“ въ новой избѣ.

² Такъ называемой завалины или вовсе не дѣлаютъ, или дѣлаютъ только въ исключительныхъ случаяхъ. Это считается и некрасивымъ и вреднымъ для постройки: „стѣна прѣтъ“.

и старинная загадка: „На улицѣ—краюшка, въ избѣ—ломотокъ“ (бревно стѣны).

Оконъ въ избѣ бываетъ обычно отъ трехъ до шести; изъ нихъ два—три приходится на собственно избу; одно или два—на горницу, и одно—на шомнышу. Въ настоящее время всѣ они дѣлаются съ косяками и подоконками и болѣе или менѣе одинаковыхъ размѣровъ (около аршина вышиною и $\frac{3}{4}$ арш. шириной). Въ старыхъ избахъ, встрѣчающихся изрѣдка и въ настоящее время, можно наблюдать и

Рис. 4. Лѣтняя изба со смѣшанными окнами.

(Дер. Максимиха, Забарск. в. Тот. у.).

безкосячные окна, значительно меньшихъ размѣровъ и квадратной формы. Стекольная рама въ такихъ окнахъ не закрѣплялась неподвижно, а вдвигалась обыкновенно сбоку съ внутренней стороны избы; вместо рамы на ея мѣсто могла задвигаться особая ставня, доска. Такого рода окна назывались „волоковыми“. Устройство волоковыхъ оконъ, по словамъ старожиловъ, вызывалось главнымъ образомъ необходимости огражденія отъочныхъ нападений недобрыхъ людей; но, повидимому, и другія причины могли здѣсь имѣть свое значеніе: дороговизна стеколъ, лишняя потеря тепла черезъ большія окна и пр. Между волоковыхъ оконъ, посрединѣ, обыкновенно дѣлалось еще одно косячное или косящатое окно. Можно наблюдать на старыхъ постройкахъ еще какъ бы переходную форму оконъ, съ косяками, но еще безъ подоконниковъ.

Снаружи къ окнамъ придѣлываются нерѣдко досчатыя ставни или обоконки, закрываемыя на ночь въ морозныя зимы для сохраненія тепла; за отсутствіемъ обоконковъ, съ тою же цѣллю окна прикрываются иногда соломенными ковриками.

Рамы въ окнахъ могутъ имѣть различный переплетъ, но чаще всего встрѣчаются шестистекольныя.

Входная дверь представляетъ изъ себя крѣпко сплоченный изъ толстыхъ досокъ массивный щитъ безъ всякихъ украшеній, съ желѣзными скобами вмѣсто ручекъ, привѣшеннай на двухъ или трехъ желѣзныхъ петляхъ— „крюкахъ“. Высота двери обыкновенно около 2-хъ аршинъ, а ширина около $1\frac{1}{2}$ арш. Съ наружной стороны дверь часто покрывается или соломеннымъ ковромъ или паклей (рѣдко войлокомъ) поверхъ которыхъ можетъ покрываться холстиной. Косяки шириной превосходятъ толщину стѣнъ, а внизу дѣлается довольно высокий порогъ, черезъ который иногда съ трудомъ переползаютъ маленькия дѣтишки. На грани порога, обращенной внутрь избы очень часто вбивается старая конская подкова — знакъ благополучной и добродѣйности избы.

Остановимся еще нѣсколько подробнѣе на устройствѣ нѣкоторыхъ внутреннихъ принадлежностей избы. Прежде всего обратимся къ устройству печи. Выше было уже указано, что она занимаетъ довольно внушительное пространство. Дѣйствительно, длина ея можетъ достигать 3-хъ аршинъ, а ширина около $2\frac{1}{2}$ арш. Кирпичныхъ печей-пекарокъ почти не бываетъ. Онѣ „бываютъ“ изъ глины. Предварительно на мѣстѣ печи дѣлается особый срубъ изъ массивныхъ деревянныхъ брусьевъ, придѣланныхъ поверхъ пола, подъ который въ этомъ мѣстѣ ставятся, въ качествѣ фундамента толстые бревенчатые столбы; нѣсколько выше пола дѣлается въ этомъ срубѣ прочный настилъ, помостъ, изъ толстыхъ плахъ, на которыхъ уже и поконится основаніе самой печи. Вся деревянная основа печи носить название опѣчковъ. По угламъ опѣчковъ вдѣлываются четырехгранные столбы, высота которыхъ равняется или нѣсколько превосходить высоту печи; впрочемъ присутствіе не всѣхъ изъ нихъ обязательно: часто остается одинъ столбъ, который по преимуществу и носить название печного столба. Для битья печи созывается обыкновенно „помочь“, такъ какъ требуется свыше десятка здоровыхъ рабочихъ¹. Одни изъ нихъ подвоятъ и носятъ въ избу глину; другіе „уваживаются“ или „водятъ“, т.-е. разминаютъ и умягчаютъ глину тяжелыми деревянными кіями; третья такими же кіями бьютъ печь. Когда сбито основаніе печи и дно ея, или подъ, на подъ ставится досчатое творило въ формѣ полуцилиндра, ограничивающее внутренность печи, и по бокамъ закладываются со всѣхъ четырехъ сторонъ, между печными столбами,

¹ Печь должна быть сбита въ теченіе одного дня.

доски, служащія наружнымъ футляромъ печи; внутри этого послѣдняго накладывается глина и плотно убивается кіями вокругъ творила. Передняя часть основанія печи при этомъ остается свободной и выступаетъ передъ передней стѣнкой печи, образуя, на особой части опечковъ, нѣсколько тоньше прикрытый глиной особый приступокъ—шестѣкъ. Когда сбитая печь поустоится, черезъ день или черезъ два, доски футляра выбираются, прорѣзываются со стороны шестка устье или входъ въ печь, вытаскивается черезъ него отдѣльными досками творило, вырѣзываются съ наружныхъ боковъ печурки, разнообразной формы и глубины, смотря по мѣсту и назначенію ихъ (для сушки обуви, рукавицъ и проч., для храненія на-готовъ растопленного масла и т. д.)—и печь готова. Устье печи всегда имѣетъ форму полуокруглого окна (арки), доходящаго своимъ основаніемъ до самаго пода, такъ что послѣдній образуетъ вмѣстѣ съ шесткомъ одну горизонтальную поверхность, что удобно для вдвиганія въ печь тяжелыхъ горшковъ, корчагъ и проч.

Прикрывается устье приставной заслонкой изъ листового желѣза, изрѣдка, въ старыхъ избахъ,—деревянной. Въ „блѣлыхъ“ избахъ со стороны устья на шесткѣ выкладывается изъ кирпичей „кожухъ“ съ дымовой трубой; а въ „черныхъ“ избахъ дымъ идетъ прямо въ избу, откуда черезъ особое окно, устроенное подъ потолкомъ, чаще въ самой отдаленной отъ устья печи стѣнѣ, обыкновенно со стороны сѣи—выходить изъ избы, по широкой деревянной трубѣ, поднимаясь затѣмъ на крышу. На передней наружной стѣнкѣ печи отъ выходящаго изъ устья дыма падъ послѣднимъ образуется всегда широкая черная полоса, покрытая значительной толщины слоемъ сажи; это—такъ называемый чилисникъ или челоб печи; по сторонамъ чилисника остаются блѣлые полосы той же передней стѣнки—задороги. Боковые стѣнки устья называются ногами.

Черныхъ избъ становится въ настоящее время все меныше и меныше и постепенно онѣ начинаютъ быть лишь рѣдкими исключеніями.

Въ сосѣдствѣ съ печью обыкновенно устраиваются полати, на высотѣ приблизительно верхней поверхности печи и полицъ. Для полатей протягиваются отъ верхушекъ печныхъ столбовъ или отъ особыго массивнаго деревяннаго бруса, опирающагося на эти столбы и называемаго печнымъ воронцомъ, вплоть до (передней) стѣны, двѣ балки, на разстояніи почти сажени одна отъ другой, при чемъ задняя идетъ возлѣ самой боковой стѣны; въ глубокихъ пазахъ этихъ балокъ, изъ которыхъ свободная, не прилегающая къ стѣнѣ, тоже называется воронцомъ,—закладываются врядъ доски, „полатницы“. Присутствіе въ устройствѣ избы двухъ, взаимно пересѣкающихся у печи, воронцовъ такъ обыкновено, что существуетъ всѣмъ извѣстная здѣсь загадка: „Два ворона литья да одну голову идѣть“, т.-е. ѳдѣть (два воронца и печь).

Всѣ заборки, какъ и боковая обшивка голбца, дѣлаются обыкно-
венно изъ досокъ, набранныхъ стоймя, вертикально, а не горизон-
тально. Онѣ могутъ доходить до потолка (глухія) или только до во-
ронца. Нерѣдко можно встрѣтить рѣзныя и раскрашенныя заборки.
Занавѣси, въ роли этихъ заборокъ, не въ употребленіи.

Упомянемъ еще, что, въ старыхъ избахъ, тамъ, где кончается
короткая, мужская лавка, у входныхъ въ избу дверей, ставился „кой-
никъ“ (конникъ), въ который вѣльвался свободный край лавки. По

Рис. 5. „Черная“ изба съ „дымникомъ“.
(Дер. Бугаиха, Заборск. в. Тот. у.).

существу онъ представлялъ изъ себя высокій кронштейнъ изъ толстой
широкой доски (брюса), во всю ширину лавки, и возвышался надъ
послѣдней примѣрно на пол-аршина, заканчиваясь на верху рѣзнымъ
конькомъ. Какого-нибудь особаго назначенія, кроме вышеуказанного,
онъ, повидимому, не имѣть; также точно съ нимъ, какъ и съ голбцемъ,
не связывалось, по крайней мѣрѣ на памяти у живущихъ въ настоя-
щее время крестьянъ, никакихъ особыхъ обрядовъ.

Годъ тому назадъ пришлось мнѣ видѣть въ одной изъ кокшеньг-
скихъ деревень у крестьянскаго дома брошенымъ въ кучу деревян-
наго лома конникъ, сплоченный изъ толстыхъ брусьевъ очень значи-
тельный размѣровъ, который раньше стоялъ придѣланымъ у стѣны
(съ вѣнчанной стороны) недалеко отъ входа въ скотный дворъ. Этотъ
конникъ также заканчивался конькомъ и, по объясненію хозяина,
служилъ для коновязи. Въ настоящее время для коновязи употребля-

ются кольца, вдѣланныя въ столбы крыльца или въ стѣны подходящаго мѣста, съ наружной стороны дома, а также деревянные крюки въ видѣ подобія птицы или конька, но эти послѣдніе койниками не называются.

2) П е р ё д ъ.

Если зимняя изба при постройкѣ дома ставится раньше всего, то перѣдъ (или лѣтняя изба) строится уже послѣ другихъ частей дома; какъ простая зимняя изба въ небогатыхъ хозяйствахъ можетъ составлять весь озадокъ дома, такъ, вмѣсто переда, можетъ у бѣдняка стоять одна лѣтняя изба. Въ обычномъ случаѣ, однако, перѣдъ долженъ составлять необходимую принадлежность дома, и послѣдній безъ переда считается незаконченнымъ, не полнымъ. Необходимость переда, однако, условная: бѣдняки живутъ и зиму и лѣто въ одной и той же скотинѣ избѣ, па озадакахъ, всю жизнь мечтая все таки и о передѣ; — перѣдъ необходимъ настолько же, насколько необходимъ по временамъ для смыны обыкновенного рабочаго сѣраго балахона болѣе чистый и приличный кафтанъ (или „везитка“), въ которомъ и въ церковь можно прийти и въ люди не стыдно показаться. Являясь прикрасой дома, передъ строится насколько возможно высокимъ, просторнымъ и красивымъ; и уже въ силу этого приспособлять его для зимняго жилья было бы нелегко; — дѣйствительно, передъ и служить только для лѣтняго жилья и лишь изрѣдка у болѣе состоятельныхъ крестьянъ, вслѣдствие какихъ-либо особыхъ обстоятельствъ (сдача въ наемъ подъ квартиру и т. п.), бываетъ припособленъ и для жилья въ немъ зимою. Чаще всего передъ бываетъ одноэтажный на высокихъ подвалахъ, съ вышкою; но въ рѣдкой деревни нельзѧ встрѣтить и двухъ-этажнаго переда, также съ вышкой, или „мизиминомъ“.

Обыкновенный перѣдъ крестьянинъ средней руки въ Кокшеньгѣ представляетъ изъ себя въ основѣ своей четырехугольный бревенчатый срубъ, раздѣленный по срединѣ или почти по срединѣ капитальною, бревенчатою, стѣною, направление которой совпадаетъ съ направлениемъ наибольшей длины всего дома; въ этомъ случаѣ онъ называется иногда пятистѣнкомъ. Нерѣдко, вмѣсто одной средней стѣны, бываютъ двѣ или на разстояніи примѣрио сажени одна отъ другой, или сближенія почти врядъ; въ послѣднемъ случаѣ получаются двѣ совершенно отдѣленныя другъ отъ друга половины, представляющія изъ себя двойни; предыдущій же типъ называется иногда тройни. Обыкновенная длина переда, совпадающая съ длиною всего дома,—около 3-хъ саженъ; а ширина, болѣе или менѣе равняющаяся ширинѣ всего дома,—около 6-ти саженъ.

Основныя или закладныя бревна, самыя толстая и смолистыя, укладываются на камияхъ или вкопанныхъ короткихъ столбахъ, иногда, на тѣхъ и другихъ; камни и столбы въ этомъ случаѣ изрѣдка

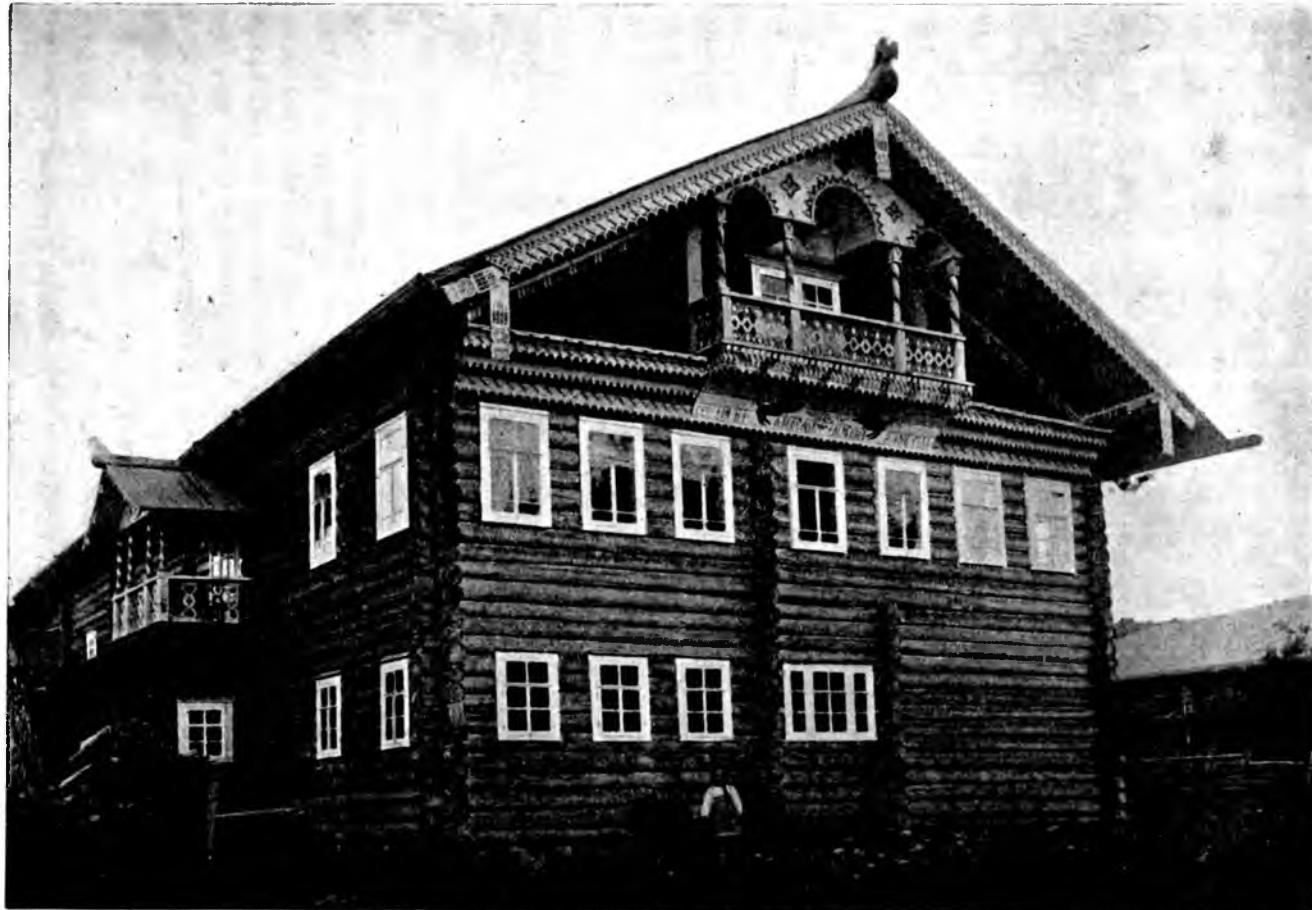

Рис. 6. Передъ.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в. Том. у.).

въ послѣднее время называютъ фунтаментомъ¹. Камни выбираются изъ валуновъ, въ которыхъ обыкновенно нѣть недостатка, болѣе или менѣе плитообразной формы и иногда въ нѣсколько десятковъ пудовъ вѣсомъ; большия камни, впрочемъ кладутся лишь подъ углы, а подъ стѣны—значительно меньшихъ размѣровъ; иногда же подъ стѣны, вмѣсто камней,—столбы („стульё“). Такой фундаментъ изъ камней складывается почти всецѣло на поверхности земли, лишь нѣсколько, для устойчивости и ровности, углубляясь въ землю; такъ что закладная бревна всегда лежать выше поверхности земли, и подъ ними, между камней фундамента, нерѣдко остаются дыры, въ которыхъ пролѣзаютъ кошки, куры, собаки и даже иногда ребятишки.

„Рубятъ перѣдъ“, какъ и зимнюю избу, также „на моху“, т. е. при укладкѣ бревенъ, подстилая каждое изъ нихъ мхомъ. Такъ какъ было бы трудно, почти невозможно, находить бревна длиною во всю ширину переда (около 6-ти саж.), то, употребляя бревна длиною лишь

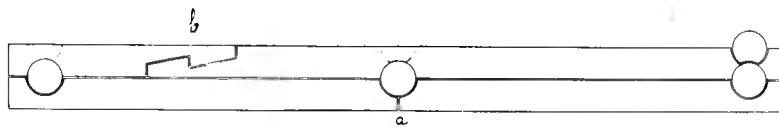

Рис. 7.

отъ угловъ до средней стѣны, трехсаженные, приходится, для прочности, нѣкоторая изъ нихъ связывать „въ замокъ“, „срѣшивать“. (На рис. 7 въ а показанъ способъ соединенія бревенъ у средней стѣны, а въ въ—„замокъ“ или „срѣсты“).

Въ одной половинѣ переда устраивается лѣтняя изба, а въ другой — горница, каждая съ отдѣльнымъ обыкновенно входомъ съ „лѣтнѣво мѣсту“ (изъ лѣтнихъ стѣнѣй), занимающаго всю ширину дома между передомъ и середкой. Какъ въ той, такъ и въ другой полѣ представляется въ видѣ простого настила изъ толстыхъ досокъ или плахъ, идущихъ отъ передней стѣны до задней, во всю длину, и уложенныхъ на переводахъ (балкахъ); подполковъ не бываетъ. Потолки или накаты дѣлаются изъ такой же длины и толщины досокъ, поддерживаемыхъ по срединѣ матицами; въ горницахъ иногда, особенно въ послѣднее время, вмѣсто обыкновенной матицы укладывается одна или двѣ балки; между этими балками и стѣнами набирается потолокъ изъ короткихъ досокъ, укрѣпляясь въ пазахъ балокъ и стѣнъ концами „потолочинъ“, такъ что матицы, выступающей подъ потолкомъ, нѣть.

Балки эти называются фрізами и способъ укрѣпленія потолка при помощи ихъ называется „набирать во фрізъ“. Балки-фризы имѣютъ плоскую гладко выструганную нижнюю поверхность, подъ

¹ Слово, появившееся въ послѣднее время и еще не получившее всеобщаго распространенія.

прямымъ угломъ къ которой идутъ двѣ плоскія боковыя поверхности, на которыхъ сдѣлано по одному прямоугольному каналу, желобу-ройкѣ, въ которые и вставляются концы потолочинъ своими „торцами“. Размѣры торцевъ опредѣляются и шириной ройки, и толщиной досокъ, и глубиной „подрѣзовъ“. Нижняя поверхность фриза можетъ быть приведена въ уровень съ поверхностью потолка, но, для прочности, считають полезнымъ, чтобы она пѣсколько выдавалась къ низу, чтобы, такимъ образомъ, „губы“ фриза были потолще. Итакъ при устройствѣ потолка „во фризъ“ имѣются два „чѣрепа“ съ „надчерѣпками“, два „фриза“ и три ряда короткихъ потолочинъ, съ „торцами“ и „подрѣзами“ на концахъ. Это скрѣпленіе и представлено въ поперечномъ разрѣзѣ.

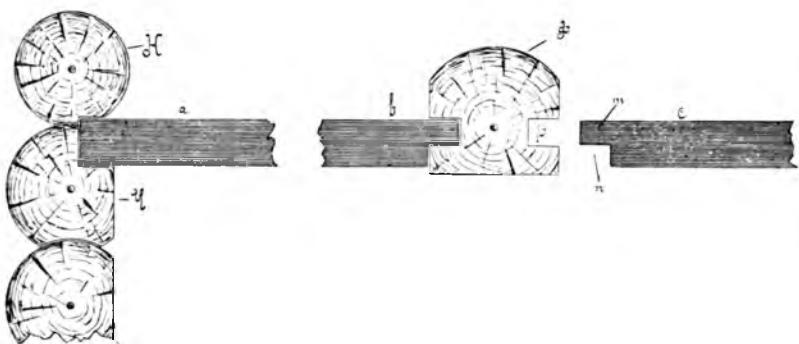

Рис. 8. Потолокъ съ „фризами“. Разрѣзъ.

Ф—фризъ; ρ —войки во фризъ; φ —губы во фризъ; χ —черепъ; H —надчерепокъ; a —конецъ потолочины, укрѣпляющейся въ стѣнѣ; b —конецъ той же потолочины, укрѣпленный во фризѣ; c —конецъ потолочины съ другой стороны фриза, вынутый изъ него, чтобы видѣть, „торецъ“ (m) и „подрѣзъ“ (n). Другой фризъ и другой черепъ съ надчерепкомъ не изображены (Должны быть правѣе). Нѣсколько схематизировано.

Въ только что описаннѣмъ, какъ и въ другихъ случаяхъ настилки потолка или пола изъ досокъ, послѣднія укладываются рядомъ, вплотную, и сколачиваются, при помощи клиньевъ и „роскопотокъ“, до полнаго сближенія; это называется набирать въ „приплѣтъ“. Однако издавна существовалъ, особенно часто практиковавшійся въ лѣтніхъ горницахъ и избахъ болѣе зажиточныхъ домовъ, еще иной способъ набиранія (укладыванія) потолковъ, а именно,—„въ закрой“. При этомъ способѣ доски „потолочины“ укладываются въ два ряда такимъ образомъ, что въ нижнемъ изъ нихъ между ними остаются промежутки (широкія щели), на которые сверху накладываются „потолочины“ второго ряда, ложащіяся однако каждая своими краями въ прямоугольная выемки двухъсосѣднихъ потолочинъ нижняго ряда, какъ показано на рис. 9. Концы потолочинъ укрѣпляются въ „черепахъ“, а средина ихъ поддерживается матицей. Потолочины нижняго ряда

по краямъ снизу „дорожены“ (канеллированы) при помощи т. наз. „дорожника“, дѣлающаго по краю доски фігурный рубчатый желобокъ.

Внутреннее устройство и расположение частей лѣтней избы мало чѣмъ отличается отъ такового зимней, но все таки нѣсколько иное.

Входная дверь также располагается на срединѣ стѣны, и иногда нѣсколько большихъ размѣровъ, чѣмъ въ зимней избѣ. Налѣво отъ входа въ углу между входной и внутренней стѣной—такая же глиняная печь съ трубкой, обращенная устьемъ къ противоположной отъ входа стѣнѣ съ окнами; рядомъ съ печью можетъ быть также голбецъ. Передъ печью, за заборкой,—шомныша. Сутки занимаютъ уголъ противоположный отъ входа, правый; въ суткахъ божница и обѣденный

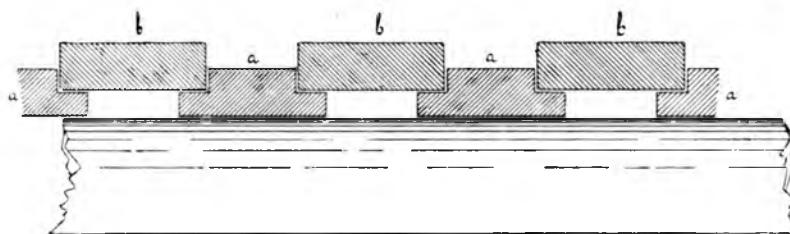

Рис. 9. Поперечный разрѣзъ части потолка „въ закрой“.

а—потолочины нижняго ряда; б—потолоч. верхн. ряда; подъ нижними—часть матицы.

столъ. Полати—надъ входомъ, идуть почти отъ печи и до правой (отъ входа) стѣны. Вокругъ у стѣнъ идутъ лавки и полицы. Стѣны всегда отесаны и выструганы. Оконъ обыкновенно три на противоположной отъ входа стѣнѣ (одно изъ нихъ—въ шомнышу) и два, рѣже одно или три, на правой стѣнѣ. Размѣры оконъ нѣсколько больше, и въ двухъ изъ нихъ или и больше—распашная или открывающаяся на одну сторону (цѣликомъ) рамы. Иногда направо въ углу подъ полатями ставится деревянная кровать. Ушать съ водой, а также умывальникъ съ лоханью часто вовсе не ставятся въ лѣтней избѣ, а пристраивается гдѣ-нибудь „на мосту“ (въ сѣняхъ). Черезъ шомнышу ведутъ двери, въ средней капитальной стѣнѣ переда,—въ горницу.

Горница, кромѣ входа изъ избы, имѣть всегда еще и отдѣльный входъ съ мосту (изъ сѣней), съ такими же простыми, въ одно полотно, дверями; этотъ входъ всегда лежитъ дальше отъ крыльца чѣмъ входъ въ избу, и дверь его также располагается примѣрно по срединѣ стѣны. Войдя въ горницу, мы видимъ налѣво въ углу у противоположной отъ входа стѣны божницу съ иконами, часто занимающую значительно больше мѣста, чѣмъ божница въ избѣ; въ томъ же углу (въ суткахъ) стоять столъ, такихъ же примѣрно размѣровъ, какъ и обѣденный въ избѣ, только всегда крашеный; около стола, со стороны стѣнъ идуть лавки или скамьи, а съ двухъ другихъ—обы-

кновенно стоять стулья или табуреты. Направо впереди около дверей изъ избы часто ставится другой, меньшихъ размѣровъ, столъ, тоже крашеный; на немъ обыкновенно въ праздники ставятъ самоваръ или братину съ пивомъ; ближе къ входной двери стоять „камоть“, т. е. высокий посудный шкапъ, раскрашенный и часто съ рѣзьбой; между шкапомъ и входной стѣной, въ правомъ ближнемъ углу, стоитъ деревянная широкая кровать. Часто убранство горница этимъ и ограничивается.

Печи здѣсь не бывають, полицъ—также. Несмотря на такое простое убранство, горница производить весьма приятное впечатлѣніе своимъ просторомъ, свѣтомъ и нарядностью, такъ какъ окна бываютъ большія и число ихъ рѣдко бываетъ менѣе пяти: три—на передней, противъ входа, стѣнѣ и два (иногда и три)—на лѣвой; сверхъ того, стѣны или блещутъ своей бѣлизной, такъ какъ ни дыму, ни пыли здѣсь не бываетъ, или сплошь почти, по крайней же мѣрѣ—въ суткахъ и вблизи ихъ,—оклеиваются картинами.

У болѣе зажиточныхъ крестьянъ нерѣдко горница еще раздѣляется перегородками; вмѣсто лавокъ и скамеекъ—стулья въ достаточномъ числѣ (съ простыми или рѣшетчатыми сидѣніями); имѣется мягкий диванъ, зеркало и картины въ рамкахъ. Стѣны иногда оклеиваются „шпанерами“ (обоями), а потолокъ—бѣлой бумагой.

Подъ лѣтней избой и горницей, въ случаѣ одноэтажнаго

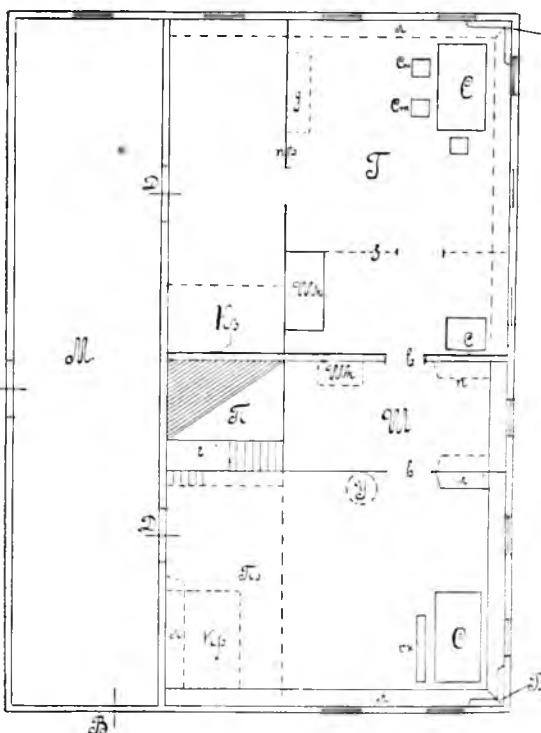

Рис. 10. Планъ одноэтажнаго (на подвалахъ) переда.

И—изба, Г—горница, III—шомныша; М—лѣтний мостъ (сѣни); Д—входы изъ сѣней въ избу и горницу; в—входъ изъ избы въ горницу; П—место полатей; с—столъ, ск—скамья, ст—стулья, л—лавки; Б—божницы; П—печь, г—голбецъ; шк—шкафы; п—полки; у—ушатъ съ водой; пр—переборка съ дверью; я—возможная переборка или занавѣска; д—диванъ; кр—кровати.

В—„ворота“, входъ съ улицы въ сѣни.

переда, имѣются подвалы, входъ въ которые бываетъ всегда снаружи, то съ той, то съ другой изъ свободныхъ сторонъ. Часто въ подвалахъ нѣть ни пола и никакихъ особыхъ приспособленій для хозяйственныхъ надобностей. Въ такомъ случаѣ они являются складочными мѣстами для всевозможныхъ деревянныхъ вещей и подѣлокъ, отсутствіе пола для которыхъ считается благопріятствующимъ обстоятельствомъ

въ цѣляхъ предохраненія отъ высыханія и растрескиванія. Сюда на-
громождаются кадки, ушаты, корыта, пивныя бочки, лопаты, сырое
дерево для мелкихъ подѣлокъ и проч. Иногда подвалъ приспособ-
ляется, какъ погребъ, или амбаръ, иногда-же какъ мелочная лавочка.
Въ этихъ случаяхъ имѣются всѣ необходимыя специальныя приспособ-
ленія: погребная яма, или полъ, засѣки (сусѣки), полки и проч. Если
въ избѣ имѣется голбецъ, то изъ него въ подвалъ нерѣдко ведеть
лѣстница.

Можно встрѣтить и совсѣмъ не утилизируемыя подвальныя по-
мѣщенія; въ нихъ даже двери не прорубаются, лишь небольшая от-
душинка-окошечки, „вѣтреницы“, сообщаютъ съ наружной средой эти
помѣстительныя, высокія (во всякомъ случаѣ — выше человѣческаго
роста) пустыя камеры, служащія лишь основаніемъ для лѣтнихъ жи-
лыхъ помѣщеній—избы и горницы.

Недаромъ въ настоящее время даже у крестьянъ средней зажи-
точности все чаще начинаютъ отстраивать двухъэтажные пе-
реды: разница въ матерьяль на рубку стѣнъ получается очень нѣ-
большая.

Въ „двоэтажномъ“ переду низъ, т. е. нижній этажъ, имѣеть
такое же устройство, какъ и въ одноэтажномъ; все жилое помѣщеніе
послѣдняго какъ будто опускается на мѣсто подваловъ; лишь входъ
изъ сѣней въ горницу можетъ иногда отсутствовать, такъ какъ на
его мѣстѣ можетъ начаться уже подвальная пристройка къ переду,
занимающая часть нижнаго этажа сѣней (моста).

„Верхъ“ или второй этажъ можетъ быть устроенъ или такъ
же, какъ и избѣ, съ избой и горницей, или въ немъ избы съ печью-
пекаркой не бываетъ; въ послѣднемъ случаѣ надъ нижней избой
устраивается болѣе теплая горница, а надъ нижней горницей—болѣе
прохладная. Здѣсь могутъ быть, впрочемъ, разныя вариаціи, въ зави-
симости отъ достатка, состава семьи и проч.

Надъ избой и горницей, „въ переду“ устраивается еще всегда
вышка. Она имѣеть небольшіе размѣры, занимая съ фасада 3—4
аршина и около 4—5 аршинъ по длини, и является необходимой над-
стройкой переда, укрепляющей переднюю его стѣну подъ крышей; въ
то же время служить она и небольшой лѣтней горенкой, въ которой
очень часто помѣщается взрослая хозяйская дочь, со своими наря-
дами („скрутой“) или взрослый парень съ гармоникой и проч. Иногда
она служить кладовой. Въ вышкѣ имѣется одно или два простыхъ
окна, или одно „таллинское“ (итальянское) окно; иногда отсюда быва-
етъ ходъ на „баухонъ“ (балконъ) или „выходы“. Нерѣдко въ послѣднее
время вышку зовутъ мизиномъ. Входъ „на вышку“ (въ вышку)
бываетъ или съ повѣти или съ мосту (изъ сѣней) по особой, всегда
непирокой, лѣстницѣ.

3) Серёдка.

Межу передомъ и задомъ помѣщается третья часть—середка дома являющаяся, дѣйствительно, его серединой. Она можетъ не содержать ни одного жилого помѣщенія, но зато включаетъ въ себѣ очень важ-

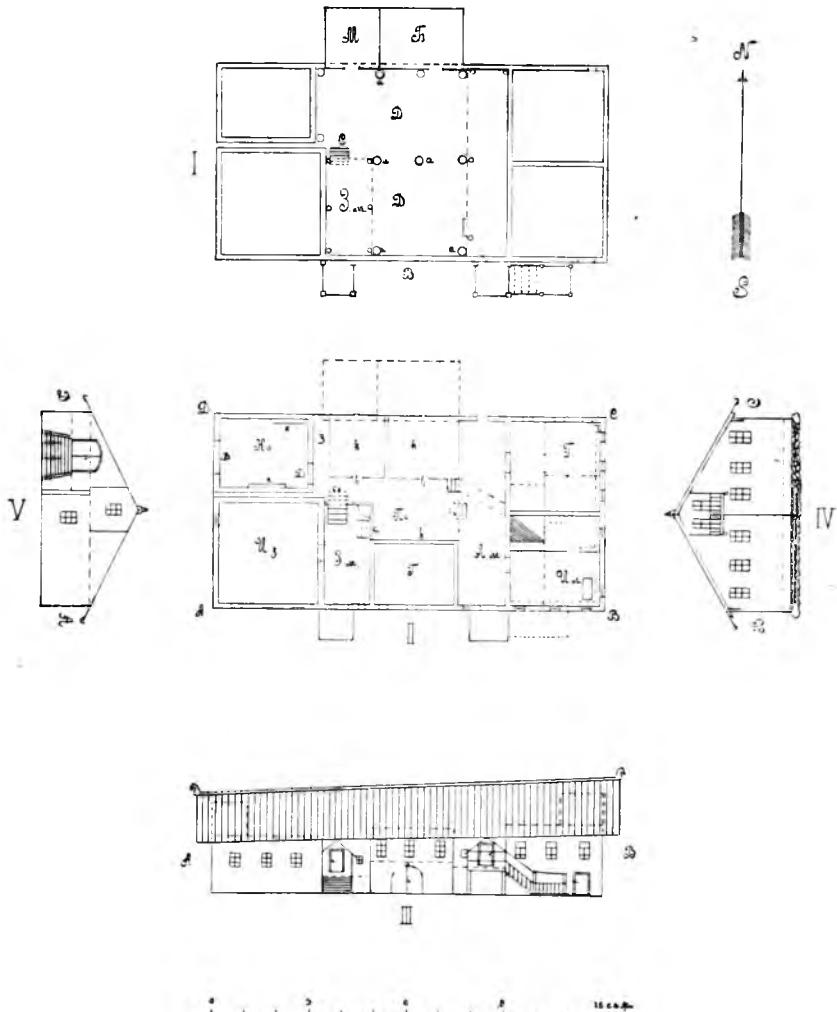

Рис. 11. Планъ и фасады дома (схематично)

I—Планъ въ нижней части (скотный дворъ). II—Планъ повѣти и жилыхъ помѣщеній на уровне АВ (III); III—главн. боков. фасадъ, IV—передній, V—задній фасадъ.

ныя хозяйственныя помѣщенія и пристройки. Прежде всего здѣсь помѣщается скотный дворъ съ хлѣвами; надъ нимъ—повѣть съ клѣтками, кладовыми и проч.

Находясь между двумя жилыми частями дома, передомъ и озадкомъ, середка не нуждается съ этихъ двухъ сторонъ въ своихъ собственныхъ стѣнахъ; лишь двѣ другія противоположныя, боковыя, стороны должны быть ограждены стѣнами; однако и здѣсь нижняя часть одной стѣны, или части ея, до высоты повѣти обыкновенно замѣняется постройками хлѣбовъ, а верхнія части обѣихъ стѣнъ—различными надстройками (клѣтками и проч.) на повѣти. Если въ домѣ нѣть переда (еще не построенъ) или озадка (сломанъ за ветхостью или при дѣ-

Рис. 12. Боковой фасадъ дома.

(Дер. Рыкаловская, Спасск. в. Тим. у.).

лежѣ дома), то нерѣдко съ соотвѣтствующей стороны середка съ низу до крыши, а иногда-до повѣти, забирается старыми досками, тесомъ, жердями и чѣмъ попало.

Боковыя стѣны тянутся вдоль дома, служа продолженiemъ соотвѣтствующихъ боковыхъ стѣнъ озадка и переда и образуя вмѣстѣ съ ними съ одной стороны боковой лицевой фасадъ дома, а съ другой, противоположной — задній боковой фасадъ. Со стороны первого всегда почти и устраиваются входы въ зимнюю избу, въ передъ и въ середку (См. рис. 12).

Нерѣдко оба боковые фасада дома получаются ломанными вслѣдствіе того, что ширина отдѣльныхъ корпусовъ озадка, середки и пе-

реда, особенно въ разное время построенныхъ, можетъ оказаться различной, и боковыя стѣны одного изъ этихъ корпусовъ могутъ явиться не прямымъ продолженiemъ таковыхъ же другого, а лишь направляться параллельно продолженію ихъ, чтò особенно часто можно видѣть на задней боковой стѣнѣ дома (Рис. 12 и 21).

Если со стороны озадка и переда середка не нуждается, какъ было упомянуто, въ своихъ собственныхъ стѣнахъ для огражденія, то для укрѣпления корпуса середки, а также и для отдѣленія по-вѣти отъ сѣней — эти стѣны являются необходимыми, хотя бы и не цѣликомъ и не въ сплошномъ видѣ, а иногда только въ формѣ нѣсколькихъ поперечныхъ балокъ, связывающихъ боковыя стѣны середки.

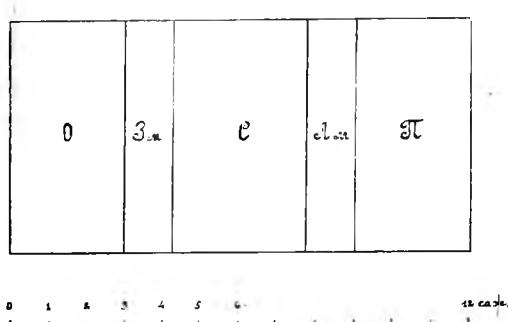

Рис. 13 (схема.)

O—озадокъ, *Z. m.*—зимн. мостъ, *C*—середка,
L. m.—лѣтній мостъ, *P*—передъ.

главныхъ частяхъ можетъ вестись лишь въ весьма зажиточныхъ хозяйствахъ, то и является весьма рѣдкой. Поэтому обычнымъ надо считать тотъ случай, когда корпусъ всего дома составляется изъ трехъ плотную сближенныхъ корпусовъ: переда, середки и озадка.

Если отрѣшишься отъ деталей устройства, то въ существѣ дѣла середка представляетъ изъ себя какъ бы большой сарай, раздѣленный досчатымъ помостомъ (повѣть) на два этажа — нижний и верхний; первый, безъ пола, служить для помѣщенія скота и называется скотнымъ дворомъ или просто дворомъ, а второй, отъ помоста повѣти до крыши,—для помѣщенія всякаго домашняго скарба, частью корма для скота.

Мѣсто для скотнаго двора предварительно выравнивается и нѣсколько углубляется, чтобы жидкой навозъ не вытекалъ за стѣны двора на виѣшнюю сторону.

Стѣны скотнаго двора (середки) закладываются также на камняхъ или короткихъ деревянныхъ столбикахъ (стульчикахъ) и возво-

При одновременнойстройкѣ озадка, середки и переда границы между этими тремя корпусами могутъ быть совершенно сглажены съ виѣшней стороны, и тогда весь домъ будетъ представлять сплошной продолговатый корпусъ, раздѣленный поперекъ четырьмя стѣнами на пять отдѣльныхъ частей: озадокъ или задъ, зимній мостъ (сѣни), собственно середка (главн. обр. по-вѣти) лѣтній мостъ и передъ.

Но такъ какъ постройка всего дома одновременно во всѣхъ его

дятся безъ прокладки мхомъ; помѣщеніе, слѣдовательно, бываетъ всегда холоднымъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго обстоятельства, кромѣ скотнаго двора, для скота требуются еще и другія, теплые помѣщенія—хлѣвы, которые должны быть или въ одной связи или въ самомъ близкомъ сосѣствѣ со скотнымъ дворомъ; и, дѣйствительно, хлѣвы или примыкаютъ къ скотному двору или какой либо своей частью, а то и цѣликомъ, строятся внутри двора. Отсюда понятно, что вмѣстимость и видъ скотнаго двора, въ зависимости отъ расположения хлѣвовъ (часто и конюшня устраивается здѣсь же), могутъ быть весьма разнообразны; это разнообразіе можетъ быть и еще увеличено тѣмъ или другимъ видомъ устройства мостовъ, или сѣней. Дѣло осложняется еще и тѣмъ, что хлѣвы, будучи теплыми, значить,— плотно, „на моху“ срубленными помѣщеніями, отъ постоянной испаринѣ въ нихъ сравнительно быстро гниваютъ, и требуютъ перестройки, когда еще остальная части середки сохранились почти новыми; ихъ поэтому надо ставить такимъ образомъ, чтобы можно было перестраивать потомъ заново, не ломая другихъ частей середки дома.

Если ширина двора невелика, то съ самаго основанія могутъ возводиться все четыре стѣны почти сплошными; лишь въ боковыхъ стѣнахъ остаются просвѣты: въ одной — для воротъ, въ другой — для окна или стѣнки хлѣва; а въ поперечныхъ стѣнахъ просвѣты могутъ и не быть или быть въ различныхъ мѣстахъ, безъ опредѣленного назначенія. Когда рубка стѣнъ доведена примѣрно до высоты пола въ зимней избѣ, то ближайшая къ этой послѣдней поперечная стѣнка на этой высотѣ приспособляется вмѣстѣ съ концами продольныхъ стѣнъ, въ качествѣ основы, для зимняго моста (сѣней); отъ нея къ стѣнѣ избы перекидываются балки, укрѣпляясь концами въ стѣнахъ. Все это приспособленіе вмѣстѣ съ указанной поперечной (сплошной или несплошной) стѣнкой середки называется змѣсѣемъ (взмѣсѣемъ). На балки взмѣстя настилаются вдоль по нему и поперекъ дома толстыя доски — мостовины, образующія зимний мостъ.

Подобнымъ же образомъ возводится и устраивается при помощи другой поперечной стѣны середки, между нею и передомъ, лѣтнее змѣсѣе и на немъ—лѣтній мостъ, на высотѣ, соответствующей высотѣ пола въ жилыхъ помѣщеніяхъ переда. Обыкновенно, при одноэтажномъ передѣ, лѣтній мостъ бываетъ всегда выше зимняго и чуть-чуть ниже повѣти. Ширина того и другого моста бываетъ 3—5 аршинъ, рѣдко больше или меньше, а длина равняется обыкновенно ширинѣ жилого помѣщенія въ переду или на озадѣ.

Итакъ, поперечные стѣнки середки, образующія взмѣстя могутъ быть сплошными (глухими) или почти таковыми: въ этомъ случаѣ помѣщенія подъ мостами являются отдѣльными отъ скотнаго двора и почти совершенно не утилизируемыми. Часто однако эти помѣщенія,

при помощи неиравильныхъ лазеекъ и дыръ или болѣе широкихъ прогалинъ на подобіе дверей или воротъ, а иногда и шире—сообщаются со дворомъ, и, въ такомъ случаѣ, особенно въ лѣтнее время, тутъ юится мелкій скотъ: овцы, телята, поросята.

При значительной же ширинѣ дома взмостья глухими не устраиваются и въ значительной части укрѣпляются на столбахъ. Помѣщеніе подъ мостами въ этомъ случаѣ являются совершенно открытыми со стороны скотнаго двора и могутъ служить для увеличенія его пространства.

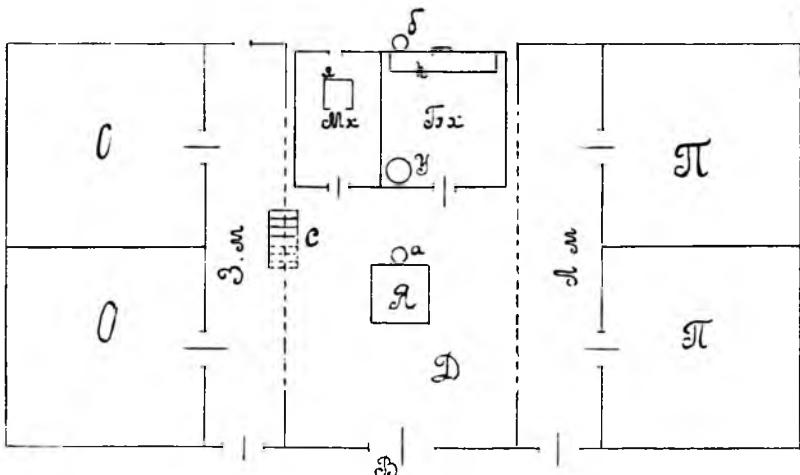

Рис. 14.

На рисункѣ 14 изображенъ планъ скотнаго двора. *Д*—дворъ, *Зм*—место подъ зимнимъ мостомъ, *Ли*—место подъ лѣтнимъ мостомъ, *Mx*—малый хлѣвъ, для мелкаго скота, *Bx*—большой хлѣвъ для коровъ, *я*—ясли, *к*—колода, *У*—ушатъ или кадка для воды (питья) коровамъ, *а* и *б*—столбы, *с*—лѣстница изъ зимнихъ сѣней (моста) на дворъ, *В*—дворныя ворота, *О*—озадокъ, *П*—передъ.

Такъ какъ хлѣвы помѣщаются здѣсь внутри скотнаго двора, то размѣры послѣдняго сравнительно невелики.

На рис. 11 представленъ случай, когда хлѣвы только примыкаютъ къ скотному двору извѣтъ. Обозначенія тѣ же, что и на рис. 14.

Повъть, или, какъ здѣсь произносятъ, *повѣть*¹, можетъ имѣть довольно различное устройство. Она служить прежде всего какъ бы широкимъ мостомъ, перекинутымъ черезъ скотный дворъ отъ зимняго жилого помѣщенія (черезъ зимній мостъ или сѣни) къ лѣтнему (черезъ лѣтній мостъ или сѣни); а затѣмъ является основаніемъ, на которомъ созидаются мелкія домовыя пристройки. Высота повѣти надъ скотнымъ дворомъ должна быть такова, чтобы можно было подъ неї

¹ Въ некоторыхъ мѣстахъ этого района слово называютъ еще и сараемъ.

въ скотномъ дворѣ проѣхать на лошади въ полной, какъ зимней, такъ и лѣтней упряжи; для такого вѣзда приспособлены и скотныя ворота, ведущія на дворъ съ улицы.

Когда стѣны середки доведены до уровня лѣтняго моста (при одноэтажномъ передѣ), то, положивши на нихъ еще одинъ—два (рѣдко больше) ряда бревенъ, начинаютъ укладывать переводы, т.-е. балки, для повѣти. Если середка дома не широка и поперечныя стѣны ея выводились почти сплошными, то на нихъ и укладываются переводы, располагаясь вдоль по дому и укрѣпляясь концами, врубленными въ эти поперечныя стѣны; при другихъ условіяхъ переводы идутъ попереckъ дома, отъ одной боковой стѣны къ другой, также будучи врублены своими концами въ эти стѣны. Число переводъ въ первомъ случаѣ—отъ одной до трехъ, а во второмъ—не меньше трехъ. Всѣдствіе большой длины и массивности переводъ, достигающихъ до полуаршинной толщины, и большой тяжести, какую онъ предназначаются выдерживать, укрѣпленіе ихъ только на концахъ является недостаточнымъ, и потому для поддержки ихъ внутри скотного двора ставятся прочные массивные столбы, число которыхъ можетъ быть отъ одного до трехъ подъ каждой переводиной; часто, когда, вмѣсто задней боковой стѣны середки, ставятся хлѣвы, соотвѣтствующій конецъ одной средней переводы, а иногда и другихъ, также укрѣпляется на столбѣ (Рис. 14, б).

На переводы набирается изъ толстыхъ тесинъ (досокъ) или плахъ, называемыхъ въ этомъ разѣ повѣтницами, самая повѣть: при продольномъ расположениіи переводъ (или одной переводины) повѣтницы укладываются поперекъ, располагаясь концами на боковыхъ стѣнахъ середки (Рис. 15), а при поперечныхъ переводахъ—наоборотъ, вдоль.

По окончаніи набиранія повѣти, частью уже одновременно съ нимъ, начинаютъ возводиться надстройки надъ ней, выходящія на боковыя стороны середки. Эти надстройки—горница и клѣти—могутъ быть и видомъ (также размѣрами) и числомъ своимъ различны. Часто на одной сторонѣ повѣти устраивается горница, а на другой—одна или двѣ клѣти; окна горницы располагаются надъ дворными воротами, а маленькая оконечка („витреницы“) клѣтей—надъ хлѣвами. Но число горницъ можетъ доходить до трехъ, такъ же точно и клѣтей: при чемъ одна изъ нихъ, видоизмѣняясь въ своемъ внутреннемъ устройствѣ, можетъ имѣть значеніе амбара.

Стѣны горницъ и клѣтей при рубкѣ ихъ тѣсно, органически, связываются со стѣнами „середки“, переходя одинъ въ другія. Такъ, въ обычномъ случаѣ, боковая стѣна середки съ лицевой стороны, выходящей на улицу, выше скотныхъ воротъ и врубленныхъ въ нее затѣмъ концовъ переводинъ продолжается кверху, служа въ то же время боковой, фасадной, стѣной горницы; поперечныя стѣны середки, хотя бы и не сплошныя, служившия ниже уровня повѣти, между

прочимъ, для укрѣпленія взмостій, теперь, выше повѣти, начинаютъ играть роль поперечныхъ стѣнъ горницы; только четвертая внутренняя боковая стѣна горницы, начинаясь отъ повѣти, является совершенно самостоятельной, не служа ни началомъ ни продолженіемъ какой-либо другой. Подобнымъ же образомъ рубятся и клѣти и др. надстройки, выходящія на другую сторону середки. Между горницей (или горницами) и клѣтками остается свободная средина повѣти, въ видѣ болѣе или менѣе значительной площадки, по преимуществу удерживающей

Рис. 15. Середка дома.

(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.).

Видны „дворныя“ ворота, концы „повѣтнинъ“, окно въ горницѣ на повѣти; на улицѣ колодецъ съ корытомъ для поенія скота.

название повѣти; отсюда ведутъ входы въ клѣти и „горницы—на—повѣть“, а также здѣсь лежитъ и мѣсто прохода изъ зимней части дома въ лѣтнюю. Кромѣ того, отсюда идетъ ходъ на конюшню, когда она находится въ озадкѣ, рядомъ съ зимней избой; и можетъ быть устроена лѣстница на вышку, или и на обѣ вышки. Иногда и собственно повѣть со стороны лѣтняго и зимняго моста (стѣней) отдѣляется глухими стѣнами, въ которыхъ прорубаются только двери для прохода; иногда это отдѣленіе бываетъ менѣе полнымъ—при помощи заборокъ или перилъ (ограды); иногда его и совсѣмъ не бываетъ. Въ послѣднемъ случаѣ повѣть бываетъ открытая съ того и другого моста.

Для подъема на повѣть съ зимняго моста всегда ведеть лѣсенка, а съ лѣтняго—или одинъ „пристѣпокъ“, массивный четырехгранный брусь, или тоже очень коротенькая лѣсенка, или переходъ бываетъ непосредственный, когда разница въ высотѣ уровня повѣти и лѣтняго моста бываетъ ничтожная.

Расположеніе частей на повѣти, близкое къ только что описанному, показано на II планѣ рисунка 11. *По*—повѣть, *Г*—горница-на-повѣти, *к* и *к*—клѣти, *в*—входы въ горницу и клѣти, *с₁*—лѣстница съ зимняго моста (З..и.) на повѣть, *с₂*—съ лѣтняго (Л..и.), *Д*—ходъ на конюшню (*Ко*); *з*—„заукъ“, закоулокъ безъ опредѣленнаго назначенія.

Если въ скотномъ дворѣ бываетъ и конюшня, то противъ яслей конюшни на повѣти, смотря по мѣсту расположенія ихъ (яслей), дѣлается дыра для спусканія корма лошадямъ. Часть повѣти при этомъ можетъ быть обращена въ сѣноваль; для удобства же доставки сюда сѣна, въ задней боковой или задней поперечной (если въ озадкѣ одна изба, а не двѣ) стѣнѣ прорубаются широкія ворота, черезъ которые мечуть снаружи сѣно или по особому „взвозу“ привозятъ прямо на повѣть. Вся середка дома при этомъ дѣлается помѣстительнище, увеличиваясь въ длину, иногда настолько, что боковыя стѣны пересѣкаются (перерубаются), и чрезъ то связываются, еще третьей поперечной, хотя и не проходной, стѣной; и тогда говорять, что „середка съ перерубомъ“. (См. рис. 12).

Лишь съ окончательнымъ установленіемъ распределенія частей и устройствомъ повѣти съ ея надстройками окончательно устанавливается и устройство и видъ мостовъ или сѣней.

На рис. 16 и 17 представлены планъ и видъ зимняго моста, при одной зимней избѣ въ озадкѣ, слѣд., когда сѣни идутъ не во всю ширину дома.

Войдя черезъ зимнія ворота, т.-е. входную дверь (*B*) съ крыльца въ зимнія сѣни (*M*), видимъ, что слѣва онъ ограниченъ входною стѣною зимней избы (*И*) съ массивной дверью (*Д*), повѣшенной на трехъ желѣзныхъ петляхъ, пасаженныхъ на толстые желѣзные же крюки; дверь сколачивается изъ досокъ до $1\frac{1}{2}$ вершковъ толщиною, скрѣпленныхъ двумя пѣрвами. Направо, противъ стѣны избы, мостъ ограниченъ поперечной стѣною „горницы-на-повѣти“ (*Г*) [на фотограф. рис. виденъ лишь одинъ задній уголъ этой стѣны]; у стѣны этой имѣются двѣ полки: одна на высотѣ полицъ избы, а другая—почти на высотѣ лавокъ въ избѣ, или нѣсколько выше (*n*, *n*); тутъ же имѣется обыкновенно простой деревянный шкафъ (*и*), куда ставятся для охлажденія или храненія нѣкоторыя кушанья и провизія. Дальше направо, за угломъ горницы видны края повѣти (*По*) и лѣстница (*Л.и.*) ведущая на повѣть; за лѣстницей поставленъ дощатый щитъ, (*иа*) для прикрытия дыры (*д*) въ концѣ моста, служащей отхожимъ мѣстомъ. Прямо впереди, ближе къ избѣ, спускается лѣстница (*с*) на скотный

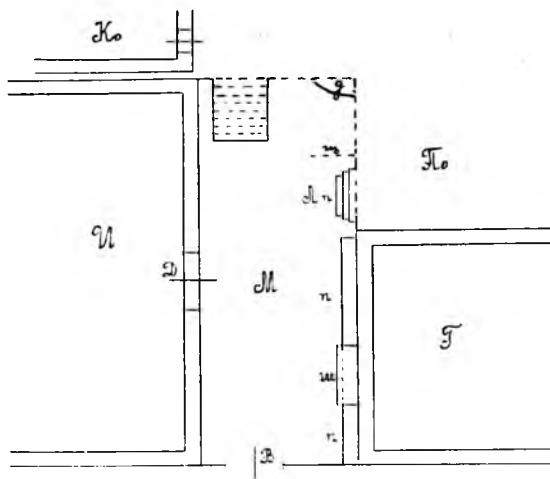

Рис. 16.

Рис. 16 и 17. Планъ и видъ зимняго моста (сѣней).
(Дер. Рыкаловская, Спасск. вол., Тот. у.).

M—мостъ; *B*—входъ на него съ улицы; *Pi*—зимн. изба; *D*—дверь изъ сѣней въ избу; *G*—горница на повѣти; *Po*—повѣть; *Li*—лѣстница на повѣти; *C*—спускъ на скотный дворъ, по которому женщина подымается оттуда въ сѣни; на уровнѣ ея плечъ—край повѣти, по которому идутъ перила; дальше прямо на повѣти видна клѣть съ дверью; между клѣтью и перилами—кровать; *n*,*n*—щитъ; *d*—дыра (отх. м.); *n,n*—полки; *m*—шкапъ.

Рис. 17.

дворъ (на рис. 17 по этой лѣстницѣ подымается женщина съ ведромъ, въ которомъ она носила пойло скоту). Еще дальше, черезъ большую вертикальную дыру-щель, образуемую различными уровнями конца моста и края повѣти, видна стѣнка хлѣва на скотномъ дворѣ; а выше по краю повѣти идутъ перила, за которыми непосредственно вплотную къ нимъ поставлена на повѣти деревянная кровать, для спанья лѣтомъ; дальше за кроватью видна дверь въ клѣть и значительная часть передней стѣны самой клѣти, на потолокъ которой съ повѣти насыпаны корзины, полозья, дуги отъ саней и проч. Между кроватью и клѣтью, по повѣти за уголъ избы налѣво ведеть ходъ на конюшню (*Ko*).

Направо отъ входа въ сѣни назади, между зимними воротами и стѣною горницы, устраивается маленькое окно; въ томъ же углу, въ стѣну горницы, между полками, или на мѣстѣ ихъ, вколоачиваются длинныя деревянныя спицы, на которыхъ вѣшаются конскую сбрую: хомуты, уздечки, вожжи и проч.

Нерѣдко въ сѣняхъ устраивается своя божница, обыкновенно на стѣнѣ избы между „воротами“ и входной дверью въ избу; на божницу ставится 1—3 иконы, рѣдко больше. Если же настоящей божницы не устроено, то куда-нибудь въ уголъ у входа, или надъ „воротами“ все-таки прикрѣпляется хоть одна старая икона.

Ни потолка, ни какого другого прикрытия сверху моста не имѣется, за исключеніемъ общей для всѣхъ частей дома крыши.

Видъ и устройство лѣтняго моста мало чѣмъ отличаются отъ таковыхъ только-что описанного зимняго, особенно при одноэтажномъ передѣ; лишь мостъ этотъ бываетъ нѣсколько повыше, посвѣтлѣе и попросторнѣе; съ него не бываетъ обыкновенно лѣстницы на скотный дворъ, и „къ скоту“ ходятъ черезъ повѣть и зимній мостъ.

При двухъэтажномъ передѣ устройство лѣтняго моста значительно усложняется. Прежде всего, онъ долженъ быть двухъэтажнымъ, и, такъ какъ нижній этажъ его приходится на уровнѣ скотнаго двора, то онъ непремѣнно долженъ быть вполнѣ отдѣленъ со стороны послѣдняго; кроме того, задняя часть (около $\frac{1}{3}$) нижняго этажа его бываетъ иногда отдѣлена и заключена въ особыя стѣны, въ качествѣ подвального помѣщенія. „Съ нижняго лѣтняго мосту“, т.-е. изъ нижняго этажа лѣтнихъ сѣней, обыкновенно устраивается ходъ и на скотный дворъ.

Представимъ нѣсколько подробнѣе порядокъ и расположение частей сначала въ нижнемъ, а затѣмъ—въ верхнемъ этажѣ лѣтнихъ сѣней.

Съ лѣтняго крыльца (*Kp*) входимъ мы „на нижній лѣтній мостъ“ (См. рис. 19 и 18, I, *M*). Направо будетъ стѣна лѣтней избы (*И.л.*) со входною въ нее дверью (*в₁*); налѣво напротивъ—стѣна или досчатая заборка, отдѣляющая мостъ отъ скотнаго двора, также съ дверью (*в₃*),

на скотный дворъ (*Д*). Дальше прямо и направо—лѣстница (*Л*) въ верхній этажъ сѣней („въ верхъ“); за ней у правой стѣны, стѣны переда, шкапъ (*и*) для провизіи и полки для молока; прямо дверь (*в₂*) въ подвалъ (*Ч*), а лѣвѣе ея—полки (*и*) для кринокъ съ молокомъ. Налѣво и дальше отъ входа во дворъ въ дощатую стѣнку между дворомъ и мостомъ вдѣланъ лодокъ съ расширеніемъ въ видѣ раковины, служащей въ качествѣ писсуара (*С*); дальше на эту же стѣнку навѣшаны косы и грабли, а ближе, по ту и другую сторону входа во дворъ,—конская сбруя; *в*—„лѣтнія ворота“ (входная дверь съ крыльца

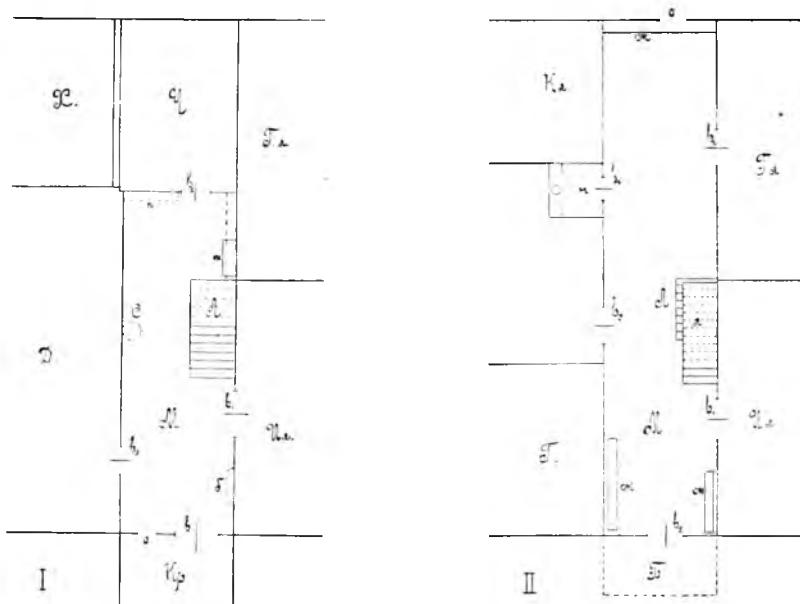

Рис. 18.

въ сѣни); *о*—окно; *б*—мѣсто, гдѣ иногда устраивается божница; *Г.Л.*—лѣтнія горница; *Х*—хлѣбъ. Сверху нижнія сѣни ограничены накатомъ (потолкомъ, служащимъ для верхніхъ сѣней поломъ).

Поднявшись по лѣстницѣ „въ верхъ“, мы увидимъ передъ собой прямо окно (на фотогр. рис. нижняя часть его видна надъ лѣстницей), возвлѣ котораго, пониже у стѣнки, протянута лавка (Рис. 18, II, ск.); между окномъ и лѣстницей справа—стѣна лѣтнѣй горницы (*Г.Л.*) съ входной въ нее дверью (*в₂*), а налѣво—стѣна клѣти (*К.Л.*) и еще ближе стѣна или досчатая заборка, перегородка, между повѣтью и верхнимъ мостомъ; въ ней рядомъ съ клѣтью—дверь (*в₄*) въ отхожее мѣсто (*и*). Повернувшись теперь налѣво и назадъ, мы очутимся лицомъ къ другому концу верхнаго моста (сѣней). Направо вблизи окажется входная дверь (*в₃*) на повѣтъ, а налѣво, надъ лѣстницей ведущей съ нижнаго моста на верхній,—лѣстница (*Л*) „на вышку“, иѣсколько поуже пер-

вой; сейчас же за лѣстницей—входная дверь (α_1) въ верхнюю лѣтнюю избу (*И.л.*), а напротивъ, направо,—стѣна „горница-на-повѣти“ (Γ); прямо—окно, или стеклянная дверь (α_5) на балконъ (B), находящійся надъ лѣтнимъ крыльцомъ; около этихъ послѣднихъ дверей (или окна) могутъ быть или лавки или скамьи (*ск.*). Надъ верхнимъ мостомъ дѣлается еще подволока или подшивка изъ тонкихъ досокъ, замѣняющая потолокъ.

Скажемъ еще пѣсколько словъ о внутреннемъ устройствѣ пристроекъ на повѣти.

Рис. 19. Нижній лѣтній мостъ.

(Дер. Рыкаловская, Спасск. в. Тот. у.).

Горницы могутъ быть теплые и холодные, смотря потому,—къ какому основному жилому помѣщенію, къ зимнему или лѣтнему, онъ принадлежать; а принадлежность эта къ переду или заду опредѣляется устройствомъ и помѣстительностью зимнихъ или лѣтнихъ основныхъ жилыхъ помѣщеній, а также составомъ семьи и проч. Такъ напр., если при зимней избѣ совсѣмъ неѣть горница (отдѣльной отъ избы комнатки), то этотъ недостатокъ частенько и восполняетъ горница-на-повѣти, точно такъ же, какъ и въ томъ случаѣ, когда имѣющаяся при зимней избѣ горенка мала, а семейство велико и ведеть большія знакомства. Однако, если горница на повѣти только одна и она является теплой, то ею пользуются иногда и лѣтомъ; нельзя, ко-

нечно, лишь наоборотъ—пользоваться лѣтней горницей зимою. Въ большихъ домахъ, кромѣ теплой (зимней) горницы, на повѣти можетъ быть одна или двѣ (даже и больше) лѣтнія (холодныя) горницы.

Зимняя горница отличается по своему устройству тѣмъ, что она должна быть „сложена на моху“, имѣть болѣе прочно устроенные поль и потолокъ и, сверхъ всего,—печь.

Если поломъ въ лѣтней горницѣ можетъ служить тотъ же помостъ повѣти, лишь болѣе гладко здѣсь выструганный, то для зимней горницы приходится набирать еще и второй поль, пользуясь повѣстью, какъ подполкомъ. На потолокъ зимней горницы приходится насыпать землю или опилки и т. п., точно такъ же, какъ и на подполокъ. Печь-

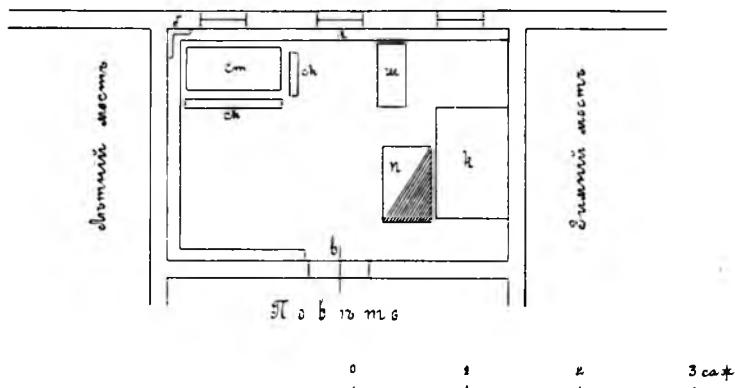

Рис. 20. Планъ горницы.

пекарка въ горницѣ устраивается рѣдко, а обыкновенно складывается кирличная лежанка.

Чаще всего можно встрѣтить такое, примѣрно, расположение частей въ зимней горницѣ на повѣти. (Рис. 20).

Прямо противъ входа—стѣна съ окнами (2—3), возлѣ которой тянется лавка; налѣво, въ углу, составляемомъ этой стѣной и лѣвой поперечной—божница съ иконами („сундѣй уголь“, или „сѣтки“) и большой столъ, у которого, кромѣ лавокъ со стороны стѣнъ, съ двухъ другихъ сторонъ могутъ стоять стулья или скамьи. Направо, отступя отъ стѣнъ,—лежанка, близъ которой можетъ стоять кровать; тамъ же, ближе къ окнамъ, можетъ быть шкафъ съ чайной посудой. Кровать можетъ стоять и налѣво, въ углу у входной стѣны.

B—входъ съ повѣти, *Ст*—столъ, *ск*—скамьи, *л*—лавки, *б*—божница, *к*—кровать, *ш*—шкафъ, *н*—печка.

Подобное же расположение можетъ быть и въ холодной (лѣтней) горницѣ. Лишь нѣть печи въ ней. Надо замѣтить, что нерѣдко уже совсѣмъ отстроеными горницами на повѣти не пользуются, какъ жилими помѣщеніями, а имѣютъ ихъ въ виду про запасъ, на всякий

случай, пользуясь ими какъ складочнымъ мѣстомъ различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей и инструментовъ, а также провизіи—муки, пироговъ, кринокъ молока и пр. и пр.

Клѣти бывають приспособлены для храненія платья, бѣлья, холстовъ, болѣе цѣнной посуды, сбруи и всевозможныхъ другихъ хозяйственныхъ вещей. Въ нихъ дѣлаются вдоль стѣнъ широкія полки; на свободной отъ полокъ стѣнѣ вбиваются длинныя гвозди, большія деревянныя спицы и грядки, прочные гладкіе шесты, протянутые отъ одной стѣны до другой. На полкахъ и на полу ставятся нагруженные всякимъ добромъ ящики, лукошки, коробы, сундуки, корзины и проч.; на грядкахъ, спицахъ и гвоздяхъ развѣшивается всевозможное праздничное и запасное платье и бѣлье, шапки, рукавицы, кушаки и проч. и проч.

Клѣтей можетъ быть отъ одной до трехъ и даже больше, смотря по количеству женщинъ въ домѣ, особенно снохъ: каждая сноха требуетъ себѣ отдѣльной клѣти; кроме снохиной или снохиныхъ клѣтей, можетъ быть „свекровкина клить“, „дѣвъя (дѣвичья) клить“, общая клѣть.

Разумѣется, въ бѣдныхъ семействахъ клѣти бывають неосошенно-то нагружены добромъ, но все же холсты, бѣльишко и одеженка почти всегда имѣются хоть въ маломъ запасѣ.

Къ только что сдѣланному перечню различныхъ частей и помѣщеній въ домѣ и описанію нѣкоторыхъ изъ нихъ слѣдуетъ добавить еще два слова относительно конюшни. Уже было указано, что она можетъ помѣщаться въ скотномъ дворѣ, а также и врядъ съ зимней избой, на озадкѣ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, а также и тогда, когда она стоитъ совершенно отдѣльно отъ дома, ее принято строить въ два этажа: нижній—для лошадей, а верхній—для сѣна и др. корму лошадямъ. Если конюшня стоитъ на озадкѣ дома, врядъ съ зимней избой, то входъ въ нижнее помѣщеніе ея, гдѣ стоять лошади,—въ стаю—дѣлается обыкновенно въ задней поперечной стѣнѣ дома (см. рис. 11, V и II); надъ нимъ выше дѣлаются широкія ворота, къ которымъ ведеть бревенчатый, болѣе или менѣе отлогій помостъ, въ видѣ наклонной плоскости, называемый звозомъ (см. рис. 21), по которому привозится на конюшню сено и другой кормъ лошадямъ. (См. звозъ у отдѣльностоящей конюшни, на рис. 37). Помѣщеніе для лошадей пола не имѣеть и иногда разгораживается жердями на отдѣленія, называемыя также стаями. Если или колода для корма придѣлываются обыкновенно къ стѣнамъ. Вместо окошка, дѣлается лишь небольшая „витреница“. Стѣны бывають складены обыкновенно безъ моху и не конопатятся. Потолокъ надъ собственно конюшней (стаей) набирается изъ толстыхъ тесинъ или плахъ, а то изъ круглыхъ нетолстыхъ бревенъ. Противъ яслей на потолкѣ дѣлаются дыры для спусканія корма.

Потолокъ конюшни (стай) служить поломъ для ея верхняго этажа, имѣющаго значеніе сѣновала, хотя такъ и не называемаго, а известнаго въ формѣ составного наименованія—„на конюшнѣ“. На конюшнѣ сѣно складывается въ большія груды около стѣнъ, доходящія иногда до самой крыши, представляющей часть общей крыши дома.

Рис. 21. Озадокъ дома со взвозомъ.

(Л. Березникъ на Усьѣ, Вельск. у.).

На рис. 21, II, представленъ планъ верхняго этажа конюшни, въ полу котораго стѣланы два отверстія надъ яслими.

4) Крыша¹ дома, наружные его пристройки и украшения.

Всѣ описанная выше части дома,—передъ, озадокъ и середка, со всѣми, относящимися къ нимъ подраздѣленіями,—въ концѣ концовъ составляютъ обыкновенно одно цѣлое, одинъ сложный кориусъ, покрытый одной общей крышей,—домъ или дворъ. При одновременнойстройкѣ отдаленныхъ кориусовъ частей дома высота ихъ болѣе или менѣе подгоняется подъ одну прямую (или почти прямую) линію; правда, линія эта никогда не бываетъ горизонтальною и тѣмъ болѣе—параллельною поверхности земли, занимаемой домомъ; напротивъ того, она всегда идетъ наклонно, понижаясь отъ переда къ озадку, благодаря чему только и можно уравнивать верхи различныхъ по высотѣ

¹ На ряду со словомъ крыша употребляется постоянно и слово кровля, которое раньше пользовалось безусловнымъ преимуществомъ надъ первымъ.

отдѣльныхъ частей (корпусовъ) дома; тому же обстоятельству обыкновенно благопріятствуетъ еще и то, что самая высокая часть дома, перѣдъ, обыкновенно ставится на болѣе низкомъ мѣстѣ, чѣмъ озадокъ. Такимъ образомъ, общія очертанія бокового фасада имѣютъ форму не прямоугольную, а трапециевидную. (См. рис. 12, а также рис. 11, III).

Когда рубка стѣнъ дома закончена, и надо „крыть крышу“—приступаютъ къ установлению опорныхъ частей крыши. Прежде всего поперекъ дома укладываются свѣзи (связи), идущія отъ одной боковой стѣны къ другой. Каждая свѣзина (связина) представляеть изъ себя такую же длинную и развѣ немного менѣе толстую слѣгу (бревно, длинное и ровное), какъ и переводы; число ихъ обыкновенно доходитъ до девяти: три въ переду, по стольку же въ середкѣ и озадкѣ; при чемъ по одной „связинѣ“ приходится на каждую попечную стѣну дома и по одной промежуточной въ переду, заду и

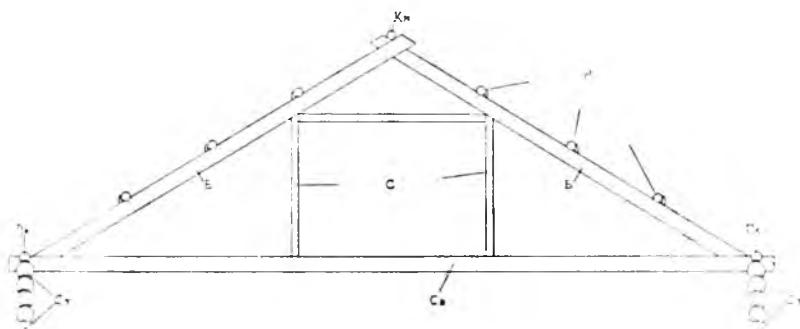

Рис. 22.

середкѣ (всего три промежуточныхъ). На „связинахъ“ утверждаются быки, или стропила, и кладутся „подкурѣники“. Быковъ ставится по парѣ на каждую „связину“, по одному быку (стропилу) съ каждой стороны; при этомъ одинъ конецъ каждого быка укрѣпляется, частью вдалбливается, въ соотвѣтствующемъ концѣ связи, а другими, приподнятыми навстрѣчу одинъ другому, концами эта пара скрѣпляется между собою, образуя въ мѣстѣ скрѣпленія маленький перекресть. Каждая пара быковъ со своей связиной вмѣстѣ напоминаетъ поставленный своимъ основаніемъ грубый плотничій ватерпасъ, представляя въ тоже время, въ общихъ очертаніяхъ, фигуру равнобедренаго треугольника, основаніемъ котораго является связина, боковыми сторонами—быки, а крестообразное ихъ скрѣпленіе служить вершиною этого треугольника. Иногда подъ вершины быковъ на связинахъ ставится по одному не толстому столбику, которые вверху соединяются между собою перекладиной; столбики именуются стойками, а иногда вмѣстѣ съ перекладинами—тоже стропилами.

На рисункѣ 22 изображена, иѣсколько схематично, постановка одной пары быковъ въ разрѣзѣ.

Cm, Ст — продольные стены дома; *Св.* — связина; *Б, Б* — быки (стропила); на нихъ въ поперечномъ разрѣзѣ представлены три пары обрѣшетинъ или рѣшетинъ (*P*) и одна „кнезевая“ (*Kn.*); *С* — стойки съ перекладиной; *Нк* — подкуретникъ.

Когда быки поставлены, то на нихъ вдоль по дому и поперечно быкамъ кладутся обрѣшетины или рѣшетины — длинные нетолстые бревна (слѣги), обыкновенно по три съ той и другой стороны и, сверхъ того, одна называемая кнезевою, по самому верху быковъ. На боковыхъ стѣнахъ по концамъ связинъ, у мѣста ихъ скрѣпленія, съ быками полагаются тонкія бревна — подкурѣтники (подкурятники), служащія, вмѣстѣ съ налагаемыми на нихъ еще болѣе тонкими надкурѣтниками, для удержанія (укрѣплѣнія) курицъ или куръ, особыхъ крюковъ, съ помощью которыхъ держатся желоба по краямъ крыши. Курицы вырубаются изъ елокъ ($2\frac{1}{2}$ —3 вершк. толщ.) исключительно, такъ какъ у этихъ деревьевъ чаще встрѣчаются толстые корни, отходящіе отъ ствола почти подъ прямымъ угломъ; вслѣдствіе чего вырублена съ частью такого корня елка и даетъ прочный природный крюкъ для курицы. (См. рис. 23).

Рис. 23.

На рис. 23 курица представлена отдельно: на рис. 24 изображенъ способъ ея закрѣпленія между „подкуретникомъ“ и „надкуретникомъ“, въ особомъ гнѣздѣ, съ помощью сдѣланнаго на самой курицѣ подрѣза, и положеніе верхняго конца курицы (подъ обрѣшетиной крыши); рис. 25 показываетъ разрѣзъ способа закрѣпленія курицы въ гнѣздѣ.

A — курица; *z* — головка курицы; *ж* — зобъ; *мѣсто желоба*; *б* — подрѣзъ; *н* — подкурятникъ; *нн* — надкурятникъ; *гн* — гнѣздо; *см* — верхнее бревно стѣны; *об* — обрѣшетина, подъ которой лежитъ верхній конецъ курицы.

Какъ укладывается на курицы желобъ, видно на рисункахъ 4, 6, 12 и др.

Сооруженіемъ только что описанныхъ опорныхъ элементовъ крыши стройка дома собственно и считается законченной. Поэтому, когда поднимаютъ послѣднюю самую верхнюю изъ этихъ частей — кнезевую, то устраиваютъ даже особое празднество. — „Плотники-те севодни горланять писни и не стукаютсѧ: видно кнезевую подымали, да къ виномъ Иванъ-отъ (хозяинъ строившагося дома) напоиу... Такіе разговоры можно слышать по этому случаю. Также говорятъ: „севодни кнезевая! — спрыски съ хозяина, чтобы жить весело было!“.

Той или другой постановкой указанныхъ элементовъ разумѣется

уже опредѣляется и форма крыши дома. Впрочемъ о различныхъ формахъ крыши почти не приходится говорить, такъ какъ съ незапамятныхъ поръ до самаго послѣдняго времени употребляется лишь форма двускатной крыши, какъ нормальная, вполнѣ законченная. Если наряду съ двускатными встрѣчались и встрѣчаются нерѣдко крыши односкатныя, то это считается недостройкой и объясняется

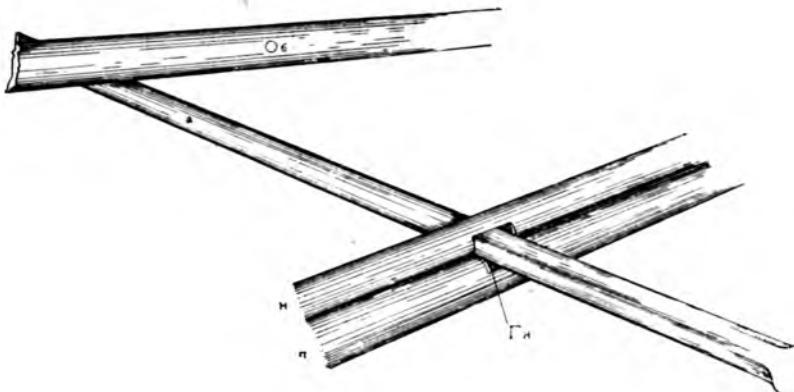

Рис. 24.

или бѣдностью или беспечностью хозяина или какимъ-нибудь неблагоприятнымъ обстоятельствомъ, помѣшившимъ устроить настоящую крышу (двухскатную). Впрочемъ, для настоящаго, полнаго дома, при его весьма значительной ширинѣ, было бы и невозможно устройство односкатной крыши; послѣдняя поэтому чаще встрѣчается на отдельно стоящихъ избахъ и разныхъ пристройкахъ при домѣ (хлѣвахъ, баняхъ и проч.). Для односкатной крыши одна стѣна постройки надрубается выше остальныхъ и отъ нея идущія двѣ поперечныя стѣны скашиваются, понижаясь по направленію къ остальной, четвертой; на эти склоненные стѣны кладутся обрѣшетины и на нихъ уже—крыша. Средину между настоящей двускатной крышей и односкатной занимаетъ пониженная двускатная же крыша, для которой быковъ не ставится, а по срединѣ дома вдоль дѣлается невысокій надрубъ или на невысокихъ подставкахъ, поставленныхъ на связины, утверждается продольная балка, вродѣ князевої, и затѣмъ по обѣимъ ея сторонамъ

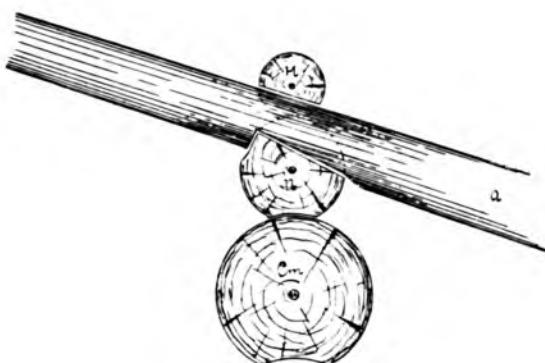

Рис. 25.

параллельно ей еще по нѣскольку легкихъ обрѣшетинъ, подпертыхъ тоже на связинахъ; затѣмъ уже на это подобіе настоящихъ обрѣшетинъ настилается крыша съ едва замѣтными отлогими скатами на двѣ стороны. Такой способъ закрытія называютъ лабазомъ. Говорять, что „домъ закрыть лабазомъ“. Иногда это выраженіе можетъ употребляться и по отношенію къ односкатной крышѣ. Крытіе лабазомъ при двухъ скатахъ считается лишь вопіющей недодѣлкой въ домѣ.

Лишь въ послѣднее время появляются изрѣдка крыши нѣсколько иного устройства,—трехскатныя и четырехскатныя. Нельзя сказать, чтобы такія крыши вовсе не были известны и раньше; онѣ просто не по вкусу, не въ модѣ, да и считаются менѣе удобными. Только все большая дорожизна лѣса, растущая съ каждымъ годомъ, заставляетъ иногда измѣнять прежнимъ строительнымъ вкусамъ и традиціямъ.

Эволюція въ этомъ отношеніи повидимому совершилась въ такомъ направленіи: сначала двускатная крыша съ бревенчатыми стѣнками и вышками на переднемъ и заднемъ фронтонахъ (въ щипцахъ); затѣмъ одна вышка, на озадкѣ, и бревенчатая стѣнка въ щипце замѣняются поставленной парой быковъ (стропиль), къ которымъ прибивается дощатая зашивка; затѣмъ—съ той же задней стороны, вмѣсто того, чтобыставить быки и дѣлать зашивку, рѣшили ограничиваться постановкой лишь второй, средней пары быковъ на озадкѣ и отъ вершины ихъ на заднюю сторону дома дѣлать третій откосъ (склонъ) крыши. До четвертаго склона съ передней стороны всего одинъ шагъ, но къ нему еще прибывають лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ и то, какъ бы въ видѣ компромиса сохраняется здѣсь вышка съ крышею на ней на два ската. (См. рис. 60). Даже въ названіи формы и способа закрытія на три или на четыре ската—„крыть колпакомъ“—чувствуется нѣкоторая непріязнь, или во всякомъ случаѣ,—недостатокъ симпатіи къ такой крышѣ.

Итакъ, нормальная крыша—на два ската; передняя и задняя стѣны дома подъ крышей принимаютъ форму треугольныхъ щитовъ, повторяющихъ сверху очертанія поставленныхъ и утвержденныхъ стропиль, такъ что всѣ обрѣшетины ложатся на эти скошенныя стѣны, совершенно такъ же, какъ и на быки, выдаваясь впередъ и назадъ своими концами примѣрно аршина на два. Определенного и постоянного названія эти верхи передней и задней стѣнъ не имѣютъ, но иногда называются косниками или кошниками. Средины кошниковъ этихъ, какъ было выше упомянуто, скрѣпляются стѣнками вышки.

Крыши бываютъ почти исключительно тесовые¹, при чемъ это

¹ Лишь въ самое послѣднее время начинаютъ появляться крыши драневыея, а соломенныхъ на домахъ не дѣлаютъ вовсе, на другихъ постройкахъ—крайне рѣдко.

слово можетъ быть понимаемо не сколько различно—въ настоящемъ его значеніи и видоизмѣненномъ. Тесовая въ собственномъ значеніи этого слова крыши, хотя и существуютъ еще повсюду, но съ каждымъ годомъ ихъ становится меньше и меньше. Кроются онъ настоящимъ тесомъ, т.-е. вытесанными съ помощью только топора толстыми массивными досками. Когда-то это изумительно трудное дѣло приготовленія теса производилось въ лѣсу; тамъ срубленное дерево раскалывалось и затѣмъ изъ расколотыхъ частей вытесывались доски для крыши—тесины, одна сторона которыхъ дѣлалась въ видѣ неглубокаго желоба, а другая—плоская; на узкихъ доскахъ послѣдняя сторона даже дѣлалась не сколько выпуклой. Ширина такихъ тесинъ доходила до $1\frac{1}{2}$ —2-хъ вершковъ; длина же могла быть различной въ зависимости отъ потребности,—въ три, четыре и болѣе саженъ.

На обрѣшетини сначала укладывались врядъ (поперечно обрѣшетинамъ) наиболѣе широкія тесины желобоватой стороной кверху; большой плотности при этомъ не требовалось; на эти тесины—“желобовицы” укладывался второй рядъ тесинъ, обращенныхъ желобоватой стороной книзу и прикрывающихъ щели между тесинами первого ряда; это тесины-нащилки.

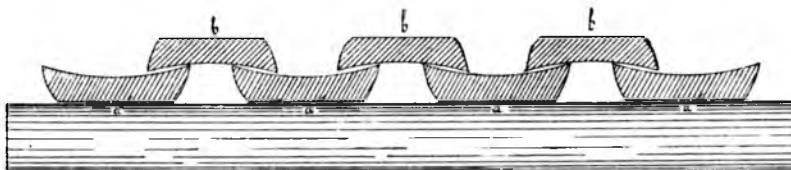

Рис. 26. Разрѣзъ части тесовой кровли.
а—тесины нижнія, желобовицы; в—нащилки.

Верхніе концы тесинъ одного ската сходились на князевої съ таковыми же другого склона крыши, а нижніе концы опускались въ желоба.

Поперечный разрѣзъ (способа укладки) тесинъ виденъ на рисункѣ.

Съ давнихъ поръ уже употребляется и “пилювый” тесь, приготавляемый предварительной “роспиловкой” дерева на толстыя доски, изъ которыхъ и вытесываются тесины такого же вида, какъ и описаныя, только уже и тоньше.

Въ послѣдніе годы собственно тесовые крыши начинаютъ быстро уступать свое мѣсто другимъ, кроющимся “въ карту”. Крыша “въ карту” кроется тоже “тесомъ”, но уже не въ собственномъ значеніи этого слова: тесомъ—т.-е. досками, которая вовсе не вытесываются, а получаются “роспиловкой”. Каждая такая “тесина” можетъ быть такой же длины и даже ширины (хотя обычно и ширина значительно меньшая), какъ и настоящая, но толщина ея обыкновенно не превосходить $\frac{3}{4}$ вершка и даже бываетъ меньше. Послѣ распила дерева на такія

тесины, каждая изъ нихъ, по надлежащей просушкѣ, выстругивается съ одной стороны, съ помощью „стружки“ (рубанокъ съ двумя ручками), и „говтелеится“ по краямъ съ той же стороны, съ помощью „гоутельника“, образующаго по краю тесины полукруглый каналъ до одного сантиметра глубиною и до трехъ съ небольшимъ сант. ширины. „Строганой и гоутеленої“ стороной эти „тесины“ укладываются одна возлѣ другой сплошнымъ рядомъ, а поверхъ такимъ же образомъ накладывается другой рядъ, при чёмъ наблюдаются, чтобы каждая верхняя тесина приходилась на промежуткѣ двухъ сосѣднихъ нижнихъ; иногда эти послѣднія употребляются и не полной ширины, тогда между ними щели остаются иѣсколько болѣешия, чѣмъ обычно; верхнія же доски всегда укладываются вплотную одна къ другой.

Рис. 27. Поперечный разрѣзъ части крыши въ „карту“.

Видны два ряда „тесинъ“ на обрѣшетинѣ.

При укладкѣ крыши „въ карту“, „тесь“ прибивается гвоздями, чтобы при своей сравнительной легкости не сносился сильными вѣтрами. Точно также и здѣсь нижніе концы „тесинъ“ опускаются въ желоба, а верхніе сходятся съ обѣихъ сторонъ на князевої. Поверхъ этихъ концовъ почти всегда возлагаютъ охлупень или кнезекъ (кнезькомъ, впрочемъ, иногда называютъ переднюю и самую верхнюю часть охлупня), представляющій изъ себя особаго устройства желобъ, прикрывающій самый гребень крыши, гдѣ встрѣчаются верхніе концы обоихъ скатовъ ея; охлупень является вѣнцомъ крыши, а вмѣстѣ и всего зданія, и служить предметомъ заботливыхъ украшеній иногда по всей длини его и всегда—въ передней части, выступающей иѣсколько надъ краемъ верхушки крыши; эта часть имѣеть форму конька, птицы и т. под., а на протяженіи верхней части всего охлупня разставляются рѣзные столбики, „солдатиковъ“, птичекъ и проч. См. рис. 6, 30 и др., а также разрѣзъ и видъ охлупня на рис. 28.

Охлупень иногда прибивается длинными желѣзными гвоздями къ князевої.

По всей длини гребня крыши приходится укладывать обыкновенно не одинъ, а три охлупня, причемъ средній безъ головки, а крайніе имѣютъ на концахъ указанныя украшения.

Вместо охлупня верхушка крыши иногда укрѣпляется гнетами—двумя продольными толстыми жердями,ложенными по ту и другую сторону параллельно гребню крыши, и скрѣпленными на концахъ, выступающихъ надъ краемъ крыши, спереди и сзади,—съ помощью

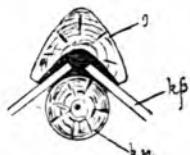

Рис. 28. Охлупень.

O – охлупень въ поперечномъ разрѣзѣ съ частью крыши (*Kp*) и кнезевой (*Kn.*).

особой доски (или нетолстой довольною широкой балки) съ дырами на концахъ, которыми эта доска и надѣвается на концы гнетовъ; (См. рис. 29) иногда концы гнетовъ прикрѣпляются къ концамъ обрѣстинъ при помоши свитыхъ изъ гибкой измятой вицы (прута, тонкаго молодого ствола дерева) колецъ (см. рис. 4)

Свободные, выступающіе наружу отъ стѣнъ дома, края крыши, навѣсы, могутъ быть около $1\frac{1}{2}$ –2 арш. шириной. Со стороны передняго фронтона, иногда и задняго, эти навѣсы „обшиваются“ съ боковъ

Рис. 29. Крыша съ гнетами.
(Пер. Бычья на Усьѣ, Вельск. у.).

и снизу тонкими досками съ различными украшениями. Подшивка и обшивка эта вмѣстѣ съ украшениями носить название подзоровъ. Главными украшениями подзоровъ являются рѣзьба и различные узорчатые дощатые выступы, напоминающіе собою узорчатые концы вышиныхъ полотенецъ и проч.; но нерѣдко подзоры еще и раскрашиваются различными красками. Украшения подзоровъ почти всегда тѣсно переплетаются и выдерживаются въ одномъ стилѣ съ украшениями выходовъ, или, какъ теперь стали называть, баухоновъ (балконовъ), устраиваемыхъ часто передъ окнами вышки переда дома. Несмотря на свое название „выходы“, балконы являются только для украшения, и попасть на нихъ можно лишь, пролѣзая въ окно; впрочемъ, въ послѣднее время появляются и балконы съ выходными дверями изъ вышки, какъ это дѣлаютъ и въ городахъ.

Рис. 30. Наружные украшения столбики и птицы на охлупни, рѣзьба на балконѣ подзорахъ и окнахъ.
(С. Шангала, Вельск. у.).

Иногда рѣзьба распространяется и на наружные части косяковъ, наличниковъ (неширокий щитокъ надъ окномъ, прикрывающей „пролетъ“, между верхнимъ косякомъ и вышележащимъ бревномъ, и его задѣлку) и подоконковъ (См. рис. 30).

Въ качествѣ украшения служать также и обокнки (ставни), первоначально имѣвшіе исключительно значеніе защиты отъ холода или выбитія стеколь, а въ настоящее время устраиваемые въ пере-

дахъ и горницахъ лѣтнихъ и никогда не закрываемые. Обоконки дѣлаются или распашными, открывающимися на обѣ стороны (см. рис. 5 и 30), или одиночными, открывающимися на одну сторону; они обыкновенно съ рѣзьбой и раскрашенные.

Рис. 31. Распашные обоконки и наличники оконъ. Зимовка отдѣльно сбоку.
(Дер. Горка въ 4-хъ верст. отъ г. Вельска).

Кромѣ рѣзьбы, различныхъ „фигурокъ“, частенько можно видѣть раскрашиванья балконовъ и подзоровъ. Преобладающими цвѣтами

Рис. 32. Раскрашенный „баѣхонъ“ (выходы).
(Дер. Плоская на Усьѣ, Вельск. у.).

Рис. 34. Крыльцо лѣтнєе и зимнєе.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.).

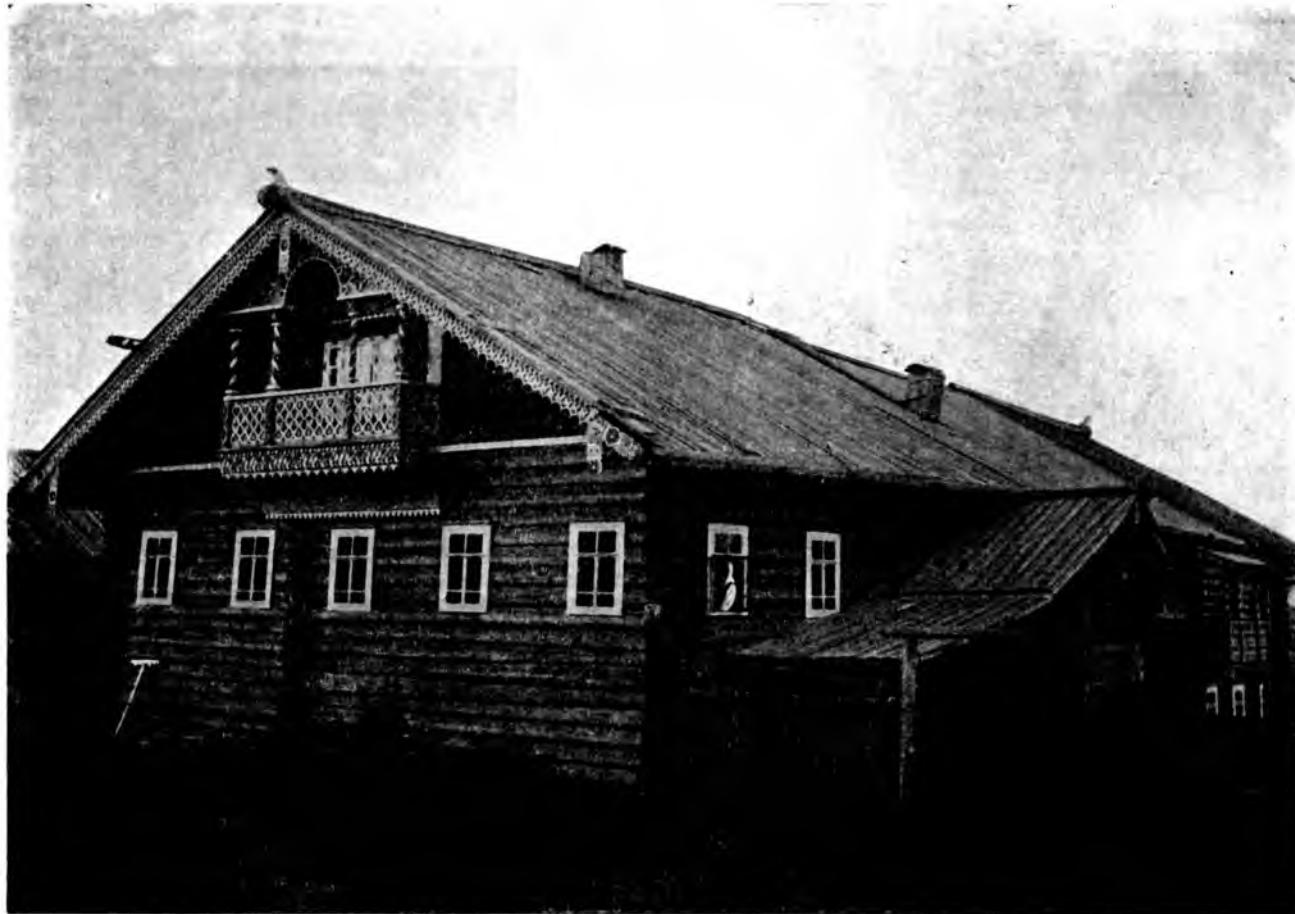

Рис. 33. Двойни озадка украшены балкономъ и подзорами.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.).

являются бѣлый, красный, зеленый и синій. Изъ рисунковъ чаще можно встрѣтить цвѣты, круги, звѣзды (см. рис. 32), а также львовъ, всадниковъ и проч.

Всѣ эти украшениія обыкновенно дѣлаются съ фронтона переда, но изрѣдка встрѣчаются и на озадкѣ, если послѣдній не выходитъ лицомъ въ совершенное захолустье. (См. рис. 33).

Излюбленнымъ мѣстомъ украшениій послѣ фронтона переда является часто крыльцо, описанію котораго и придется ниже удѣлить нѣсколько специальныхъ строкъ.

5) Крыльцо.

При домѣ обычно бываетъ два крыльца: зимнее, ведущее на зимній мостъ, и лѣтнее, ведущее на лѣтній мостъ,—оба съ одной боковой стороны дома. „Зимнѣй крылецъ“ рѣдко имѣть сколько-нибудь сложное устройство и, въ такомъ случаѣ, это устройство заимствуется отъ лѣтніяго крыльца. Часто можно встрѣтить, что открытая срубленная изъ „чурокъ“ или „кряжей“ (короткихъ и не особенно толстыхъ бревенъ) лѣстница или двѣ-три наклонно положенныхъ врядъ толстыхъ доски, съ набитыми (приколоченными на гвоздяхъ) на нихъ поперечными ступеньками въ видѣ трехгранныхъ брусковъ, ведутъ къ зимнимъ

воротамъ”; иногда такая лѣстница, напоминающая пароходный трапинъ, заканчивается небольшой, тоже открытой, площадкой передъ входомъ. Болѣе сложные формы встрѣчаются одинаково у зимніяго и у лѣтніяго крыльца, а еще болѣе сложныя—почти исключительно принадлежать лѣтніему крыльцу.

Наиболѣе типичної, стариинной, но весьма распространенной и въ настоящее время, формой лѣтніяго крыльца является изображенная на рисункахъ 34, 31 и др.

Крыльцо имѣть двѣ площадки верхнюю и нижнюю, соединенные

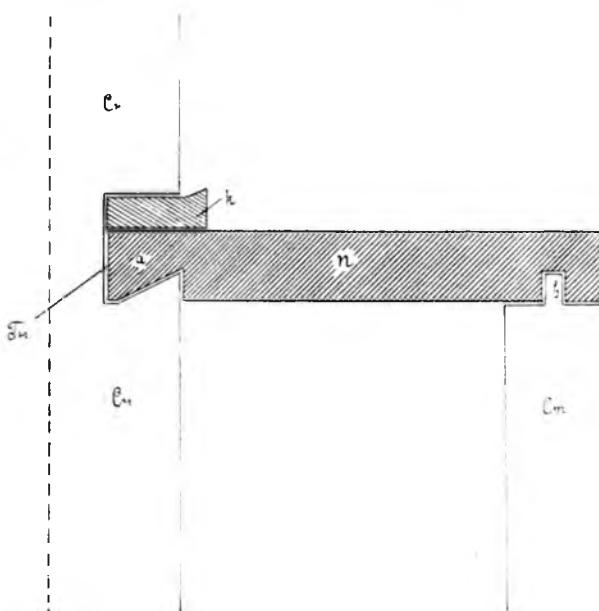

Рис. 35. Способъ скрѣплениія перекладины (балки) крыльца со стѣной и столбомъ. (Схема).

а—„сковородникъ“, в—шипы; оба въ своихъ гнѣздахъ; Сн—стѣна; Ст—верхушка столба; н—перекладина; к—клины; Гн—гнѣзда для „сковородника“ перекладины въ стѣнѣ.

лѣстницей, идущей вдоль стѣны переда дома. Все это закрыто общею, довольно сложною крышей. Верхняя площадка устраивается на толстыхъ, врытыхъ основаніями въ землю, столбахъ (два), верхушки которыхъ соединяются со стѣной толстыми перекладинами, иногда еще у стѣнки подпертыми болѣе тонкими столбами. Способъ скрѣпленія перекладинъ такой: на срединѣ верхушки столбовъ дѣлаются прочные шипы, а въ стѣнѣ выдалбливаются на соотвѣтствующей ширинѣ высотѣ гнѣзда. Одинъ конецъ каждой изъ двухъ перекладинъ имѣеть выдолбленную снизу ямку—гнѣздо для шипа, на который по томъ и надѣвается этимъ гнѣздомъ перекладина; а на другомъ концѣ перекладины вырубается особое скрѣпительное сочененіе, родъ угловатой головки, называемое сковородникомъ, который потомъ и за крѣпляется при помощи клиньевъ въ гнѣздѣ стѣны.

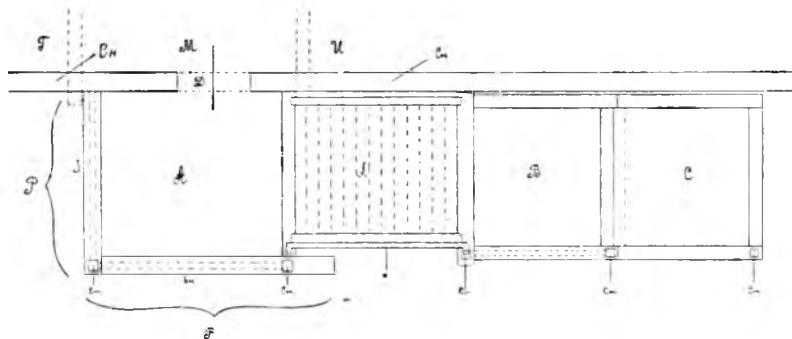

Рис. 36. Планъ лѣтняго крыльца. (Схематично).

А—верхняя, В—средняя, С—нижняя площадка крыльца; Т—лѣстница; Р—рондукъ; З—задняя, вн—внѣшняя стѣнка рондука (обруба); Л—входная въ стѣни дверь (лѣтнія ворота); Ст—столбы, на которыхъ поддерживается крыша крыльца; н—дошатый поручень—барьеръ на виѣшней сторонѣ лѣстницы; См—стѣны дома; II—изба въ переду; М—лѣтній мостъ (стѣни); Г—горница-на-повѣсти.

Иногда на верхушкѣ обоихъ столбовъ укладывается предварительно четырехгранный брусья (на шипы), а затѣмъ идутъ скрѣпленія съ нимъ уже перекладины къ стѣнѣ; на нихъ еще кладутся, скрѣпляясь между собою шипами и образуя прямой уголъ, срубленный „въ лапу“, брусья съ двухъ сторонъ—задней (з.) и виѣшней (см. рис. 34 и 36) боковой, параллельной стѣнѣ дома (вн).

Брусьевъ въ этомъ вырубѣ обыкновенно бываетъ по 2—3 съ той и другой указанныхъ сторонъ. На внутренней сторонѣ нижняго бокового изъ нихъ дѣлается пазъ, черепъ (ройка); въ соотвѣтствіи, на той же высотѣ, дѣлается такой же черепъ или пазъ въ стѣнѣ дома; укрѣпляясь концами въ только что указанныхъ пазахъ, настилается изъ досокъ верхняя площадка (поль) крыльца. Этой площадкѣ вмѣстѣ съ обрубомъ изъ брусьевъ съ двухъ сторонъ ея, задней и боковой, присваивается обыкновенно название рондукъ или рундукъ. Иногда рундукъ не имѣетъ никакихъ надстроекъ (крыши) сверху и вмѣстѣ

съ ведущей на него лѣстницей и составляетъ все крыльцо, которое, однако, въ такомъ видѣ считалось бы не вполнѣ законченнымъ. Въ надлежаще устроенному крыльцу на вырубѣ рондука надъ вкопанными въ землю основными, поддерживающими рондукъ столбами, утверждаются (вдалбливаются въ обрубъ рондука) болѣе легкія, иногда рѣзные, столбы, служащіе какъ бы продолженіемъ основныхъ кверху; между этими столбами, почти въ средней части ихъ, укрѣпляется, съ виѣшней боковой стороны, перекладина, на которой вдалбливаются еще два вертикальныхъ столбика, отстоящихъ на равномъ разстояніи другъ отъ друга и концовъ перекладины; на верхушки этихъ столбиковъ и столбовъ, утвержденныхъ въ рундукѣ, кладется снова перекладина. Такимъ образомъ, между двумя этими перекладинами и столбами получаются три промежутка—окна, которымъ можетъ быть придана форма арокъ, своды которыхъ представлены рѣзными рамками и досками. На концахъ верхней перекладины (или на верхушкахъ столбовъ) утверждаются концы двухъ неполстыхъ балокъ, идущихъ горизонтально къ стѣнѣ и закрѣпляющихся въ неѣ „сковородникомъ“; вмѣстѣ съ перекладиной эти две балки образуютъ основу для крыши надъ рундукомъ крыльца. Пространство между крышей и верхней перекладиной, въ щипцѣ, зашивается досками; досками же зашивается и пространство между верхнимъ брускомъ рондука и нижней перекладиной, служащей основаніемъ для вышеназванныхъ трехъ арокъ; вся задняя сторона крыльца отъ обруба рондука до крыши также забирается досками (вертикально поставленными). Внутри крыльца вверху набирается подволока (потолокъ), на высотѣ верхней перекладины; съ задней и боковой стороны приढѣлываются лавки. Съ внутренней боковой стороны крыльца будетъ находиться стѣна дома, въ которой и продѣланы „ворота“ съ крыльца въ сѣни; съ передней идетъ лѣстница (Рис. 36, A), параллельно стѣнѣ дома. Нижній конецъ лѣстницы начинается съ особой площадки (Рис. 36, B) почти квадратной формы, приподнятой надъ поверхностью земли на $1\frac{1}{2}$ — $\frac{3}{4}$ аршина, особымъ четырехугольнымъ срубомъ въ 2—3 вѣнца вышиною. Съ наружного бока площадки ставятся перила, а на боку, примыкающемъ къ стѣнѣ дома, часто дѣлается лавка. На площадку съ передней стороны ведутъ двѣ—три ступени иногда прямо съ земли, а чаще съ третьей площадки, такихъ же почти размѣровъ, какъ и вторая, а иногда и значительно длиннѣе, покоящейся почти на самой землѣ и открытой съ передней и наружной боковой стороны (Рис. 36, C). Обѣ эти площадки называются иногда нижнимъ крыльцомъ. По наружному краю лѣстницы, ведущей съ нижняго крыльца на верхнее (первая площадка, рондукъ) устраивается глухой досчатый поручень.

Надъ лѣстницей и нижними частями крыльца, такъ же, какъ и надъ верхней, устраивается крыша; при чемъ часть ея, закрывающая

лѣстницу, обыкновенно служить продолженіемъ одного изъ двухъ скатовъ крыши, прикрывающей верхнюю часть крыльца; надъ площадками нижняго крыльца идетъ крыло крыши со скатомъ въ томъ же направлении, какъ и надъ лѣстницей, лишь съ меньшимъ уклономъ. Крыша поддерживается особыми рѣзными столбами, поставленными по наружному краю площадокъ, и переброшенными съ верхушекъ ихъ тонкими балками — перекладинами, укрепленными внутренними концами въ стѣнѣ дома. Наружный край крыши украшается рѣзьбою, а гребень верхней части ея маленькимъ охлупнемъ съ конькомъ; въ общемъ украшенія крыльца напоминаютъ подзоры и др. украшенія фронтона переда дома.

Такимъ образомъ, „лѣтней крылецъ“ представляетъ изъ себя довольно большое и сложное сооруженіе, тянущееся возвѣстѣніе стѣну переда и лѣтняго моста, во всю почти ихъ длину, и доходящее почти до 4-хъ саженъ въ этомъ направлении, при почти саженной ширинѣ. Увеличивающая значительно общую длину крыльца нижняя площадка имѣеть еще и значеніе крытаго хода въ подвалъ.

При двухъэтажныхъ домахъ устройство крыльца только что описанного вида является и ненужнымъ и невозможнымъ. Тогда дѣлается самаго простого вида площадка, покрытая двускатной крышей (см. рис. 12); въ послѣднее же время надъ такой входной площадкой стали устраивать крытый сверху, рѣзной по бокамъ, „баухонъ“ (балконъ), какъ видно на рис. 6. На балконъ ведеть выходъ черезъ особую дверь изъ верхнаго этажа лѣтняго моста (сѣней).

Болѣе простыя формы крыльца виды на рис. 5 и 12.

2.

Постройки при домѣ.

Нѣкоторыя изъ вышеописанныхъ частей дома (конюшня, хлѣбъ) хотя обычно и строятся въ общей связи съ другими частями дома, подъ общей крышей, но могутъ быть построены и „на-отставѣ“, т. е. отдельно отъ дома (см. рис. 37); зато другія домовыя постройки и хозяйственныя приспособленія (службы) бываютъ или всегда „на-отставѣ“ (гумно, баня) или только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ быть помѣщены въ самомъ домѣ. Уже въ началѣ этой статьи были названы главнѣйшия хозяйственныя пристройки въ домѣ и нежилыя строенія, при немъ находящіяся. Остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе подробно.

Гувно (гумно).

Наиболѣе крупной и важной хозяйственной постройкой является гувно (*гумно*). Оно ставится по возможности подальше отъ дома и обыкновенно въ разстояніи саженъ 20 отъ него. Гувно состоить изъ

овина, гдѣ сушится хлѣбъ для молотьбы, и собственно гувна, гдѣ онъ молотится. Часто эти двѣ постройки лишь примыкаютъ одна къ другой, сохрания каждая свою нѣкоторую самостоятельность и имѣя отдельныя крыши; иногда же онъ сливаются болѣе тѣсно подъ одной общей крышей; во всякомъ случаѣ овинъ по существу своему долженъ быть постройкой болѣе или менѣе изолированной.

Рис. 37. Конюшня на-отставѣ со ввозомъ.
(Д. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.). Рядомъ съ конюшней справа видна половина
открытыхъ воротъ въ „каретникъ“.

Овінъ всегда строится въ два этажа, изъ которыхъ нижній служить для помѣщенія топки, а верхній — для сноповъ хлѣба. Нижній этажъ цѣликомъ почти строится въ землѣ, для чего предварительно выкачивается надлежащихъ размѣровъ яма, въ которой и выводятся затѣмъ стѣны нижняго помѣщенія овина (подовинъ); такъ какъ входъ въ „подовинъ“ долженъ быть сбоку, то яма съ этой стороны уширяется, и рядомъ съ подовинной частью дѣлается подобіе узкаго коридора, т. наз. передовинъ. Передовинъ выводится нѣсколько выше уровня земли и здѣсь закрывается особой крышей; подъ крышей передовинъ со стороны гумна оставляется входъ въ него, никогда обыкновенно не закрываемый; отъ этого входа ведѣтъ внизъ лѣсенка. Изъ передовинъ въ подовинъ устраивается, вмѣсто двери, у самой почти земли узкая горизонтальная лазейка (около аршина въ ширину и полуаршина въ высину, рѣдко больше). „Въ подовинѣ“ противъ этой лазейки, называемой обыкновенно окномъ, на земляномъ полу дѣлается топка, т. наз. каменця, представляющая изъ

себя грубое подобие русской печи-пекарки въ избахъ; и бока, и задъ и сводъ, и широкое устье—все въ ней выложено изъ валуновъ (преимущественно гранитныхъ и гнейсовыхъ) безъ всякаго цемента, смазки или скрѣпленія. Во время топки дымъ проходитъ въ щеляхъ между камнями свода, а съ дымомъ нерѣдко прорываются и искры, которыя легко могутъ садиться на потолокъ и верхнія части стѣнъ подовина; поэтому во время топки постоянно слѣдить за этимъ, и, если дѣйствительно искра попала на потолокъ и не погасла, ее сметаютъ оттуда имѣющеющейся для этой цѣли метлой, иногда смоченной въ водѣ, которая ставится для этого въ небольшомъ количествѣ въ какомъ-нибудь горшкѣ или черепкѣ. Слѣдить за топкой, „сушать овинъ“, обыкновенно очень старые, уже не способные къ болѣе тяжелой работѣ, старики¹, которые все время сушки и полеживаются въ сторонкѣ отъ струи воздуха, притекающего отъ окна къ топкѣ. Такъ какъ опасность пожара здѣсь дѣйствительно велика, то соотвѣтственно съ этимъ конечно должна быть велика и осторожность при сушкѣ; поэтому даже слова, здѣсь употребляемыя, выбираются тщательно, чтобы отъ недоброго или неосторожнаго слова или выраженія не случилось бѣды. Такъ никоимъ образомъ здѣсь не скажутъ: „зажечь огонь въ подовинѣ“, а говорятъ: „въ подовинѣ роскошь (разложить) тѣплину“; или „засвѣтить лучену“ (засвѣтить лущину), а не „зажечь“ и т. под.

Тамъ, гдѣ мѣстныя условія (большая сырость почвы и проч.) не позволяютъ подовинную часть устраивать въ овинѣ, она можетъ быть устроена и на поверхности земли.

Надъ подовиномъ настилается потолокъ, служащи въ то же время поломъ для овина, т. е. для верхняго его помѣщенія; онъ долженъ быть очень плотнымъ и прочнымъ, поэтому набирается изъ круглыхъ средней толщины бревенъ съ пазами, такими же примѣрно, какъ и при рубкѣ стѣнъ жилыхъ помѣщеній. Лишь у входной въ подовинѣ стѣнки, въ которой продѣлано окно—лазейка, въ потолокѣ оставляется широкая, до четверти аршина ширины, щель, называемая пазухой, черезъ которую и проходитъ дымъ и тепло изъ подовина въ овинъ, т. е. въ помѣщеніе для сушки споповъ. Внутри верхняго помѣщенія овина, или собственно овина, бревенчатый полъ замазывается и уравнивается глиной, образуя гладкую ровную поверхность, называемую побомъ. Примѣрно на три четверти аршина выше поба, дѣлаются колосники, представляющія изъ себя рядъ близко расположенныхъ одна возлѣ другой тонкихъ жердочекъ, своими краями опирающихся на двѣ балки, положенные у противоположныхъ стѣнъ, въ полуаршинномъ примѣрно разстояніи отъ нихъ. На колосники „са-

¹ Это обыкновеніе любить здѣсь при случаѣ выражать поговоркой: „И старъ—да овины сушить, и младъ—да городъ держитъ“.

дять" снопы для сушки. Верхъ овина потолка не имѣть, а прикрывается непосредственно тесовой крышей, въ щели которой и выходить дымъ и паръ, когда „сушатъ овинъ“.

Въ срединѣ стѣнки овина, обращенной въ сторону гумна, дѣлается окно, въ видѣ равнобокой трапеціи, большимъ основаніемъ обращенной кверху, откуда могутъ задвигаться одна за другой три широкихъ доски, для закрыванія окна. Черезъ это окно подаются снопы, когда „садятъ овинъ“, и выкидываются съ овина сущеніе снопы

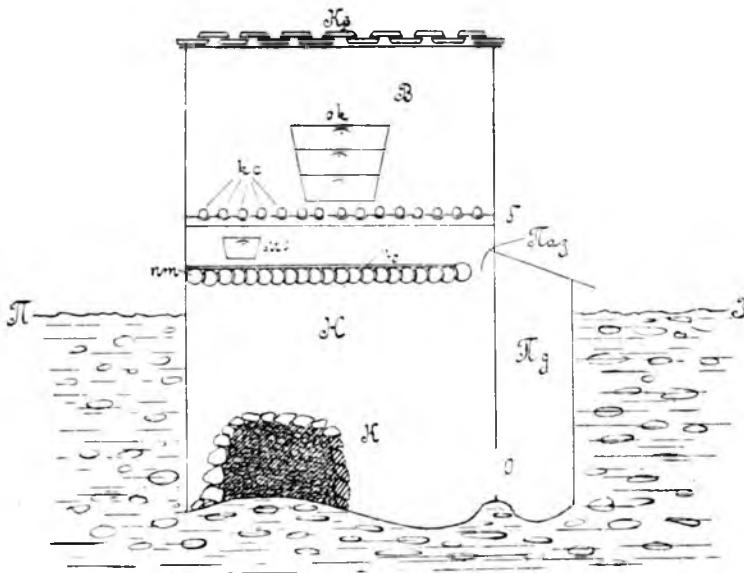

Рис. 38. Поперечный разрѣзъ овина (Схема).

Разрѣзанъ вертикальной плоскостью черезъ средину. На плоскость разрѣза проектированы съ передней, въ сторону гумна обращенной, стѣнки его два окна (ок., мо.) и балка (б) подъ колосниками, идущая внутри овина близъ этой стѣнки. Пз—поверхность земли; В—верхнее, Н—нижнее помѣщ. овина; Пд—передовинъ; о—окно, лазейка изъ передовинъ въ „половинъ“; к—каменка; пот—потолокъ, сверху которого „набить подъ“ (под.), Паз.—пазуха; ят—колосники.

для молотьбы. Просвѣть окна достигаетъ одного квадратнаго аршина, рѣдко больше. Въ сторонѣ отъ этого окна и пониже продѣлывается еще другое маленькое оконце (около 1 кв. фута площадью) такой же формы, какъ и большее, нижній край котораго лежитъ на одномъ уровнѣ съ подомъ; черезъ это оконико выметаютъ провалившіеся подъ колосники на подъ, во время сушки и выметыванія съ овина сноповъ, колосья и зерна.

Размѣры овина доходятъ до 5 аршинъ длины, такой же ширины внизу подовинъ вмѣстѣ съ предовильемъ, а вверху, надъ подомъ, ширина около 4-хъ арш.; общая высота—до 6 аршинъ.

Собственно гувно (гумно) въ своемъ устройствѣ и размѣрахъ можетъ значительно варьировать. Наиболѣе распространеннымъ яв-

ляется нижеслѣдующее устройство. Рубится по преимуществу изъ старыхъ, бывшихъ въ употребленіи, бревенъ, корпусъ около пяти (иногда больше) саженъ длиною и въ 4—5 саженъ шириною, съ такимъ разсчетомъ, чтобы противъ одной изъ поперечныхъ сторонъ его (передней) приходился овинъ; между овиномъ и корпусомъ гумна остается пространство въ 1—2 сажени; съ боковъ это пространство ограждается болѣе легкими, чѣмъ стѣны главнаго корпуса гумна, стѣнками или заплотами, укрѣпляемыми часто при помощи столбовъ. И такъ какъ передняя стѣнка главнаго кориуса открытая, то при помощи этой послѣдней достройки внутреннее помѣщеніе главнаго корпуса гумна еще нѣсколько увеличивается въ сторону овина, доходя вплоть до него.

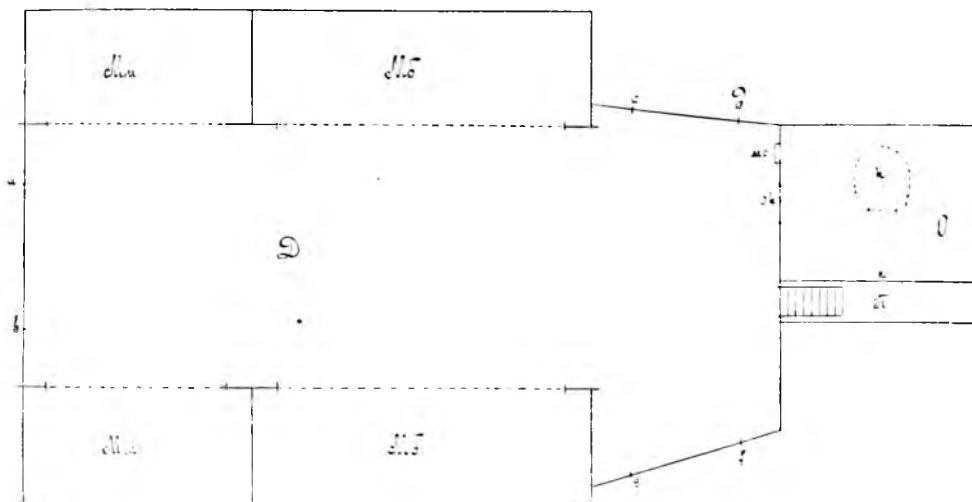

Рис. 39. Планъ гумна.

О—овинъ. Д—„долонь“; Мб—больш. микильница, Мм.—мал. мик.; Ст.—Сторонки, ab—больш. ворота, cd и ef—ворота; II—передовинье, я—лазейка въ подовинъ, І—лѣстница въ передовинѣ; к—каменця; Ок—б. окно; м—мал. окно.

Высота стѣнъ нѣсколько болѣе одной сажени. Главный корпусъ гумна покрыть тесовою крышей на два ската; иногда эта крыша распространяется и на вышеуказанную достройку, но чаще послѣдняя имѣть свою особую крышу, такъ же, какъ и овинъ. Лишь изрѣдка на гумна можно встрѣтить и соломенную крышу; овинъ же всегда покрыть тесомъ.

Снаружи ведутъ въ гумно трое воротъ, изъ которыхъ самыя большія продѣзываются въ задней, наиболѣе удаленной отъ овина, поперечной стѣнѣ, а двое другихъ—по ту и другую сторону овина—въ достройкѣ, связывающей главный корпусъ гумна съ овиномъ. Войдя внутрь гумна черезъ боковыя ворота, находящіяся справа отъ овина, по лѣвой сторонѣ мы будемъ имѣть лицевую стѣнку овина

съ окнами и входомъ въ подовинъ, прямо—вторыя боковыя ворота, направо—остальное помѣщеніе гумна; обратившись въ сторону этого послѣдняго, спиной къ овину, прямо передъ собой мы будемъ имѣть долонь—ровный глиняный полъ гумна, отъ овина вплоть до задней стѣнки съ большими воротами. По обѣ стороны „долони“, достигающей 2—3 сажень ширины, расположены по двѣ мицельницы (мякиницы; отъ сл. мякина, по мѣстному—микина),—по одной большой и одной малой; ширина ихъ (глубина) около одной сажени или нѣсколько больше, а длина большихъ до 3-хъ сажень и меньшихъ—до двухъ. Иногда „мицельницы“ дѣлаются съ одной стороны и тогда бываютъ

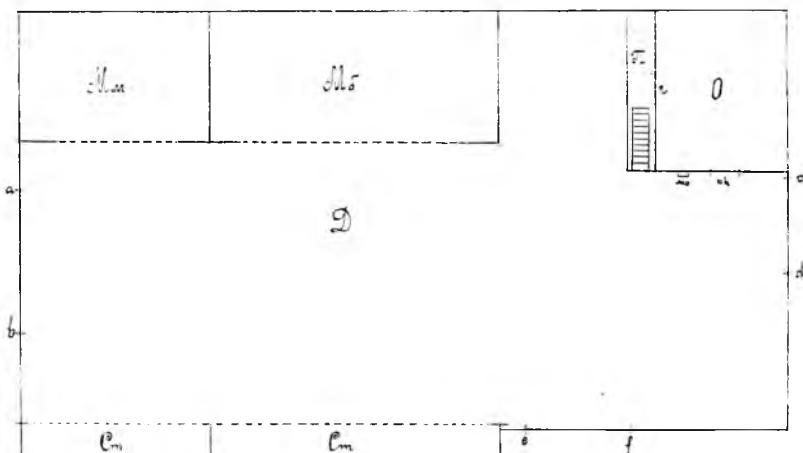

Рис. 40. Второй планъ гумна. (Обозначенія тѣ же, что и на рис. 39).

значительно шире, а съ другой стороны линъ узкія „сторонки“. И „мицельницы“ и „сторонки“ служать частію для складки сноповъ хлѣба, преимущественно же для свалки соломы и другихъ остатковъ послѣ молотьбы и провѣшиванія зернового хлѣба; для той же цѣли служать еще расположенные врядъ на переводахъ (связинахъ; см. выше), подъ крышей, жерди, куда солому, чаще гороховую (гороховину), мечутъ вилами, вилами же и достають потомъ обратно. Чтобы на днѣ „мицельницъ“ не залеживался отъ земли хлѣбъ или солома, туда набрасываются старыя доски или жерди и т. подобное.

Нечего говорить, что „долонь“ служить для молотьбы, которая повсюду здѣсь производится ручнымъ способомъ при помощи „молотиль“ (цѣповъ). Измолоченный хлѣбъ тутъ же провѣивается при помощи лопаты; для чего открываютъ тѣ изъ воротъ, въ которыхъ дуетъ достаточно сильный вѣтеръ, и сюда спихиваются „пѣшками“ и граблями ворохъ непровѣянного сѣжевымолоченного зерна.

Вмѣсто глиняной „долони“ иногда устраивается въ гумнѣ плотный дощатый полъ, на которомъ и производится молотьба и провѣшиваніе хлѣба.

Рис. 41. Гумна.

(Дер. Рыкаловской Спасек. вол. Т. у.).

На первомъ планѣ, слѣва, овинъ сбоку, подъ общей крышей; дальше овины по срединѣ, какъ показано на планѣ рис. 39; у первого гумна стоятъ „острови“, вынутыя со своихъ мѣстъ и собраны въ кучу.

Такъ какъ главное назначение воротъ въ гумнѣ—служить для цѣлей провѣживанія зерна, то и устройство ихъ, или иѣкоторыхъ изъ нихъ—своеобразное. Главныя, самыя большія ворота, въ дальней отъ овина стѣнѣ, бываютъ въ 4—5 аршинъ шириной при саженной и болѣе высотѣ; они дѣвигаются при открываніи и закрываніи на толстой вереѣ, представляющей вертикальную по срединѣ проходящую ось, черезъ которую продѣты вверху и внизу двѣ поперечныя толстыя рамы, края которыхъ въ свою очередь скрѣплены двумя вертикальными рамами; на этомъ остовѣ прибиты съ одной, вѣнчаной, стороны вертикально поставленныя тонкія доски. До нижняго края отверстія для этихъ воротъ въ стѣнѣ идутъ отъ земли два или три вѣнца бревенъ, и, такимъ образомъ, уже на второмъ или третьемъ бревнѣ, въ углубленіи посерединѣ, ставится нижній конецъ веренъ („пятѣ“) воротъ: верхній же конецъ этой веренъ вилотную притянутъ къ стѣнкѣ надъ отверстіемъ для воротъ помощію деревяннаго крюка, скобы или кольца. Когда ворота открыты, то одна половина ихъ оказывается внутри, а другая вѣтъ гумна. Черезъ такія ворота проѣздъ совершиенно невозможенъ, и даже неудобень проходить. Другія ворота дѣлаются также довольно большими, хотя и въ другомъ родѣ: обыкновенно высокаго порога уже здѣсь не бываетъ, и черезъ нихъ возможенъ свободный проходить и проѣзжать, даже съ возами сноповъ, соломы и проч.; открываются они чаще въ одну сторону, вращаясь при этомъ тоже на толстой вереѣ, идущей уже не по срединѣ, а по краю ихъ; или бываютъ распашными на двѣ стороны и тогда висятъ на желѣзныхъ петляхъ.

Рядомъ съ гумномъ всегда бываетъ особый участокъ земли, обнесенный огородомъ и называемый гувийщемъ. „Гувийще“ имѣть площадь обыкновенно иѣсколько большую, чѣмъ занимаетъ самое гумно, и служить для складыванія въ немъ во время уборки сноповъ хлѣба, а во время молотьбы—соломы, которая не помѣщается въ „микильницахъ“.

Онбаръ (амбаръ).

Среди нежилыхъ построекъ онбаръ (амбаръ) занимаетъ особенно почетное мѣсто. И неудивительно: въ немъ хранится „хлѣбъ—кормир—батюшко!“

Наиболѣе удобнымъ мѣстомъ для „онбара“ является промежуточное между гумномъ и домомъ, чтобы не особенно далеко было носить хлѣбъ съ гумна въ амбаръ и изъ амбара въ домъ. Изстари принято строить амбаръ въ два этажа и съ крышей на два ската. Въ основаніи со стороны передней, входной, стѣны амбара дѣляется выступъ по всей ширинѣ амбара, выдающійся впередъ на одинъ аршинъ, а высотою около одного аршина; онъ представляетъ иѣкоторое подобіе галереи и называется пережитищемъ; съ земли на пере-

житнище ведеть маленькая лъсенка. Съ пережитнища въ амбаръ по срединѣ стѣны ведеть прочная, изъ толстыхъ досокъ, дверь со скобой и большимъ врѣзаннымъ въ нее желѣзнымъ замкомъ; дверь обрамлена толстыми косяками и высокимъ порогомъ. Полъ въ амбарѣ набирается изъ прочныхъ толстыхъ досокъ—брусьевъ на той же высотѣ какъ и полъ пережитнища, или чуточку ниже, т. е. примѣрно около $\frac{3}{4}$ арии. надъ землею. Войдя въ амбаръ, прямо передъ собой будемъ имѣть засѣки, въ которые ссыпаютъ зерновой хлѣбъ; налево и направо отъ входа обыкновенно стоять кадки съ мукой; еще дальше, въ одномъ изъ угловъ, чаще въ правомъ, начинается лѣстница, ведущая во второй этажъ, называемый вышкой. Гдѣ-нибудь надъ засѣкомъ, или рядомъ на стѣнѣ виситъ икона: амбаръ помѣщеніе „чистое“. Вышка,

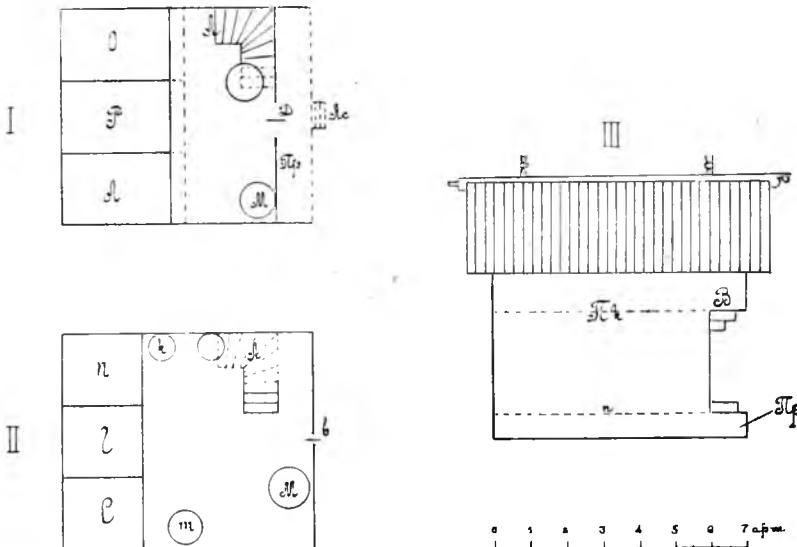

Рис. 42. Планъ и боковой фасадъ амбара.
I—нижній этажъ (собственно амбаръ), II—верхній эт. (вышка), III—бок. фасадъ.
 $Пр$ —пережитнище; $Лс$ —лѣстница на него; $д$ —входъ въ амбаръ; $Л$ —лѣстница на вышку; $o, p, я, n, г, с$ —засѣки; $m, т, к$ —кадки съ мукой.

по занимаемой ею площади, бываетъ больше собственно амбара, такъ какъ часть ея выступаетъ въ видѣ навѣса надъ пережитнищемъ. Полъ вышки служить потолкомъ собственно амбара и состоять изъ такихъ же толстыхъ досокъ, какъ и полъ нижняго помѣщенія амбара (собственно амбара), поддерживаемыхъ по срединѣ матицей. Вышка прикрывается непосредственно крышей; особаго потолка нѣть. Длина амбара вмѣстѣ съ пережитнищемъ бываетъ 5—7 арии., ширина—4—6 арии. и высота до киязыка около 6—7 арии. На рис. 42 представлено обычное расположение частей амбара.

Въ засѣкахъ и кадушкахъ собственно амбара хранятся рожь, ячмень, овесъ, ржаная мука, житная (ячменная) мука—что идетъ

больше всего для обыденного продовольствія, частью въ продажу (овесь); на вышкѣ помѣщаются запасы зерна, отсыпанного для сѣмянъ, и болѣе цѣнныя и рѣже употребляемые хлѣбные продукты: пшеница и пшеничная мука, гороховая мука, толокно и проч. Въ амбарѣ же хранять, особенно лѣтомъ, сухую рыбу, соленую свинину, соль и проч. и проч., даже иногда на лѣтнее время вѣшаются сюда зимнюю мѣховую одежду.

Рис. 43. Амбаръ.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в. Тог. у.).

Погребъ.

Хотя погребъ и можетъ быть чаще, чѣмъ другія нежилыя хозяйственныя помѣщенія, устроены въ подвальной части самого дома, но все же предпочитаютъ его строить отдельно отъ дома; стараются при этомъ помѣстить его какъ можно ближе къ входу, особенно въ зимнюю избу. Существенную часть его представляетъ конечно, яма, со спущеннымъ въ нее четырехугольнымъ бревенчатымъ срубомъ, около сажени глубиною и аршинъ четырехъ въ длину и ширину. Яма (срубъ ея) покрывается бревенчатымъ потолкомъ, на который сверху наваливается неособенно толстымъ слоемъ земля. Въ потолкѣ ближе къ стѣнѣ или углу прорублено широкое окошко, прикрываемое досками или люкомъ изъ досокъ, ведущее по особой лѣсенкѣ въ глубь ямы. Надъ ямой строится наземная часть—небольшое зданіе, которое чаще всего и именуется погребомъ; внутреннее помѣщеніе

этой части, называется часто погребній цей. Размѣры этой наружной части почти таковы же, какъ и ямы, или пѣсколько больше. Стѣны всегда остаются нетесанными; сверху лимѣется потолокъ изъ досокъ или плахъ и надъ нимъ тесовая односкатная (лѣбазомъ) крыша. По стѣнамъ внутри устроены полки.

Въ погребную яму весною набрасываютъ для лѣта снѣгъ и, набивши имъ яму почти до верху, застилаютъ снѣгъ соломой. Въ погребу хранятся овощи (картофель, рѣна, рѣдька и др.), мясо, рыба, молоко и разная другая провизія.

Б а н я .

У каждого сколько-нибудь исправнаго крестьянина здѣсь имѣется баня, которая строится обыкновенно, въ пожарныхъ охранительныхъ цѣляхъ, подальше отъ дома, и поближе къ водѣ, чтобы не носить послѣднюю издалека; частенько можно видѣть, поэтомъ, бани на самомъ берегу рѣчки или ручья; а, когда для бани пользуются водою котодца, то ее ставятъ и вблизи дома.

Рис. 44. Двѣ бани.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.).

Какъ самое зданіе, такъ и все устройство бани просто и незатѣйливо. Рубится „на моху“ простой четырехугольный срубъ, часто изъ старыхъ обрѣзковъ бревенъ, длиною 4—6 арш., аришина въ 4 шириною и около 3-хъ арш. высотою; набирается бревенчатый или изъ половинокъ бревенъ (плахъ) потолокъ, прикрываемый потомъ сверху землею; надъ потолкомъ—тесовая односкатная крыша. Почти никогда (или въ очень рѣдкихъ случаяхъ) въ самой банѣ не отдѣляется комната для раздѣванія; для послѣдней цѣли, у входа въ баню, при-

страивается иногда изъ досокъ, иногда изъ бревенъ, маленькой холдиной коридорчикъ, открытый съ одной стороны и часто не имѣющій дверей, называемый передбаньемъ. Лишь въ послѣднее время все чаще рубятся „передбанья“ въ общей связи съ баней и устраиваются съ дверями и потеплѣе. Въ передбанѣи дѣлается одна коротенькая лавка, вбиваются два три гвоздя въ стѣну въ качествѣ вѣшалокъ—и этимъ ограничивается устройство его; даже окошка часто совсѣмъ не бываетъ.

Изъ передбанья ведеть маленькая дощатая дверь, съ высокимъ порогомъ, въ самую баню. Остановившись у двери, можно видѣть сразу всю простоту устройства бани: нальво у самой почти двери въ углу расположилась каменцы, печка, сложенная изъ дикаго камня; далѣе и нальво и впереди—полбѣ для мытья и паренья; къ полку примыкаетъ впереди у стѣнки лавка; лавка же тянется и вдоль правой стѣны.

На концѣ этой послѣдней, ближе къ двери и противъ самой каменцы, ставятся два ушата и третье ведро—съ водой. Противъ входа въ передней стѣнѣ, дѣлается маленькое, въ одинъ квадратный футъ и даже меньшее, оконечко, безъ косяковъ и иногда безъ рамы для стекла, обрѣзокъ котораго въ такомъ случаѣ прикрѣпляется какънибудь лучинками. Въ пазы бревенчатыхъ, неотесанныхъ стѣнъ втыкаются шесты („грядки“) для сушки и согрѣванія

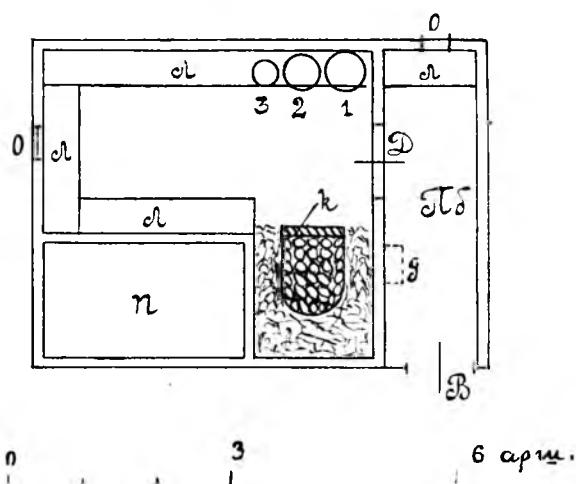

Рис. 45. Планъ бани.

П6—передбанье; В—входъ въ предбанье; Д—дверь въ баню; Л—лавки; н—полбѣ; к—каменцы; о—дымовое окно (вверху); 1, 2, 3—ушата и ведро съ водой; о, о—окошки.

одѣваемаго послѣ мытья бѣлья и для выжариванья блохъ изъ платя, которое для этого вѣшаются на грядки въ только что вытопленной банѣ, передъ мытьемъ.

Каменцы выкладывается па подобіе того, какъ и въ „подовинѣ“ (см. выше); только на сводъ изъ болѣе крупныхъ камней набрасывается здѣсь много щебня, „чёкоту“, изъ гранитныхъ по преимуществу, какъ менѣе трескающихся, валуновъ. „Чекотомъ“ же, т. е. осколками изъ камней, заполняется и уголъ двухъ стѣнъ у каменцы, чтобы предохранить стѣны отъ нагрѣванія и пожара, а съ другой стороны — каменцу отъ охлажденія, иначе бы послѣдняя скоро переставала давать паръ при плесканіи па нее („бздаванѣѣ“). Дымъ и паръ выход-

дить въ особое, на входной стѣнѣ прорубленное въ передбанье, у потолка надъ каменицей, окно, закрываемое сбоку задвигающейся доской съ ручкой въ видѣ толстаго деревяннаго гвоздя, торчащаго изъ средины доски; это окно называется трубой.

Полокъ представляетъ изъ себя возвышенную площадку изъ досокъ, настланныхъ на вырубленной изъ „кряжей“¹ клѣткѣ, высотою немногого болѣе аршина. Длина полка едва равняется росту человѣка, а ширина доходитъ до 1^½ аршинъ. Для воды ставится два ушата, въ одномъ изъ которыхъ приготавляется щелокъ, а въ другомъ—горячая вода; то и другое нагревается до кипѣнія при помощи камней, бросаемыхъ въ каменицу во время топки и накаливаемыхъ въ ней. Для разбавленія горячей воды и щелоку во время мытья ставится ведро съ холодной, только что принесенной изъ колодца (а по израсходованіи вычерпываемой опять заново), водой, или зимою,— со снѣгомъ.

Моются изъ деревянныхъ шаекъ, глиняныхъ горшковъ, мѣдныхъ котловъ и, въ послѣднее время, изъ тазовъ. Парятся вѣниками только взрослые, по преимуществу пожилые мужчины. Стоковъ для воды при мытьѣ никакихъ не устраивается; вместо того, полъ дѣлается рѣдкій, со щелями, а подъ полкомъ и вовсе не бываетъ пола. Чтобы не было холодно при такомъ устройствѣ пола въ банѣ, снаружи нижняя часть бани всегда заваливается обыкновенно „костѣцей“ (кострикой,—деревянистые отбросы стеблей льна при его чисткѣ).

Другія хозяйственныя постройки, какъ поварня, каретникъ и проч., имѣютъ менѣе постоянное устройство, да и бываютъ онѣ далеко не всегда; мѣсто ихъ устройства тоже не постоянное. Поварня, напр., можетъ быть устроена при рѣчкѣ, при колодцѣ, а то и просто въ полѣ—подальше отъ домовъ. Въ настоящее время пивовареніе все болѣе и болѣе сокращается, поэтому и въ устройствѣ поварни становится все меньше и меньше надобности. Но тамъ, где еще поварни существуютъ, онѣ могутъ имѣть видъ невысокаго сарая, часто не имѣющаго дверей, безъ пола и потолка и съ неполной крышей: надъ костромъ огня, где варится пиво, оставляется широкая дыра въ крышѣ, или почти половина поварни съ этой стороны остается не покрытой; подъ крышей ставится „судно“ и другія принадлежности пивоваренія. „Корытникъ“² (каретникъ) пристраивается где-нибудь у конюшни, у дома или у погреба то въ видѣ простого дощатаго наѣзда на столбахъ и даже кольяхъ, то наѣзда съ неполными дощатыми стѣнками съ боковъ

¹ Длинные чурбаны.

² Название новое, не вошедшее во всеобщее употребленіе, что въ свою очередь показываетъ, что и самая постройка еще не получила всеобщаго распространенія.

то настоящаго зданія съ бревенчатыми стѣнами, съ широкими воротами, тесовою крышей, но безъ пола и потолка. На рисункѣ 37 справа, рядомъ съ конюшней, видна часть каретника съ отворенной половинкой воротъ. Въ „коритникѣ“ помѣщаются, кромѣ телѣгъ, тарантаса, дровѣнь, саней и иѣкоторыхъ принадлежностей упряжи,—смола, деготь, материалы для ремонта экипажей, иногда сохи, борона и проч.

Возлѣ дома, у „дворныхъ“ воротъ, т. е. при входѣ въ скотный дворъ, также часто дѣлается навѣсь, иногда съ дощатыми стѣнками и особымъ входомъ въ него,—для соломы и корма рогатому скоту, чтобы они постоянно были подъ рукой. Такія обособленныя пристройки иногда называются соломеницами; приходилось слышать для подобной же пристройки название—чумъ. Иногда такія же точно пристройки дѣлаются при иѣкоторыхъ домахъ для чистки осенью лына, преимущественно для трепанья, почему и называются трепаўками. Въ трепалкахъ, конечно, ни пола ни потолка не бываетъ: для сидѣнія приносятъ скамьи или стулья, иногда пользуются досками,ложенными на невысокихъ чурбакахъ (обрубкахъ бревенъ).

Тамъ, гдѣ не слишкомъ глубоко приходится копать, каждый крестьянинъ имѣеть свой колодецъ. Онъ представляеть изъ себя четырехугольную шахту, иногда до десятка саж. глубиною и около 2-хъ аршинъ длины и ширинъ. По бокамъ ея дѣлается такой же формы деревянный срубъ, суживающійся кверху въ видѣ трубы (см. рис. 21); или на срубѣ, не доводя его до верху дѣлаютъ потолокъ съ круглымъ отверстиемъ, надъ которымъ ставится изъ вертикальныхъ досокъ труба около 1 арш. въ диаметрѣ (рис. 15). Воду вычерпываютъ или колесомъ (воротомъ) или „бѣяномъ“ (журавль). Въ первомъ случаѣ надъ колодцемъ дѣлается навѣсь, съ двускатной крышей; иногда кругомъ такого колодца сооружается и постройка, па подобіе маленькаго погреба.

На улицахъ очень часто можно еще встрѣтить розсадники, на которыхъ выращиваютъ розсаду. Они представляютъ снизу кѣтчатый, а вверху сплошной, четырехугольный срубъ длиною въ 3 арш., ширину $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ арш. и высотою до $1\frac{1}{2}$ арш.; на высотѣ аршина отъ земли дѣлается полъ, на который кладется земля; сверху укладываются колья (подобно колосникамъ овина), прикрываемые соломой и проч.

Упомянемъ адѣсь еще о такихъ постройкахъ, которыя хотя и не находятся при домѣ, но стоять въ тѣсной связи съ жизнью крестьянскаго двора; и о сооруженіяхъ, которыя собственно не могутъ быть названы постройками, но отвѣчаютъ имъ по своему назначению.

Къ первой категоріи относятся запольныя избушки, запольныя или зарѣчныя конюшни и шалации.

Запольная избушка или изба, была въ большомъ употреблениі раньше, когда крестьяне свободно могли запахивать окружающія земли, не спрашивая о томъ, кому они принадлежать. Тогда каждое семейство, кроме полевой земли, имѣло гдѣ-нибудь вдали распаханную „кулигу“ (ниву), на которой приходилось работать иногда по цѣлымъ недѣлямъ подрядъ. Около такихъ „кулигъ“ или на нихъ и ставились избушки для ночлега. Если избушка строилась однимъ семействомъ, для себя только, то размѣры ея были очень невелики: около сажени въ длину и ширину, въ ростъ человѣка вышиною, иногда и меньше. Четырехугольный бревенчатый срубъ „на моху“ съ маленькой входной дверью, иногда крохотнымъ оконечкомъ, заткнутымъ сѣномъ или соломой, съ потолкомъ, но безъ полу, и односкатной тесовой крышей,—внутри не имѣлъ никакого особаго убранства; лишь недалеко отъ входной двери дѣлалась небольшая „каменца“ (печка болѣе убогая, чѣмъ въ банѣ и „подовицѣ“), дымъ изъ которой при топкѣ выходилъ въ избу и затѣмъ черезъ дымовое окно („трубу“) и дверь—наружу; изрѣдка устраивались лавки возлѣ стѣнъ, а чаще ихъ совсѣмъ не дѣлалось. Спали на земляномъ полу, на которомъ подстилались сѣно, солома, трава или молодыя вѣтки деревьевъ съ листьями. Въ настоящее время иногда также пользуются запольными избушками, причемъ устройство ихъ остается такимъ же, какъ и раньше.

Для той же цѣли, какъ и запольная избушка, служить шалашъ—еще болѣе примитивная постройка; иногда онъ сооружается насконо для одной только почи, иногда же строится, какъ и избушка, въ качествѣ болѣе или менѣе постоянной постройки. Въ послѣднемъ случаѣ шалашъ даже рубится изъ „кряжей“, въ формѣ покоя и имѣть три стѣнки: двѣ боковыхъ и заднюю; спереди же является открытый и приподнятый. Крыша, иногда даже тесовая, имѣть довольно крутой склонъ спереди назадъ, для чего задняя стѣнка всегда дѣлается очень низкой. Передней открытой стороной шалашъ всегда обращенъ въ сторону защищеннуя лѣсомъ или чѣмъ-нибудь инымъ отъ вѣтра. Передъ шалашомъ во время спанья непрерывно поддерживается огонь. Снять прямо на землю, подостлавши сѣно, солому, одежду или что-нибудь другое. Размѣры такого шалаша едва достигаютъ человѣческаго роста по длины и ширинѣ, а по высотѣ—всегда ниже; задняя стѣнка иногда едва возвышается надъ поверхностью земли. Въ такомъ шалашѣ иногда ухитряются примоститься на ночь до десятка человѣкъ. Въ некоторыхъ случаяхъ шалаши устраиваются и большихъ размѣровъ; чаще же они бываютъ даже меньше и еще проще устроеными: стѣнки ихъ складываются изъ прутьевъ между двумя парами вбитыхъ въ землю колышевъ для каждой стѣнки; крыша дѣлается изъ прутьевъ, еловой коры и бересты. И самой простой формой шалаша является та, когда утверждаютъ на козлахъ горизонтально перекладину (колъ) и къ ней наклонно приставляютъ

съ одной стороны врядъ иѣсколько длинныхъ кольевъ, на которые кладутъ еще прутья, траву или сѣно; такой простой навѣсъ играетъ роль одновременно и крыши и задней, отчасти и боковыхъ, стѣнокъ.

Зарѣчныя конюшни устраиваются въ томъ случаѣ, когда пастбище для скота отдѣлено отъ деревни значительной рѣкой, широко разливающейся въ половодье. Тогда, на время половодья, переправляютъ за рѣку скотъ и оставляютъ тамъ до обмелѣнія рѣки, загоняя на ночь въ особыя конюшни. Конюшни эти, разумѣется, представляютъ собой весьма простое устройство: четыре бревенчатыхъ стѣны, покрытыхъ тесовой односкатной крышей, съ входною дверью въ одной изъ нихъ—вотъ и все. Хотя называются эти постройки конюшнями, но чаще ими пользуются для рогатаго скота; если же одновременно приходится въ нихъ „заставать“ (загонять на ночь) и лошадей, то для нихъ дѣлается отгородка изъ жердей. Каждый хозяинъ имѣть свою конюшню, общихъ не бываетъ.

Къ сооруженіямъ, имѣющимъ значеніе построекъ лишь по своей функции, а не по формѣ, надо прежде всего отнести рѣпния ямы или просто ямы, въ которыхъ хранятся огородные овощи: рѣпа, рѣдька, картофель, брюква („гальянка“). Для ямъ избирается мѣсто съ сухимъ песчанымъ грунтомъ, вблизи перелѣска или кустарниковъ (чтобы зимой запосило снѣгомъ), иногда на значительномъ разстояніи отъ деревни, и въ сторонѣ отъ дорогъ. Яма выкапывается до двухъ, до 3-хъ и болѣе аршинъ глубиною и, смотря по надобности, можетъ имѣть большиe или меньшиe размѣры по длини и ширинѣ (около $3 \times 1\frac{1}{2}$ арш.). Овощи тамъ укладываются ранней осенью прямо въ песокъ, и пересыпаются „костицей“ (кострикой), яма сверху засыпается немного костицей, а затѣмъ прикрывается соломой, хворостомъ и сверху—землей (дерномъ). Въ такой ямѣ овощи отлично сохраняются до весны. Зимою обыкновенно изъ ямъ уже запасовъ и не берутъ, а берутъ только подъ весну; или, когда необходимость заставитъ взять часть хранимыхъ въ ямѣ запасовъ среди зимы, то для этого пользуются болѣе теплой погодой, чтобы ямы не „настудить“ и не подвергнуть остатки овощей опасности порчи. Ямами пользуются иногда даже имѣющіе погреба.

При описаціи гумна было сказано, что спопы сжатаго хлѣба складываются въ „гувницѣ“; надо добавить, что весьма часто ихъ складываютъ и на полѣ или нивѣ, особенно отдаленой. Рожь „кладутъ“ въ копны или скірды, а яровые, болѣе короткіе, хлѣба—въ зороды. Копны имѣютъ горшкообразную форму, а скірды такую же, только растянутую въ двѣ противоположныя стороны; въ горизонтальномъ разрѣзѣ копна имѣть форму круга, а скірда—вытянутаго эллипса. Мѣсто для копны или скірды выстилается, не въ сплошную, старыми досками, обломками жердей, полѣньями дровъ и прочими

подмѣтинами и подкладинами, на которыхъ кладутся иногда прутья и наконецъ стелется солома. Вокругъ приготовленнаго мѣста вбиваются иногда колья, опредѣляющіе форму копны или скирды у основанія. На приготовленномъ мѣстѣ укладываются споны внутрь колосьями, круглыми рядами такъ, чтобы средина все время шла выше краевъ и чтобы, благодаря этому, просочившаяся случайно сверху вода могла стекать наружу. Сверху копны и скирды заостряются и кроются соломой и еловыми или сосновыми лапами (прутьями); сверху кладутся еще иногда гнѣты изъ тяжелыхъ полѣньевъ, даже камней и проч.

Зорды „кладутся“ нѣсколько иначе. Прежде всего втыкаются въ землю (до $\frac{1}{2}$ арш. глубиною) острови, не длинныя суковатыя жерди, отъ которыхъ въ стороны и нѣсколько вверхъ торчатъ остатки (длиною около двухъ вершковъ) обрубленныхъ сучьевъ (см. рис. 4); прямolinейный рядъ „островей“, поставленныхъ на $\frac{3}{4}$ аршина, рѣдко больше, одна отъ другой, можетъ быть произвольной длины. Съ того и другого боку этого ряда кладутъ „подметины“ и ихъ покрываютъ соломой. Въ промежуткахъ между островами, въ „промежкахъ“, начинаютъ складывать споны; ихъ кладутъ на бокъ рядами, по 3--4 споны въ каждый „промѣжокъ“; ряды всѣхъ „промѣжковъ“ сливаются въ одинъ рядъ всего „зорода“. Первый рядъ укладывается такъ, что бы вершины споповъ, колосья, занимали средину, немного переходя на другую сторону срединной линіи „зорода“, совпадающей съ линіей ряда „островей“; другой рядъ кладется въ обратномъ направленіи, „комлями“ (прикорневыя части соломы) съ другой стороны, а вершинами опять на средину, такъ что вершины споповъ одного ряда прикрываются вершинами другого ряда; по мѣстному это называется „класть напрѣметося“. Когда кладка доведена до такой высоты, что дальше уже становится трудно доставать съ земли руками, чтобы правильно уложить каждый спонъ,—тогда съ одного боку зорода устраиваютъ „походни“; для чего втыкаютъ возлѣ самаго зорода двѣ острови, болѣе толстыхъ и короткихъ, чѣмъ обыкновенныя, и съ болѣе длинными сучьями, оставленными лишь съ одной стороны; на сучья той и другой острови, называемыхъ въ этомъ случаѣ походнями (а каждая въ отдѣльности—походнѣмъ), кладется прочная не гибкая жердь, по которой и ходятъ, придерживаясь руками за зородъ. Съ земли или съ воза, съ противоположной стороны зорода, споны подаются на зородъ при помощи длинныхъ и легкихъ, съ двумя рожками, вилъ, именуемыхъ „подавальницами“; а кладчикъ, взобравшись на походни, продолжаетъ все въ прежнемъ порядкѣ укладывать спонъ за спономъ, двигаясь вдоль зорода по жерди походней; когда зородъ опять выростетъ, жердь приподымается на болѣе высокіе сучья походней. Когда уложить послѣдній рядъ споповъ, зородъ „кроютъ“ соломой, на которую кладутъ „гнѣты“,—по одной легкой жердочкѣ съ каждой стороны ряда островей. Теперь, „зородъ складень и закрытъ“.

Съ боковъ его слегка подпираютъ кольями, „подпорами“, чтобы не шатало вѣтромъ. Въ законченномъ видѣ онъ представляеть изъ себя сжатый съ боковъ параллелепипедъ произвольной длины (часто отъ 3-хъ—до 5 саженъ), около одного аршина (когда кладутъ овесъ) толщины и отъ 1 $\frac{1}{2}$ до 2-хъ саженъ высоты. При кладкѣ различныхъ хлѣбовъ мѣняется больше всего толщина зорода, въ зависимости отъ длины споповъ. Уложенный въ такіе зороды, хлѣбъ не слеживается, такъ какъ сучья оstromей не позволяютъ осѣдать спонамъ и уплотнить первоначальную кладку, и сохраняется сухимъ.

Сѣно здѣсь „мечутъ“ также въ зороды, въ которыхъ и сохраняютъ. Сѣни зороды отличаются лишь тѣмъ, что „промежки“ здѣсь дѣлаются шире и, когда сѣно высушено хорошо, то, вмѣсто острѣвей, употребляютъ стожары—жерди гладкія, безъ сучьевъ, и нѣсколько болѣе длинныя. Сухое сѣно мечутъ всегда почти двое: одинъ, обыкновенно старикъ, подростокъ или женщина, стоять на зородѣ, утаптываеть и выравниваетъ подаваемое съ земли или съ возу сѣно; другой, болѣе сильный, „подаетъ“ или „мечеть“ сѣно трехрогими деревянными вилами на зородъ. Чтобы при утаптываніи и отъ тяжести сѣна крайніе „стожары“ не отходили отъ зорода“, т. е. не отклонялись въ стороны, ихъ подпираютъ толстыми вилами. Кверху зородъ дѣлаютъ какъ можно уже—„вершать“, и на верхъ каждого „промежка“ кладутъ „вѣцы“—два связанныхъ верхушками прута или молодыхъ ствола ивы, березы, ольхи, около сажени длиною,—такимъ образомъ, чтобы одна вица свѣшивалась съ одной, другая—съ другой стороны промежка и зорода. Съ боковъ зороды подпираютъ кольями, „подпорами“, чтобы не слишкомъ осѣдало сѣно. Высота только что наметанного зорода достигаетъ сажень двухъ, ширина или толщина въ срединѣ—аршинъ четырехъ, а длина зависить отъ количества сѣна. Зороды сѣна иногда, изрѣдка, называютъ и стогами. Кромѣ зородовъ, въ послѣднее время стали метать сѣно и въ копны, возводя ихъ около одного срединнаго стожара на такую же высоту, какъ и зороды.

Сараевъ или сѣноваловъ почти не строятъ.

Для „вывѣшиванія“ (сушки) льна дѣлаются „вѣшала“, состоящія изъ горизонтально протянутыхъ, на высотѣ аршинъ 2-хъ, жердей, расположенныхъ на „коzла“. „Козла“ состоять изъ двухъ иногда трехъ воткнутыхъ наклонно одинъ къ другому кольевъ, верхушки которыхъ, будучи перекрещены между собою, связываются между собою соломеннымъ жгутомъ, обрывкомъ веревки, а чаще всего—„перевичкой“, т. е. гибкимъ молодымъ стволомъ ивы, ели, можжевельника и проч.

3.

Ориентировка дома и построекъ при немъ. Деревня.

Если на ту или другую постановку дома и распределеніе его частей и построекъ при немъ въ деревнѣ вліяетъ принятый планъ и

распорядокъ, сложившійся обычай и другія условія, опредѣляемыя самой деревней или поселеніемъ, то, съ другой стороны, и эти самыя условія и укоренившіеся распорядки возникали въ большинствѣ случаевъ изъ личныхъ мотивовъ, плановъ и разсчетовъ первоначальныхъ отдельныхъ поселенцевъ, отчасти и послѣдующихъ наслѣниковъ той же деревни или села. Въ настоящее время считается наиболѣе удачнымъ такое мѣсто и планъ деревни, при которыхъ можно поставить домъ такъ, чтобы онъ „глядѣлъ“ на рѣку или на рѣчку и чтобы окна были обращены въ „теплую сторону“, на югъ; однимъ словомъ, чтобы было красиво и тепло. Но такъ какъ зимой не приходится любоваться красотою мѣста, особенно изъ оконъ дома, то это условіе имѣется въ виду главнымъ образомъ для лѣта; для зимы же особенно цѣнно второе условіе—тепло. Вотъ почему при вышеописанномъ составѣ дома, весьма часто можно встрѣтить такое расположеніе жилыхъ помѣщений въ пемъ, что большая часть ихъ выходитъ на югъ; при чмъ зимняя изба занимаетъ югоизападный уголъ дома, лѣтняя—юговосточный, между ними, на югъ—горница на повѣти и боковая избы (о послѣднихъ см. ниже); всѣ входы—лѣтнее крыльцо, зимнее крыльцо и „дворные ворота“—съ южной стороны; горница въ переду, служащая для лѣтней жаркой поры, обращена на сѣверо-востокъ. Передъ дома своимъ главнымъ фасадомъ, лицомъ, съ вышкою, подзорами, выходами и другими украшеніями, смотрить на востокъ и вмѣстѣ на рѣку, на рѣчку, озеро, на красивую долину и проч.; на сѣверъ Россіи, гдѣ большою частію рѣки текутъ съ юга на сѣверъ, условіе „на востокъ и на рѣку“ легко осуществимо.

Въ тѣсной связи съ распределеніемъ жилыхъ помѣщений въ домѣ находится распределеніе и хозяйственныхъ построекъ при немъ. Такъ какъ большинствомъ хозяйственныхъ построекъ чаще приходится пользоваться въ свободное отъ полевыхъ работъ время, т. е. осенью, зимой и отчасти раннею весной, то естественно, чтобы онъ группировались ближе къ зимнему жилью въ домѣ, къ зимней избѣ, къ озадку, что въ свою очередь будетъ въ согласіи съ условіемъ о красотѣ для лѣтняго помѣщенія, переда, передъ которымъ уже не будутъ громоздиться мозолящія глаза будничныхъ сооруженія, не блещущія своей красотой. Въ дѣйствительности чаще такъ и бываетъ: гдѣ-нибудь по близости ко входу въ зимнюю избу ставится погребъ, дальше—амбаръ, еще дальше—гумно. Колодецъ долженъ быть на одинаковомъ разстояніи отъ зимняго и лѣтняго жилья и близокъ къ скотному двору, противъ входа въ который, поэтому, часто и устраивается. Со стороны главнаго фасада переда разбиваются „садъ“, т. е. огородъ, въ которомъ, впрочемъ, нерѣдко садять кромѣ овощей и ягодная деревья и кусты (черемуха, рябина, смородина, малина). Обыкновенно участокъ земли, занимаемый самымъ домомъ въ деревнѣ, носить название мѣста; къ „мѣсту“ со стороны озадка примыкаетъ

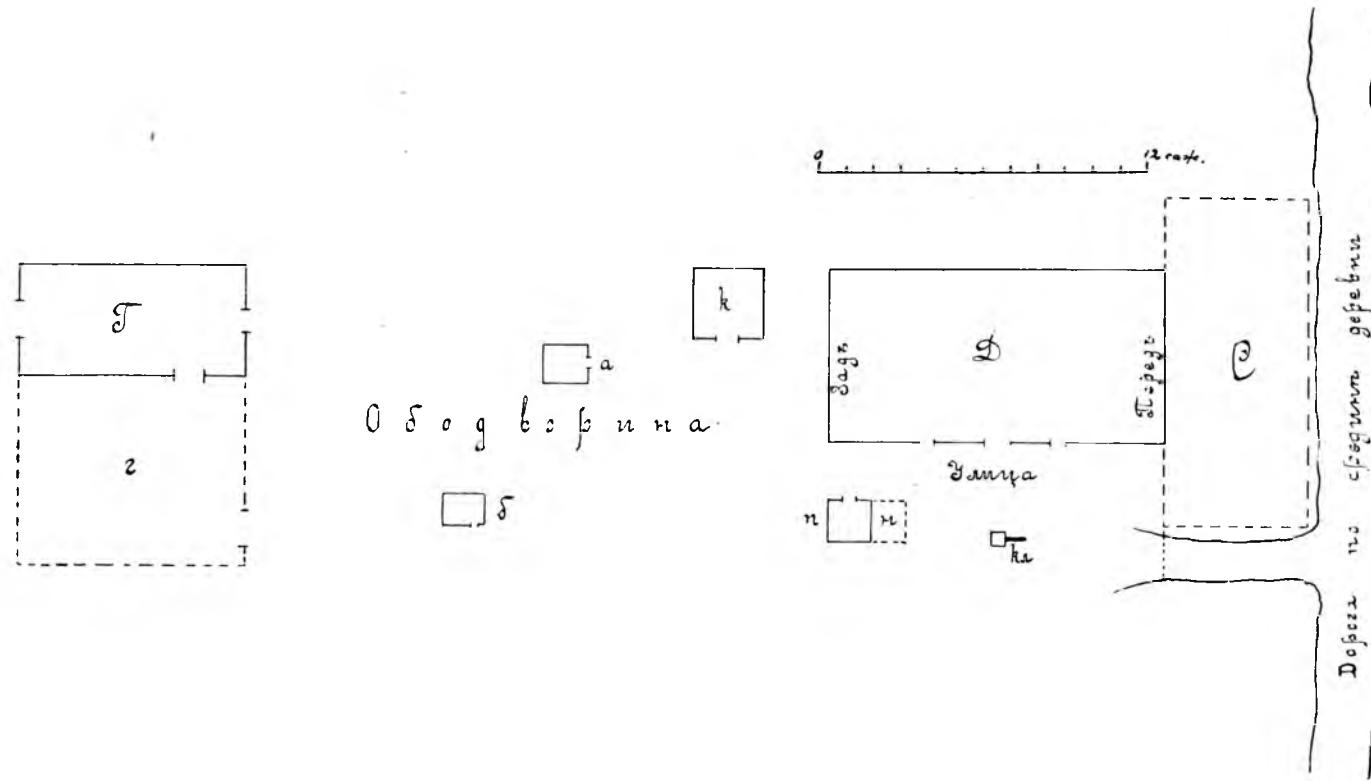

Рис. 46. Планъ дома и хозяйственныхъ построекъ.

Д—домъ; *С*—„садъ“ (огородъ); *Г*—гумно; *а*—„гувніце“; *б*—баня; *к*—конюшня; *н*—погребъ; *кл*—колодецъ;
н—навѣсъ, отчасти играющій роль каретника.

непосредственно участокъ полевой земли, именуемый ободвóриной, на которой и группируются хозяйственныя постройки дома. Совокупные размѣры „мѣста съ ободвориной“ колеблются примѣрно отъ 35 до 50 саженъ по длинѣ и отъ 10 до 12 саж. по ширинѣ. Для каждого дома вырѣзываются такие участки, которые и выстраиваются въ сплошной рядъ параллельно направлению теченія рѣки или рѣчки и проч.; дома на нихъ образуютъ рядъ или линію деревни. Очень часто въ деревнѣ и бываетъ только одна линія домовъ, на озадкахъ которыхъ расположены хозяйственныя пристройки, передъ „передамъ“ разбиты „сады“, а дальше за „садами“ тянется „дорога по деревнѣ“, за которой опять могутъ идти „сады“ и за ними—поле; иногда дорога идетъ непосредственно передъ „передами“, а сады уже дальше, за дорогой. Съ дороги къ каждому дому открыть свободный доступъ для прохода и проѣзда—со стороны „переда“; если передъ „передами“ тянутся „сады“, то между ними оставляется вsetаки „проѣздъ“ къ каждому дому—со стороны главнаго бокового фасада (со входами въ домъ)—на улицу. Значить, у каждого дома своя улица; такъ и говорятъ: „Ефимова улица“, „Ванькина улица“, „наша улица“ и т. д. Улица, слѣдовательно, лежитъ при каждомъ домѣ со стороны его бокового со входами фасада и дѣлится на части, которыхъ соответственно частямъ дома, къ которымъ онѣ прилегаютъ, называются: „улица у зимней избы“, „улица передъ дворными воротами“, „улица у переда“. Въ противоположность улицѣ, мѣсто по другую сторону дома, куда оконъ совсѣмъ почти не выходить и гдѣ нѣтъ входовъ въ домъ, называется задвóрками; сюда нерѣдко валять разные отбросы, черепки посуды, шепки и проч.

Слово „улица“ можетъ имѣть и другія значенія. Такъ, всякая дорога по сторонамъ которой идутъ изгороди, огорода, называется улицей; при выѣздѣ изъ деревни на отдаленные пашни или для выгона скота на пастбище постоянно приходится пользоваться такого рода улицами, ведущими обыкновенно между двухъ сосѣднихъ полей, при концѣ которыхъ заканчивается и улица; это окончаніе улицы но-ситъ название розуличья. На „розуличъ“ иногда и въ срединѣ улицы обыкновенно ставится икона на столбѣ, или крестъ, или даже маленькая часовенка (см. рис. 47).

Хотя ведущую по деревнѣ дорогу, особенно, если дома идутъ по обѣ стороны ея и если она проходитъ не между изгородями, и не называются обыкновенно улицей, но возможность такого наименованія не исключается и здѣсь. Когда поется: „Хороша наша деревня, только улица грязна“, то имѣется въ виду общедеревенская улица, проходящая по деревнѣ дорога.

Затѣмъ, понятіе „улица“ противополагается понятію „внутренность дома, изба, комната“; въ этомъ смыслѣ, конечно, говорится: „на улицѣ морозъ, на улицѣ оттепель“, или: „на улицѣ—краюшка, въ избѣ—

Рис. 47. „Улица“ между полями.
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.).

Рис. 48. Улица, перегороженная изгородями (прототипъ двора).
(Дер. Рыкаловская, Спасск. в., Тот. у.). Виденъ колодецъ съ „оцяпомъ“.

Рис. 49. Улица отдѣлена постояннымъ заборомъ и плетнемъ отъ дороги.
(Близъ Никольскаго погоста В. у.).

ломотокъ“ (загадка о стѣнахъ, не тесанныхъ снаружи и вытесанныхъ внутри жилья), и т. д.

Пространство между двумя рядомъ стоящими домами называется обыкновенно проулкомъ, но это слово, повидимому, привилось позже изъ канцелярского обихода, при спорахъ о „мѣстахъ“ въ деревнѣ.

Въ послѣднее время замѣчается стремлѣніе „свою улицу“ отъ общедеревенской отдѣлять изгородью, иногда болѣе плотнымъ плетнемъ и даже дощатымъ заборомъ, при чемъ на улицу ведутъ ворота, устраиваемыя изъ жердей („зavorъ“, „отводъ“). или тесовыя, собственно ворота. Такимъ образомъ замѣчается наклонность „свою улицу“ превращать въ замкнутый дворъ, въ иномъ, такъ сказать—въ городскомъ, смыслѣ слова. (См. рис. 49). Такія огражденія вызываются потребностью предохранить улицу отъ скопленія чужого скота съ одной стороны, а съ другой—задержать временно свой скотъ для поенія, доенія и проч., и имѣютъ значеніе только для лѣтней, частью весенней и осенней поры, а на зиму являются совершенно излишними и часто разбираются совсѣмъ.

Когда деревня разрастается и линія домовъ удлиняется настолько, что концы ея становятся далеко отъ средины, центра деревни, являются желающіе селиться болѣе охотно по другую сторону дороги (общедеревенской улицы), чѣмъ по концамъ первоначальной линіи домовъ. Такимъ образомъ возникаетъ вторая линія домомъ, лежащая по другую сторону дороги и занимающая болѣе низкую часть склона, чѣмъ первоначальная; поэтому одна изъ линій называется верхнею, а другая нижнею. Мѣста нижней линіи заселяются обыкновенно выдѣленными сыновьями или братьями изъ домовъ (семействъ) верхней линіи, не желающими далеко „отѣхать“ отъ старого дома; эти мѣста считаются менѣе удобными, чѣмъ по верхней линіи, и, дѣйствительно, поселившимся на нихъ приходится кое-чѣмъ поступиться: если сохранить такое же расположеніе частей дома, какъ на верхней линіи, то приходится всѣ хозяйственныя постройки ставить около переда или передъ нимъ; а если передъ перенести на другой конецъ дома, на мѣсто озадка, и обратно, то выступаютъ другія неудобства (см. выше). Все таки обычно и дома нижней линіи принимаютъ то же расположеніе, что и верхней, обращаясь въ ту же сторону передами, а озадками на общедеревенскую улицу; вслѣдствіе послѣдней причины озадки этихъ домовъ должны нѣсколько, такъ сказать, „прихорашиваться“, и на нихъ появляются двойни съ подзорами и др. украшеніями, присущими большие передамъ (см. рис. 33).

Расположеніе домовъ въ линіи является самымъ обычнымъ для большинства деревень. И деревня, раскинувшаяся по склону горки или высокаго берега, со своими продолговатыми домами, переды которыхъ съ ихъ вышками, охлупнями, коньками и проч., какъ огромныя

Рис. 50. Видъ дер. Рыкаловской, Спасек. в. Тот. у.
Передъ деревней рѣчка; выше и ниже—гумна, амбары и проч.

головы какихъ то гигантскихъ существъ, стройно и горделиво возвышаясь, потянулись все въ одну сторону, куда-то вдалъ—на рѣку, на озеро, на стояцій за ними лѣсъ, на просторъ,—подобно двойной вереницѣ лебедей, весело несущихся на свободно-избираемый просторъ и волю.

Разумѣется, указанные мотивы и способъ ориентировки домовъ въ деревнѣ далеко не являются единственными. Встрѣчаются деревни, расположенные вдали отъ воды, по сторонамъ, напримѣръ, большой дороги, и тогда дома ихъ обращены съ той и другой стороны своими главными фасадами на эту дорогу; въ торговыхъ селахъ и деревняхъ дома „смотрятъ“ на торговую площадь; въ мѣстности овражистой—въ разныя стороны и т. д. и т. д. На расположение домовъ оказываетъ влияніе и официальная планировка. Въ большихъ и ста-

Рис. 51. Ориентировка „по дорогѣ“.
(Дер. Сметаница, В. у.; съ фотографии И. А. Сабурова).

ринныхъ деревняхъ, раскинувшихся на мѣстахъ, обособившихся въ какихъ либо естественныхъ границахъ (берега, овраги, крутизны) можетъ быть весьма запутанное расположение и ориентировка домовъ. Тутъ могутъ быть „средняя“, и „боковая линіи“, и „дома на-отставѣ“ и т. д. При чёмъ, какъ и во всѣхъ, впрочемъ, случаяхъ, словомъ „линія“ не обозначается прямое направлѣніе, а только болѣе или менѣе врядъ идущіе дома; поэтому слово „линія“ часто замѣняется словомъ „порядокъ“: „верхній порядокъ“, „нижній порядокъ“ и проч.

4.

Промышленные и общественные постройки.

При слабомъ развитіи промысловъ въ этомъ краѣ, промышленные постройки не отличаются ни разнообразiemъ, ни сложностью устройства, да и число ихъ крайне ничтожно. Не вдаваясь въ подробности описанія техническаго ихъ устройства, упомянемъ лишь о характер-

ныхъ особенностяхъ оборудования иѣкоторыхъ изъ нихъ, наиболѣе обычныхъ, каковы кузница, смолокурня, мельница. Лишь насущная потребность въ кузничномъ ремеслѣ заставляетъ изрѣдка браться за него и обзаводиться кузницей. Послѣдняя ставится гдѣ-нибудь пососѣству съ банями, отъ которыхъ мало чѣмъ отличается и по размѣрамъ, и по виѣшнему виду, за исключеніемъ конечно отсутствія части, соотвѣтствующей „передбанью“. Въ кузницу ведетъ небольшая дверь, всегда открытая во время работы (зимой, въ морозы, не работаютъ). Посрединѣ, ближе ко входу, стонть широкой обрубокъ толстаго дерева, своимъ основаніемъ иѣсколько вкопанный въ земляной поль кузницы; въ него вбита стальная „наковаль“. Подалѣше, за „наковалю“ съ ея подставкою, слѣдуетъ горнѣ—маленько углубленіе въ полу, обложенное дикими камнями, со сводомъ изъ такихъ же камней; при немъ ручные мѣхи для раздуванья. У одной изъ боковыхъ стѣнъ стоитъ корыто съ водой, для погруженія въ нее охлаждаемыхъ изгѣлій. Вотъ почти и все. Передъ кузницей иногда ставится стойло для подковыванія лошадей. Если въ послѣднее время встрѣчаются какія-либо улучшенія, то они уже заноснаго характера.

Такой же простотой отличается и устройство смолокурни, смольной избушки. Ставится послѣдняя гдѣ-нибудь на косогорѣ, вдали отъ деревни, и представляетъ изъ себя постройку, по своей простотѣ и размѣрамъ опять напоминающую съ виѣшней стороны баню. Почти все помѣщеніе этой постройки занято внутри кирпичною печью съ тремя устьями, среднее изъ которыхъ служить для закладыванья смолы во внутреннюю камеру, а боковыя—для топки. Дно, „подъ“ внутренней камеры воронкообразно углублено и заканчивается отверстиемъ, ведущимъ въ деревянную, выдолбленную изъ одного дерева, колоду, другой конецъ которой выходитъ въ обрывѣ косогора, гдѣ около него сдѣлана небольшая яма, чтобы подъ конецъ трубы можно было ставить бочку для стекающей смолы. Смола выгонялась изъ подобранныхъ въ лѣсу и на свѣжерасчищенныхъ пашняхъ смолистыхъ иней, колодинъ и проч. Въ настоящее время такое смолокуреніе почти вывелоось и смѣнилось другимъ, болѣе усовершенствованымъ, съ подсочки сырыхъ деревьевъ; оно пріурочено уже къ определеннымъ районамъ и подчинено извѣстнымъ правиламъ техническаго надзора; соотвѣтственно улучшено и устройство смолокуренъ, въ основѣ оставаясь близкимъ къ упомянутому.

Значительно богаче этотъ край мельницами, хотя и онѣ носять характеръ простоты и примитивности, почему первѣдо чувствуется въ нихъ болѣйшей недостатокъ, при кажущемся ихъ изобилии, такъ какъ многія работаютъ совсѣмъ мало и пустуютъ.

Мельницы бываютъ водяныя и вѣтряныя, или „витрѣнки“. Для водяныхъ мельницъ на маленькихъ рѣчкахъ устраивается запруда изъ досокъ, а на значительныхъ дѣлается „слань“, изъ сырыхъ де-

ревьевъ съ прутьями на верхушкахъ, которыми погружаютъ ихъ на дно рѣки и засыпають щебнемъ, камнями, рухляками и проч.; „кѣмли“ (прикорневыя части стволовъ) уложенныхъ врядъ деревьевъ направляются, приподымаясь изъ воды, внизъ по теченію и въ этомъ положеніи удерживаются подложенными снизу подъ нихъ бревнами, камнями и проч.; такимъ образомъ настилаютъ нѣсколько рядовъ, одинъ выше другого, и получается слань, направляющая воду къ мельничнымъ воротамъ въ мелководье и пропускающая ее черезъ верхъ въ большую воду. Сланью, понятно, приходится пользоваться на неглубокомъ, а, следовательно, болѣе широкомъ мѣстѣ рѣки, и потому длина слани по р. Кокшеньгѣ, напр., доходитъ иногда до 70 саженъ. До

Рис. 52. Мельница на р. Кокшеньгѣ.
(Под. дер. Проневской, Шевд. вол., Тот. у.). Видна „слань“.

самой мельницы „слань“ не достигаетъ 2—3 саж., гдѣ остается русло, запираемое уже досками. во время работы мельницы. Самое зданіе мельницы можетъ быть различной величины, отъ размѣровъ большого амбара доходить саженъ до 4-хъ ширины и до 6 саж. длины. Обыкновенно кроется тесомъ, на два ската. По всей длини бревенчатая перегородка отдѣляетъ часть нижняго этажа внутренняго помѣщенія къ сторонѣ рѣки („коужухъ“),—для лодкѣ, по которому устремляется вода къ воднымъ колесамъ, помѣщающимся въ этомъ же отдѣленіи. Другая часть нижняго этажа, со стороны входа въ него и берега, заключаетъ въ себѣ ступы, въ которыхъ толкуютъ овесъ на муку и „шастаютъ“, т. е. очишаютъ отъ шелухи (кожуры) другіе зерновые хлѣба; кромѣ ступъ, здѣсь помѣщается зубчатое

колесо съ шестерней, для жернова; оно прикрывается находящимся ближе ко входу большими деревянными засѣкомъ (ларемъ), въ который сверху сыпется изъ подъ жернова мука. Въ верхнемъ отдѣленіи, въ которое снизу внутри ведетъ лѣстница и имѣется еще непосредственный входъ снаружи, находятся жернова (изъ гранитныхъ и гнейсовыхъ мелкозернистыхъ валуновъ), надъ которыми, на прочныхъ переводахъ укрѣплена ящикъ, имѣющій форму четырехугольной пирамиды, обращенной вершиной внизъ, гдѣ сдѣлано отверстіе для стока зерна по лодкѣ (рукаву) на жернова. Ящикъ этотъ, служащий для засыпки подлежащаго перемалыванію зерна, называется кѣшемъ. Вверху около кѣша, на переводахъ настланы доски для взваливанія на нихъ мѣшковъ, изъ которыхъ зерно засыпается въ кѣшъ; этотъ дощатый помостъ называется полатями. Внутреннее помѣщеніе мельницы, за исключеніемъ водной части, называется обыкновенно онбарамъ.

Возль мельницы бываетъ для помольцевъ и для мельника небольшая избушка, немного лучше „запольной“, и сверхъ того, иногда конюшня для лошадей, на которыхъ привезены перемалываемый хлѣбъ.

Вѣтрянка или вѣтреная мельница представляеть изъ себя небольшой амбарчикъ, врачающейся на вертикальной оси и клѣтчатой основѣ изъ бревенъ. Поворачиваются при помощи двухъ длинныхъ толстыхъ жердей, нижніе концы которыхъ связаны между собою деревяннымъ кольцомъ, а верхніе обхватываются какъ вилы корпусъ мельницы

Рис. 53. „Вѣтрянка“.

(Въ дер. Шуинской. Сибирск. в., Тот. у.)

сь двухъ противоположныхъ сторонъ или прикрепляются къ задней стѣнкѣ. Сбоку придѣлывается маленькая висячая лѣсенка, по которой можетъ подняться одинъ человѣкъ безъ груза; мѣшки съ зерномъ и мукой подымаются и опускаются воротомъ.

Изъ другихъ построекъ этого рода развѣ можно было бы упомянуть еще о кожевнѣ, но ихъ такъ мало въ этой мѣстности, что онѣ являются даже не совсѣмъ обычными постройками.

Рис. 54. Торговые ряды.
(С. Воскресенское, Шенкурск. у.).

Для торговли дома приспособляютъ иногда подвалъ переда, иногда ставить особую лавку, конечно, по близости къ дому. Лавка по виду и размѣрамъ мало чѣмъ отличается отъ амбара. На погостахъ и рыночныхъ мѣстахъ ярмарочныхъ сель устраиваются торговые ряды, то простые, то двойные съ галереями (по мѣстному — «гаудареи»). Простые ряды обыкновенно представляютъ изъ себя длинный бревенчатый корпусъ, раздѣленный бревенчатыми перегородками (стѣнами) на отдѣльныя камеры, лавки, длиною въ 3—5 ари. каждая, ширину около 3-хъ арш. и даже меньше и немногимъ болѣе 3-хъ аршинъ высотою. По одной сторонѣ у лавокъ прорублены большія окна, почти во всю длину стѣнки, высотою иѣсколько меныше двухъ аршинъ; каждое такое «окно» запирается дверью, распахивающейся двумя половинками, одной — кверху, другой книзу; верхняя при этомъ зацѣпляется за крючекъ и остается приподнятой, а нижняя, откинутая подъ прямымъ угломъ къ стѣнкѣ и падающая при этомъ на специальныя стойки, становится прилавкомъ возвышающимся на аршинъ или иѣсколько больше надъ поверхностью земли. Внутри

устраиваются полки; пола и потолка можетъ и не быть. Крыша надъ прилавками нѣсколько выдается впередъ.

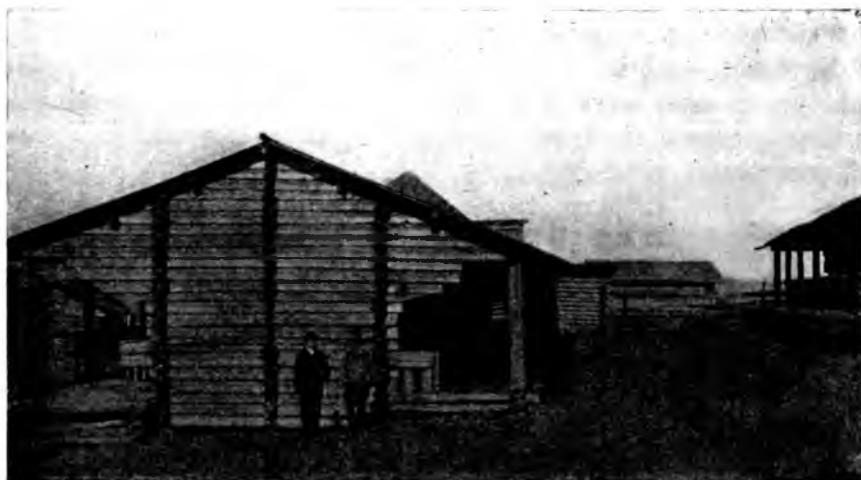

Рис. 55. Два двойныхъ корпуса торговыхъ рядовъ, съ галлереями.
(С. Бестужево, Вельск. у.).

На рис. 54 (справа противъ алтаря церкви) представленъ задній фасадъ простыхъ рядовъ.

Двойные ряды (рис. 55) представляютъ также длинный корпусъ, раздѣленный по срединѣ продольною капитальною стѣною, по обѣимъ

Рис. 56. Хлѣбозапасный магазинъ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ.

сторонамъ которой и помѣщаются лавки, подобныя вышеописаннымъ, съ такими же дверями (и прилавками).

Дѣлаются ряды и съ болѣе крупными лавками, напоминающіе городскіе гостинные дворы.

Хотя всѣ торговыя ряды устраиваются обыкновенно на церковныя суммы (и сдаются затѣмъ въ аренду торговцамъ), но строятся мѣстными крестьянами по существующимъ планамъ и традиціямъ, издавна установившимся здѣсь.

Рис. 57. Часовка
(Въ дер. Бычьеи, Вельск. у.).

Подъ большинствомъ, почти исключительнымъ постороннимъ вліяніемъ офиціального характера сложился здѣсь типъ постройки хлѣбозаводицескихъ общественныхъ магазиновъ (по мѣстному—“магазен”), которые легко выдѣлить изъ ряда другихъ крестьянскихъ построекъ по ихъ наружному виду. Для бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ существуетъ одинъ типъ, представленный на рис. 56, для бывшихъ казенныхъ—другой.

Изъ общественныхъ построекъ, возникающихъ по исключительно крестьянской инициативѣ и строящихся по вкусу и разумѣнію самихъ же крестьянъ, занимаютъ видное мѣсто часовни. Почти во всякой болѣе или менѣе многолюдной деревнѣ имѣется своя часовня. Ставить ее по срединѣ деревни (въ Кокшеньгѣ).

Въ простѣйшемъ случаѣ по виѣнности своей и по размѣрамъ она походить на амбаръ съ вышкой и пережитнишемъ и часто дѣл-

ствительно передѣлывается изъ пожертвованаго кѣмъ-нибудь амбара (какъ зданія „чистаго“); при передѣлкѣ, вмѣсто пережитнища появляется гаударея часовни, иногда открытая, а иногда закрытая; въ послѣднемъ случаѣ имѣеть значеніе паперти и напоминаетъ ближе всего устройство маленькихъ сѣней. Входная дверь въ часовню тоже мало чѣмъ отличается отъ амбарной двери: такой же высокій порогъ, такой же большой внутренній замокъ съ большимъ желѣзнымъ „наличникомъ“ снаружи. Въ стѣнѣ съ которой-нибудь стороны двери

Рис. 58. Часовня.
(въ д. Медведевѣ, Рост. в., Вельск. у.).

имѣется прорѣзъ для спускаия денежныхъ пожертвованій: прорѣзъ бываетъ около $\frac{1}{2}$ арш. въ длину и одного вершка въ ширину и, слѣдовательно, допускается возможность пожертвованій мелкими вещами. Надъ дверью виситъ икона. При входѣ въ часовню, прямо на задней стѣнѣ будетъ иконостасъ, съ иконами различныхъ размѣровъ и достоинства; при чемъ на срединѣ чаще ставятся иконы наиболѣе читаемыхъ святыхъ; церковнаго порядка установки иконъ не придерживаются. Передъ иконами ставятся восковыя свѣчи или на подсвѣчникахъ, подобныхъ церковнымъ, или иногда прямо на полкахъ.

На правой и на лѣвой стѣнахъ имѣются по одному окну съ желѣзными решетками. На полу стоять столъ, аналой, а у входа, въ углу,—ящикъ для „казны“.

Крыша тесовая на два ската. Крестъ на ней можетъ быть, а мо-

жеть и не быть; если онъ бываетъ, то чаще восьмиконечный, деревянный. Иногда на паперти, а то—на особомъ столбѣ, вѣшаются колоколья (около 2-хъ пудовъ; бываетъ больше и меньше), которымъ извѣщаютъ о началѣ праздничной молитвы.

Рис. 59. Часовня.
(Въ дер. Мадовицахъ, Спасск. в., Тот. у.).

Однако отъ этого обычного простого устройства часовни бываютъ нерѣдко и отступленія, выражающіеся болыше всего въ стремлениі приблизить часовню и по виду и по внутреннему устройству—къ церкви. Съ другой стороны и самыя церкви, особенно деревянныя и старинныя имѣли много общаго въ нѣкоторыхъ деталяхъ ихъ архитектуры и съ часовнями и съ домами. Получалась несомнѣнная архитектурная связь между всѣми этими видами построекъ, при нѣкоторомъ, иногда, правда, значительномъ различіи въ формахъ. Эта связь всѣми понималась или чувствовалась и давала общиі колоритъ мѣстнаго, всѣмъ близкаго и роднаго. Вотъ почему до сихъ поръ крестьяне съ какимъ то особыеннымъ благоговѣніемъ и любовію относятся къ уцѣлѣвшимъ стариннымъ деревяннымъ церквамъ.

Когда лѣтомъ 1911 г. я побывалъ въ древней деревянной церкви Орловскаго погоста на Усьѣ, я быль пораженъ удивительнымъ сходствомъ внутренней отдѣлки ея съ таковою же въ чистыхъ жилыхъ помѣщеніяхъ старинныхъ крестьянскихъ домовъ: такія же входыя, небольшія, съ высокимъ порогомъ, двери; такія же точно окна, лавки

возлѣ стѣнъ; такъ же набранъ „въ закрой“ невысокій потолокъ и проч. Сходство было тѣмъ болѣе поразительнымъ, что въ церкви быль выбранъ весь иконостасъ, такъ какъ въ ней давно не служатъ¹. Внѣшній видъ этого храма, въ устройствѣ котораго такъ удачно совмѣщалась съ его простотою и выдающаяся красота, представленъ на рис. 60.

Рис. 60. Церковь въ Орловѣ. Вельск. у.

Не мало общаго можно найти въ архитектурѣ и другихъ старинныхъ деревянныхъ церквей, а также часовенъ, и крестьянскихъ домовъ. Обративъ напримѣръ вниманіе на устройство оконъ, дверей, крылецъ и проч. церквей Верховской и Поцкой (рис. 61) въ Кокшеньгѣ, можно безъ труда и здѣсь, даже снаружи, подмѣтить общность деталей съ таковыми же въ крестьянскихъ домахъ.

5.

Дополненія.

Заканчивая на этомъ мой бѣглый обзоръ крестьянскихъ построекъ въ области рр. Кокшеньги, Усы и Ваги съ ея нѣкоторыми другими притоками, я долженъ къ предыдущему сдѣлать еще кой-какія необходимыя поясненія и дополненія.

Хотя въ своихъ описаніяхъ въ качествѣ исходнаго или основнаго материала я пользовался постройками крестьянства Кокшеньги,

¹. Въ настоящее время уцѣлѣла лишь передняя половина этой церкви, охраняемая подъ надзоромъ Имп. Арх. Комиссіи. Мнѣ было чрезвычайно болѣно услышать, что вторая половина этой церкви была разобрана настоятелемъ этого прихода О. Фаддеевымъ, крупнымъ мѣстнымъ богачемъ, и испилена имъ себѣ на дрова.

Рис. 61. Церковь Покрова прихода (въ Кокшеньгѣ, Тот. у.).

средней руки, но во многихъ случаяхъ приходилось указывать на такія видоизмѣненія и детали, которыя свойственны постройкамъ или болѣе зажиточныхъ крестьянъ или по преимуществу крестьянъ какой-либо иной части описываемаго района. Однако, несмотря на указанная отступленія, все-же, ради большей связности описанія, были опущены кой-какія весьма важныя особенности и варіаціи нѣкоторыхъ построекъ. Прежде всего слѣдуетъ указать на существование боковыхъ избъ, которыхъ изрѣлка встрѣчаются во всей указанной области.

Боковая изба можетъ существовать одновременно съ зимней на озадкѣ и лѣтней въ переду и занимаетъ чаще всего мѣсто со стороны главнаго бокового фасада дома, между зимнимъ крыльцомъ и „дворными“ воротами; при этомъ она можетъ иногда входить въ составъ „середки“, лишь отчасти выдаваясь за боковую стѣну дома въ сторону улицы, или вся цѣликомъ выходить на улицу.

Въ первомъ случаѣ положеніе ея отчасти соответствуетъ горницѣ я повѣти, съ той существенной разницей, что горница цомѣщается надъ скотнымъ дворомъ, а боковая изба вдается въ послѣдній, закладываясь своимъ основаніемъ непосредственно на землѣ; входъ въ этомъ случаѣ въ боковую избу устраивается изъ зимнихъ сѣней. Во второмъ случаѣ изба ставится такъ, что между нею и боковой стѣной „середки“ оставляется мѣсто для моста (сѣней) этой избы; входъ (крыльцо) въ этомъ случаѣ можетъ быть устроенъ или со стороны „дворныхъ“ воротъ или со стороны зимняго крыльца, но даже можетъ быть одновременно и съ той и другой (два входа). Положеніе боковой избы обозначено на рис. 62.

Что касается назначенія боковой избы, то оно мѣняется въ зависимости отъ состоянія другихъ жилыхъ помѣщеній дома; она можетъ служить то зимней избой, то лѣтней, то—по преимуществу скотней (т. е. зимней, въ которой можетъ кормиться и скотъ); но иногда можетъ служить, такъ сказать, полусезонной избой, въ которую переселяются на время весны и осени. Боковая изба можетъ занимать и другое мѣсто, напр., между лѣтнимъ входомъ (крыльцомъ) и „дворными“ воротами или рядомъ съ передомъ и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чаще по р. Вагѣ, и зимняя изба занимаетъ положеніе боковой; тогда весь озадокъ дома какъ бы сдвигается въ сторону, становясь врядъ съ мѣстомъ обычнаго озадка вышеописанного расположенія частей дома и главнымъ фронтомъ обращаясь вдоль улицы въ ту же сторону, какъ и „передъ“ (см. рис. 31). Какъ и боковая изба, зимовка въ этомъ случаѣ можетъ занимать разныя мѣста и даже стать рядомъ съ передомъ, имѣя въ исключительныхъ случаяхъ и общій съ нимъ входъ, со стороны передняго фронтона дома.

Многія особенности въ постройкахъ можно рассматривать и какъ новинки, или не всѣмъ доступныя по ихъ дороговизнѣ или по дру-

гимъ соображениямъ не вошедшія во всеобщее употребленіе. Къ числу таковыхъ надо отнести, между прочимъ, обшивку домовъ тесомъ и окраску. Лишь въ послѣднее время появляются у зажиточныхъ крестьянъ обшитые или, какъ здѣсь говорять, опушённые дома (сплошь покрыты снаружи тонкими досками). Не сразу былъ сдѣланъ этотъ шагъ и богатыми крестьянами: спачала только углы „опушивали“ (см. рис. 59), потомъ—переды и потомъ уже цѣлые дома (см. рис. 48). Въ связи съ опушкой непремѣнно должна была появиться и окраска; а такъ какъ образцы при этомъ намѣчались на городскихъ постройкахъ, то съ ними вмѣстѣ появилась и новая орнаментика и новое устройство крылецъ и даже крытыхъ террасъ въ видѣ „фонарей“.

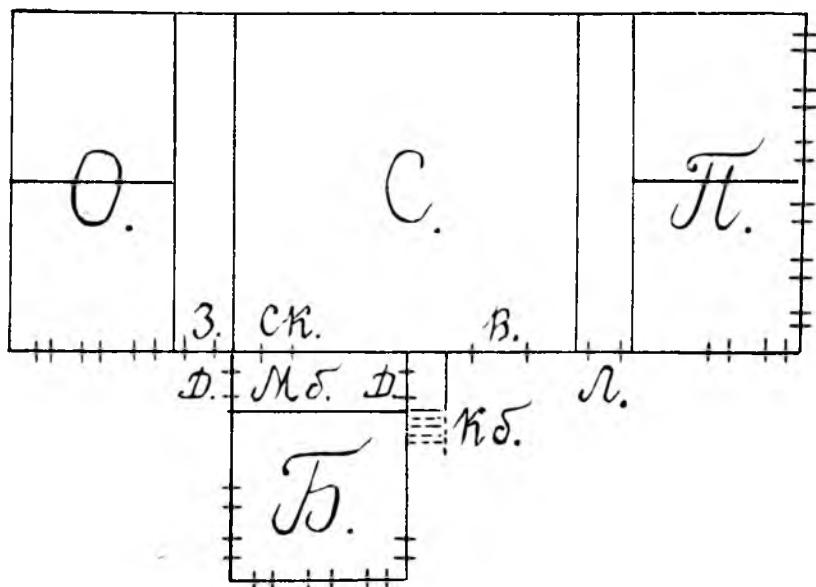

Рис. 62. Планъ дома съ боковой избой.

П—передъ; *О*—озадокъ; *С*—середка; *Б*—боковая изба; *Мб*—мостъ или сѣни боковой избы; *Л*—ходъ въ эти сѣни; *Кб*—крыльце боковой избы; *В*—дворныя ворота; *Л*—лѣтній входъ; *З*—зимній входъ; *ск.*—лѣстница на скотный дворъ.

Чаще стали появляться вышки, выступающія надъ переднимъ склономъ крыши, въ связи съ переходомъ послѣдней изъ двускатной въ трехъ или четырехскатную. Такая вышка имѣть въ сущности свой прежній видъ и форму, съ продолжающейся на ней, и лишь только на ней, двускатной крышей, тогда какъ на остальной части переда со стороны его передняго фронтона двускатную крышу пересѣкаетъ новый скатъ, третій (см. рис. 60). Иногда, при двухъэтажныхъ передахъ, подобіе такой же вышки дѣлается со стороны бокового фасада дома надъ сѣнями верхняго этажа и надъ входомъ (крыльцомъ) въ нижній и называется, какъ и самая вышка, мизимиомъ.

Въ связи съ измѣненіемъ вышки и числа скатовъ у крыши, становящейся въ то-же время все-тоньше, легче и уже (драневыя; крыши) понемногу перестаютъ употреблять желоба, курицы и охлупни; навѣсы крыши сокращаются до минимума и подпираются карнизами. Кой-гдѣ проглядываютъ и другія новинки. О нѣкоторыхъ упоминалось въ предыдущихъ описаніяхъ.

И по количеству, и по своему значенію всѣ эти видоизмѣненія представляются весьма впечатительными. И вотъ является вопросъ: при такомъ обиліи перемѣнъ, есть ли что-нибудь постоянное и устойчивое въ строительствѣ здѣшнихъ крестьянъ? На такой вопросъ можно отвѣтить пока въ общемъ утвердительно. Тѣ основныя формы, основной планъ, которые являются господствующими въ настоящее время, ведутъ свое начало съ давнихъ временъ; обѣ этомъ можно судить и по сохранившимся преданіямъ и по нѣкоторымъ другимъ даннымъ. Изрѣдка встрѣчаются постройки, уцѣлѣвшія еще отъ XVIII в.¹; попадались мнѣ росписки и другіе письменные документы, отъ XVII столѣтія съ упоминаніемъ тѣхъ же частей дома и другихъ построекъ, какія являются обычными и въ настоящее время. Конечно, вопросъ объ эволюціи въ крестьянской архитектурѣ, интересный самъ по себѣ, является въ то же время и слишкомъ сложнымъ, чтобы его можно было, хотя бы въ общихъ чертахъ, изложить попутно, вскользь, въ статьѣ, имѣющей совсѣмъ другую задачу.

Съ устойчивостью основного типа построекъ все же невольно приходится сопоставлять фактъ большого обилія всякихъ измѣненій, появившихся въ теченіи небольшого числа послѣднихъ лѣтъ. Не угрожаютъ ли всѣ эти надвигающіяся съ каждымъ годомъ новшества болѣе существенными перемѣнами и самымъ основамъ крестьянского строительства? Положительно на этотъ вопросъ можетъ отвѣтить лишь будущее и, повидимому, не особенно отдаленное; въ настоящемъ же, мнѣ кажется, приходится съ несомнѣнностью констатировать наличность нѣкотораго строительного кризиса, быть можетъ и затяжнаго, но уже неизбѣжнаго и неумолимаго. Среди многихъ обстоятельствъ, способствующихъ нарожденію этого кризиса, наиболѣе ясно и отчетливо сказываются два: недостатокъ въ лѣсѣ и... въ хлѣбѣ. Стоитъ только представить себѣ тѣ блаженные времена, когда жители этой лѣсной стороны, весь лѣсъ и всю землю вокругъ своихъ поселений считали своими да Божими; когда могли рубить любое дерево и распахивать любое мѣсто подъ хлѣбъ; когда вѣковья деревья высипались непосредственно за полемъ и никому до нихъ не было никакого

¹ Представленный на рис. 29 домъ кр. дер. Бычье (Тарасонаволоцкой) на р. Устьѣ, Вельск. у., по увѣренію старожиловъ этой деревни старше (хотя уже, правда, переставленъ на другое мѣсто) сосѣдней избы, на которой отмѣченъ годъ постройки—1784-й

дѣла: когда въ поискахъ лучшихъ мѣсть для посѣвовъ расчищались и выжигались большія площади лѣсовъ и, въ случаѣ, если онѣ оказывались неподходящими, бросались и на мѣсто ихъ расчищались другія;—тогда будетъ ясно, при какихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ развивалось крестьянское хозяйство и его строительство. Воспоминанія объ этихъ блаженныхъ временахъ еще живы и въ настоящую пору; старики рассказываютъ, какъ ихъ отцы еще „ронили“ (рубили) строевой лѣсъ за какую-нибудь версту—двѣ отъ деревни, а на обширныхъ „кулигахъ“ (лѣсныхъ пашняхъ) многосемейные крестьяне возвращали столько хлѣба, что его по цѣлому плоту сплавляли въ Архангельскъ.

И не успѣло, кажется, опомниться крестьянство, по крайней мѣрѣ, забыть это недавнее счастливое прошлое, какъ наступили совсѣмъ другія времена: вся земля ихъ закована въ межи, лѣсу на ней—лишь одно воспоминаніе! Долго мужикъ не могъ понять, какъ это такъ „Божья да наша“ земля сдѣлалась удѣльной да казенной, и не признавать было этихъ межъ: лѣсокъ, по крайней мѣрѣ, втихомолку изъ-за нихъ таскалъ. Но въ концѣ концовъ его, кажется, вразумили, поставивши чуть не на каждую деревню по лѣсному сторожу и передержавши чуть не каждого крестьянина въ тюрьмѣ; по крайней мѣрѣ, теперь не возникаетъ у крестьянъ сомнѣнія въ томъ, что своего лѣсу у нихъ нѣтъ, а чтобы имѣть его, надо платить хорошія деньги да и везти его издалека; при чемъ на крупный лѣсъ цѣны оказались совершенно непосильными.

Наряду съ этимъ ясно ощущался и недостатокъ въ пахотной землѣ, а, следовательно, и въ хлѣбѣ; ощущалась общая скудость, понудившая искать поддержки сложившемуся хозяйственному порядку заработками на сторонѣ.

И хозяйство и строительство крестьянское оказалось въ прямой зависимости отъ посторонняго заработка, ради чего значительная доля рабочаго населения или совсѣмъ отхлынула изъ деревни или сдѣлалась передвижной. Крестьянскій дѣлежъ и возникновеніе новыхъ дворовъ также значительно сократились. Теперь ужъ отдѣлившійся и не имѣющій зарабатывающихъ на сторонѣ членовъ семьи крестьянинъ не построить себѣ полнаго двора заново. Съ другой стороны тѣ дворы, которые имѣютъ себѣ постоянную поддержку отъ своихъ членовъ, работающихъ на сторонѣ, могутъ достигать полнаго строительного развитія; лишь только этимъ и объясняется возникновеніе новыхъ, по прежнему, а иногда даже и болѣе, обширныхъ построекъ. Однако постройки начинаютъ обходиться настолько дорого, что даже и состоятельные люди ищутъ упрощеній или такихъ новинокъ, которыя давали бы выигрышъ въ затратѣ строительного лѣса; а на встречу этимъ исканіямъ идетъ ознакомленіе съ другими, дотолѣ неизвѣстными, образцами строительного искусства и мудrostи, озна-

комление, облегаемое вынужденными странствованиями, ради заработка, по чужимъ мѣстамъ.

И какъ ни крѣпка привязанность здѣшняго крестьянинна къ родной старинѣ и прежнимъ строительнымъ традиціямъ, но и она колеблется, и кризисъ нарастаетъ. Трудно сказать, какія новыя формы и скоро ли получать окончательное преобладаніе надъ прежними; но, пока что, денежные люди мечтаютъ о желѣзныхъ крышахъ и каменныхъ домаахъ, даже кое-гдѣ уже въ простыхъ деревняхъ начинаютъ и осуществлять эти мечты, а малоземельные и одинокіе (съ малымъ количествомъ рабочихъ силы), живущіе, безъ поддержки со стороны, крестьяне нерѣдко свои старыя повѣти и зауголки построекъ пилиять и колютъ себѣ на растопки и на дрова...

Б. Нѣкоторыя особенности крестьянскихъ построекъ другихъ мѣстъ Вологодской и Архангельской губерній.

Размѣры этой статьи не позволяютъ мнѣ остановиться хоть сколько-нибудь подробно на постройкахъ другихъ мѣстъ Сѣвера; — поэтому придется ограничиться въ настоящихъ строкахъ лишь самыми общими указаніями на главнѣйшія особенности только нѣкоторыхъ, по преимуществу въ сосѣдствѣ съ вышеупомянутымъ бассейномъ расположенныхыхъ мѣстъ Вологодской и Архангельской губерній.

Если направиться изъ бассейна Ваги и указанныхъ ея притокъ въ сосѣднія мѣста той же Вологодской губ., то всюду можно встрѣтить уже болѣе или менѣе замѣтную разницу въ характерѣ построекъ. Особенно ярко бросается она въ глаза всякаго, кто изъ Кокшенъги, переваливши черезъ водораздѣль, по пути къ г. Тотымъ, выѣзжаетъ къ первымъ деревнямъ сухонскаго бассейна, Брюхачихъ и др. Сразу видно, что это другой типъ постройки, что онъ развивался по другому плану и при другихъ условіяхъ, что и хозяева этихъ построекъ, какъ это оказывается и въ дѣйствительности, должны сильно отличаться отъ жителей Кокшенъги.

Прежде всего, за самыми рѣдкими исключеніями, и зимнее и лѣтнее жилье здѣсь одно и то же. Оно можетъ ограничиться одной избой или представлять изъ себя двойни, изрѣдка можетъ также быть и двухъэтажнымъ; лицомъ всегда обращено къ дорогѣ. За нимъ всю остальную часть дома занимаетъ сараи, нижняя часть котораго является скотнымъ дворомъ, съ хлѣвами и конюшней, а верхняя соотвѣтствуетъ новѣти и заключаетъ въ себѣ кладовку, для муки и др. хлѣбныхъ припасовъ, и иногда кѣль. Другихъ помѣщеній, горницъ и проч., обыкновенно не бываетъ.

Входъ въ избу и на сарай общий по бревенчатому взвозу; если же имѣется отдѣльный ходъ въ избу, то крыльцо имѣть самое при-

митивное устройство или его не бываетъ вовсе. Окна съ косяками появляются лишь въ послѣднее время, а раньше были болѣе чѣмъ волоковыя, среди которыхъ одно, среднее,— „косячное“; около оконъ снаружи бревна стѣны выструганы гладко и отличаются большей бѣлизной.

Крыши соломенные—не въ диковинку.

Такъ же точно меныше бываетъ и построекъ при домѣ; вмѣсто гумна, чаще всего только одинъ овинъ, который не имѣеть подземной части и устроенъ внутри нѣсколько иначе.

При переходѣ съ Ваги и западнаго ея притока Вели въ бассейнъ Кубины, Двиницы и др., въ Кадниковскій уѣздъ, мы встрѣтимся почти съ такимъ же характеромъ построекъ, что вышеуказанныя, вблизи Тотмы. Тѣ же двѣ главныя части дома: изба (болѣе или менѣе усложненная, двойни) и сараи. Избы обыкновенно черныя. Другихъ построекъ также мало. Скотъ держать въ подпольѣ; парятся въ избѣ, въ печахъ. Но на сѣнокосахъ устраиваются сѣновалы, называемые чаще сарайами.

Подобный же характеръ построекъ распространяется и на Вологодскій уѣздъ, а по Сухонѣ направляется къ Устюгу и съ небольшими видоизмѣненіями заходить въ восточные уѣзды Вологодской губерніи. Въ большихъ торговыхъ селахъ, или заводскихъ, постройки могутъ носить болѣе смѣшанный характеръ, приближаясь иногда къ типу городскихъ мѣщанскихъ построекъ ближнихъ уѣздныхъ городовъ.

Что касается другого направленія отъ упомянутыхъ смежныхъ частей Тотемскаго, Вельскаго и Шенкурскаго уѣзовъ, направленія на сѣверъ, то оно будетъ совпадать съ непрерывнымъ продолженіемъ бассейна рѣкъ, по которымъ эти мѣста расположились,—а потому естественно ожидать здѣсь и менышей разницы въ постройкахъ. Такъ оно и на самомъ дѣлѣ. Въ низовьяхъ Ваги и по берегамъ С. Двины постройки носятъ въ большинствѣ случаевъ тѣ же черты широкаго размаха и простора. Разница можетъ касаться главнымъ образомъ относительного расположенія частей дома (зимовка чаще сбоку), устройства входовъ, нѣкоторыхъ деталей формы и отдѣлки второстепенныхъ частей (вышки и пр.).

Болѣе подробное и обстоятельное ознакомленіе со всѣми этими различіями, какъ и описание построекъ другихъ мѣсть сѣвера Россіи, чтобы не выходить изъ предѣловъ, отведенныхъ настоящей статьѣ, мы должны отложить до слѣдующаго раза.

М. Едемскій.

С.-Петербургъ.
Январь 1913 г.

Программа для изслѣдованія домашняго и семейнаго быта якутовъ.

Составили Э. К. Пекарскій и И. И. Майновъ.

Настоящая программа была составлена въ 1894 году специально для руководства членовъ Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова и организованной тогдашнимъ правителемъ дѣль Восточно-Сибирского Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Д. А. Клеменцомъ. Пособіями при ея составленіи служили: 1) Программа для собиранія свѣдѣній по этнографіи И. Р. Г. О., 2) Программа для описанія сибирскихъ инородцевъ, составленная Н. М. Ядринцевымъ, 3) Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, составленная при Этнографич. Отдѣлѣ Императ. Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи подъ ред. Н. А. Янчука, 4) Рукописная программа, составленная для членовъ экспедиціи Д. А. Клеменцомъ, а также его словесныя указанія, сдѣланныя при совмѣстномъ чтеніи третьей изъ перечисленныхъ выше программъ.

Нѣкоторые отдѣлы программы были заслушаны на организаціонныхъ засѣданіяхъ участниковъ экспедиціи, коими дѣлались замѣчанія по отдельнымъ пунктамъ, причемъ тутъ же вносились поправки и дополненія. Д. А. Клеменцъ тогда же высказалъ мнѣніе, что работа, выполненная по намѣченному составителями плану, „будетъ имѣть важное практическое значеніе не только для предстоящихъ экспедиціонныхъ занятій, но и лѣтъ на 10 впередъ“ (Протоколъ засѣданія 5 февраля 1894 г.). Составители именно имѣли въ виду сдѣлать свою программу пригодною и для другихъ изслѣдователей, даже въ другихъ, кромѣ Якутскаго, округахъ области.

Составленная такимъ образомъ программа, въ сокращенномъ видѣ и безъ отдѣловъ о скотоводствѣ и земледѣлії, была включена въ „Программу изданія трудовъ Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова“ (стр. 10—27), составленную по порученію Восточно-Сибирского Отдѣла И. Р. Г. О. правителемъ дѣль В. А. Обручевымъ и изданную въ Иркутскѣ въ 1897 году. Это изданіе, имѣвшее свою специальную задачу и напечатанное въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, осталось почти неизвѣстнымъ широкой

щубликъ, и имъ до сихъ поръ никто не пользовался при собираниі этнографическихъ свѣдѣній.

Между тѣмъ, не подлежитъ сомнѣнію, что большинство лицъ, интересующихся бытомъ сибирскихъ инородцевъ вообще и якутовъ въ частности, ощущаютъ недостатокъ въ программѣ, сколько-нибудь полно охватывающей жизнь хотя бы одного инородческаго племени Сибири. Поэтому составители рѣшили предложить свою скромную работу вниманію Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О., полагая, что, при всѣхъ своихъ дефектахъ, она все же будетъ небезполезна для людей, не обладающихъ специальной подготовкой.

Считаемъ долгомъ засвидѣтельствовать нашу признательность Ф. К. Волкову, взявшему на себя трудъ предварительнаго разсмотрѣнія программы и сдѣлавшему много существенныхъ замѣчаній какъ относительно общаго ея плана, такъ и относительно отдѣльныхъ ея частей.

Звѣроловство.

- 1) Способы охоты. Требуетъ ли охота за дичью постоянныхъ передвиженій или временныхъ перекочевокъ, и постоянно ли перекочевка производится въ опредѣленной мѣстности. Производится ли охота отдѣльными лицами или цѣлыми обществами.
 - 2) Время года, въ которое якуты отправляются на охоту, запасы на время охоты, продолжительность ея.
 - 3) Лѣса, въ которыхъ охотятся якуты; разстояніе ихъ отъ жилищъ. Породы звѣрей, водящихся въ лѣсахъ; на какихъ животныхъ производится охота въ данной мѣстности. Существуетъ ли запрещеніе убивать какихъ-либо дикихъ животныхъ и почему.
 - 4) Орудія охоты: ружье, луки, стрѣлы, ловушки, силки, западни (описаніе ихъ устройства).
 - 5) Количество добываемаго охотниками звѣря; количество вообще добываемыхъ въ данной мѣстности продуктовъ охоты. Цѣна звѣря. Урожай и неурожай звѣря.
 - 6) Способы дѣлежа добычи между охотниками и обычай при этомъ.
 - 7) Есть ли специальные охотничіе обряды, обычай, примѣты, гаданья, предосторожности, суевѣрія, заклинанія, сопровождающія охоту. Повѣрья о животныхъ и птицахъ (медвѣдѣ, собакѣ, зайцѣ и лисицѣ). Существуетъ ли специальный языкъ у охотниковъ.
-

Рыболовство.

- 1) Количество рыболовокъ. Мѣста ихъ.
- 2) Время рыбной ловли, продолжительность рыболовнаго сезона.

3) Сорта добываемой рыбы. Существует ли запрещение ловить какой-нибудь видъ рыбы и почему.

4) Орудія, употребляемыя якутами при рыбной ловлѣ: невода, сѣти, снасти, саки, уда; ихъ устройство.

5) Пріемы при рыболовствѣ. Существуютъ ли при этомъ постоянныя или временные передвиженія. Производится ли рыбная ловля отдельно или цѣлыми обществами.

6) Количество добываемой рыбы на неводѣ и во все время сезона, дѣлежъ ея, питаніе рыбой во время промысла.

7) Сколько вывозится и запасается рыбы для своего потребленія и на продажу. Цѣна, по которой продаются рыба.

8) Есть ли специальные рыболовные обряды, обычаи, примѣты, гаданья и тому под. Предосторожности, суевѣрія и заклинанія, сопровождающія рыбный промыселъ.

СКОТОВОДСТВО.

1) Какіе существуютъ способы укрощенія, прирученія и одомашненія дикихъ животныхъ? Какія имена и другія ласкателыя и презрительныя прозвища даютъ животнымъ, въ особенности домашнимъ и вообще ручнымъ.

2) Названіе мастей, формы роговъ и животныхъ разныхъ возрастовъ.

3) Какіе существуютъ специальные термины для обозначенія половыхъ отправлений у разныхъ животныхъ, разрѣшенія беременности и т. п.

4) Какія предосторожности принимаются настухами или хозяевами для охраненія стадъ отъ падежа, заболѣванія, отъ злоумышленниковъ.

5) Причины эпизоотій.

6) Пользованіе домашними животными. Прокормленіе. Запасы корма на зиму. Какъ обращаются якуты съ домашними животными. Дрессировка ихъ. Не заставляютъ ли животное долго мучиться при зарѣзаніи, закалываніи и т. д. Насколько соблюдается опрятность въ уходѣ за скотомъ.

7) Какія специальная слова и выраженія употребляются при обращеніи къ животнымъ, чтобы ихъ призвать или прогнать, остановить, направить въ ту или иную сторону. Какіе знаки, мѣтки, клейма, тавры на скотѣ употребляются для обозначенія собственности и какъ они называются.

8) Составляеть ли известный значокъ постоянную принадлежность одной семьи, рода. Что дѣлается съ семейнымъ знакомъ при раздѣлѣ семьи.

9) Кастрація. Какіе обряды, повѣрья и примѣты относятся къ выхолащиванію животныхъ (наприм., когда лучше холостить животныхъ).

10) Примѣты и указанія, когда лучше пустить животному кровь.

11) Какіе совершаются религіозные обряды при уходѣ за скотомъ, при выгонѣ скота въ поле, при перекочевкахъ.

12) Свѣдѣнія о разведеніи домашнихъ животныхъ. Какія примѣты и повѣрья относятся къ размноженію скота и другихъ домашнихъ животныхъ. Существуетъ ли вѣрованіе, что нѣкоторыми таинственными обрядами или заклинаніями можно ускорить ростъ животныхъ. Употребляются ли для охраненія стадъ отъ падежа, заболѣванія или отъ злоумышленниковъ какія-либо молитвы, заклинанія, заговоры и т. п.

13) Существуетъ ли повѣрье, что кто-либо можетъ лишить корову молока или выдавать ее, и какія предосторожности принимаются въ этомъ случаѣ.

14) Какія примѣты существуютъ при встрѣчѣ съ животными.

15) Существуютъ ли гаданія по внутренностямъ животныхъ, по костямъ ихъ.

16) Придаютъ ли какое-нибудь значеніе крику и вою животныхъ, извѣстнымъ ихъ дѣйствіямъ.

17) Не посвящаютъ ли животныхъ какому-нибудь богу или богамъ. Рассказы, ходящіе въ народѣ о необыкновенныхъ быкахъ или коняхъ, о лошадяхъ съ тремя сердцами; богатырскіе кони по сказкамъ и преданіямъ, сказаніямъ и воспоминаніямъ.

18) Нѣть ли сказаний о дикихъ коняхъ и ихъ прирученіи.

19) Существуютъ ли сказанія о воплощеніи боговъ въ животномъ образѣ.

20) Имѣли ли животныя даръ слова. Всѣ или нѣкоторыя. Почему теперь не имѣютъ.

21) Нѣть ли русскихъ святыхъ, особыхъ покровителей скота.

Земледѣліе.

1) Когда и какъ усвоено якутами земледѣліе. Взгляды народа на земледѣліе. Кто научилъ человѣка пахать или сѣять.

2) Въ какой степени развито земледѣліе. Составляетъ ли хлѣбопашество главный промыселъ или побочный. Какое изъ разводимыхъ хлѣбныхъ растеній играетъ главную роль. Хлѣба, служащіе предметомъ культуры. Иронорція посѣвовъ и урожая. Величина пашенъ. Степень урожаевъ.

3) Какова система земледѣлія. Извѣстно ли плодоперемѣнное хозяйство. Есть ли въ сѣвооборотѣ отдыхающія поля. Употребляется ли

удобреніе. Отличается ли чѣмъ якутское земледѣліе отъ мѣстнаго русскаго. Чѣмъ отличается подъемъ цѣлины отъ обыкновенной пахоты.

4) Орудія, которыми обрабатываютъ землю: соха (устройство ея съ приложеніемъ рисунка), мотыга, борона. Употребленіе силы животныхъ.

5) Посѣвъ. Какія крайніе сроки посѣва. Какія предохранительныя средства употребляются при посѣвѣ, напримѣръ, чтобы меньше было гнилыхъ колосьевъ, спорыни. Какія практическія правила при этомъ соблюдаются. Какого рода изгороди употребительны. Ихъ матеріалъ, устройство и название. Въ какой день обыкновенно начинаютъ посѣвъ и почему.

6) Какія мѣры употребляются противъ хлѣбныхъ червей, жучковъ, кобылки, мышей, кротовъ, сусликовъ и проч.

7) Какія крайніе сроки уборки разныхъ хлѣбовъ. Орудія жатвы. Способъ сбора хлѣба: что жнутъ, что косятъ, что дергаютъ. Тотчасъ ли связываютъ. Тѣ же ли лица вяжутъ, что и жнуть или косять. Что преимущественно дѣлаютъ мужчины и что женщины. Какія соблюдаются практическія правила при уборкѣ: стараются ли становиться такъ, чтобы вѣтеръ гнуль колосья въ противоположную сторону отъ работающаго. Предпочитаютъ ли убирать слишкомъ спѣлый хлѣбъ „съ росою“, чтобы не осыпался и т. д.

8) Способы молотьбы. Устройство цѣпа. Способы очищенія и помола хлѣба, способы его сушки и сохраненія.

9) Мѣры (емкости, вѣса и поземельныя), употребляемыя якутами.

10) Распространено ли огородничество. Какія предохранительныя средства употребляются при посадкѣ овощей, чтобы картофель не гнилъ въ грядахъ и т. д. Какія практическія правила при этомъ соблюдаются. Къ какимъ средствамъ прибегаютъ для сохраненія огородовъ отъ дождя и холода, отъ насѣкомыхъ и птицъ, отъ животныхъ, отъ воровства.

11) Какъ производится заготовленіе сѣна. Орошеніе покоса. Какъ опредѣляетъ обычай пользованіе водой для орошенія.

12) Пользованіе дикорастущими растеніями (корни луковичныхъ растеній, лукъ, сборы ихъ, приготовленіе).

13) Какіе обряды связаны съ приготовленіемъ къ посѣву, съ сѣяніемъ и боронованіемъ. Не примѣшиваютъ ли чего къ разсѣваемымъ зернамъ и съ какой цѣлью. Какое значеніе имѣютъ при посѣвѣ перемѣны луны, извѣстное направленіе вѣтра, сумрачная или ясная погода, дождь и т. д. Молятся ли кому объ обильномъ урожаѣ при сѣяніи того или другого хлѣба. Не ставятъ ли къ засѣяннымъ полямъ какихъ-нибудь знаковъ для предохраненія нивы отъ града, кобылки и т. п. Какія примѣты относительно урожая и погоды

наблюдаются при посѣвѣ, а также въ теченіи цѣлаго года. Существуетъ ли обычай „засѣванія“, чтобы предугадать урожай будущаго лѣта.

14) Нѣтъ ли особаго дня, съ котораго обыкновенно начинаютъ жатву. Какими обрядами, примѣтами, повѣрьями сопровождается начало жатвы, связываніе первого или послѣдняго снопа и т. д. Не затыкаютъ ли косцы какую нибудь траву за поясъ, чтобы работа шла спорѣ. Не перевязываютъ ли чѣмъ нибудь руки. Какие обряды соблюдаются начинаящій въ первый разъ жать. Описать подробно жатвенные обычай, записать пѣсни, молитвы и проч. Существуетъ ли обычай устраивать особый жатвенный праздникъ, какъ онъ называется, какъ проводится. Какія бываютъ угощенія (саламат). Какія пожеланія высказываются хозяину и т. д. Какія повѣрья ходятъ о первыхъ сжатыхъ колосьяхъ, о двухолосныхъ стебляхъ, о спорынѣ, о колосьяхъ, оставшихся на полѣ, и т. д. Праздники, имѣющіе отношеніе къ урожаю.

15) Молятся ли кому обѣобильномъ урожаѣ при сажаніи картофеля.

16) Не затыкаютъ ли косарі какую-нибудь траву за поясъ, чтобы работа шла спорѣ. Какие обряды соблюдаются начинаящій въ первый разъ косить.

Ремесла.

1) Гончарное производство. Орудія. Прибавляютъ ли къ глине дресву и песокъ. Кващеніе глины. Употребляются ли при гончарномъ производствѣ орудія изъ камня. Извѣстно ли гончарное колесо. Обжигаютъ ли глиняные сосуды въ печахъ или сушатъ на воздухѣ. Есть ли слѣды существованія гончарного мастерства въ доисторической эпохѣ и какъ давно существуетъ и кѣмъ введено нынѣшнее гончарное мастерство.

2) Кузничное и слесарное ремесла. Какъ добываются металлы. На какой ступени находится вообще металлургія. Кузничныя и слесарныя орудія. Желѣзныя, мѣдныя и серебряныя изделия и украшенія. Приготовленіе ножей. Какое оружіе производится изъ металла. Наконечники стрѣлъ. Нѣтъ ли производства ружей (винтовокъ, турокъ). Устройство ихъ и способъ приготовленія. Какія желѣзныя произведенія покупаются и находятся въ употребленіи у якутовъ. Нѣтъ ли преданий о происхожденіи металловъ. Какія повѣрья связаны съ разными металлами (желѣзомъ, золотомъ и т. д.). Есть ли повѣрья, что кузнецы знаются съ нечистою силой и что она ихъ боится.

3) Плотничье и столярное ремесла и орудія, употребляемыя въ нихъ. Деревянныя произведенія; какія изъ нихъ покупаются и въ употребленіи у якутовъ. Умѣютъ ли строить мосты. Что иногда замѣняетъ у якутовъ топоръ и пилу или другие инструменты.

4) Кожевенное производство; орудия, употребляемые въ немъ. Насколько развито искусство въ выдѣлкѣ кожи, шерсти. Совершенство выдѣлки. Не употребляется ли кровь, печень и жиръ при выдѣлкѣ кожи для посуды и обуви.

5) Портняжество. Образцы шитья и рукодѣлья. Насколько искусно шьютъ. Что иногда замѣняетъ иглу, ножницы.

6) Костяные и роговые изделия. Какія орудія употребляются для отдѣлки кости, рога.

7) Украшения на разныхъ изделияхъ (желѣзныхъ, мѣдныхъ, костяныхъ, роговыхъ).

8) Насколько развиты вообще домашнія занятія якутовъ, занятія мужчинъ и женщинъ по временамъ года и возрастамъ. Какъ распределенъ ремесленный домашній трудъ между мужчинами и женщинами. Какія занятія наиболѣе уважаются и какія считаются низкими, недостойными.

9) Существуютъ ли какіе-нибудь отхожіе промыслы. Специальны женские промыслы. Какіе промыслы и ремесла особенно развиты въ данной мѣстности. Къ какимъ временамъ года они пріурочены преимущественно. Какія орудія, снаряды, приспособленія употребительны при нихъ.

10) Покровители разныхъ ремесль (наприм., кузничаго) и занятій. Нѣть ли русскихъ святыхъ—особыхъ покровителей разныхъ профессий. Кто научилъ человѣка дѣлать разныя орудія и хозяйственная принадлежности. Какіе обряды, обычай и суевѣрія сопровождаютъ начало и окончаніе занятія тѣмъ или другимъ ремесломъ, промысломъ и вообще всякое занятіе.

Пища, питье и наркотические вещества.

1) Мѣстные названія, составъ и способъ приготовленія различныхъ родовъ пищи:

а) Соль (виды ея) и другія приправы. Не приписываются ли употребленію соли какія-либо болѣзни или физическіе недостатки.

б) Растительная. Какія растенія употребляются въ совершенно сыромъ видѣ и какія въ приготовленномъ на огнѣ или инымъ какимъ-нибудь способомъ: замораживаніемъ, соленіемъ, засушиваніемъ, вымачиваніемъ и т. п. Потребление грибовъ, ягодъ и корней растеній.

в) Молочная: въ сыромъ, вареномъ и квашенномъ видѣ. Различные сорта масла.

г) Рыбная: въ сыромъ, вареномъ, вяленомъ, копченомъ и квашенномъ видѣ.

д) Мясная: въ сыромъ, вареномъ и жареномъ видѣ. Соленіе мяса.

Употреблениe сала и жировъ. Различныя части разрѣзанного животнаго. Кровь, какъ пища. Дичь.

- е) Смѣшанныя кушанья.
- ж) Дѣтская пища.
- з) Пища для больныхъ.
- и) Лакомства.
- і) Голодовочная пища: какія животныя, растенія или ихъ части (корни, заболонь, листья и т. п.) употребляются въ пищу лишь въ случаѣ голода.
- 2) Питье и напитки: а) вода, б) чай, в) кумысъ, г) другіе питательные и утоляющіе жажду напитки (ымдан, сіңә и проч.), охмеляющіе или одуряющіе напитки (водка).
- 3) Названіе употребительныхъ наркотическихъ веществъ и способъ ихъ употребленія (куреніе, нюханіе, жеванье).
- 4) Какая пища (или питье) употребляется ежедневно, въ праздничные дни, при извѣстныхъ обрядахъ (наприм., при родинахъ, поминкахъ или жертвоприношеніяхъ), въ постные и скоромные дни. Въ урочные ли часы принимается пища и сколько разъ въ день. Какія названія имѣеть ъда въ зависимости отъ поры дня. Какія кушанья предпочтительны для каждой поры дня. Изъ сколькихъ кушаний состоитъ трапеза. Пища богатыхъ и бѣдныхъ. Соблюдается ли извѣстный порядокъ кушаньямъ и чѣмъ онъ объясняется. Женщины и дѣти ъдятъ ли вмѣстѣ съ мужчинами. Существуютъ ли особыя кушанья, изготавляемыя для мужчинъ и для старшихъ вообще. Имѣеть ли каждый членъ семьи свой особыи сервизъ.
- 5) Измѣненіе пищи по временамъ года.
- 6) Измѣненіе пищи подъ вліяніемъ русскихъ. Случай неупотребленія хлѣба и его причины.
- 7) Манера ъды. Количество (вѣсъ) пищи, которое можетъ съѣсть якуть заразъ. Среднее количественное потребленіе по возрастамъ и поламъ (вѣсъ).
- 8) На чьей обязанности лежить изготавленіе пищи. Дѣлаются ли запасы и какъ они сохраняются.
- 9) Взгляды народа на разные сорта пищи (напр., на кровь) и опредѣленіе ими ея вкусности. Различные виды гигіенической діэты. Есть ли понятіе о томъ, что смѣщеніе какихъ-нибудь кушаний или принятие одного вскорѣ послѣ другого вредно. Какъ якуть представлять себѣ самое лучшее питаніе. Какое кушанье считается самыи почетныи угощениемъ. Отсутствіе какого рода пищи служить крайнимъ выраженіемъ бѣдности.
- 10) Потребленіе вина и наклонность къ нему якутовъ, проявленіе пьянства у нихъ и его послѣдствія. Есть ли въ этомъ отношеніи различа по поламъ, возрастамъ, классамъ. Какія средства употребляются противъ запоя.

11) Старинные (вышедшіе изъ употребленія) способы приготовленія пищи (наприм., жарится ли пища въ горячихъ ямахъ съ камнями). Разогрѣвается ли вода камнемъ или раскаленнымъ желѣзомъ.

12) Какія животныя, птицы, растенія и т. п. признаются нечистыми и почему считается непозволительнымъ употреблять ихъ въ пищу; не ѳдять вообще, или только въ сырому видѣ и почему. Части чистыхъ животныхъ, не употребляемыя въ пищу. Мистическое значеніе иѣкоторыхъ видовъ пищи (наприм., сердце медвѣдя и проч.) или питья.

13) Пѣсни и сказанія про водку. Какія молитвы, заклятія, причитанія, прибаутки употребительны при питьѣ, нюханье, куреньѣ и т. д. Какія пожеланія выражаютъ, когда пьютъ за чье-либо здоровье. Нѣть ли сказаний объ изобрѣтеніи кумыса и другихъ родовъ напитковъ.

Жилище и его принадлежности.

1) Расположеніе жилищъ и селеній. Растояніе между жилищами и чѣмъ оно вызывается. Обычная форма отдѣльныхъ зданій и ихъ частей. Величина, размѣры ихъ. Сколько жилищъ имѣеть одна семья.

2) Мѣстныя названія и описание жилищъ, какъ отдѣльно (юрта, ураса, поварня, шалашъ), такъ и цѣлыхъ селеній. Каковы окна, двери, крыша.

3) Мѣстныя названія и описание устройства способа постройки и материала, изъ коего устроено жилище (приготовленіе бересты для урасы). Починка юрты. Переимѣны въ способѣ постройки жилищъ. Насколько проникла русская постройка (изба, наз. амбар ціа, русскій домъ, завозня и пр.). Стоимость жилища. Старинныя жилища. (напримѣръ, буор ураса).

4) Описаніе виѣшней и внутренней обстановки. Расположеніе и убранство жилищъ. Любимыя украшенія зданій: рѣзьба, рисунки, узоры и т. п. Мѣсто, гдѣ помѣщаются иконы; старинное его название. Расположеніе орон'овъ (лавокъ); женская половина жилища и пр.; ихъ старинныя названія, отдѣльная части жилища (хлѣвъ, чуланъ).

5) Описаніе всѣхъ дворовыхъ принадлежностей (амбаръ, погреба для молочныхъ скоповъ, рыбы, сарай, ограда, загороди или мѣсто для скота около жилища). Какъ далеко удаляются жители за своими естественными нуждами.

6) Отопленіе и освѣщеніе. Детальное описание печи (камина) или очага (материалъ, способъ устройства, дѣлается ли труба). Какіе существуютъ способы для добыванія и сохраненія огня. Добывается ли огонь посредствомъ тренія и въ какихъ случаяхъ. Какіе материалы употребляются для отопленія. Снаряды для освѣщенія.

7) Домашняя утварь и другіе предметы обихода. Различные виды утвари, материалъ и способъ ихъ приготовленія (приготовленіе кожи и бересты для посуды). Сами ли ее выдѣлываются. Украшения и знаки на утвари. Дѣтская посуда. Древніе предметы домашней утвари. Какіе прежніе предметы замѣняются новыми. Описаніе ручныхъ мельницъ и, въ частности, жернововъ. Имѣются ли другія орудія изъ камня. Повозки, сбруя, сѣдла, челинки, лодки; ихъ устройство и названія; украшения на нихъ (изображенія животныхъ). Наглазники, сѣтки для защиты отъ комаровъ, махалки и пр.

8) Чѣмъ отличается обстановка богатой семьи отъ бѣдной.

9) Нѣть ли суевѣрныхъ обрядовъ при постройкѣ новаго жилища и выборѣ мѣста для него; то же при перекочевкахъ и для очищенія юрты послѣ покойника.

10) Нѣть ли поговорокъ и пословицъ о юртѣ, урасѣ, хлѣвѣ и другихъ частяхъ жилища. Не противополагаются ли онѣ въ этихъ поговоркахъ другъ другу. Нѣть ли указанія на тунгусское происхожденіе урасы. Происхожденіе юрты.

11) Очагъ и его значеніе. Первый огонь въ новомъ домѣ. На комъ лежитъ обязанность поддерживать огонь. Живой огонь и его цѣлиительная сила. Культъ огня. Не существуетъ ли обряда тушенія огня въ случаѣ продажи имущества сть молотка, окончательного разстройства или вымирания семьи. Не бываетъ ли огнемъ семейныхъ, общественныхъ и племенныхъ. Имѣютъ ли орудія для добыванія огня родовое значеніе. Какую роль играетъ огонь въ очистительныхъ обрядахъ.

12) Гигіеническія условія жилища: соответствуютъ ли онѣ климатическимъ условіямъ. Какія предосторожности принимаются при постройкѣ зданія, особенно жилища, а также вносятся, чтобы не было сырости, чтобы живущіе въ немъ не страдали болѣзнями и т. д.

13) Не наблюдается ли при постройкѣ жилищъ и другихъ зданій какихъ-нибудь примѣтъ.

14) Существуетъ ли обычай вѣшать на стѣнахъ зданій, надъ воротами и т. д. головы или другія части животныхъ. Дѣлаются ли на зданіяхъ какіе-либо символические знаки.

Одежда и наряды.

1) Платье верхнее и нижнее. Чѣмъ отличается форма и видъ одежды по поламъ (мужская, женская и дѣвичья одежда) и возрастамъ (у старыхъ людей, молодежи и дѣтей). Чѣмъ отличается одежда по временамъ года (зимняя и лѣтняя). Отличие праздничной одежды отъ ежедневной (нарядной отъ обыкновенной—будничной). Дорожная одежда. Свадебная одежда и ея принадлежности. Мѣстныя названія

разныхъ видовъ одежды и частей ея. Старинная одежда и ея принадлежности. Какъ одѣвали и одѣваютъ покойниковъ.

2) Изъ какихъ материаловъ и кѣмъ изготавляется одежда. Способъ приготовленія. Стоимость одежды у бѣдныхъ и богатыхъ. Любимые цвета въ одѣждѣ.

3) Принадлежности одежды, ихъ названія (рукавицы, наглазники, нащечники, наушники,boa, пояса, кушаки, кисеты, шапки, обувь) и изготовление.

4) Украшенія (браслеты, пояса съ бляхами, узорчатые мѣшкы и пр.), особенно дѣтей (въ частности первенцевъ). Носять ли на шапкахъ цветные лоскутки и что они означаютъ. Изъ чего, какъ и кѣмъ изготавляются украшенія и кѣмъ употребляются.

5) Головные уборы (мужскіе, женскіе и дѣвичьи). Прическа и украшеніе головы, стрижка, бритье и выщипываніе волосъ. Манера заплѣтать волосы у женщинъ и дѣвушекъ. Сколько косъ заплѣтаются они и что въ нихъ вплетаются. Употребляются ли мази для волосъ (масло). Какія средства употребляются для ращенія и украшенія волосъ или для уничтоженія ихъ (вообще косметика).

6) Развито ли искусство шить, вязать, плести, вышивать, дубить кожи и т. п.

7) На чьей обязанности лежитъ изготавленіе одежды.

8) Есть ли различіе въ одѣждѣ по классамъ и по профессіямъ. Который поль больше рядится.

9) Насколько соблюдается мода въ одѣждѣ, особенно праздничной, и въ чемъ она главнымъ образомъ сказывается. Что вліяетъ больше всего на измѣненіе національного костюма и какія именно измѣненія происходятъ. Отмѣтить періоды моды.

Семейный бытъ.

А. Дѣтскій возрастъ и отрочество.

1) Рожденіе ребенка. Какъ считается возрастъ ребенка: со дня ли рожденія, или со времени зачатія.

2) Якутская колыбель. Устройство ея. Шовѣрья, связанные съ колыбелью; почему не годится качать порожнюю колыбель. Что кладется вмѣстѣ съ ребенкомъ при первомъ его укладываніи въ колыбель и впослѣдствіи.

3) Положеніе ребенка въ первые дни. Какія исправленія стараются продѣлать бабушки надъ разными членами новорожденнаго. Формированіе головы при помощи сглаживанія. Первое пеленаніе, первое обмываніе ребенка; не сопровождаются ли они какими-либо обрядами. Способъ кормленія ребенка. Сколько времени мать кормить ребенка грудью.

4) Особенности ухаживанія за ребенкомъ. Смазываніе тѣла ребенка масломъ. Каковъ уходъ за больными дѣтьми.

5) Съ какого времени прекращается кормленіе ребенка (безъ пособія). Отношеніе къ нему по мѣрѣ роста. Когда и съ какого возраста мальчики и дѣвочки одѣваются въ разные костюмы (по полу). Съ какихъ лѣтъ мальчики и дѣвочки начинаютъ одѣваться, какъ взрослые. Съ какихъ поръ мальчики и дѣвочки пріучаются къ домашнимъ работамъ.

6) Обращеніе съ малолѣтними матери, отца, проявленіе пѣжныхъ чувствъ и страсти (ласкаютъ ли дѣтей и играютъ ли съ ними). Особенные слова и выраженія, употребляемыя въ разговорѣ съ дѣтьми (ласкательныя). Дѣтскія названія для пальцевъ. Какія наказанія употребляются для непослушныхъ дѣтей. Не пугаютъ ли дѣтей для острастки чѣмъ или кѣмъ-нибудь, когда они плачутъ.

7) Разница въ воспитаніи мальчиковъ и дѣвочекъ. Нѣть ли разницы въ отношеніяхъ къ старшемъ и младшимъ дѣтямъ. Въ какомъ возрастѣ кончается воспитаніе. Что должна знать благовоспитанная дѣвушка (образцы шитья, рукодѣлья). До какого возраста родители вообще пекутся о дѣтяхъ. Сговоръ малолѣтнихъ.

8) Дѣтскія игры. Какія любимыя игры у дѣтей. Существуютъ ли специальные праздники, въ которыхъ участвуютъ дѣти. Дѣтскія игрушки. Нѣть ли колыбельныхъ пѣсень, присказокъ, прибаутокъ, специально дѣтскихъ.

9) Нѣть ли разницы при обрядахъ, сопровождающихъ рожденіе мальчика или дѣвочки. Какіе обряды, суевѣрія и примѣты соблюдаются при родахъ (собственно въ томъ случаѣ, если предшествующія дѣти у родителей умирали). Какія наблюдаются примѣты относительно вида новорожденнаго, различныхъ частей его тѣла, первого крика и т. д. По какимъ признакамъ судять о долговѣчности новорожденнаго и вообще ребенка (примѣты по пальцамъ). Средства, употребляемыя для удаленія дурныхъ примѣтъ. Существуетъ ли повѣрье, что злые духи особенно опасны для новорожденныхъ. Есть ли повѣрье о подмѣнѣ новорожденныхъ злыми духами, роженицами и проч. Какъ отвращаютъ дѣйствіе злыхъ духовъ на ребенка. Кто изъ духовъ приноситъ младенческую душу и присутствуетъ при рожденіи ребенка.

10) Суевѣрія, связанныя съ кормленіемъ грудью молокомъ матери. Какіе вообще обряды совершаются съ новорожденнымъ. Какими обрядами и примѣтами сопровождаются надѣваніе на новорожденнаго креста, различныхъ частей одежды (рубашки, пояса и т. д.). Кому приписывается покража дѣтей, если они мрутъ. Нѣть ли повѣрья, что мѣсяцъ воруетъ дѣтей. Нѣть ли обычая красть дѣтей у другихъ, если свои мрутъ. Какіе обряды и повѣрья связаны съ выборомъ имени для новорожденнаго. Существуютъ ли имена нехристіанскія, кто нарекаетъ эти имена и почему скрываютъ ихъ. Даются

ли въ одной и той же семье два и болѣе одинаковыхъ имени и принимаются ли въ этомъ случаѣ въ расчетъ имена умершихъ членовъ семьи. Въ обычай ли давать новорожденному имя его дѣдушки или бабушки и т. п. Промежутокъ времени между рожденiemъ и крещенiemъ. Какие обряды, кроме церковныхъ, суевѣрія и примѣты сопровождаются крестины (особенно въ томъ случаѣ, если предшествовавшая дѣти у родителей умирали). Нѣть ли какихъ-либо особыхъ кушаний, сопровождающихъ крестины. Какія повѣрья связаны съ остриженными при крещеніи волосами, съ купельной водой и т. д.

11) Какими обрядами сопровождается уходъ за больными дѣтьми. Не существуетъ ли мнимой продажи дѣтей, если они очень слабы, не растутъ и т. д. Что значитъ, если ребенокъ смѣется или плачетъ во снѣ.

12) Какъ объясняютъ дѣтямъ, откуда взялся поворожденный.

Б. Брачный возрастъ, свадьба и супружеское сожительство.

1) Съ какого возраста начинается обыкновенно удовлетвореніе половыхъ наклонностей. Не сопровождается ли какими-нибудь особыми перемѣнами въ костюмѣ или обрядами наступленіе половой зрѣлости. Не сопровождается ли какими-нибудь обрядами первое появленіе мѣсячныхъ очищеній.

2) Взрослая молодежь. Съ какого возраста считается наступленіе совершеннолѣтія и существуетъ ли церемонія его достиженія. Не существуетъ ли специальныхъ празднествъ, игръ, увеселеній для ознакомленія и сближенія молодыхъ людей съ дѣвушками. Какія приняты манеры ухаживанія. Къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ дѣвушки, чтобы понравиться (напр., что пьютъ сами и даютъ пить). Какого взгляда держится народъ на дѣвичью честь.

3) Кѣмъ опредѣляется выборъ невѣсты. Принимается ли во вниманіе равенство по родовитости и богатству. Не проглядываетъ ли въ свадебныхъ обрядахъ воспоминаніе объ обычаяхъ похищений невѣстъ. Нѣть ли свадебныхъ обычаевъ или воспоминаний, указывающихъ на продажу невѣстъ. Калымъ: условія его заключенія и выплаты. Когда невѣста переходитъ въ домъ свекра: послѣ свадьбы или послѣ окончательной выплаты калыма. Изъ чего состоитъ приданое. Въ какихъ степеняхъ родства допускаются браки. Сговоръ взрослыхъ. Нѣть ли особыхъ обрядовъ при сговорѣ — молитвъ. Отношенія сговоренныхъ. Должна ли семья жениха кормить до свадьбы сговоренную невѣсту. Не бываетъ ли наказуемъ выдачи невѣсты чѣго-либо въ родѣ „дѣвичника“, гдѣ она прощается со своимъ родомъ.

4) Въ какой періодъ времени бываетъ болѣе всего свадебъ. Главные моменты свадьбы (сватанье, вѣничаніе и т. д.); ихъ названія. Каждый день на недѣль предпочтается для ихъ совершеннія.

5) Изъ кого составляется свадебная дружина жениха и невѣсты, многочисленна ли она и чѣмъ вооружена. Подробное описание приготовлений къ свадьбѣ (гостинецъ со стороны невѣсты, приготовленіе свадебного хлѣба, дорожки изъ сѣна и т. д.); распорядители свадебной церемоніи: сваты и свахи, посаженные отцы и проч. Подробное описание послѣдовательного хода свадьбы (угоденіе, отиошеніе гостей другъ къ другу) со включеніемъ въ надлежащихъ мѣстахъ пѣсень, причитаний, рѣчей (съ соблюденіемъ, по возможности, всѣхъ оттѣниковъ языка). Приглашаются ли священники на свадьбу и роль ихъ. Какова роль крестныхъ, братьевъ невѣсты и жениха на свадьбѣ. Кому дается предпочтеніе при некоторыхъ моментахъ свадьбы: матери или отцу (напр., при благословеніи и проч.). Какую роль играли шаманы на свадьбѣ и не приглашаются ли они и теперь. Кѣмъ замѣняются родители молодыхъ, если они умерли, или почему-либо не могутъ исполнять своихъ обязанностей на свадьбѣ. Чѣмъ отличаются свадьбы богатыхъ и бѣдныхъ, вдовыхъ, сиротъ, незаконнорожденныхъ. Какіе обряды и суевѣрія соблюдаются при переѣздѣ молодой въ домъ жениха. Гдѣ и какъ устраивается брачное ложе. Требуются ли доказательства цѣломудренности молодой и насколько дорожатъ ею. Какія происходятъ перемѣны въ свадебномъ ритуалѣ въ случаѣ нецѣломудренности невѣсты. Подарки со стороны родителей жениха родителямъ невѣсты и другимъ участникамъ свадьбы. Сколько дней продолжаются свадебные торжества и какъ велика расходъ со стороны жениха и невѣсты.

6) Промежутокъ времени между свадьбой и вѣнчаніемъ. Со провождается ли вѣнчаніе какими-либо, кроме церковныхъ, обрядами.

7) Взгляды и повѣрья, связанные со свадьбой. Какое значеніе придаетъ народъ свадебнымъ церемоніямъ. Какія примѣты наблюдаются относительно счастливой или несчастливой жизни молодыхъ супруговъ. Къ какимъ средствамъ и суевѣріямъ обрядамъ прибегаютъ для избѣжанія дурныхъ послѣдствій разныхъ предзнаменованій и примѣтъ. Не прибегаютъ ли къ какимъ-либо суевѣрнымъ обрядамъ, чтобы молодые любили только другъ друга и хранили супружескую вѣриность. Къ какимъ средствамъ прибегаютъ въ предупрежденіе порчи молодыхъ. Но какимъ примѣтамъ судятъ о будущемъ потомствѣ супружеской четы.

8) Первый періодъ брачного сожительства; не носять ли онъ особаго названія. Не существуетъ ли обычая, по которому, въ первое время послѣ свадьбы, мужъ видается съ женой только украдкой.

9) Раздѣленіе труда между супругами.

10) Случай виѣбрачного сожительства, ихъ причины и формы. Взгляды на измѣну вѣриности супружескому союзу.

11) Переходитки арханческихъ формъ брака: наложничество, гостеприимная проституція и пр.

12) Не считается ли женщина нечистой въ періодъ менструаціи? Не существуетъ ли повѣрья, что въ эту пору легче всего наложить какую-либо болѣзнь на женщину. Не употребляется ли менструальная кровь для колдовства. Есть ли повѣрье, что если сжечь менструальную выдѣленія, то человѣкъ умретъ.

13) Періодъ беременности. Гигієніческія предписанія для беременной. Особенности въ положеніи беременной: чего не должна есть, дѣлать и пр. Нѣть ли у женщинъ примѣты, по которымъ судятъ во время беременности о полѣ ребенка. Существуетъ ли какое-нибудь колдовство или суевѣрія примѣты съ цѣлью произвести рожденіе дѣтей мужескаго пола.

14) Процессъ родовъ. Гдѣ совершаются роды и какими обрядами сопровождаются. Не отдаѣтся ли родильница отъ прочихъ домочадцевъ въ отдѣльное помѣщеніе. Присутствуетъ ли мужъ при родахъ и какова при этомъ его обязанность. Кто ухаживаетъ за родильницей: родные мужа или приглашаются специалисты (новитухи). Повѣрья и примѣты относительно новитухъ. Какими средствами стараются облегчить и ускорить роды. Нѣть ли особыхъ молитвъ, заклинаній, помогающихъ разрѣшенію. При трудныхъ родахъ не заставляютъ ли мужа ослабить или развязать ноги, разстегнуть рубашку. Не выдвигаютъ ли ящики, не открываютъ ли сундуки. Свѣдѣнія по бытовому акушерству. Часто-ли бываютъ выкидыши. Какія есть суевѣрія объясненія этого явленія. Что дѣлаютъ съ дѣтскимъ мѣстомъ. Придается ли особое значеніе такъ называемой сорочкѣ. Существуетъ ли повѣрье, что злые духи опасны для родильницъ.

15) Послѣродовой періодъ. На который день послѣ родовъ родильница встаетъ съ постели. Какое питѣе или кушанье обязательно дается родильницѣ по окончаніи родовъ. Обряды для очищенія женщины послѣ родовъ. Какіе подарки получаетъ родильница. Какія суевѣрія связаны съ молокомъ родильницы.

16) Какъ долго сохраняется двѣторожденіе у обоихъ половъ. Какія средства принимаются противъ бесплодія.

В. Взаимныя отношенія членовъ семьи и родственниковъ.

1) Какія степени кровнаго родства различаются народомъ. Какое значение имѣютъ эти степени въ разныхъ случаяхъ жизни родственниковъ (наприм., при свадьбахъ и т. д.). Нѣть ли сказаний о кровосмѣшаніи или памековъ на нихъ. Взаимныя отношенія семей створенныхъ. Какія отношенія завязываются вноскѣствѣнни между участниками свадьбы. Кого выбираютъ въ кумовья. Почитается ли такое родство важнымъ. Въ какія отношенія становятся воспирѣмники другъ къ другу и къ родителямъ крестника. Есть ли опредѣленные

случай, когда посещение родныхъ или близкихъ считается обязательнымъ.

2) Какія понятія существуютъ обѣ отношенияхъ между членами семьи, между домашними вообще. Какія повѣрья связаны со всѣми этими отношениями (обычай кійтті). Положеніе женщины въ семье: пользуется ли она уваженіемъ. Какъ обращаются съ нею. Каковы обязанности женщины въ семье въ различныхъ классахъ—у бѣдныхъ и богатыхъ. Положеніе вдовы и ея обязанности по отношению къ покойному мужу. Не обязана ли вдова, по обычаю, выйти замужъ за родственника мужа. Различие въ отношенияхъ родителей къ мальчикамъ и дѣвушкамъ. Какъ относятся къ двойнямъ. Считаютъ ли ихъ дѣтьми разныхъ отцовъ. Признается ли право родителей на жизнь дѣтей. Имѣютъ ли родители право продавать дѣтей. Какую силу имѣеть родительское проклятие. Формы проклятия и относящіеся сюда преданія и разсказы. Какія понятія существуютъ о первородствѣ. Повѣрья и суевѣрія, связанныя съ первородствомъ. Дѣти по достижениіи совершеннолѣтія уважаютъ ли престарѣлыхъ родителей. Кто больше пользуется уваженіемъ: мать или отецъ. Развито ли уваженіе къ старикамъ и старухамъ. Не практиковался ли когда-нибудь обычай изводить стариковъ, неспособныхъ къ труду. Какія существуютъ обѣ этомъ легенды.

Г. Смерть и похороны.

1) Какъ отличаютъ агонію отъ простого кризиса болѣзни и какъ удостовѣряются, что смерть дѣйствительно наступила. Какими средствами стараются облегчить дѣйствительную агонію. Не ставить ли у изголовья или на подоконникахъ воды, чтобы душа легче выходила или съ иною цѣлью. Нѣть ли повѣрья, что мученія умирающаго находятся въ зависимости отъ постели и обстановки.

2) Кто опрятываетъ (обмываетъ) покойника. Способъ облаченія покойника въ одежду.

3) Какія принимаются предосторожности, чтобы не похоронить живого.

4) Всякому ли дозволяется дѣлать гробъ. Общественное значеніе гробовщика. Какія повѣрья связаны со щепками и съ обрѣзками досокъ, оставшимися отъ гроба. Старинныя формы гроба. Какіе предметы кладутъ или кладли въ гробъ.

5) Старинные способы хоронить мертвыхъ. Въ какую пору дня совершаются выносъ тѣла и погребеніе. Какіе обряды сопровождаютъ выносъ тѣла покойника изъ дома (прощаніе, оплакивание и проч.). Какіе соблюдаются обряды при похоронахъ. Чѣмъ отличаются похороны мужчинъ отъ похоронъ женщинъ. Не соблюдаются ли какія-нибудь особенности при похоронахъ дѣтей, при похоронахъ людей, умер-

шихъ отъ заразительной болѣзни, во время эпидеміи и т. д., при по-гребеніи шамановъ, при погребеніи самоубійцъ, утопленниковъ, убityхъ громомъ. Гдѣ хоронять такихъ мертвыхъ. Какія животныя употребляются для отвезенія тѣла на мѣсто погребенія и на какихъ не принято возить и почему. Всякому ли дозволяется нести покойника, присутствовать при похоронахъ. Каково положеніе покойника при зарываніи. Какіе предметы зарываются вмѣстѣ съ покойникомъ. Не зарываютъ ли гдѣ-либо коня вмѣстѣ съ покойнымъ хозяиномъ. Существуютъ ли какіе-нибудь обряды для очищенія возвращающихся съ похоронъ.

6) Устройство могилъ. Ставятся ли надгробные памятники и какие именно. Чѣмъ украшаются могилы и кладбища.

7) Совершается ли тризна (погребальный пиръ по покойникѣ). Долго ли сохраняется память объ умершихъ. Въ какіе дни года совершаются поминки по усопшимъ. Для чего, по мнѣнію народа, дѣлаются поминанія усопшихъ. Но какимъ покойникамъ не принято устраивать поминанія. Чѣмъ выражается трауръ и какъ онъ продолжителенъ.

8) Есть ли примѣты, по которымъ судять, что послѣ покойника въ томъ же домѣ долженъ быть еще покойникъ (например, если у умершаго глаза неплотно закрыты). Повѣрья, связанныя со случаями оживленія покойника. Какіе наблюдаются примѣты и обряды при встрѣчѣ съ покойникомъ. Есть ли особые обычаи, примѣты на случай посещенія кладбища или прохожденія мимо него. Какъ относятся къ могиламъ самоубійцъ, утопленниковъ, убитыхъ громомъ, шамановъ и т. п. Есть ли повѣрье, что иные покойники бродятъ по землѣ послѣ смерти. Что за причина и цѣль этого хожденія. Не употребляютъ ли при похоронахъ и позднѣе какихъ либо средствъ для того, чтобы покойникъ не могъ встать или чтобы онъ пересталъ ходить.

9) Что такое смерть. Гдѣ она живеть, откуда приходитъ, кто ее посыластъ, какъ она отнимаетъ жизнь. Вѣрятъ ли въ предчувствіе смерти. Что служитъ предзапаменоаніемъ смерти, особенно важныхъ лицъ. Не объясняется ли смерть влияниемъ злыхъ духовъ. Чѣмъ отличается смерть людей отъ смерти животныхъ. Нѣть ли разсказовъ о борьбѣ со смертью.

Игры и увеселенія.

1) Игры. Игры молодежи. Развлеченія людей зреющихъ (игры въ шашки, кости и т. д.); входятъ ли въ употребленіе карты. Существуетъ ли склонность къ азартнымъ играмъ. Когда и при какихъ случаяхъ играютъ въ тѣ или другія игры. Какія изъ употребительныхъ

игръ болѣе старинныя и какія новыя. Которыя изъ нихъ предпочтитаются. Записать пѣсни и другіе тексты, относящіеся къ играмъ.

2) Пляски. Развита ли пляска. Какія существуютъ пляски. Ихъ названія и способъ исполненія.

3) Пѣсни. Развито ли пѣніе. Пѣсни молодежи. Поютъ ли хоромъ на иѣсколько голосовъ или только въ унисонъ. Что предпочитается. Существуетъ ли ритмъ въ пѣсняхъ. Каковъ преобладающій характеръ пѣнія—веселый или заунывный. Усвоеніе русскихъ мотивовъ и пѣсень.

4) Вообще забавы юношества. Ноѣзки въ гости. Разные обряды и вѣяливости, соблюдаемые при прѣемѣ и угощеніи, смотря по рангу гостей.

5) Какіе существуютъ музикальные инструменты. Изъ чего, какъ и кѣмъ они изготавливаются. Какой характеръ издаваемыхъ ими звуки. Способъ употребленія. Развита ли музыка. Какой полъ и возрастъ большие занимается музыкой. Развить ли музикальный слухъ. Какая существуетъ гамма.

6) Праздники старинные (ысыахъ и) и христіанскіе; времяпревожденіе на нихъ.

7) Какія общественные увеселенія приняты въ народѣ. Скачки и борьба. Записать хвалу лучшимъ конямъ, если она произносится на скачкахъ. Характеръ борьбы (въ обхватку, на кушиакѣ). Существуютъ ли драматическія представлія или игры съ драматическимъ характеромъ. Насколько развита страсть къ зрѣлищамъ и къ какимъ въ особенности. Какія народныя зрѣлища и увеселенія пріурочены къ извѣстиямъ временемъ года, праздникамъ и такъ далѣе.

Нравы и национальный характеръ.

1) Отношеніе народа къ себѣ, къ соѣднимъ народамъ и вообще къ иноzemцамъ.

2) Какіе прѣмы и жесты употребляются, когда здороваются, прощаются, заключаютъ сдѣлку и вообще въ разныхъ житейскихъ отношеніяхъ.

3) Какіе признаки красоты цѣняются женщинами въ мужчинѣ и наоборотъ. Чувствительны ли къ красотамъ природы. Въ чёмъ видятъ красоту поэзіи и природы.

4) Какія обычныя выраженія и формы вѣяливости, уваженія, дружбы, любви, ласки и, наоборотъ, презрѣнія, непависти и т. п. Какія употребляются зложеланія и проклятія. Вѣрить ли произносящей проклятіе, что его желаніе сбудется. Что придаетъ ему эту увѣренность. Какія зложеланія и проклятія считаются самыми легкими и какія самыми сильными. Какія ругательства считаются самыми неприличными.

5) Распространено ли гостеприимство. Какая церемония соблюдаются при посещении гостей.

6) Развито ли чувство сострадания. Простирается ли оно только на близких по родству, на друзей и соплеменников, или и на других людей вообще. Какого взгляда на иных держится народъ. На сколько распространено нищенство. Кемъ и какъ призываются нищие. Ухаживают ли за больными, или бросают ихъ на произвол судьбы, особенно неизлечимыхъ.

7) Существуют ли какая-либо преданія о людоедствѣ или о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ.

8) Какие пороки особенно распространены въ народѣ вообще и въ данной местности. Каковы причины ихъ распространения. Какъ относится народъ къ лицамъ, подвергнтымъ тѣмъ или другимъ порокамъ.

9) Страсть къ половымъ излишествамъ. Извѣстны ли случаи противоестественного удовлетворенія.

10) Въ обычай ли дѣтубийство. Признается ли право родителей на жизнь дѣтей. Практикуется ли вытравление плода.

11) На сколько соблюдается опрятность между людьми. Чѣмъ замѣняется баня. Любятъ ли купаться въ лѣтнее время. Какія сувѣрія связанны съ купаньемъ и съ разными омовеніями.

12) Какъ и гдѣ проводятъ свободное время. Снять ли днѣмъ. Продолжительенъ ли сонъ. Чутокъ ли.

13) Часто ли видятъ сны. Обращаютъ ли на нихъ вниманіе. Тревоженъ или спокоенъ сонъ.

14) Разные виды омеряченія и менеряченія. Какъ относится народъ къ слабоумнымъ, идиотамъ и т. п. Чѣмъ объясняютъ себѣ по-мѣщательство, наступленіе, идиотизмъ, сомниамбулизмъ и другіе виды психическихъ болѣзней.

15) Измѣнение нравовъ подъ влияниемъ русскихъ. Какъ отражается на якутахъ сосѣдство съ русскими. Какова ихъ воспринимчивость къ русскимъ обычаямъ и привычкамъ. Что воспринимаютъ инородцы отъ русскихъ.

Программа для описания этнографическихъ музеевъ Россіи.

Имѣя въ виду помѣщать въ органѣ Отдѣленія Этнографіи журналъ „Живая Старина“ краткія описанія находящихся въ Россіи Этнографическихъ музеевъ (или Этнографическихъ отдѣленій при музеяхъ), основанныхъ Правительствомъ, городами, земствами, учеными обществами или частными лицами, редакція „Живой Старины“, съ цѣлью оказать такимъ свѣдѣніями содѣйствіе лицамъ, изучающимъ въ этнографическомъ отношеніи русское и инородческое населеніе нашего отечества, обращается къ гг. хранителямъ такихъ музеевъ съ усердию просьбою не отказать въ доставленіи ей желаемыхъ свѣдѣній приблизительно по слѣдующимъ рубрикамъ:

1. Время основанія музея и происхожденіе этнографическихъ коллекцій.
2. Помѣщеніе (число залъ, комнать) и размѣщеніе коллекцій.
3. Средства содержанія и завѣдываніе.
4. Научныя изданія, описанія, каталоги, путеводители.
5. Библіотека. Число книгъ, брошюръ, рукописей.
6. Общее число этнографическихъ предметовъ; число ихъ по народностямъ, губерніямъ или областямъ.
7. Свѣдѣнія о манекенахъ, жилицахъ въ натурѣ или въ моделяхъ.
8. Свѣдѣнія о приращеніяхъ этнографическихъ предметовъ.

Не стѣсняясь намѣченной программой, редакція Ж. С. просить гг. хранителей сообщать и такія свѣдѣнія, которыя они сами найдутъ нужными, а также не отказать въ доставленіи библіотекъ И. Р. Г. О. печатныхъ описаній, каталоговъ, путеводителей и вообще всякихъ изданій, относящихся къ завѣдуемымъ ими музеямъ.

Въ журналѣ „Живая Старина“ за 1911 годъ напечатаны уже описанія двухъ столичныхъ этнографическихъ музеевъ:

- 1) *Л. Штебергъ*. Музей Антропологіи и Этнографіи имени Императора Петра Великаго.
- 2) *Н. Могиллянскій*. Этнографический Отдѣлъ Русского Музея Императора Александра III.

Чудь и Паны.

(Происхождение и современное значение этихъ словъ).

Чѣмъ скудиѣ и малочисленїе памятники, свидѣтельствующіе о какой-либо исторической эпохѣ или моментѣ, тѣмъ больше разгорается любопытство изслѣдователя, пытающагося проникнуть въ таинственную глубь вѣковъ. Къ числу историческихъ загадокъ, непрѣдиленность которыхъ обусловлена недостаткомъ памятниковъ, относится вопросъ о первоначальныхъ обитателяхъ сѣверной Россіи. Не пытайся затрагивать этотъ серьезный вопросъ съ чисто научной точки зренія, я имѣю въ виду лишь высказать иѣсколько умозаключений, обоснованныхъ на изученіи народныхъ преданий и народнаго быта.

Огромная, малозаселенная сѣверная полоса Россіи, конечно, также имѣла свою исторію, но довольно бѣдную сколько-нибудь значительными событиями. Даже при столкновеніи различныхъ народностей, происходившемъ здѣсь въ историческую эпоху, трудно усмотреть какую-либо упорную или продолжительную борьбу за самобытность или политическую самостоятельность. Напротивъ, всѣ данные говорять о безболѣзенной ассимиляціи аборигеновъ сѣверного края съ пришлымъ славянскимъ элементомъ.

Если обратиться къ болѣе поздней эпохѣ, то опять-таки можно видѣть, что сѣверъ во всѣ острые моменты русской исторіи сохранилъ почти непарушиимый покой, который создавало для него счастливое положеніе вдали отъ границъ съ могущественными державами.

Тѣмъ не менѣе въ памяти сѣверянъ сохраняется не мало различныхъ преданий, касающихся глубокаго прошлаго. Изслѣдователь сѣверного края прежде всего натолкнется на новсемѣстное воспоминаніе о чуди, загадочномъ финскомъ народѣ, населявшемъ, судя по преданиямъ, почти весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Россіи. Во многихъ селеніяхъ еще до настоящаго времени могутъ сообщить, что такіе-то роды ведутъ свое происхождение отъ чуди, такіе-то отъ новгородцевъ; укажутъ чудскія городища, крѣпости, могилы и т. п.

Съ другой стороны, сохранилось воспоминаніе о какихъ-то зага-

дочныхъ „панахъ“ или „панькахъ“, воинственныхъ пришельцахъ, съ которыми населенію пришлось вести борьбу, хотя не особенно тяжелую. Точно также указываютъ могилы „пановъ“, мѣста, гдѣ они были разбиты и т. д.

Чаще же всего чудь и паны отождествляются въ устахъ народа. Нерѣдко въ одной и той же легендѣ, распространенной въ разныхъ мѣстахъ, фигурируютъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, то чудь, то паны. Г. Куликовскій въ своемъ „Словарѣ Областного Олонецкаго нарѣчія“, объясняя слово паны, говоритъ: „Подъ этимъ именемъ, иногда замѣняемъ именемъ чуди, въ памяти обывателей Олонецкой губ. смѣшаны, повидимому, всѣ, съ кѣмъ пришлось вести борьбу колонизаторамъ этого края, а также тѣ, отъ кого въ далекія времена пришлось отстаивать свою собственность, самостоятельность: здѣсь и дѣйствительная чудь, живущая мѣстами въ Олонецкой губ., и та загадочная чудь, воспоминанія о которой живутъ въ средней Россіи и въ Сибири, литовцы, шайки разнаго рода людей, во времена самозванцевъ рysкашихъ по сѣверу“.

Приблизительно такое же отождествленіе чуди и пановъ въ устахъ сѣверянъ можно усмотрѣть въ статьѣ г. Едемскаго „Изъ кокшеньгскихъ преданій о чуди“. „Съ преданіемъ о панахъ здѣсь тѣсно связано другое, о чуди. Обыкновенно при этомъ разсказчикъ, не замѣчая того самъ, переходить отъ пановъ къ чуди“...¹.

Но то, что въ данное время отождествляется народомъ, то, что представляется его несовершенному взору лежащимъ въ одной плоскости, несомнѣнно имѣть ярко выраженный исторический рельефъ.

Если признаемъ, что чудь—особый народъ, нѣкогда населявшій сѣверъ и сѣверо-востокъ, то покажется мало вѣроятнымъ, какъ могъ онъ сохранить хотя бы даже единство названія на такомъ колоссальномъ пространствѣ? Если еще и теперь населеніе Архангельской губ. по преимуществу сосредоточивается вдоль рекъ, причемъ каждый такой районъ представляетъ изъ себя отдельный мірокъ, ограниченный отъ другихъ огромными лѣсными пустынями и отличающійся особымъ укладомъ жизни, то тѣмъ болѣе древняя чудь должна бы разбиться на мелкія племена, каждое съ особымъ названіемъ. На зарѣ исторіи почти всякий народъ дробится на мелкія группы, отличающіяся одна отъ другой какъ названіемъ, такъ и особенностями быта. Поэтому легче всего предположить, что слово „чудь“ въ устахъ славянъ-колонистовъ означало не что иное, какъ общее понятіе для обозначенія всѣхъ аборигеновъ-инородцевъ, съ которыми приходилось имъ сталкиваться во время своего поступательного движенія на сѣверъ. Подобное наименованіе, обобщающее нерѣдко самыя чуждые

¹ См. „Ж. С.“, вып. 1—2, 1905 г., стр. 103.

другъ другу этническія группы, встрѣчается неоднократно на протяженіи исторіи человѣческихъ обществъ и вызывается самыми различными причинами. Сознаніе своего превосходства надъ всѣми прочими народами побуждало древнихъ грековъ и римлянъ именовать все остальное человѣчество унизительнымъ словомъ варвары. Славяне, прия въ соприкосновеніе съ племенами германскаго корня, окрестили ихъ нѣмцами, объединяя въ этомъ наименованіи множество мелкихъ племенъ. Даже шведы въ стариныхъ русскихъ памятникахъ письменности называются свѣскими нѣмцами.

Нѣчто подобное могло произойти съ сѣверными славянами, столкнувшимися на своеемъ колонизаторскомъ пути съ народами финскаго корня. Встрѣчая чуждыхъ, слишкомъ рознящихся отъ нихъ туземцевъ, вялыхъ, не предпримчивыхъ дикарей, славяне-колонисты не могли не поражаться ихъ странностями, и что же удивительного, если они окрестили своихъ новыхъ сосѣдей наимѣшливымъ наименованиемъ чудь, чудными, странными людьми. Такую постановку вопроса о чуди вполнѣ раздѣляетъ В. О. Ключевскій, который говоритъ, что „древняя Русь всѣ мелкія финскія племена объединила подъ однимъ общимъ названіемъ Чудь¹.

Нѣкоторымъ доказательствомъ такого происхожденія слова „чудь“ можетъ служить современное его значеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверного края. Обозначая первоначально наимѣшливое прозвище всѣхъ сѣверныхъ дикарей, понятіе „чудь“ постепенно ассоціировалось въ представленіи русскаго народа со всѣмъ тѣмъ, что носить признакъ дикости и невѣжества. Упоминаніе чуди въ такомъ значеніи mightъ приходилось наблюдать въ Онежскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи. Бесѣдуя съ крестьянами с. Шелексы, которое до самаго послѣдняго времени славилось невѣжествомъ и темнотой, вошедшиими въ пословицу у сосѣдей, я съ удивленіемъ услышалъ такую рѣчу:

— Чудь у насъ была раньше, чудь. Нѣба не было видно отъ лѣсу. „Шелекса да Озерца не обрадуютъ сердца“, говорили про насъ бурлаки. Хлѣба зебли отъ рудниковъ... Лѣсно у насъ было, а не сѣнио... Не знали самоваровъ, не знали разныхъ ингерскихъ гостинцевъ. Чудь у насъ была на Шелексѣ, чудь, что и говорить! А какъ провели машину въ Архангельско да какъ стали онежана Ѣадить черезъ наше мѣсто на станцію, вотъ тебѣ и вырусьла наша Шелекса... А до прѣжъ чудь была, чудь.

Въ деревнѣ Воймозеро, Мардинской волости, расположенной въ сѣлахъ въ 120 отъ Шелексы и также отличавшейся дикостью, я слышала такія слова:

— Прежде у насъ была чудь, а теперь стала Русь, а еще немножко, такъ и совсѣмъ вырусьемъ.

¹ См. В. Ключевскій, „Курсъ Русской Исторіи“, т. I, стр. 364.

Такое противопоставленіе чуди, означающей дикость, понятію Русь, означающему культуру, несомнѣнно ведет свое происхожденіе изъ нѣдръ глубокой старины.

Далѣе, крестьяне сѣверныхъ губерній весьма часто даютъ своимъ односельчанамъ прозвища, сильно напоминающія то наименованіе, которое ихъ предки давали финскимъ аборигенамъ сѣвера. Въ д. Фехтальмъ, Онежского уѣзда, одного дурковатаго мужика прозвали „Чудкѣ“, а мать его „Чудихой“. Лицъ, которая проявляютъ какія-либо странности, почти повсемѣстно зовутъ чудилами, чудышками или чудавками. Всѣ эти слова одного и того же славянскаго корня и имѣющія одинаковое значеніе лишь разъ подтверждаютъ, что „чудъ“—главнымъ образомъ, есть общій терминъ для обозначенія всего изъ ряда воинъ выходящаго и достойнаго наスマшки.

Но современное понятіе чуди, какъ синонима невѣжества, не исключаетъ значенія его, какъ наименованія нѣкогда существовавшаго народа. Въ томъ же самомъ Воймозерѣ, гдѣ чудью именуютъ невѣжество, сохранилось множество преданий о чуди, какъ народѣ. Мнѣ показывали то мѣсто, гдѣ чудь зарылась въ землю, не желая переходить въ христіанскую вѣру и платить подати.

Поэтому, если въ какой-либо деревнѣ сохраняется воспоминаніе о происхожденіи того или другого рода отъ Чуди или отъ Руси, то къ этому можно отнести съ полнымъ довѣріемъ, если подъ именемъ чудь разумѣть не какую-либо опредѣленную этническую группу, а всѣхъ тѣхъ прежнихъ населенниковъ, которыхъ застали прпнельцы въ данномъ мѣстѣ и съ которыми они слились внаслѣдствіи. Въ зависимости отъ географического положенія данной мѣстности, эти прежние населенники суть представители самыхъ различныхъ племенъ.

Если въ частности обратиться къ Онежскому уѣзду, гдѣ я производилъ свои наблюденія, то можно установить, что предпѣстивеніями славянскаго элемента здѣсь было финское илемя — карелы. И. Ефименко, въ своемъ сочиненіи „Чудь Заволоцкая“ говорить слѣдующія слова относительно пребыванія карель въ нынѣшнемъ Онежскомъ уѣздѣ: „Всѣмъ финиологамъ Шегрену, Кастрену и Европеусу извѣстно, что по всѣму Поморью почти до самаго города Онеги встрѣчаются во множествѣ чисто карельскія наименования мѣстностей. Даже весь берегъ отъ угла Кандалакской губы Бѣлаго моря до Онежской называется нынѣ Карельскимъ, а въ старину подъ этимъ именемъ извѣстенъ былъ берегъ Лѣтній отъ Карельскаго или Западнаго устья Двины, гдѣ находится Николаевскій Карельскій монастырь, по направлению къ г. Онегѣ. Въ разныхъ мѣстахъ Архангельской губ. не мало названий съ именемъ Карельскій... Такъ въ Онежскомъ уѣздѣ имѣются; въ Наволоцкой волости при р. Онегѣ островъ Карельской; въ Кокоринской волости поле Старокорельско, гора Карельска, пере-

лъсокъ Корельскій. Изъ деревень съ именемъ Корельское въ Онежскомъ уѣздѣ извѣстны двѣ¹.

По мѣрѣ проникновенія славянъ къ сѣверу, карелы все болѣе и болѣе поддавались вліянію пришельцевъ; поэтому въ болѣе южныхъ частяхъ Онежского уѣзда, гдѣ притокъ славянской крови былъ довольно великъ, отъ карель въ наше время остались лишь одни воспоминанія. По мѣрѣ же удаленія къ сѣверу карелы все болѣе и болѣе сохранили свою самобытность; но обрученіе идетъ и въ наше время, и быть можетъ, наступить такое время, когда карелы совершенно претворятся въ русскихъ.

Доказательствомъ сравнительно недавняго сліянія карель съ русскими въ нѣкоторыхъ частяхъ Онежского уѣзда можетъ служить существованіе старыхъ родовъ съ финскими фамиліями. Такъ въ д. Воймозерѣ миѳ передавали, какіе роды русскіе, а какіе „чудейскіе“. Къ первымъ относятъ Кирилловыхъ и Гавриловыхъ, выходцевъ изъ Новгородской области, ко вторымъ—Хенковыхъ. Финское происхожденіе этого послѣдняго слова несомнѣнно. Точно также въ д. Пачепелда сохранился „чудейскій“ родъ Начепѣловыхъ. Самое слово пачепелда² можно произвести отъ patsas, что значитъ столбъ и pelto—поле.

Установивъ, что карелы нѣкогда населяли Онежскій уѣздъ и выяснивъ финское значеніе собственныхъ именъ, не трудно прийти къ окончательному выводу въ отношеніи этого уѣзда, что понятіе чудь, общее прозвище всѣхъ финскихъ племенъ, въ данномъ мѣстѣ относилось не къ кому другому, какъ къ кареламъ.

Обратимся теперь къ панамъ и разберемъ, что разумѣется подъ этимъ словомъ въ наше время и откуда оно ведетъ свое начало. Въ современномъ значеніи панъ прежде всего чужакъ, человѣкъ пришлый. Въ Онежскомъ уѣздѣ миѳ приходилось слышать такой вопросъ, заданный крестьянкою своей сосѣдкѣ относительно супруги лѣснинчаго:

— А что она руська или паньска? (т. е. не русская).

Въ одной изъ деревень Шелековскаго прихода торгуетъ товарами нѣмецъ. Тѣмъ не менѣе о немъ всегда говорять какъ о панѣ, напримѣръ:

— Надо сходить къ пану, купить чаю.

— Панъ побѣхалъ на станцію и т. п.

Въ сохранившейся легенѣ среди крестьянъ с. Турчасова упо-

¹ См. П. С. Ефименко „Заволоцкая Чудь“, изд. Арх. губ. Стат. Комитета, 1859 г., стр. 94 и 95.

² Кроме пачепелды, окончаніе pelto находимъ въ написаніи двухъ другихъ деревень Онеж. уѣзда Канзапелда и Пирзопелда.

минается, что паны говорили не по-нашему, произнося какія то не-понятныя слова:

— Куті! Куті! Куті!

Изъ этихъ примѣровъ не трудно видѣть, что слово панъ синонимъ иностранца. Такое значеніе этого слова вполнѣ естественно установилось въ сѣверныхъ трущобахъ, гдѣ пришлие, не чудейскіе инородцы составляютъ болѣе чѣмъ рѣдкое явленіе. Поэтому во всякомъ пришломъ не русскомъ человѣкѣ видѣть пана, т. е. похожаго по своимъ качествамъ на тѣхъ древніхъ пановъ, которые являлись сюда для грабежей. Въ то время, какъ чудь—туземные инородцы, дикари и трусы, паны—инородцы пришлие, развитые и смѣлые люди.

Для сѣвера Россіи, никогда не бывшаго ареной важныхъ историческихъ событий, нашествіе бродячихъ польско-казацкихъ шаекъ не могло (въ эпоху смутиаго времени) пройти безслѣдно. Въ разныxъ мѣстахъ сохранилось множество воспоминаній о тѣхъ схваткахъ, которыя происходили у сѣверянъ съ грабителями. На основаніи этихъ преданий, дополняемыхъ лѣтописными свѣдѣніями, не трудно установить даже самое распространеніе по сѣверу воровскихъ шаекъ. Главный потокъ вражескихъ силъ, хлынувшихъ изъ-подъ Москвы на сѣверъ, первоначально обрушился на Вологду, которая изъ-за оплошности воеводы была взята и разграблена 22 сентября 1612 г.

Черезъ 3 дня послѣ этого события воровскія шайки выступили изъ Вологды по направлению Холмогоръ, при чемъ по дорогѣ опустошили Новажье¹. Количество бродягъ, рыскавшихъ въ этомъ краю, достигало 7 тысячъ².

Разбитые въ 1613 г. подъ Емецкимъ Острогомъ въ Ратовомъ Наволокѣ, получившимъ свое наименование отъ этой битвы, бродяги двинулись въ низовскія волости и въ Поморье, иные же пошли обратно на Вагу³.

Такимъ образомъ у Емецка грабители разсѣялись на малыя группы; одна изъ такихъ шаекъ, повидимому, пробралась съ р. Двины на р. Онегу и, опустошивъ волости по нижнему теченью этой послѣдней рѣки, достигла береговъ Онежской губы. О быломъ присутствіи польско-казацкихъ шаекъ на Онегѣ и въ Поморѣ можно судить на основаніи слышанныхъ мною преданий о томъ, что „паны“ вхали внизъ по Онегѣ и нападали на с. Турчансово. О пребываніи же ихъ въ Поморѣ можно судить по тому факту, что возлѣ самой Онежской губы имѣется селеніе Ворзогоры, которое раньше называлось Ворогоры, отъ слова воры и гора. Въ словарѣ „Архангельского

¹ Записки И. Р. Г. О. по отдѣлу статистики, т. II, 1871 г., В. Л. Поповъ, Населеніе Вологодск. губ. стр. 66.

² Максимовъ „Годъ на сѣверѣ“, т. II, стр. 488 и 489.

³ Грандилевскій, „Родина Ломоносова“, стр. 260.

Областного Нарвчія“, составленномъ Подысоцкимъ, точно указано, что это селеніе получило свое наименованіе отъ засѣвшихъ здѣсь нѣкогда воровскихъ шаекъ смутной эпохи.

И сколесивъ почти весь сѣверъ, отважные грабители не могли не оставить по себѣ самыхъ живыхъ воспоминаний. Съ течениемъ времени слово „паны“ стало нарицательнымъ наименованіемъ для всѣхъ разбойничихъ шаекъ, появлявшихся въ разныхъ захолустныхъ уголкахъ. Г. Куликовскій разсказываетъ слѣдующее по этому поводу: „Въ деревнѣ Роксѣ, Лодейнопольского уѣзда, крестьяне такъ объясняли происхожденіе пановъ—„Соберется, бывало, шайка; вотъ и скажетъ кто-либо: я буду я надъ вами паномъ! И станетъ паномъ, да и у насъ все зовутся паномъ, вся деревня пановы, паны“. Здѣсь такимъ образомъ пановъ не считаются чужими людьми, мало того, ежегодно спрашиваютъ по нимъ ионники¹.

Наряду съ такимъ современнымъ значеніемъ слова „паны“, подъ нимъ, какъ мы упоминали, нерѣдко разумѣютъ чужака, приплывающаго изъ иноzemца.

Выяснивъ происхожденіе и современное значеніе въ устахъ народа словъ „чудь“ и „паны“, слѣдуетъ еще разобрать вопросъ объ отождествлении въ легендахъ этихъ двухъ главныхъ враговъ, съ которыми приходилось бороться сѣверянамъ.

Нерѣдко разсказчики старинныхъ преданий упоминаютъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ то „чудь“, то „пановъ“. Какъ тѣ, такъ и другое закапывались въ землю, не желая сдаваться; какъ тѣ, такъ и другое доставляли сравнительно легкую побѣду сѣверянамъ.

Далѣе, одна и также легенда, распространенная въ разныхъ селеніяхъ, пріурочиваетъ мѣсто дѣйствія къ разнымъ пунктамъ. Такова, напримѣръ, легенда о панахъ, сообщенная миѳ въ с. Турчасовѣ. Она гласитъ слѣдующее: „Вѣкомъ, т. е. когда-то давно, Тхали по рѣкѣ „паны“ и кричали „Кути! Кути! Кути!“ Высадившись на прибрежной луѣ, они полѣзли на Острожную гору, где въ то время, по всейѣ вѣроятности, стояла маленькая крѣпость. Увидѣвъ непріятеля, жители Острога начали разбирать избы и скатывать бревна подъ гору. Конечно, паны все были перебиты до единаго“. Одинъ разсказчикъ упоминаетъ въ этомъ предании пановъ, а другой говорить, что это была чудь бѣлоглазая, которая „валила, какъ туча, къ морю“. Эта же самая легенда, но пріуроченная не къ Острогу, а къ другимъ пунктамъ, распространена въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ Панландин, при чемъ здѣсь говорится только о Чуди, такъ какъ шайки грабителей эпохи лихолѣтія едва ли заходили въ этотъ отдаленный край.

Смышеніе историческихъ воспоминаний о чуди и панахъ весьма легко объяснить, если произвести хоть самый поверхностный анализъ

¹ Куликовскій, „Словарь Областного Олонецкаго Нарвчія“, стр. 78.

ихъ отношениія къ мѣстному населенію и характера той борьбы, которая велась между „Русью“ и ея врагами.

Прежде всего, какъ чудь, такъ и паны—люди чужды русскому, элементу. Разница лишь та, что одни искони вѣковъ населяли сѣверъ и предшествовали Руси, другіе же явились въ то время, когда она уже прочно осѣла и даже поглотила своихъ прежнихъ туземныхъ враговъ. Даѣше, какъ тѣ, такъ и другіе вели враждебныя дѣйствія съ Русью.

Эта борьба, какова бы она ни была, не могла не оставить по себѣ воспоминаній въ памяти сѣверянъ, избавленныхъ, въ силу географическихъ условій, отъ какой-либо другой, болѣе серьезной борьбы за самостоятельность. Во всѣхъ легендахъ говорится о легкости этой борьбы. То одна баба киселемъ заливаетъ множество пановъ или чуди, то одинъ легендарный герой истребляетъ ихъ въ невѣроятно большомъ количествѣ, то они сами бросаются въ озера, закапываются въ землю, убиваютъ другъ друга; то слѣпнуть и, какъ шальные, лѣзутъ на гору, откуда сбрасываютъ на нихъ бревна и камнями давятъ ихъ, какъ мухъ. Ни въ одной легендѣ не упоминается, чтобы „наши“ были разбиты этими врагами.

Слѣдовательно, черезчуръ тяжелой борьбы не было ни въ ту эпоху, когда новгородцы столкнулись съ туземнымъ элементомъ, ни въ эпоху смуты.

Чудь, т. е. мирная финская племена, разрозненныя, разбросанныя по необозримымъ лѣснымъ пространствамъ, не имѣвшія прочной общественной организаціи, едва ли могли представить серьезное сопротивленіе врагу, отважному, хорошо вооруженному и съорганизованному въ ушкайничьи дружины. Если въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рассказываютъ о томъ, что чудь оборонялась на одной сторонѣ рѣки, а нападающіе стрѣляли изъ луковъ съ другой, то по самому характеру такого сопротивленія трудно признать особое упорство и продолжительность подобной борьбы. Даже упоминаемое въ преданіяхъ самоистребленіе чуди, не желавшей пережить позоръ своего пораженія и согнуть выю передъ торжествующимъ врагомъ, едва ли можетъ служить доказательствомъ ея чрезмѣрной храбрости. Кроме того, нельзя признать за общее и постоянное явленіе самоубійство чуди, разбитой врагомъ. Всего вѣришь, что заканчивались только фанатики-жрецы съ ихъ приближенными, гдѣ-либо вблизи своихъ святилищъ.

Въ разныхъ мѣстахъ Онежского уѣзда миѳ указывали, какъ на мѣста вѣчного унокoenія чуди, на довольно-таки живописные боры или лѣсистые прибрежные пригорки, которые могли служить священными мѣстами для поклоненія божествамъ. Самая чудская крѣпость, гдѣ новгородцы встрѣчали наиболѣе упорное сопротивленіе, очевидно, являлись не болѣе, какъ религиозными центрами.

Ночти всѣ легенды говорятъ, что одной изъ причинъ, побуждав-

шихъ чудь къ самозакапыванію, было нежеланіе принимать христіанство. Если это такъ, то вліяніе хранителей культа играло огромную роль въ погибели чуди. Жречество, наиболѣе заинтересованное въ сохраненіи прежней религії, но не имѣвшее никакихъ положительныхъ средствъ для борьбы съ распространеніемъ новой религії, могло только проповѣдывать среди правовѣрныхъ самоуничтоженіе, въ виду гибели старыхъ боговъ.

Но если религіозный пыль фанатиковъ жрецовъ увлекалъ пѣкоторую часть чуди, то главная массы ея, безъ сомнѣнія покорялись своей судьбѣ, принимали христіанство и постепенно ассимилировались съ болѣе сильными, энергичными и культурными пришельцами.

Занявъ сѣверные лѣса послѣ не продолжительной и легкой борьбы съ туземцами, русскіе колонисты также легко раздѣлялись съ нашествіемъ польско-казацкихъ шаекъ. Еще задолго до этой эпохи русскіе обитатели сѣвера не разъ проявляли свое мужество и отвагу въ морскихъ бояхъ съ „урманами“, въ которыхъ по временамъ просыпался грабительскій духъ предковъ. Но не заходя такъ далеко въ исторію, можно констатировать факты, свидѣтельствующіе объ изумительной отвагѣ сѣверянъ. Стоить, напримѣръ, вспомнить чудеса храбрости, проявленные поморами при отраженіи англійской и французской эскадры въ 1855 г. отъ Колы и Соловецкаго монастыря.

Вѣчная борьба съ суровой природой, морскими и лѣсными звѣрями, сдѣлала сѣверянина отважнымъ и храбрымъ. Естественно, что тѣ воровскія шайки, которыхъ ухитрились сюда пробраться, едва ли могли безнаказанно хозяиничать здѣсь въ теченіи болѣе или менѣе продолжительного времени. Къ тому же, имъ пришлось проколесить тысячи верстъ, прежде, чѣмъ достигнуть лѣсныхъ дебрей, выдержать множество схватокъ, перенести не мало разныхъ лишений и болѣзней.

Обезсиленные, малочисленные отряды „пановъ“ не могли явиться сколько-нибудь серьезнымъ непріятелемъ. Неудивительно, что съ ними такъ же легко было бороться, какъ и съ чудью, не взирая на ихъ несомнѣнную храбрость и смѣтливость.

Отражая набѣги „пановъ“, сѣверяне какъ бы опять переживали ту эпоху, когда боролись съ чудью, съ тою лишь разницей, что теперь они занимали положеніе обороняющагося.

Многіе прежніе пріемы борьбы могли быть употреблены и теперь. А то, что было въ ту эпоху и что не могло быть повторено теперь, народное воображеніе впослѣдствіе все-таки перенесло отъ чуди къ панамъ.

Этихъ послѣднихъ, судя по легендамъ, также заливали киселемъ, давили бревнами, тошили въ прорубяхъ. Какой-нибудь одинъ народный герой немилосердно истреблялъ цѣлые толпы паньковъ¹. Даже самое

¹ Максимовъ, Годъ на Сѣверѣ, т. II, стр. 319—320.

воспоминаніе объ этой борьбѣ вызываетъ въ настоящее время въ крестьянахъ веселое настроеніе. Въ сел. Роксѣ (Лодейнопольского у.), напримѣръ, существуетъ обычай справлять поминки по „панамъ“ въ четвергъ на Троицкой недѣлѣ. Крестьяне относятся къ этимъ поминкамъ шутливо, бѣгаютъ, возятся, обливая другъ друга молокомъ, обмазывая киселемъ, почему и самый день зовется Киселевымъ¹. Вообще же можно сказать, что сѣверная преданія о борьбѣ съ врагами носятъ комической характеръ; они скорѣе напоминаютъ разсказы о пошехонцахъ, нежели какія-либо саги о героическихъ дѣлахъ давно минувшихъ дней.

Итакъ, имѣя въ основѣ историческую дѣйствительность, преданія о чуди и преданія о панахъ въ памяти русскихъ обитателей сѣвера смѣшились и переплелись между собою въ силу многихъ общихъ условій борьбы какъ съ тѣми, такъ и съ другими. Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше историческая дѣйствительность опутывалась туманомъ поэтическаго вымысла, тѣмъ болѣе въ глазахъ народа сливалась въ одну плоскость воспоминанія о тѣхъ и о другихъ. Смѣщеніе эпохъ весьма часто наблюдается въ народныхъ разсказахъ. Былины, повѣстя о богатыряхъ эпохи Владимира Святого, заставляютъ ихъ защищать землю Святорусскую отъ татаръ, которые появились на два вѣка позже.

Дальность разстоянія, отдѣляющая современную эпоху отъ эпохи „чуди“ и „пановъ“, вводить въ оптический обманъ несовершенное око малообразованного народа. И не удивительно, если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сами эти названія утратили свое историческое значеніе. Чудь стала обозначать тьму и невѣжество, паны — разбойниковъ и иноzemцевъ.

И. Калининъ.

¹ Г. Куликовскій, „Словарь Обл. Олонец. Нарѣчія“, стр. 36.

Изъ быта бессарабскихъ румынъ.

Поступившія въ Отдѣленіе Этнографіи И. Р. Г. О. за №№ 165 и 166 въ 1912 г., и переданныя Редакціонной Комиссіей мнѣ для отзыва, двѣ работы П. А. Сырку представляютъ безусловный интересъ не только по тому, что покойный славистъ былъ однимъ изъ лучшихъ въ Россіи знатоковъ румынского языка, быта, старины и письменности и помогалъ А. Н. Веселовскому въ переводѣ памятниковъ румынского фольклора: какъ уроженецъ Бессарабіи, румынъ по матери, воспитанникъ Кипріановскаго монастыря, онъ зналъ во всякомъ случаѣ больше другихъ, изрѣдка пріѣзжавшихъ въ Бессарабію для этнографическихъ изученій. Судя по привлеченію для сравненія матеріала и нѣсколько наивному характеру статей, онъ написаны были въ ранній періодъ ученой дѣятельности П. Сырку, когда онъ учился въ Кишиневской семинаріи, занимался главнымъ образомъ этнографіей и помѣщалъ очерки въ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ (за подписью Сирко въ). Собираясь свѣдѣнія онъ въ Кипріанахъ и въ окрестныхъ сelaхъ, обнаружилъ наблюдательность, пытливость, умѣло вызывая объясненія отъ крестьянъ и священниковъ; приводимые имъ тексты и термины, правда, въ нѣсколько необычной (или просто мало принятой) кирилловской транскрипціи, снабжены удареніями и близки къ произношенію. Кромѣ того, главную, быть можетъ, цѣнность работъ П. Сырку составляетъ ихъ давность: въ 70 гг. онъ могъ наблюдать многіе обычай, которыхъ уже не было позднѣе, даже въ 90 гг., когда я собираль этнографические матеріалы, напр., по тому же народному календарю, и приблизительно въ тѣхъ же мѣстностяхъ (средняя Бессарабія). Рядъ обычаяевъ, о которыхъ мнѣ говорили, какъ объ изчезнувшихъ, во время работъ П. Сырку еще бытовали. Поэтому его наблюденія цѣнны еще, какъ своего рода историческій документъ, тѣмъ болѣе, что тогда еще не являлись образцовая монографія S. Fl. Magianu „Serbătorile la Români“, для которыхъ сообщенія покойнаго слависта служать прекраснымъ подтвержденіемъ, иногда дополненіемъ: матеріалъ, собранный въ Бессарабіи, въ работахъ Маріану удивительно бѣденъ и поражаетъ своей случайностью.

Статья П. А. Сырку о народномъ календарѣ бессарабскихъ румынъ, повидимому, не вполнѣ закончена, а отдѣль параллелей изъ быта славянскихъ народовъ—очень случайный: свѣдѣнія взяты, главнымъ образомъ, изъ „Памятниковъ народного быта болгаръ“ Л. Каравелова. Возможно, что онъ былъ бы увеличенъ авторомъ очерка, но и сдѣланная сопоставленія всетаки цѣнны, указывая пути для работъ дальнѣйшихъ. Очеркъ о погребальныхъ обычаяхъ румынъ Бессарабіи, повидимому, былъ написанъ П. Сырку въ качествѣ кантикулярной работы: въ 70 и 80 гг. подобные темы нерѣдко давали учителя Кишиневской семинаріи съ цѣлью подготовить будущихъ священниковъ къ веденію „Статистическихъ описаний приходовъ“.

При бѣдности этнографической литературы о румынахъ Бессарабіи на русскомъ языке, замѣтномъ пренебреженіи этой стороной изученія румынскими учеными, и главное, при быстромъ исчезновеніи старыхъ формъ быта въ обезли-

ченной почти окраинѣ Россіи, очерки П. А. Сырку заслуживаютъ полнаго вниманія и, напечатанные, заставятъ и другихъ заинтересоваться румынской этнографией, столь цѣнной и для романиста, и для слависта.

А. Яцимирскій.

I.

Народный календарь румынского населения въ Бессарабії.

Наряду съ астрономическимъ календаремъ, у бессарабскихъ молдаванъ-сельчанъ, или, правильнѣе сказать, у румынъ Бессарабіи, существуетъ свой народный календарь, который, однако, въ большинствѣ случаевъ пріурочиваетъ свои дѣленія къ дѣленіямъ астрономического года: такъ, большинство обычаетъ и повѣрій въ настоящее время связано уже съ именами извѣстныхъ святыхъ и съ переходящими и не-переходящими праздниками.

Бессарабскіе румыны, какъ земледѣльцы, раздѣляютъ годъ (аул) на четыре периода: весну (примѣвѣрь), лѣто (вѣрь), осень (тоамъ) и зиму (ярий). Второе изъ главныхъ дѣленій, это — дѣленіе года на посты: великий (постул мари), петровскій (постул и сѣнцілор апостолій Петру ши Павѣл), успенскій (постул Адормірій Майчій Домнулуй) и рождественскій (постул Нашчерій). Къ этому же дѣленію года на посты слѣдуетъ прибавить счетъ недѣль отъ Троицына дня и до недѣли праотцевъ (думіцъ сѣнцілор стрѣмбонь) — предпослѣдняя недѣля предъ Рождествомъ Христовымъ. Другія дѣленія будутъ указаны мною въ самомъ календарѣ.

Это дѣленіе въ иѣкоторыхъ мѣстностяхъ совершиенно вытѣсняется обычнымъ дѣленіемъ года на мѣсяцы (лунъ), недѣли (сѣптѣмѣнъ), дни (дзыуа, множ. дзиле) и т. д. Сутки у бессарабскихъ румынъ раздѣляются на слѣдующія части: збрь — предъ разсвѣтомъ (слав. заря); ръсърія — разсвѣть; прѣндз — полдень (собст. „завтрахъ“); кіндіа — предъ закатомъ солнца; кынктѣбрь — полночь (собст. „пѣвцовъ“, т. е. время, когда поютъ пѣтухи); мынекаѣ — предъ разсвѣтомъ, около трехъ часовъ ночи (отъ а мынека — „вставать, уѣзжать“).

Располагая народный календарь въ порядкѣ современнаго календаря, слѣдуетъ прибавить, что мѣсяцы у молдаванъ не имѣютъ своихъ названий, хотя въ иѣкоторыхъ старинныхъ пѣсняхъ встречаются мѣсяцы съ испорченными древне-славянскими названіями или съ переводомъ этихъ названій на румынскій языкъ, напримѣръ: Ясенулъ, Просинцъ, Іербури (собст. „травы“, очевидно, переводъ Травень) Рюннулъ и т. д. Точно также до сихъ поръ употребляются славянскія порядковыя числительныя для означенія чиселъ мѣсяца, наряду съ молдовскими, количественными числительными, напримѣръ, прѣвы де-кембрій — 1-го декабря, ла пѣти юли — 5-го іюля, де ла бсми сентѣбрі — отъ 8-го сентября и т. п.

Дни недѣли.

Названія дней недѣли слѣдующія: думніцкъ — воскресенье, лунь — понедѣльникъ, марц — вторникъ, нѣркурь — среда, жѣй — четвергъ, вѣнери — пятница, сымбѣтъ — суббота.

Нѣкоторые дни недѣли связаны съ суевѣріями и примѣтами.

Понедѣльникъ — самый несчастный и тяжелый день (дзыуа гря), въ который ничего не начинаютъ, не выѣзжаютъ изъ дома и даже ничего не задумываютъ, главнымъ образомъ, не считаютъ, напр. деньги, скотъ, урожай, такъ какъ дѣло окончится неуспѣхомъ. Въ понедѣльникъ ничего не пересчитываютъ (а нумѣра) потому, что изъ пересчитанаго непремѣнно что-нибудь пропадетъ. Въ понедѣльникъ не слѣдуетъ давать что-нибудь изъ дома: тотъ, кто дастъ въ понедѣльникъ какую-нибудь вещь, цѣлую недѣлю будетъ только давать и не получить ничего; въ особенности ни за что не дадутъ молдоване чего-нибудь взаймы. Если въ домѣ есть грудной ребенокъ, то никому въ этотъ день не дадутъ огня (фок) или спичекъ (сѣрнішь) и овечьяго творогу (брѣндѣ), такъ какъ у матери не будетъ молока (лѣпте), или же будутъ болѣть груди (цицы). Если кого-нибудь хотятъ разсердить, то въ понедѣльникъ начинаютъ пересчитывать какія-нибудь его вещи, пересчитываютъ громко и нараспѣвъ, указывая на эти вещи пальцемъ. На это нужно отвѣтить: „лучше считай грѣхи своей матери“ (май гїни нѣмърь пѣкатиле мамій) или спросить: „а что, ты пересчиталъ уже кучи коровьяго помѣту на дворѣ?“ (ай пумърат балигъ ла оградѣ?) Тогда злое намѣреніе его не будетъ имѣть силы. Въ понедѣльникъ нельзя парить щелокъ (шенуш, собств. зола) для бѣлья, такъ какъ у прачки, или женщины, стирающей бѣлье (сигълтѣори), будутъ болѣть пальцы (дѣжити), а на рукахъ появятся ранки (рань, бубъ ла майнь). Если въ понедѣльникъ женщина обидить кого-нибудь или оскорбить, и въ отвѣтъ на это ей плюнуть въ глаза (а стукѣ ын ѡкій) да, притомъ, о случай узнаютъ, то этимъ будутъ изводить ее (а батжёкура) до самой смерти. Въ одномъ селѣ была помѣщенная старуха, которую такъ и называли „оплѣванной въ понедѣльникъ“ (стукѣтъ ын лунь). Дразня ее, мальчишки всегда спрашивали: „хорошо плюнули тебѣ въ глаза въ понедѣльникъ?“

Во вторникъ нельзя мыть голову и женщинамъ, и мужчинамъ, такъ какъ дьяволъ (дрѣку, сатанъ, некурат) попытается напасть (пѣпастъ), бѣду (невѣ, непорочири) и т. п.

Въ среду тоже нельзя мыть голову, но это суевѣріе относится единственно къ женщинамъ замужнимъ (фиимѣя), у которыхъ можетъ умереть мужъ (бѣрбат). Поэтому, мужчины (бѣрбѣць) и вдовы (вѣдѣвій) могутъ мыть голову, такъ какъ бояться имъ нечего.

Въ четвергъ нельзя ловить воробьевъ (врагій). Это повѣрье ру-
мыны объясняютъ такимъ преданіемъ. Когда въ четвергъ Спаситель

висѣль на крестъ, вокругъ Него кружились птицы и жалобно пѣли, сожалѣя о смерти Праведника¹. Когда же фарисеи съ воинами подошли къ кресту для того, чтобы посмотретьъ, живъ ли Христосъ, кружившіеся надъ Нимъ воробы кричали: „живъ, живъ!“ (віу, віу); фарисеи, не желая быть въ сомнѣніи относительно смерти Спасителя, велѣли перебить Ему голени. Съ тѣхъ поръ воробей — проклятая птица и постоянно повторяетъ тѣ слова, которыя пѣлъ у креста: „віу, віу“ (звукоподражаніе).

Въ пятницу нельзя мыть голову, такъ какъ выпадутъ изъ головы всѣ „волосы счастья“ (перій норокулуй). Для того, чтобы молдавскія дѣти чесали голову каждый день, имъ передаютъ такое повѣрье. Если у человѣка есть волосъ счастья, то онъ вьется въ кольца; а для того, чтобы этотъ волосъ приносилъ счастье, его нужно всегда выпрямлять. Поэтому нужно чесаться каждый день и не разъ. Самые счастливые и веселые люди, это люди съ выщущимися волосами (крѣцу). Среди румынъ, впрочемъ, такихъ почти не встрѣчается. Къ пятницѣ же относятся всѣ тѣ суевѣрія, которыя относятся и къ почитанію св. Парасковіи, нареченной Пятницей, или св. Петкѣ, и описаны въ Календарѣ ниже, подъ 14-мъ октябремъ.

Въ субботу ничего не кроять (а крої) и не шить, такъ какъ то лицо, которому шить, можетъ скоро умереть. Одна старуха рассказывала мнѣ, какъ она въ субботу, совершенно невольно, сшила для своей дочери вмѣсто рубахи — длинный саванъ. Чрезъ мѣсяцъ ея дочь умерла. Въ субботу послѣ обѣда (собств. послѣ вечерини) работать уже грѣшно. Поэтому въ субботу въ полдень на работѣ въ полѣ не Ѣдятъ, а Ѣдятъ рано утромъ и затѣмъ по возвращеніи домой вечеромъ. Такимъ образомъ выходитъ, что „послѣ обѣда“ (дұпъ маcъ) они дѣйствительно не работаютъ.

Мѣсяцы.

Январь.

Весь первый день новаго года пьютъ обыкновенно вино для того, чтобы весь годъ жилось легко и весело (ка съ трѣмъ тотъ ануу ку букурі). Обычное пожеланіе, которое произносятъ за каждымъ стаканомъ, такое: „(желаю) новаго здоровья и на слѣдующій годъ (встрѣтить тебя) со здоровьемъ!“ (сынътати нбу ши ла ан ку сынътати).

¹ Этотъ мотивъ находимъ, между прочимъ, въ одной повѣсти изъ „Великаго Зерцала“ (Magnum Speculum), озаглавленной: „Иже итицы Господнимъ страстемъ состраждуть“ и переведенной на славянскій языкъ съ польскаго (Collector Speculi, 740). П. В. Владимировъ. Великое Зерцало. М. 1884. Изъ „Чтений“. Приложение — второй типъ списковъ, № 31-й, стр. 61. Въ отрывкѣ „Слова о птицахъ“, како стали на свѣтѣ жити и вѣкъ свой провождати“, воробей говоритъ: „минѣ видно было, какъ Христа жилы распинали!“

Изъ другихъ новогоднихъ пожеланій, которыя сами по себѣ ничѣмъ не связаны съ новымъ годомъ, слѣдуетъ отмѣтить три:

I.

Сы-иѳлорицъ ка мѣри, ка пѣри—
Пи-ла нїжлок ди вѣрій!

„Цвѣтите, какъ яблони, какъ груши¹ — въ серединѣ лѣта“.

II.

Съ дей, Доамни, тот ди гини,
Сынътати ши букуріи,
Мулцъ ань,
Плин сак ди бањ
Ши моарти-н жидань.

„Дай, Господи, всего хорошаго! Здоровья и веселья, много лѣть (жизни), полный мѣшокъ денегъ и смерть среди евреевъ!“

III.

Обращаясь къ Богу съ молитвой, румыны говорятъ:

Доамни, мила та си щи
Ын жин ши ын букурій.

„Господи, да будетъ милость Твоя въ винѣ и весельѣ!“

Днемъ на Новый годъ, преимущественно утромъ послѣ обѣдни, ходить съ поздравленіями. Ходятъ обыкновенно мальчики или парни-подростки, собираясь въ группы по 3—8 человѣкъ. У каждого колядующаго (колиндѣтѣр) въ рукахъ—длинная палка (2—3 аршина); къ ея концу привязывается небольшая полочка (поль аршина) подъ косымъ угломъ. Это должно изображать „плугъ“ (плуг). Ставъ въ рядъ передъ окнами какой-нибудь хаты, мальчики начинаютъ покачивать „плугами“, изображая этимъ „паханье“. Одинъ изъ мальчиковъ говоритъ поздравленіе, а остальные припѣваютъ или подхватываютъ крикомъ колецъ каждой строфы поздравленія. Тотъ, кто говоритъ поздравленіе, называется „молодцомъ“ (войнік); на его долю достается и самая большая часть выручки. Обыкновенно поздравителямъ даютъ деньги (баны; кошішъ—„колейки“) или баранки, называемыя здѣсь въ Бессарабіи бубликами, по-молдавски—„ковригами“ (множ. коврижъ)².

¹ Пери—лучшій сортъ грушъ; обыкновенный сортъ называется прѣсади.

² Коврига—древне-русское слово. „На единомъ ковризѣ дати по полтыны“. Псковск. Лѣтопись. 54.

Одно изъ самыхъ распространенныхъ новогоднихъ поздравлений:

1. Скулáць, скулáць, бойéрь марь,
Ши скулáць ши слúжили,
Ши дискидиць поárцыли,
Ши априндичь фъклáйели,
5. Ши мътура́ць курцыли.
Ну-въ виним к-ун ръу:
Въ адушéм ши Думнезъу,
Митпtéл ши ынфъшицéл;
Фáшъ-албъ ди мътасъ.
10. Ку кикя ди ушиник.
Ести-и кяты пъстрънать,
Ди қупрйнди луми тоатъ!

„Вставайте, вставайте, великие бояре, вставайте и слуги, отворяйте ворота, зажигайте факелы и метите палаты! Не приходимъ мы къ вамъ со зломъ: мы приносимъ вамъ Бога—маленькаго и спеленатаго: пелена — бѣлая изъ шелку, чепчикъ—бархатный. Есть у насъ пестрый камень, освѣщающій весь міръ“¹.

Другое поздравление, также весьма распространенное по крайней мѣрѣ въ Кишиневскомъ уѣздѣ, носитъ название „Флоариле дѣлбе“, такъ какъ за каждымъ стихомъ нараспѣвъ повторяются всѣмъ хоромъ мальчиковъ эти слова „флоариле далбе“. Это поздравление приводится мною въ одной изъ лучшихъ записей:

1. Скулáць, скулáць, бойéрь марь,
Скулáць вой, румынь-плугарь,
Къ въ він колиндѣтбрь
Ноапти де ла қынтьбрь,
5. Ши въ-дук пе Думнезъу,
Съ въ-мýнтуїе ди ръу,
Не Думнезъу нбў-нъскут,
Ку флоръ ди крин ынвъскут,
Думнезъу адивърат,
10. Соаре-и разе луминат.
Скулáць, скулáць, бойéрь марь,
Скулáць вой, румынь-плугарь,
Къ пи чер с-о арътат
Уи лучайхер д-имигърат,
15. Сгя коматъ стрълучайтъ,
Пинтру фиричирь миийтъ.

¹ Русский переводъ, безъ молдавскаго текста, одного поздравленія, весьма близкаго къ приведенному, напечатанъ А. Защукомъ въ „Материалахъ для географии и статистики Россіи. Бессарабская область“, т. I, стр. 484.

- Якъ лўмя к-ынфлорéши,
Пъмынтул к-ынтынерéши,
Кынт пи лўнкъ туртурéли,
20. Ля фирайстры рындунали
Шь-ун порўмб фрумос лейт
Де спр-апус о венит.
Флоари далбъ о-адус
Ши ла къпътый ус-о пус,
25. Ел въ зыче съ тръйицъ,
Ынтире мулцъ ань феричицъ
Ши ка поамий с-ыфлорицъ
Ши, ка ей, с-ынбътриицъ.

„Вставайте, вставайте, великие бояре! Вставайте вы, румыны-пахари; вѣдь къ вамъ идутъ колядовать ночью, когда поютъ пѣухи, и приносять вамъ Бога, для того, чтобы Онъ спасъ васъ отъ зла, Бога новорожденного, украшенного цвѣтами лилій, Бога истиннаго, солице, свѣтящееся своими лучами. Вставайте, вставайте, великие бояре! Вставайте вы, румыны-пахари; вѣдь на небѣ показалась утренняя царская звѣзда, звѣзда хвостатая и свѣтлая, созданная для счастья. Вотъ, разсвѣтаетъ міръ, оживаетъ (молодѣеть) земля! Въ рощѣ поютъ горлицы, на окнѣ—ласточки и голубь красивый, какъ будто прилетѣль онъ съ запада. Принесъ онъ бѣлые цвѣты, положилъ ихъ себѣ на голову. Онъ желаетъ (говоритьъ) вамъ долго жить, на много счастливыхъ лѣтъ, цвѣсти, какъ виноградъ, и состариться, какъ они“¹.

Въ Бессарабіи эту пѣсню поютъ на Новый годъ — по крайней мѣрѣ, въ Кишиневскомъ уѣздѣ, — несмотря на то, что и по смыслу она скорѣе должна пѣтися на Рождество или подъ Рождество, такъ какъ главная мысль въ ней — возрожденіе природы съ рожденіемъ Спасителя.

Нѣкоторыя поздравленія характерны шутливымъ тономъ, напримѣръ; слѣдующее:

1. Скоаль, бадя, ну дорній;
Къ ну-й врёмя ди дорнійт,
Да-й время ди арат
Ла кымцу курат

¹ Насколько это поздравленіе распространено, свидѣтельствуетъ запись румынскаго поэта Василія Александри. Несмотря на то, что запись сдѣлана въ самой Румыніи и передана не фонетически, обѣ записи почти вполнѣ схожи. Въ данномъ случаѣ настоящая запись тѣмъ цѣннѣе, что сдѣлана возможно фонетически. Въ примѣчаніяхъ къ этому новогоднему поздравленію, В. Александри говоритъ, что „коляда“ (colindă) поется наканунѣ Рождества, и что поющіе ее держатъ образъ Рождества Христова. „Тогда же,—прибавляетъ онъ,—ходятъ и со звѣздой, большой звѣздой, склеенной изъ бумаги и освѣщенной изнутри“. V. Alexandri. Poesii populari, стр. 132.

5. Да мъръ Ѹротат.

Ашъ Думнезъу о лъсать!—

— Скоати колаку,

Кы мъ ѹе драку!

Кыте кетришэли ын фънтыйнъ,

10. Атите оале ку смънтынъ!

Скоати коніккуцы,

Къ съ усукъ пунгуліца!

„Вставай, братецъ (старший братъ), не спи; вѣдь не время спать, а время пахать въ чистомъ полѣ, у большой яблони. Такъ назначилъ Богъ!—Вынь калачъ, а то меня возьметъ чортъ! Сколько камешковъ въ колодцѣ, столько (дай мнѣ) горшковъ со сметаной! Вынь копеечку, а то (у меня) высохнетъ (т. е. опустѣеть) кисетъ!“

Вторая половина этого шутливаго поздравленія весьма напоминаетъ, по характеру своему, одну малороссійскую „щедрівку“, запи-санную въ Хотинскомъ уѣздѣ:

„Дайте ковбасу,
Бо хату разнесу!
Дайте кишишъ,
Бо впustю в хату мышь!
Дайте колача,
Бо впustю рогача (жука)!“

Говорятъ еще разные куплеты, которые къ Новому году не имѣютъ никакого отношенія, а сами по себѣ мало характерны. Это, навѣрное, тѣ „куплеты“, которые А. Защукъ называетъ „легендами“ (!) и говоритъ, что воиникъ „декламируетъ страшную чепуху (?) чрезвычайно быстро, отчетливо и безъ запинки“ („Матеріалы“, т. I, стр. 485); но текстовъ не приводить.

Для характеристики ихъ можно привести одинъ изъ такихъ куплетовъ:

1. Дар мораріу,
Мёштер бун,
Ку окій стеклій,
Ку діншій рънжій,
5. О фъ-кут: „шёк-бок“
ІІгё дат моарь ла лок.
• Мънацъ, бойецъ, гъй-гъй!..

„А мельникъ, мастеръ хороший, со стеклянными глазами, съ оскаленными зубами, сдѣлать: „шёкъ-бокъ“ и поставилъ мельницу на мѣсто. Ну-ка ¹, ребята, гей-гей!..“

¹ Мънацъ, собственно означаетъ—„гоните“, затѣмъ „жарьте, дуйте“ и т. д.

Всѣ эти поздравленія произносятся во дворѣ, передъ окнами хаты и непремѣнно съ плугами въ рукахъ, отчего и самое поздравленіе называется иногда „плугърѣт“.

Есть еще другой родъ поздравленій, а именно, посѣванье (сѣмънат). Мальчики входятъ въ комнату и осыпаютъ хозяина или хозяйку дома зернами пшеницы или ржи (кукурузой—не принято), при этомъ говорятъ привѣтствія и пожеланія, обыкновенно чисто-хозяйственные, вродѣ такого: „да дастъ Господь всякаго богатства, много хлѣба и кистей винограда, воловъ и коровъ“ (сы дѣе Думнезъ тоать богацыи, мулт пыни ши стругурь ди поамъ, бой ши вашь).

Другія пожеланія относятся къ урожаю винограда:

Сы дей, Доамни, а-тыт ди стругурь,
Ка ла дѣлу-булгърь!

„Дай, Господи, столько гроздьевъ (винограду), сколько въ полѣ—
земляныхъ глыбъ,“—

или къ общему крестьянскому довольству:

Сы дей, Доамни,
Полобок ди жин,
Каръ ку фын,
Дой бой грашь
Тарь, клѣпонашь,
Вашь лъптоасе,
Копкай фрумоасе!...

„Дай, Господи, бочку вина, возь сѣна, двухъ жирныхъ воловъ, сильныхъ, охолощенныхъ, дойныхъ коровъ, красивыхъ лѣтей!“

Днемъ же на Новый годъ обыкновенно гадаютъ относительно урожая наступающаго лѣта. Изъ печи вынимаютъ нѣсколько угольковъ, раскладываютъ ихъ на черепкѣ разбитой миски и прикрываютъ кускомъ жести. На жесть кладутъ по нѣскольку зеренъ разнаго хлѣба. Скоро зерна истлѣваютъ. Тогда смотрятъ: если зерно, напримѣръ, пшеницы, только высохло или все обратилось въ пепель и не потеряло своей формы, то урожай пшеницы будетъ хорошій; если же зерно сгорѣло цѣликомъ или разсыпалось, то урожай будетъ плохой.

Другимъ способомъ можно узнать, какой мѣсяцъ будетъ счастливый для урожая, т. е. въ какой мѣсяцъ нужно сѣять, собирать или продавать хлѣбъ. Для этого нужна луковица. Отъ нея отдѣляютъ одинъ за другимъ слои, изъ которыхъ она состоить („ризки“, „ко-жухи“, „тулуны“, рум. кожушъ). Двѣнадцать такихъ „ко-жуховъ“ кладутъ въ рядъ и начинаятъ по очереди каждый изъ нихъ посыпать солью. На которомъ изъ нихъ по счету отъ лѣвой руки будетъ вода, тотъ по порядку мѣсяцъ, соответствующій луковицѣ, будетъ болѣе счастливый. Старуха передавала мнѣ, что ни одинъ „ко-жухъ“ не вы-

пустилъ воды, когда гадали на Новый годъ одного неурожайного года. Это же замѣтили и всѣ крестьяне цѣлой деревни, гадавшіе въ этотъ день ¹.

На Новый годъ вывѣшиваются на воздухъ вещи, главнымъ образомъ, шубы и ковры, чтобы ихъ не ъла моль. Если почему-нибудь нельзя вывѣстить вещи эти на дворѣ, то ихъ, по крайней мѣрѣ, вывѣшиваются въ комнатѣ или же только перекладываются съ мѣста на мѣсто.

Третье января—день св. пророка Малахія. Ему молятся объ исцѣленіи больныхъ черною (?) болѣзнью, головной боли, а также—лихорадки (фригур), хотя въ молдавскихъ заговорахъ противъ лихорадки имя пророка Малахія, насколько мы извѣстно, не встрѣчается.

Пятый день—канунъ Крещенія. Цѣлый день продолжается посты, а обѣдаются только вечеромъ. Этотъ вечерній обѣдъ носитъ название цѣлаго дня, т. е. „Кануна крещенія“ (Ажун ди Ботязы). Съ утра ждутъ священника съ причтомъ и святой водой. До прихода священника насыпаются на столъ слой отрубей (тѣріць) и накрываютъ сверху скатертью. Священникъ окропляетъ столъ св. водой и, освящая такимъ образомъ и отруби, которыя даютъ затѣмъ коровамъ и воламъ, чтобы не болѣли цѣлый годъ ². Послѣ краткаго моленія, священникъ долженъ хоть немного посидѣть въ каждой хатѣ. Это нужно для того, чтобы у хозяинки побольше было курь-насѣдокъ. Если священникъ сейчасъ же уйдетъ, то цыплять будетъ мало, или же на нихъ будетъ моръ наступающей же весной. Поэтому, когда и въ другое время гость сидить очень мало, ему говорять, что онъ посидѣлъ, „какъ священникъ у бобыля“: священнику нечего сидѣть въ канунъ крещенія у бобыля, у котораго нѣть хозяйства.

Освященная въ этотъ день вода никогда не портится. По уходѣ священника ею сами крестьяне окропляютъ хлѣбъ (поятъ), кошь съ кукурузой (сусуяк), повозку (карѹць), сани (саніе) и т. д.

Послѣ ухода священника, на дверяхъ съ внутренней стороны, т. е. изъ хаты, чертятъ углемъ крестъ съ четырьмя значками по угламъ. Объясненіе этого обычая мнѣ неизвѣстно. Точно также безъ объясненія сообщено было какое-то повѣрье, совсѣмъ утратившее теперь свой смыслъ. А именно, псаломщикъ носитъ съ собой болѣу (шерсть, рум. вѣлнъ) и даетъ всѣмъ женщинамъ по клочку, который онъ вплетаютъ себѣ въ косы ³.

Шестой день—Крещеніе. Въ ночь на Крещеніе, приблизительно

¹ Такое же гаданіе существуетъ и у сербовъ. По влажности каждого „ко-жуха“ судятъ о влажности даннаго мѣсяца (зимніе мѣсяцы должны быть снѣжные). Затѣмъ у сербовъ посыпаютъ солью съ ночи, а смотрѣть утромъ.

² У болгаръ существуетъ такое же повѣрье.

³ У сербовъ существуетъ подобный же обычай, но съ большими подробностями и сопровождающейся—при обмываніи шерсти въ водѣ—пѣснями.

отъ 12-ти до 2-хъ часовъ, по повѣрю румынъ Бессарабіи, открываятъся небеса. Если кому-нибудь удастся увидѣть, какъ откроется небо, то онъ можетъ просить Бога всего, чего ни захочетъ: все ему будетъ дано сейчасъ же. Говорять, охотниковъ такихъ находилось немало, но они не видѣли открытыхъ небесъ потому, что чортъ имъ мѣшалъ, иной разъ пустяками. У одного, напримѣръ, мужика въ этотъ самый моментъ зачесалось въ носу, и онъ чихнулъ какъ разъ тогда, когда открылись небеса¹.

По словамъ одной молдавской сказки, въ день Крещенья—большой праздникъ и въ раю: вновь расцвѣтаютъ цвѣты, созрѣваютъ золотыя яблоки, а вся вода райскихъ рѣкъ превращается въ вино.

Въ нѣкоторыхъ селахъ, расположенныхъ по берегамъ Днѣстра или Прута, освящаютъ воду „на Іордані“, т. е. въ проруби, куда иногда бросаются парни. Въ остальныхъ селахъ воду освящаютъ у колодца, хозяинъ которого особо платить священнику. Въ продолженіи всего года вода изъ этого колодца считается святой: ее не даютъ пить скотинѣ и не бѣлять въ ней холста; ею очищаютъ оскверненную посуду и даже колодцы. Поэтому и хозяинъ такого колодца приобрѣтаетъ въ глазахъ сельчанъ извѣстное уваженіе. Освященную въ бочкахъ или въ рѣкѣ воду хранять въ стеклянкахъ вмѣстѣ съ вѣтками василька и ею лѣчать слабыхъ дѣтей, наливая въ ухо, когда въ немъ „стрѣляетъ“, окроплять фруктовыя деревья отъ гусеницъ и виноградные кусты отъ филоксеры и мильдіу.

Цѣлую неделю послѣ Крещенья (6—12 января) совсѣмъ нельзя стирать, такъ какъ, по повѣрю молдовянъ, всюду и всякая вода въ продолженіи этой недѣли—священна. Если кто-нибудь станетъ стирать, то или бѣлье станетъ рваться и гнить, или у стиравшей появятся на рукахъ нарыва.

18—день св. Аѳанасія (сфѣнтул Тѣнас)—пастушескій праздникъ (сърбътоари ди шѣбѣнъ)².

Въ этотъ же день гадаютъ о погодѣ, обѣ общемъ состояніи ея для каждого времени года, по цвѣту неба во время солнечнаго заката³.

Февраль.

1—св. мч. Трифона. Приглашаютъ священника и освящаютъ воду и сѣмена для весеннихъ посѣвовъ. Нѣкоторые крестьяне окропляютъ этой водой свои поля, сада и виноградники для того, чтобы съ нихъ

¹ У сербовъ такое же повѣрье. У болгаръ—то же.

² У болгаръ—тоже; у сербовъ—пастухи постятся семь дней св. Саввѣ, чтобы волки не рѣзали овецъ.

³ У болгаръ,—если погода хорошая, то весна начнется рано. У сербовъ гадаютъ о погодѣ по дню св. Трифона.

хорошо сходили снѣга,—сходили бы невдругъ и не долго бы лежали, и чтобы солнце не стало грѣть сразу и сильно ¹.

2—Срѣтенье Господне. Въ этотъ день, говорять, зима встрѣчается съ лѣтомъ, и уже можетъ быть громъ, вообще—гроза ².

На литургіи стоять со свѣчами. Во время сильной грозы ихъ зажигаютъ у себя дома передъ образами.

Водой, набранной по утру изъ родника, окропляютъ больныхъ: сглаженныхыхъ, бѣсноватыхъ, порченыхъ. Если эту воду освятить въ церкви, то она очень помогаетъ отъ болѣзни глазъ.

Послѣ обѣдни, въ церкви освящаютъ восковая свѣчи, которыя дарятъ другъ другу, со словами: „пінту сънѣтати!“, т. е. „для здоровья“ (а не за ўмершихъ), какъ обыкновенно дѣлается при раздаче свѣчъ.

3—св. Симеона Богопріимца (Сынёну Пѣзѣбрю). Ему молятся и служать молебны во время болѣзни грудныхъ дѣтей ³.

5—св. Агафіи. Освящаютъ у себя на дому хлѣбы. Подъ хлѣбы стараются, незамѣтно для священника, положить соли. Освященная вмѣстѣ съ хлѣбомъ сольдается коровамъ, чтобы не болѣли и давали побольше молока. Эта соль помогаетъ и людямъ во время внутреннихъ, преимущественно желудочныхъ, болѣзней ⁴.

17—св. Феодора Тирона (сф. Тоадор). Ему молятся, когда ищутъ неизвѣстнаго вора, и разсказовъ на эту тему у молдованъ очень много ⁵.

Дѣвушки моютъ себѣ голову и, заплетая косы, поютъ хоромъ, чтобы волосы росли, не выпадали бы:

Тоадоре сѣнту!
Дѣ косицъ фѣтиль,
Кум кодицъ юпилоръ:
Фатъ ын—сус,
Коадѣ ын—жѣс,
Фатъ ка сырмъ,
Коадѣ ка бѣрнъ.

„Святой Феодоръ, дай дѣвушкамъ косу, какъ у зайцевъ хвостикъ: дѣвушка (пусть растетъ) вверхъ, а хвостъ (т. е. коса)—внизъ (пусть удлиняется), лѣвушка—(пусть будетъ) какъ проволока (т. е. тонкая), коса—какъ бревно (т. е. толстая)“.

¹ У болгаръ—срѣзываютъ лозу и обливаютъ ее виномъ.

² У великороссовъ—„Громница“, у поляковъ—„Марья-громница“, у болгаръ и сербовъ—то же.

³ У великороссовъ Симеонъ—хранитель младенцевъ.

⁴ У великороссовъ—по селамъ бѣгаетъ „коровья смерть“.

⁵ У великороссовъ—молятся объ обрѣтеніи украденаго.

М а р т ь.

Первое марта не празднуется совсѣмъ, но съ первымъ днемъ мартовскаго новолуния связаны слѣдующіе два обряда:

I. Старухи перевязываютъ лѣвую руку, ногу и шею, преимущественно дѣтамъ, бѣлой и красной нитками, сплетая ихъ жгутомъ. Это дѣлаютъ для того, чтобы цѣлый годъ не болѣть, а повязку, называемую „мартушбр“¹, носять цѣлый мѣсяцъ².

II. Тщательно метуть всѣ комнаты и на заваленкѣ (пріоспѣ) для того, чтобы цѣлый годъ не было блохъ (уришь) и прусаковъ (гындашь — общее название для жуковъ. Гындаѣк — собственно значить навозный жукъ). Метуть и приговариваются: „марть—въ домъ, блохи вонь!“ (мартъ бы касъ, пуршиш афаръ).

9—Сорока мучениковъ. Пахать можно только съ этого дня: раньше грѣшно: рассказываютъ по этому поводу много случаевъ³.

Если въ домѣ есть дѣти, то родители заставляютъ каждого изъ нихъ положить предъ иконами 44 поклона: по объясненію старухъ, 40 поклоновъ — каждому изъ 40 мучениковъ, а 4 за родныхъ и близкихъ. За обѣдомъ пьютъ красное вино для того, чтобы „набраться крови“ (симв. красное вино) на цѣлый годъ. Кто выпить 44 стакана вина, тотъ считается „молодцомъ“ цѣлый годъ и во всемъ будетъ имѣть успѣхъ⁴.

Пекутъ 40 птичекъ (пуй), но „жаворонками“ (журжені) ихъ въ Бессарабіи не называютъ⁵.

17—Алексія Человѣка Божія. Бессарабскіе румыны называютъ день этотъ Аликсѣй Калду, т. е. „Алексѣемъ Теплымъ“. Въ этотъ день вылѣзаютъ изъ земли змѣи (шѣрпій), ящерицы (шѣкырли) и жабы (броашти). Для того, чтобы змѣи не влѣзли какъ-нибудь въ домъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ вокругъ дома разводятъ вечеромъ въ этотъ день костры⁶.

Праздникъ рыболововъ (сѣрбътоари пескарилор). Для того, чтобы въ продолженіи цѣлаго года у рыболововъ хорошо ловилась рыба,

¹ Очевидно, это название происходит отъ названія марта мѣсяца, но некоторые видѣть въ немъ связь съ римско-католическимъ словомъ martur — свидѣтель, и надѣвая перевязку, говорятъ, что она служить свидѣтелемъ въ томъ, что данный человѣкъ не будетъ цѣлый годъ болѣть. Конечно, такое объясненіе чисто случайное.

² У болгаръ — дѣвшушки гадаютъ о замужествѣ по красной ниткѣ.

³ У болгаръ — начинается лѣто. У великороссовъ — „куликъ принесъ весну“. У поляковъ, бѣлоруссовъ и малоруссовъ — начало весны.

⁴ У болгаръ пьютъ 40 чашъ вина въ честь 40 мучениковъ.

⁵ У болгаръ пекутъ круглый хлѣбъ „кравайче“.

⁶ У великороссовъ и малоруссовъ — „Алексѣй Теплый“. У болгаръ — на Благовѣщеніе змѣи вылѣзаютъ. У сербовъ — змѣю, вылѣзшую въ Благовѣщеніе, слѣдуетъ убить.

въ этотъ день слѣдуетъ поймать маленькую рыбку (пешти мікъ) и проглотить ее живою, не жуя ¹.

25—Благовѣщеніе („Бунь Вестіри“). Этотъ день необыкновенно чтится румынами и, по значенію своему, считается наравнѣ съ Пасхой. Поэтому не работаютъ совсѣмъ; даже обѣдъ варятъ наканунѣ. Наканунѣ же Благовѣщенія жгутъ передъ домомъ коровій навозъ (балигъ ди вашъ) для того, чтобы родителямъ и предкамъ вообще было бы теплѣе на томъ свѣтѣ ².

Вѣроятно, это повѣрье вытекаетъ изъ другого, а именно, что весь этотъ день грѣшники не горятъ въ адѣ, а отдыхаютъ въ холодной водѣ: послѣднее повѣрье основано на свидѣтельствѣ „Хожденія Богородицы по мукамъ“, весьма распространеннаго среди молдаванъ въ спискахъ на румынскомъ и славянскомъ языкахъ.

По другому повѣрю, день Благовѣщенія данъ умершимъ для того, чтобы они могли сходить на землю къ своимъ роднымъ. Поэтому въ этотъ день встаютъ какъ можно раньше и затапливаютъ печи, чтобы мертвые погрѣлись, и совершаются поминки.

Интересно еще и то, что чтится не только самыи день Благовѣщенія, но въ продолженіи всего года и тотъ день, въ который пришлось Благовѣщеніе. Насколько эти дни празднуются, мнѣ неизвѣстно: во всякомъ случаѣ, въ нихъ нельзя ни пахать, ни сѣять, такъ какъ будетъ плохой урожай. Здѣсь кстати привести одну примѣту. Когда крестьянинъ сѣеть, и за нимъ идутъ по бороздѣ птицы, то наблюдаютъ: если идутъ за нимъ одни только вороны, то урожай будетъ хороши; если къ воронамъ присоединяется еще другія какія нибудь птицы (точно неизвѣстно), урожай ожидается плохой ³.

Благовѣщенскую просвиру сушатъ, толкуютъ на чистой дощечкѣ и смѣшиваютъ съ сѣменами. Передъ выѣздомъ на первую пахоту ее сѣѣдаютъ. Эту же просвиру крошатъ и кладутъ въ воду, которую даютъ пчеламъ, когда выпускаютъ послѣ зимовки изъ погребовъ, или когда пчелы мрутъ цѣлыми роями.

Изъ-за моря (дин выръи) прилетаютъ птицы (конечно, нѣкоторыя, такъ какъ многія уже прелетѣли раньше), а тѣ птицы, которыхъ прилетѣли, гнѣздѣ не вьютъ и не несутъ яицъ ⁴. Тѣ яйца, которыхъ ненесутъ въ этотъ день домашнія птицы, не кладутъ подъ насѣдокъ, такъ какъ выводки будутъ калѣки или уроды ⁵.

¹ У великороссовъ и малороссовъ—просыпается рыба, „рыба со стану“. У малороссовъ—щука пробиваеть хвостомъ ледь.

² У великороссовъ (Курской губ.)—сжигаютъ навозъ среди двора, по тому же повѣрю.

³ Такой же обычай наблюдается и у сербовъ, но только при паханы.

⁴ Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ селахъ (Хотинскаго уѣзда) выпускаютъ изъ клѣтокъ птицъ. Въ другихъ мѣстахъ этотъ обычай не наблюдается, такъ какъ птицъ не ловятъ и не сажаютъ въ клѣтки (конечно, въ селахъ).

⁵ У великороссовъ и всѣхъ славянъ—птица гнѣзда не вьетъ.

Для того, чтобы избавиться отъ веснушекъ (кистурбй), поступаютъ такъ. Съ утра въ этотъ день носять въ карманѣ горсть земли. Когда увидять первую ласточку (ръндуникъ), то бросаютъ землю вверхъ. Если земля разсыпется, то исчезнутъ и всѣ веснушки. На это повѣрье, несомнѣнно, вліяло народное „химическое“ средство отъ веснушекъ, весьма распространенное среди румынскихъ дѣвшукъ, а именно—пометъ ласточекъ, смѣшанный съ уксусомъ, или вообще съ чѣмъ-нибудь кислымъ.

30—св. Іоанна Лѣствичника (сфынтул Іон Скѣрарюл). Изъ тѣста пекутъ „лѣстницы“, а чаще всего—просто 30 (по числу ступеней „Лѣстницы“) небольшихъ хлѣбовъ или калачей. Ихъ раздаются бѣднымъ для „поманы“ за душу умершихъ и для прощенія собственныхъ грѣховъ, чтобы легче можно было взобраться на небо ¹.

Въ мартѣ, обыкновенно въ началѣ мѣсяца, бываетъ первая весенняя гроза. Когда молдованинъ первый разъ въ году услышитъ громъ, то ударяетъ себя по головѣ кулакомъ и говоритъ: „пусть будетъ голова моя крѣпка, какъ желѣзо“.

Въ мартѣ же, по утрамъ и по вечерамъ, парни играютъ на „бушиюм’ахъ“. Это—длинная, около сажени, бузинная трубка, дающая громкій и рѣзкій звукъ. Играй на „бушиюмѣ“ они отгоняютъ отъ своего села всякую повальную болѣзнь (боалъ). Боалъ—собственно, „эпидемія“, затѣмъ—„смерть“. Но слова эти румынъ понимаетъ не какъ отвлеченные понятія, а какъ живыя существа, олицетворенія, воплощенія Эпидеміи и Смерти.

А п рѣль.

23—Юрьевъ день („сфынтул Дѣрди“). Св. Георгій—весьма почитаемый святой, и имя его особенно распространено въ Бессарабіи. Съ этого дня въ пѣкоторыхъ мѣстахъ начинается новый контрактовый годъ (до 26-го ноября).

Наканунѣ собираютъ въ горшочекъ росу съ листьевъ и травъ для того, чтобы ею промывать глаза. Промытые такой росой глаза не должны болѣть цѣлый годъ.

Чтобы увидѣть во снѣ своего суженаго, дѣвшушки кладутъ себѣ подъ подушку кусокъ хлѣба, или мамалыги, и маленько зеркальце ².

Въ эту же ночь дѣвшушки срѣзываютъ виноградную лозу (?) выживаютъ изъ нея сокъ и мажутъ имъ косы, чтобы росли подлиннѣе ³.

День св. Георгія—настущеский праздникъ (сѣрбътоари ди шѣбапъ), такъ какъ св. Георгій считается покровителемъ скота (пѣзѣтбр

¹ У великороссовъ—пекутъ пироги, называемые „лѣстницами“.

² У сербовъ—то же самое, нѣсколько сложнѣе.

³ У сербовъ—точно такое же повѣрье.

ди добиток¹). Рано утромъ выгоняютъ стадо въ поле, провожая его большой толпой. Теперь провожаютъ стадо одни ребята, а прежде, говорятъ, провожала вся деревня съ пѣснями, музыкой и танцами. Грибы и чолки лошадей, рога коровъ и воловъ украшали разноцвѣтными лентами и цвѣтами. Теперь въ немногихъ только селахъ служить на полѣ молебень и окропляютъ стадо святой водой. Въ этотъ же день пастуховъ угощаютъ виномъ, и они вполнѣ отдыхаютъ, хотя и находятся при стадѣ, такъ какъ самъ св. Георгій на своемъ бѣломъ конѣ (пи кал албу) пасеть стадо и охраняетъ его отъ волковъ. Многіе пастухи рассказываютъ, что они видѣли всадника на бѣломъ конѣ и съ копьемъ, который то исчезалъ, то снова показывался. Одинъ пастухъ, возвращаясь въ село поздно вечеромъ въ этотъ день, нашелъ на опушкѣ лѣса у самого стада свѣжій трупъ волка, проколотый копьемъ. Пастухъ былъ увѣренъ, что это—дѣло св. Георгія.

Наканунѣ грѣшио работать что-нибудь изъ шерсти, такъ какъ овцы опаршивѣются (ар сы шиі ранѣ).

Чтобы волки не могли унести овцу, наканунѣ Георгіева дня перевязываютъ ниткою ножницы, которыми стригутъ овецъ. Ножницы оставляютъ цѣлый день перевязанными; вмѣстѣ съ ножницами, по повѣрю, хозяева „завязываютъ“ какъ бы пасть волку. Если же волкъ все-таки унесетъ овцу изъ стада, то говорятъ, что „навѣрное, самъ св. Георгій такъ назначилъ въ свой день“ (матінкъ сынгур сѣнтул Дѣрди ашѣ о пус ын дѣйда луй)².

Въ этотъ день хозяйки тщательно берегутъ своихъ коровъ, чтобы ихъ не могли выдоить вѣдьмы, которыхъ превращаются въ самые разнообразные предметы, чтобы подойти къ коровамъ. Для того, чтобы вѣдьмы не могли выдавать коровъ, этихъ послѣднихъ выгоняютъ въ поле утромъ же, до церкви ихъ не доять, а доять только послѣ обѣдни. Вотъ разсказъ одной старухи, въ русскомъ только переводѣ, о томъ, какъ вѣдьма доила ея корову: „Выдоила я корову утромъ, выгнать въ поле миѣ некогда было, да кромѣ того корова болѣла ногами. За это разгигивался на меня св. Георгій и послалъ вѣдьму. Вышла я передъ вечеромъ, было довольно еще свѣтло, вижу: крадется подъ заборомъ старуха, простите меня, совсѣмъ голая, съ распущенными волосами и съ суковатой палкой. Только увидела меня,—иѣть ужъ ея. Подхожу къ тому мѣсту, гдѣ ее видѣла,—на землѣ огромная куча коровьяго помета. Пошла я въ сарай, гдѣ стояла корова, и скры-

¹ Добитокъ—старое славянское слово. Съ тѣмъ же значеніемъ оно существуетъ у сербовъ и у болгаръ въ современномъ языкѣ и существовало въ старинномъ русскомъ языкѣ, напримѣръ: „много добитка добыша молитвами благовѣрныхъ князей“. Исковск. Лѣтоп. стр. 76. Существование его въ современномъ народномъ языке бессарабскихъ румынъ весьма интересно.

² У великороссовъ—„что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ“.

лась за съномъ. Вскорѣ слышу чей-то голосъ, мѣрно говорить: „час, час, час!“ (такъ успокаиваютъ корову, когда ее доять). Присматриваюсь: возлѣ коровы на корточкахъ сидитъ эта самая вѣдьма, подъ коровой—дойнице, а молоко само изъ всѣхъ четырехъ сосковъ льется въ нее. Испугалась я крѣпко, на другой день зажгла лампаду предъ св. Георгіемъ—и вѣдьма перестала ходить“.

Коровъ высасываютъ еще и лягушки¹, особой породы—огромная и необыкновенно безобразная; ротъ у нихъ—совсѣмъ, какъ у телятъ. Если ее испугать, когда она сосетъ корову, то она можетъ откусить ей вымя. Если ее тогда согнать, то она бросится на человѣка, вѣцѣпится лапами въ лицо и вопьется на всегда; избавиться отъ нея тогда нѣть никакой возможности. Когда эта лягушка захочеть Ѳсть, то кусаетъ человѣка въ губы и за языкъ². Въ дѣствѣ мнѣ рассказывала старуха, что въ одномъ селѣ жила женщина съ такой жабой на лицѣ; ея лапы срослись съ тѣломъ той женщины, и вырѣзать „даже въ Кишиневъ“ нельзя было.

Къ этому же дню пріурочены еще два суевѣрія. Рано по утру нужно поймать черепаху и держать ее въ кадкѣ, откуда пить корова воду или помои. Корова станетъ давать больше молока и не будетъ болѣть. Интересно еще, что это средство можно наблюдать въ хозяйствѣ у нѣкоторыхъ помѣщиковъ.

Второе суевѣріе относится къ тому же. Наканунѣ Георгіева дня хозяйка, выходя на встрѣчу коровамъ, вырѣзываетъ на полѣ кругъ изъ дерна, по величинѣ dna своеї дойницы. На этотъ кругъ ставить дойницу и не снимаетъ съ него цѣлый день. Такие-же круги изъ дерна кладутъ въ этотъ день и на столбы у воротъ. Въ эти круги втыкаютъ по вѣткѣ вербы. Это дѣлаютъ для того, чтобы отгонять вѣдьмъ (вѣштицы) отъ коровъ и вообще отъ всего дома.

Старики рассказываютъ, что прежде, еще „во времена турокъ“, встрѣчали утреннюю зарю пальбой изъ пистолетовъ—просто для того, чтобы люди были здоровы. Теперь этотъ обычай не замѣчается³.

М а й.

1—прор. Іеремій. Этотъ праздникъ называется „Ірмайнди“. Плуги и бороны окропляютъ богоявленской водой. Интересно то, что поля въ это время давно уже вспаханы: слѣдовательно, обычай скорѣе всего слѣдуетъ считать, если не заимствованнымъ цѣликомъ, то во

¹ Судя по названию, которое даютъ такой лягушкѣ (брюкѣ), слѣдуетъ считать ее скорѣе какимъ-то духомъ, такъ какъ лягушка по румынски—брояскъ, а окончаніе ой имѣютъ и другіе духи, напримѣръ, Бордбѣ, Стригбѣ, Урбѣй и др.

² Въ одной румынской сказкѣ злая царевна за непослушаніе матери своей наказана такой же лягушкой, которая вѣцѣпилась ей въ лицо.

³ У сербовъ—стрѣляютъ, чтобы стадо было здоровое, „као тресак“.

всякомъ случаѣ пріуроченнымъ къ данному дню искусству, быть можетъ, подъ вліяніемъ соѣдніхъ народовъ¹.

Пьютъ вино (виноградное), настоенное на полынѣ (пелінѣ); вѣтки полыни прячутъ за поясъ и за пазуху, чтобы русалки не защекотали во время ночного купанья. Это повѣрье относится собственно ко дню св. Троицы, а къ первому маю пріурочено, повидимому, только въ нѣкоторыхъ селахъ².

Въ этотъ день имѣютъ особую силу заговоры змѣй³.

8—св. Иоанна Богослова („Іон Богослову“). Праздникъ считается большимъ. Собирается лопухъ (брѣстуръ) и чернобыль, т. е. конскій полынь (пелінъ калулуй), и кладутъ его въ застѣхи, за перекладины брусьевъ, на которыхъ держится потолокъ; тамъ эти растенія высыхаютъ. Настоемъ на этихъ растеніяхъ моютъ голову.

9—св. Николая (сфынтул Микулай). Съ этого дня начинаютъ стричь овецъ⁴.

Съ этого только дня можно купаться, а раньше—грѣшно и можно утонуть: впрочемъ, въ Бессарабіи начинаютъ купанье гораздо раньше. Старики говорятъ, что купаться слѣдуетъ начинать только послѣ Ѣды первого въ году свѣжаго каша⁵, приготовленного изъ молока, которое, въ свою очередь, получено отъ овецъ, когда они были еще на подножномъ корму.

10—св. Симона Зилота. Этотъ святой считается у молдованъ хранителемъ цѣлебныхъ травъ (бурые) и кореньевъ (рѣдѣшие). Старухи-зинахарки (бабій) молятся св. Симону для того, чтобы онъ „открылъ имъ глаза“, и онъ стали бы хорошо узнавать полезныя въ народной медицинѣ травы. Извѣстныя травы, собранныя въ этотъ именно день, кладутъ на время въ копны сѣна, и этимъ сѣномъ кормятъ скотину во время болѣзни.

12—св. патр. Германа. Ему молятся о томъ, чтобы посѣвовъ не выбилъ градъ (кѣтры)⁶.

21—свв. Константина и Елены. Въ этотъ день не пашутъ, такъ какъ у нарушившихъ праздникъ посѣви побьетъ градъ.

¹ У великороссовъ—„Еремѣя Запрягальника“: на майскую росу выходять пахать поле, служить молебны и начинаютъ пахать. У болгаръ этотъ обычай не наблюдается, такъ какъ пахать начинаютъ раньше.

² У болгаръ—женщины и дѣвушки пьютъ „пельнъ чрезъ русаліа“ (стволь растенія), но этотъ обычай пріурочивается къ 3-му числу (память св. Мавры).

³ У сербовъ—быть въ желѣзную посуду и говорятъ: „Еремѣй—въ поле, а всѣ змѣи—въ море“.

⁴ У болгаръ—колять ягнятъ.

⁵ Кашемъ въ Бессарабіи называется особый видъ рыхлаго, очень сладкаго творога, приготовляемаго изъ сырого молока. Въ кадку съ молокомъ опускаютъ одну изъ внутренностей молодой овцы, молоко окисляется и сгущается въ кашъ.

⁶ У сербовъ—то же.

Начинаютъ съять ленъ (ин). Если посъять ленъ раньше, хотя бы дня за два, за три, то ничего не выростеть: останется голое поле. Рассказываютъ по этому поводу дѣйствительные случаи¹. Впрочемъ, это повѣрье держится только въ глухихъ мѣстахъ.

І ю н ь.

12—св. Онуфрія. Имя его среди бессарабскихъ румынъ сравнительно распространено. День святого Онуфрія празднують потому, что тѣхъ, кто въ этотъ день работаетъ, можетъ рогами забодать воль. Въ с. Кипріянахъ до сихъ поръ рассказываютъ такой случай. Крестьянинъ въ день св. Онуфрія поѣхалъ въ лѣсъ за дровами, несмотря на то, что его предостерегали и предсказывали бѣду. Не прошло и мѣсяца, какъ его собственный волъ, всегда очень смиренныи, поднялъ его на рога, и не столько отъ ранъ, сколько отъ пережитаго волненія крестьянинъ недѣли черезъ двѣ умеръ.

24—Рождество св. Іоанна Крестителя. Этотъ праздникъ называется Сындзыїєни². Рано утромъ хозяйки выносятъ изъ комнатъ во дворъ платья и комнатныя вещи, главнымъ образомъ шубы и ковры, для того, чтобы въ нихъ не завелась моль.

Въ ночь подъ „Сындзыїєни“ можно получить неразмѣнныи червонецъ (галбъиаш). Для этого въ полночь нужно обѣжать три раза церковь. Бѣжать нужно по солнцу, а въ рукахъ держать чернаго кота въ мѣшкѣ. Тогда изъ-земли выйдетъ какое-то страшилище (Стригой), котораго бояться не стѣдуетъ. Сейчасъ же нужно потребовать у него неразмѣнныи червонецъ, который непремѣнно будетъ данъ. Передававший мнѣ это повѣрье крестьянинъ, разсказывалъ, что онъ не получилъ такого червонца только потому, что испугался Стригоя.

29—свв. апост. Петра и Павла (сын-Кетру ши Павлу). Косить траву можно только съ этого дня. Съ того же дня можно жать хлѣбъ и охотиться, а раньше птицы сидѣть на яйцахъ, или выводки еще очень слабы (повѣрье существуетъ помимо законнаго постановленія обѣ охотѣ)³.

І ю л ь.

8—св. Прокопія. Съ этого дня нужно собирать хлѣбъ и свозить. „На св. Прокопія,—говорятъ бессарабскіе румыны,—уже есть копны“

¹ У великороссовъ—сѣютъ первый ленъ.

² По объясненію мѣстныхъ жителей, слово это образовалось изъ трехъ словъ: сфиантъ дзыуа іеній, т. е. день св. Іоанна. Подъ этимъ же названіемъ „сындзыїєни“ известна также сыворочная трава (великоросс. „подмарёники“); также душистая шерошица (сындзыїєни ди пѣдурі—состр. лѣсная).

³ У болгаръ—собираютъ сѣно: работать въ этотъ день положено самимъ ап. Петромъ.

(ла сѣйнту Прикопи єсти копій). Бываетъ, что вслѣдствіе дождливой погоды хлѣбъ къ этому дню не созрѣваетъ настолько, чтобы его можно было жать; тогда служить молебенъ св. Прокопію, чтобы предохранить хлѣбъ отъ запала (ка съ ну съ прикѣпти). Этотъ обычай основанъ, по объясненію священниковъ, отъ которыхъ я записывалъ иѣкоторые материалы, на созвучіи имени святого со словомъ „выгорать“ (а прикопій) по-румынски.

20—пророка Илліи. По имени прор. Ильи, весь юль мѣсяцъ называется у молдованъ Ильинскимъ мѣсяцемъ¹. Въ этотъ день нельзя купаться. Рано утромъ можно слышать глухой ревъ изъ воды: это, говорять, реветь „водяной“ и просить жертвы. Интересно, что нѣсколько весьма памятныхъ случаевъ смерти на водѣ, въ Кипріяновскомъ прудѣ, падало именно на 20-е юля.

По представлению молдованъ, прор. Илья разъѣзжаетъ по небу на своей огненной колесницѣ и производить колесами ея громъ (тунет), отъ колесныхъ спицъ идутъ молни (фулжер). Если въ этотъ день случится гроза, то загорается домъ того, кто чѣмъ-нибудь прогнѣвалъ пророка. Такой пожаръ нельзя затушить водой: отъ простой воды огонь разгорается еще больше, а затушить пожаръ можно водой, смѣшанной съ медомъ (ку иери) или однимъ молокомъ отъ черной коровы (ди вакъ нѣгръ), наконецъ, накрывъ его чернымъ платьемъ или ковромъ². Пожаръ можно потушить медомъ потому, что въ день св. Ильи освящается медъ, который наканунѣ только и можно снимать. Если медъ снимутъ раньше, то рой улетитъ или зачахнетъ³.

Черти (дрѣшій) боятся Ильиной молни, разбѣгаются отъ нея въ разныя стороны и ищутъ себѣ пріюта. Лучший пріютъ для нихъ—грѣшный человѣкъ. Поэтому во время грозы, особенно въ Ильинъ день, нужно воздерживаться отъ всякаго грѣха, а больше всего—отъ браны. Это—потому, что, по объясненію, данному мнѣ однимъ іеромонахомъ, „слова браны и крикъ больше всего напоминаютъ собою раскаты грома“. Если черту удастся влѣзть въ человѣка, и человѣкъ не покается на первыхъ же порахъ, то черть поселится въ немъ навсегда. Если молния убиваетъ человѣка, то говорятъ, что онъ могъ бы сдѣлаться впослѣдствіи великимъ грѣшникомъ. Во время грозы выгоняютъ изъ комнатъ кошекъ и собакъ, въ особенности черныхъ.

22—св. Марії Магдалины. Если не праздновать этотъ день, то Марія Магдалина можетъ послать на все село пожаръ или холеру. Холеру бессарабскіе румыны считаютъ существомъ живымъ. Во время эпидеміи въ 20-хъ годахъ XIX вѣка ее видѣли очень многіе. Это—

¹ У сербовъ— тоже: Ильински месец.

² У болгаръ—работать нельзя: сожжетъ хлѣбъ громомъ. У сербовъ—Илья громовникъ зажигаетъ живо. У великороссовъ—ждутъ грома и грозы.

³ У великороссовъ—Ильинские соты.

женщина съ провалившимся носомъ и съ воловыми ногами, очень безобразная. Ночью она ходить по селу закутанная въ бѣлое покрывало, то плачетъ, то хохочеть и „береть къ себѣ“ только тѣхъ людей, которыхъ намѣтила раныше, и всегда опредѣленное число, отмѣченное у нея на слѣдъ воска на ногтяхъ.

27—св. Пантелеимона. Св. Пантелеимонъ, очень почитаемый у молдованъ цѣлитель, помогаетъ въ болѣзни скорѣе тѣмъ, кто всегда постился 27-е іюля. Ему же молятся для того, чтобы узнать неизвѣстнаго вора (тѣлгэр). Св. Пантелеимонъ называется еще „Пантилімон кѣлѣтбю“, т. е. „Путникомъ“. По объясненію самихъ же румынъ, название дано святому потому, что съ 27-го іюля „лѣто отправляется въ путь на зиму“.

30—св. Іоанна Воина, по-молдавски „сфынт Іон Суташул“ (собств. сотникъ). Ему служать молебень, когда неизвѣстно, кто укралъ какую-нибудь вещь. Если предъ образомъ св. Іоанна Воина поставить свѣчу огнемъ внизъ, а если это невозможно, то по крайней мѣрѣ, накапать съ нея на полъ, держа огнемъ внизъ, то воръ будетъ испытывать страшныя муки. Одинъ крестьянинъ с. Кипріянъ передавалъ мнѣ такой случай. Весной у него пропали изъ сарая желѣзныя части отъ плуга. Дней черезъ пять старуха посовѣтовала ему поставить такимъ образомъ свѣчу. Не успѣлъ онъ сдѣлать этого, въ комнату вошелъ его сосѣдъ, отдалъ украденное желѣзо и съ плачемъ рассказалъ: ему стало такъ тяжело, что оставалось одно—покаяться и возвратить веци. Не смотря на это, воры считаютъ этого святого своимъ покровителемъ. Когда поймали цыгана Баласа, извѣстнаго въ Бессарабіи конокрада, то на шеѣ у него оказался образъ св. Іоанна Воина. Когда съ него сняли этотъ образъ, то онъ, говорятъ, махнулъ рукой и сказалъ: „теперь для меня все пропало“.

А в г у с т ъ.

1—Спасовъ день. Въ церковь приносятъ цвѣты, которые послѣ литургіи освящаются окроплениемъ святой водой. Освященные въ этотъ день цвѣты помогаютъ противъ головной боли.

6—Преображеніе, или „Большой Спасъ“ (Іспаѣ Марі). Рано утромъ каждый хозяинъ отправляется на свой виноградникъ (жії), самъ же срываетъ нѣсколько кистей винограда (поамъ) того сорта, который больше другихъ созрѣлъ, и вмѣстѣ съ другими фруктами приносить въ церковь для освященія. До Преображенія (по молдавски—Скимбари ла фацъ) есть виноградъ грѣшино. Когда первый разъ въ году Ѣдять виноградъ, крестятся и говорятъ: „новый виноградъ—въ старый ротъ“ (поамъ ибуй ии гуръ вѣки). Послѣ обѣдни нищими раздаютъ

часть освященныхъ фруктовъ, и особо—милостыню деньгами за умершихъ (пома́нь) ¹.

15 — Успеніе Богородицы („Оспéніе“ и или „Адормíрія“, чаще— „Сфýнта Марія Мáри, т. е. „св. Марія Великая“). Литургію служать уже на новомъ винѣ (апауз ку вину), хотя бы оно было совсѣмъ мутное и кислое. Послѣ литургіи священникъ освящаетъ съмена для озимыхъ посѣвовъ и нѣкоторые фрукты, которые созрѣваютъ позднѣе, напримѣръ, орѣхи. Освященные въ этотъ день орѣхи имѣютъ цѣлебную силу: ими натираютъ тѣло, когда оно покрывается сыпью; затѣмъ эти орѣхи выбрасываютъ на крышу воронѣ (ла шёаръ).

Праздникъ Успенія весьма чтится румынами еще потому, что большинство монастырей въ Бессарабіи посвящено этому празднику, и народъ собирается у монастырей на храмовой праздникъ большими толпами.

29 — Усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи. Весь день соблюдаются строгій постъ. Въ этотъ день грѣшно срывать (собственно — срѣзать) все круглое: арбузы, яблоки и т. п. (груши, напримѣръ, или огурцы можно срѣзывать). Если нужно сорвать арбузъ или яблоко, необходимо вѣтку перебить кулакомъ: даже палкой нельзя этого сдѣлать. При тѣмъ тоже нельзя употреблять ножа, такъ какъ все это напоминаетъ усѣкновеніе главы Предтечи ².

Августъ мѣсяцъ, обыкновенно — самый жаркій мѣсяцъ въ году. Румыны празднуютъ въ августѣ самые жаркие три дня, говоря, что такие жаркие дни даетъ самъ Богъ для того, чтобы люди въ эти дни отдыхали. Эти дни они называютъ самыми жаркими „горешницами“ (горѣшице ше́й май калде). Интересно, что въ одномъ разсказѣ про цыгана говорится, что цыганъ оттого такой черный, что не праздновалъ (конечно, иронія) „горешницу“; за это его и припекло солнице.

С е н т я б�ь.

1 — св. Симеона Столпника. Румыны его называютъ Симеономъ Столпникомъ, „держащимъ небо и землю“ (Сынéну Стылпникул, кáри цыни шéрю ши пъмýнту). Изъ объяснений, которыя давали мнѣ сами же молдоване, пушкино было предположить, что, по ихъ представлению, земля и небо держатся на какомъ-то столбѣ или нѣсколькихъ. День этотъ празднуется въ Бессарабіи далеко, впрочемъ, не во всѣхъ пунктахъ.

14 — Воздвиженіе Креста, по-молдавски — День Креста („Дэйуа Крѹшій“). Въ этотъ день улетаютъ въ теплые края (ла вѣръй) первыя

¹ У болгаръ и сербовъ—до этого дня виноградъ не ёдятъ, приносятъ въ церковь для освященія.

² У болгаръ и у сербовъ—грѣшно ёсть все красное, а также пить красное вино.

партіи нѣкоторыхъ птицъ, а змѣи, ящерицы и лягушки прячутся (собственно, начинаютъ прятаться) въ землю. Въ этотъ же день нельзя чесать голову и шить иглой, такъ какъ нарушившаго праздникъ можетъ укусить гадюка. Тѣ змѣи, которыхъ укусили кого-нибудь въ продолженіи лѣта, остаются на поверхности земли и замерзаютъ, потому что „земля ихъ не принимаетъ“. Поэтому то послѣ этого дня, по разсказамъ молдованъ, находять на тропинкахъ много дохлыхъ змѣй¹.

Наканунѣ этого дня священникъ на всенощной воздвигаетъ крестъ. Подъ коверъ, на которомъ стоять священникъ, кладутъ клокъ сѣна: настоемъ на немъ лѣчать больныхъ падучей болѣзнью (самкъ). Цвѣты, среди которыхъ находился крестъ, дѣвушки разбираютъ и несутъ домой, прячутъ въ волосы для того, чтобы скорѣе выйти замужъ. Этими же цвѣтами лѣчать и отъ головной боли.

16 — св. Никиты. Ему молятся родители, чтобы святої спасти дѣтей отъ корчей и испуга. Говорять, что Никита держитъ чертей за волосы (цини пи драшь ди кѣкъ) и не допускаетъ ихъ до дѣтей.

О к т я б р ь .

1 — Покровъ Богородицы. Этотъ день празднуется въ Бессарабіи далеко не вездѣ и съ недавняго времени, такъ какъ въ старинныхъ служебныхъ румынскихъ и славяно-румынскихъ книгахъ этотъ праздникъ даже не отмѣченъ. Дѣвушки молятся Богородицѣ, чтобы выйти замужъ до зимы².

26 — св. Димитрія. Послѣдняя суббота предъ Дмитріевымъ днемъ, весьма почитаемымъ среди молдованъ, называется „помянной“ или „стариковской“ (сѣмбѣть ди поменири, мѡшилоръ). Въ день св. Димитрія пекутъ круглые хлѣбцы съ чеснокомъ (пѣмпушти ку устуробѣ).

Св. Димитрій считается покровителемъ стадъ паравнѣсь Георгіемъ; но только Георгій — лѣтний покровитель, а Димитрій — зимній. Этотъ день особенно празднуется пастухами. Въ загонахъ (стынѣ) и зимовникахъ (кѣшль) зажигаютъ освященные свѣчи, чтобы волки и нечистые духи не вредили стаду. Пастуховъ угожаютъ такъ же, какъ на Георгіевъ день. Пастухи замѣчаютъ, съ какой стороны дуетъ въ этотъ день вѣтеръ: съ той стороны они дѣлаютъ на зиму изгороди (гѣрдѣ),

¹ У болгаръ — змѣи въ этотъ день не кусаютъ, ядъ ихъ безвреденъ. У малороссовъ — птицы улетаютъ, гадюки уходятъ въ землю.

² У белоруссовъ — „пришла Покрова, зареве ливка як корова“. У малороссовъ — тоже: „як прійшла Покрова, то-й жинка здоровья“.

такъ какъ всю зиму, по ихъ убѣжденію, больше всего съ той стороны будетъ дуть вѣтеръ¹.

Въ день св. Дмитрія, обыкновенно, заканчиваются свадьбы. Этимъ объясняется одна молдавская пословица: „до Дмитріева дня дѣвшка хитра“ (пѣнь ла Дунѣтру фата и хытръ), т. е. дѣвшка должна хитрить только до этого дня, такъ какъ послѣ все-равно она не можетъ выйти замужъ².

28 — св. Параскевы-Пятницы, по-молдавски „Вінеря Марі“, т. е. Большая Пятница, весьма чтимая святая. Въ Бессарабіи есть монастыри съ храмовымъ праздникомъ въ честь св. Параскевы, привлекающіе множество богомольцевъ, и нѣсколько церквей³.

Въ этотъ день грѣшно прясть (а торкá), такъ какъ веретено, кружась въ мискѣ, на самомъ дѣлѣ ходить по сердцу св. Параскевы (прясть грѣшно, впрочемъ, и во всякую пятницу). Вообще въ этотъ день нельзя дѣлать того, что и въ обыкновенную пятницу: шить, ткать, чесать ленъ и мыть голову. Если въ этотъ день мыть голову, то выпадутъ волосы счастья (пѣру ди норбк)⁴.

Среди бессарабскихъ румынъ довольно распространена „Легенда о 12 пятницахъ“ въ устныхъ рассказахъ, а также въ рукописяхъ.

Съ праздникомъ „Вінеря Марі“ смышиваютъ часто другой праздникъ „Вінеря флбріилор“, т. е. пятница цвѣтовъ. Это—пятница шестой „Цвѣтной“ недѣли великаго поста; въ эту пятницу соблюдаютъ строгій постъ, и женщины ничего не работаютъ, разсказывая случаи о гнѣвѣ (шѣдѣ) Пятницы.

Н о я б р ь.

1 — свв. Космы и Демьяна. Имена ихъ даютъ румыны своимъ дѣтямъ весьма рѣдко, такъ какъ считаютъ слишкомъ „простыми“ именами. Косма и Демьянъ считаются покровителями кузнецовыхъ (апѣрѣтѣръ ди шѣрарь). Такъ какъ въ Бессарабіи кузнечествомъ занимаются исключительно цыгане, то румыны въ шутку называютъ первое ноября цыганскимъ праздникомъ (сърбътоари цыганилор). Говорять, будто и сами цыгане „празднуютъ“ этотъ день и пьютъ вино, „настоенное на гвоздяхъ“.

¹ У болгаръ—свв. Димитрій и Георгій были товарищами, юнацами.

² У малороссовъ—„до Дмитрія дивка отказане“.

³ Въ Яссахъ, въ митрополії лежать моги преп. Параскевы, перенесенная въ Румынію изъ Тернова въ XVII столѣтіи. Господарь молдавскій Василий Лупулъ (1634—1654) выкупилъ моги у турокъ за 300 кошельковъ золота и перенесъ въ столицу своего княжества. С. Н. Палазовъ, „Валахія и Молдавія“. („Отеч. Записки“, т. СХХ, стр. 586).

⁴ У великороссовъ—пятница—вѣщая пряха; пятница—льняница.

Эти же святые помогаютъ дѣтямъ при обученіи грамотъ. Поэтому передъ началомъ ученія дѣяки читаютъ тропарь Космѣ и Демьяну.

8 — Архистратига Михаила. Имя Михаила (по молдавскому простонародному произношению, Михѣлаки) очень распространено, и известно много церквей, посвященныхъ арх. Михаилу. По рассказамъ молдованъ, онъ относить къ Богу души умершихъ или молитвы людей на небо. Въ правой руکѣ онъ держитъ мечъ, изъ острія которого исходитъ молниѧ. Этой молнией онъ разгоняетъ нечистыхъ духовъ¹.

Предъ днемъ арх. Михаила, въ иѣкоторыхъ селахъ постятся цѣлую недѣлю для того, чтобы архангель не послать на нихъ холеру².

11 — св. Мины. Мина, одинъ изъ самыхъ распространенныхъ святыхъ въ Бессарабіи, по разсказамъ иѣкоторыхъ румынъ, былъ армянскимъ святымъ, „прибывшимъ на конѣ съ Кавказа“ (на самомъ дѣлѣ св. Мина—изъ Египта). Ему молятся при отысканіи воровъ, и съ помощью его иконы легче всего можно найти вора. Для этого нужно достать икону св. Мины, писанную на деревѣ. Затѣмъ просыпаютъ сквозь сито (сѣть) золу (шенуши) на столъ, послѣ чего руками къ золѣ уже не прикасаются. На просыпанную золу кладутъ икону Мины, предъ которой иѣсколько времени горѣла свѣча. Икону кладутъ лицевой стороной внизъ и оставляютъ въ такомъ положеніи до утра. Въ золѣ должны оказаться дорожки; ихъ направление указываетъ мѣсто, где спрятаны украденные вещи, или же где живеть воръ. Если дорожекъ въ золѣ не видно, то украденная вещь не найдется совсѣмъ. Одинъ священикъ, не разъ выдавшій такой способъ отысканія воровъ, объясняетъ мнѣ это явленіе тѣмъ, что во всякой старой доскѣ есть особые черви, которые вылѣзываютъ изъ своихъ норъ въ золу и естественно дѣлаютъ въ ней дорожки.

14 — св. Іоанна Милостиваго. Въ ночь подъ 14-е ноября съ неба падаетъ множество звѣздъ. На падающія звѣзды въ этотъ день, какъ и всегда, впрочемъ, нельзя смотрѣть, такъ какъ онѣ, по представлѣнію молдованъ змѣи,—посылаемыя Богомъ на землю для наказанія грѣшниковъ.

15 — свв. Гурія, Самона и Авива. Первому изъ нихъ, св. Гурію, молятся женщины, когда съ ними жестоко обращаются мужья. Разсказовъ о томъ, что молитва св. Гурія помогала въ такихъ случаяхъ, можно услыхать немало³.

¹ У болгаръ и сербовъ—св. Архангель Михаилъ беретъ души умершихъ и относить ихъ въ мытарства.

У сербовъ—постъ „Архангеловица“, чтобы не заболѣть особой болѣзнью похожей на холеру.

³ У белоруссовъ—свв. Гурію, Самону и Авиву молятся о любви мужа къ женѣ.

30 — ап. Андрея Первозванного. Ап. Андрею, весьма уважаемому среди румынъ святому, молятся дѣвушки, желающія поскорѣе и выгодно выйти замужъ: весь этотъ день онѣ постятся.

До 30-го ноября, какъ говорять румыны, не хорошо єсть чеснокъ (устурбй). Въ нѣкоторыхъ семьяхъ въ этотъ день приготовляютъ къ обѣду пампушки съ чеснокомъ (гѣлушій ку устурбй). Этого повѣрья и обычая объяснить не могъ мнѣ никто. Чеснокомъ же въ этотъ день мажутъ стѣны и потолокъ въ комнатахъ, а также грудь, руки и ноги для того, чтобы домовой или иное загадочное существо (Стригбй) не могъ войти въ домъ и не пугалъ бы людей.

Д е к а б р ь.

4 — влмч. Варвары. Этотъ день празднують въ Бессарабіи повсемѣстно, такъ какъ св. Варвара считается цѣлительницей отъ оспы (ди вѣрсат)¹.

6 — св. Николая Мирликийскаго (сф. Микулай). Къ этому дню отсрочиваются въ Бессарабіи всякие наѣмы и денежные счеты. Этотъ же день считается благопріятнымъ для лѣченія уха, когда въ немъ стрѣляетъ. Для этого, послѣ молитвы св. Николаю, берутъ кусокъ свѣжаго коровьяго помета и замазываютъ имъ плецень (гѣрдъ) съ внутренней стороны двора. Затѣмъ берутъ кусокъ сухого помета, которымъ раньше было замазанъ заборъ съ наружной стороны, и подкуриваютъ имъ болѣюше ухо. Большого при этомъ накрываютъ тулупомъ (кожухъ). Вмѣсто коровьяго помета, нѣкоторыя старухи подкуриваютъ ухо шелухой отъ шенна.

12 — св. Спиридона. Съ этого дня ночь становится короче, а день длиннѣе. Спиридонъ считается цѣлителемъ отъ ушибовъ (ди стрѣши-туръ) и отъ порѣзовъ (ди тѣнтуръ). Лучшее средство отъ порѣзовъ — прикрыть рану паутиной изъ-за образа св. Спиридона.

24 — канунъ Рождества Христова. Вечеръ этого дня называется „Ажюн“: это слово собственно значить „канунъ“ вообще и, въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, пропускается при словѣ канунъ: „Рождества“ (ажюн Кръчюнудуй). Въ этотъ день соблюдается строгій постъ, и до первой звѣзды ничего не Ѵдятъ. Вечеромъ устраиваютъ обѣдъ, который начинаютъ кутьей изъ пшеницы, орѣховъ, меду и маку (ку грѣу, пушь, нѣри ши мак). Впрочемъ, этотъ обычай замѣчается преимущественно въ Хотинскомъ уѣздѣ, благодаря, конечно, сосѣдству Подоліи. Вмѣсто обычной мамалыги, приготовляютъ калачи изъ бѣлой муки, съ крестомъ посерединѣ, и даютъ его воламъ и коровамъ для того, чтобы у нихъ „прибавилось силы“. Въ нѣкоторыхъ семьяхъ

¹ У болгаръ — св. Варвара исцѣляетъ раны и все наружные болѣзни.

изъ тѣста выдѣлывають фигуры воловъ, домашнихъ птицъ, землемѣрческія орудія и т. п. Къ обѣду подаютъ также и пампушки съ чеснокомъ¹.

Въ ночь подъ Рождество, по разсказамъ румынъ, происходитъ чудо: всѣ домашнія животныя нѣсколько часовъ могутъ разговаривать по-человѣчески. Въ одной, напримѣръ, молдавской сказкѣ, въ ночь подъ Рождество царевичу говорить лошадь, что дома у него случилось несчастье. Это повѣрье сами же молдоване объясняютъ тѣмъ, что въ пещерѣ, гдѣ родился Христосъ, ночевали и домашнія животныя и по-человѣчески, вмѣстѣ съ пастухами, славили Христа и Богоматерь. За это Богъ и позволилъ говорить имъ разъ въ годъ нѣсколько часовъ.

Въ сочельникъ, отправляясь въ церковь, берутъ съ собой въ карманъ кусокъ хлѣба или мамалыги. Этотъ хлѣбъ крошатъ затѣмъ и даютъ курамъ, отчего онъ станутъ нести больше яицъ¹.

25 — Рождество Христово, называется у молдованъ „Крычунъ, Крѣшунъ, Крашунъ“ и т. д. Въ день Рождества стараются встать пораньше и заняться какой-нибудь работой. Поэтому, несмотря на большую празднику, не считается грѣхомъ рубить рано по утру дрова, убирать комнаты, и др. Это дѣлаются, какъ говорятъ молдоване, для того, чтобы легко работалось круглый годъ.

Послѣ обѣдни въ каждой семье устраиваютъ небольшой обѣдъ — скорѣе завтракъ — называемый „потык“³, на которомъ подаютъ въ разныхъ кушаньяхъ (букати) свиное мясо (карни ди порк), напримѣръ жаркое (фриттуръ), голубцы (сармали) и др. Вино пьютъ съ прессованными сухими колбасами, приготовленными изъ воловьяго мяса (карни ди буу) съ перцемъ (ку кипер) и называемыми „кѣриацъ“.

Днемъ послѣ обѣдни и до самаго вечера мальчики (бѣлѣць) ходятъ по домамъ со звѣздой (ку стяу), которая устраивается такъ, какъ обыкновенно дѣлаютъ ее и городскіе мальчики: изъ разноцвѣтныхъ бумагъ. Ее склеиваются и прикрѣпляются къ палкѣ; въ серединѣ звѣзды помѣщаются фонарь съ зажженой свѣчей, а къ рогамъ звѣзды привязываютъ колокольчики или гарусныя кисточки. Ноютъ, болѣею частью, церковные троицары празднику по-румынски. Пѣніе специальныхъ пѣсенъ во время хожденія со звѣздой (кынтиш ди стяу) въ послѣднее время замѣтно исчезаетъ; по разсказамъ стариковъ, прежде было очень много такихъ пѣсенъ. Вотъ содержаніе одной изъ нихъ: Три еврея встрѣтили Богородицу и стали распрашивывать, гдѣ Она

¹ У болгаръ, — „Крачунъ“, пекутъ прѣсный хлѣбъ, приготовляютъ медъ и т. д. У малороссовъ — кутья. У сербовъ — Бадни данъ, пекутъ изъ тѣста воловъ, плуги, пѣтуховъ и т. д.

² У великороссовъ — примѣта: свѣтлыя святки — носкія куры.

³ Потык собственно называется ремень или веревка, которымъ перевязываютъ плугъ.

скрыла Младенца. Богородица отвѣтила имъ, что Младенецъ — въ ущельяхъ горъ. Тогда преслѣдователи разрыли всѣ горы, но Младенца тамъ не нашли. Пѣсня оканчивается похвалой Богородицѣ за то, что Она сохранила Спасителя для всего міра, и величаніемъ хозяевъ, которые своей щедростью извѣстны всему селу и даже въ окрестности¹.

Въ прежнее время по селу ходили парни и представляли „вертепъ“, въ которомъ участвовали слѣдующія лица: Иродъ, Валтазарь и два другихъ волхва, воины и др. Предь началомъ представленія и въ концѣ его, пѣли хозяевамъ привѣтствіе. Вотъ начальные стихи одной сцены. Иродъ, съ жезломъ въ руکѣ и въ золотой коронѣ, говоритъ:

Еу сынт Ирод ымпърат.
Ди кал ам дискъликат,
Ку тоягъ ын пъмынт ам дат,
Ши пъмынту о тремурат.

„Я—царь Иродъ, слѣзъ съ коня и ударилъ жезломъ въ землю, и земля сотряслась“.

Записанная мною „Пѣсня о звѣздѣ“ (кынтик ди стя), при отсутствіи другихъ записей этой пѣсни въ предѣлахъ Бессарабіи, представляеть собою, мнѣ кажется, большой интересъ.

1. Трѣй краї ди-ла рѣсърѣт
Ку стяуъ о кълъторйт.
Кынд ын калъ цурчида,
Сияуъ яр ле ынгъдуя.
 5. Кынд ста ди съ одихнѧ,
Стяуъ ыниѣити мержѧ.
Кынд ла Прусьлім о ажюнс,
Стяуъ бунъ с-о аскүнс.
Ши атуньш о ынребат:
 10. — Унди с-о нѣскут Йимпърат?
Унди штиць, къ с-о нѣскут
Ун країу мари ди-курынд?
Унди стяуъ аць възут?“
— „Ам възут ла рѣсърѣт,
15. Дупъ я ам кълъторйт“.
- Ирод яръ л-о кемат:

¹ Припоминавшій эту пѣсню старикъ говорилъ прозой или сильно испорченными стихами. Такимъ образомъ, лучше всего привести одно только содержаніе пѣсни своими словами, а стихи такого же содержанія пѣсни мы встрѣчаемъ въ малороссийскихъ колядкахъ. Такъ, напримѣръ, у П. Чубинскаго (Труды этнограф. статист. экспед., т. III. СПБ. 1872) находимъ нѣсколько подобныхъ колядокъ (№№ 74, 78, 82 и др., стр. 344, 348, 353 и др.).

- „Ну штиць, унди ымпърат,—
Мержець ши въ-испитиць,
Пре мик Прўнкул сы гѣсіць.
20. Иши, дакъ ни-л ыць афлѣ,
Нїш де-штири ни-ци да".
Яр краї с-о ынтурнат,
Де-штири луй Иродъ и-о дат.
Дар рѣу Ирод ымпърат
25. Фоарти рѣу с-о турбурат,
Мулте оа́сте ли-о дат,
Пайспръшь пїй ди прўншь
Ди дой ань ши жёс май мишь,
О-тъиёт мъшь, фужъ д-яишь!
30. Дар Пречистъ о-фужйт,
Ии мъгáру с-о суйт,
Ла Миейр о кълтторйт.
Иши д-якўм пън-ыи вечий
Миля та, Доамни, си хіш
35. Ку дар ши ку букурин
Ынтуру мулць ань си хіи.

„Три короля отправились въ путь съ востока со звѣздой. Когда они мѣшкали въ дорогѣ, ихъ ожидала звѣзда; а когда они отдохнули, звѣзда шла впередь. Когда они достигли Иерусалима, добрая звѣзда скрылась. Тогда (Иродъ) спросилъ ихъ: гдѣ родился Царь? Гдѣ, по вашимъ свѣдѣніямъ, только-что родился великій Царь? А гдѣ вы видѣли звѣзду?"--- „Видѣли мы ее на востокѣ, а за ней и отправились въ путь". Иродъ снова позвалъ ихъ: „Не знаете, гдѣ Царь, то ступайте и разузнайте, найдите малаго Отрока и, если вы мнѣ Его найдете, то дайте мнѣ знать". А короли пошли въ другую сторону и Ироду знать не дали. А злой Иродъ царь очень разсердился, пустилъ въ дѣло много войска, вырѣзалъ четырнадцать тысячъ младенцевъ—двуухлѣтнихъ и еще моложе—ей, бѣги отсюда! А Пречистая убѣжала, сѣла на осла и отправилась въ Египетъ. И отнынѣ и довѣка Твоя милость, Господи, да будетъ въ дарахъ и въ веселыи многія лѣта"¹.

Рассказываютъ, что въ одномъ селѣ Оргѣевскаго уѣзда пьяные крестьяне убили парня, представлявшаго Ирода.

31 — Канунъ Нового года. Къ этому вечеру относится одно только повѣрье и нѣсколько способовъ гаданий дѣвушекъ о суженомъ. Въ ночь подъ Новый годъ, на нѣсколько мгновеній вся вода претворяется

¹ Варианты къ этой пѣснѣ см. у Marienescu, „Colinde". Bucuresci. 1862, III, стр. 7—9.

въ прекрасное старое вино, дающее людямъ силу и веселье. Претворяется въ вино и всякая вода въ посудѣ дома, и въ колодцахъ, и въ озерахъ, и въ рѣкахъ, даже въ болотахъ: остается только соленая въ моряхъ. Если воспользоваться этимъ мгновеніемъ и, перекрестивъ вино, быстро перелить въ другой сосудъ, въ который раньше этого была налита святая вода, то вино это сохранится навсегда. Рассказываютъ, что нѣкоторые молдоване ждали всю ночь, но какъ разъ въ то время, когда вода претворялась въ вино, имъ мѣшалъ чортъ; одному, напримѣръ, изъ нихъ чортъ явился въ видѣ настоящей жены, звавшей его громко по имени. Онъ обернулся и потерялъ нужный моментъ. Если у крестьянина сохраняется много прошлогодняго вина къ осени, его спрашиваютъ: „не ждалъ ли ты съ коновкой подъ новый годъ?“

Способовъ гаданья подъ новый годъ очень много. Вотъ четыре самыхъ распространенныхъ способа:

а) Ночью дѣвушка выходитъ во дворъ, завязываетъ себѣ глаза и подходитъ къ плетню; затѣмъ нащупываетъ ближайшій колъ плетня (пár) и отсчитываетъ влѣво отъ него девять кольевъ въ плетнѣ. Этотъ девятый колъ она перехватываетъ краснымъ снуркомъ и привязываетъ къ нему засушенный еще лѣтомъ цвѣтокъ василька (бусуёк). Утромъ она смотритъ на этотъ колъ. Если онъ высокій, то и женихъ ея будетъ высокій; низкій—и женихъ окажется низкій; если на колѣ много коры, — женихъ будетъ богатый; если голый, то женихъ бѣдный, и т. д.

б) Ночью дѣвушка выходитъ во дворъ и подходитъ къ сажалкѣ затѣмъ кричить на свинью, какъ бы прогоняя ее: „гудѣ“. Если свинья хрюкнетъ сейчасъ же, то дѣвушка выйдетъ замужъ въ томъ же году, если за вторымъ разомъ, то въ слѣдующемъ, и т. д. Если совсѣмъ будетъ молчать, то никогда не выйдетъ.

с) Слушаютъ разговоръ сосѣдей и толкуютъ первыя подслушанныя слова. Хорошимъ знакомъ считается, если одно изъ первыхъ словъ говорить о движениі, обѣ успѣхѣ, о счастьѣ и т. д., напримѣръ, идти, бѣжать—и наоборотъ: нехорошо, если первыя слова говорить о противоположномъ, напримѣръ, спать, лежать, сидѣть, умирать и т. п.

д) Пекутъ маленькия лепешки (бѣлѣбушъ), раскладываютъ ихъ на полу и приводятъ къ комнату собаку. Каждая дѣвушка памѣтаетъ себѣ лепешку (можно памѣтить и для подругъ) и слѣдить, когда собака сѣѣсть ее: скоро или нескоро, и въ какомъ порядкѣ будетъѣсть ихъ. Въ такомъ порядкѣ и дѣвушки будутъ выходить замужъ

Праздники непереходящие.

Масленицу, т. е. недѣли мясоѣда (лъсат ди кárни) и мясопуста (лъсат ди брындзъ), бессарабскіе румыны не празднують совсѣмъ.

Первую недѣлю великаго поста соблюдаютъ строгій постъ, въ особенности тѣ, у которыхъ умерли дѣти, но вино всю эту недѣлю разрѣшаются, такъ какъ считается лучшимъ предохранительнымъ средствомъ отъ смерти на водѣ (дин некат). Связь между разрѣшеніемъ пить вино въ эту недѣлю и между смертью на водѣ можно видѣть, новидимому, въ томъ, что около первой недѣли великаго поста бываетъ ледоходъ (при ранней Пасхѣ), или же начинаютъ купаться (при поздней).

Среда четвертой недѣли, т. е. переломъ великаго поста, празднуется, какъ объясняютъ молдоване, только потому, что все равно ничего въ этотъ день не удастся сдѣлать. Если кто возьмется за работу, то цѣлый день будетъ хлонотать, блуждать, бѣгать по комнатѣ и по двору, устанетъ, а ничего не сдѣлаетъ или, еще хуже, заболѣтъ.

Суббота четвертой недѣли празднуется, главнымъ образомъ, мужчинами и носить название „волчьей субботы“ (сымбѣтъ лунулуй). Ее празднуютъ, такъ какъ боятся, что волкъ можетъ зарѣзать что-нибудь изъ домашняго скота.

Въ пятницу Вербной недѣли (съптынъ Флориilor) не ъдятъ ничего, ничего и не дѣлаютъ. На чёмъ основывается этотъ обычай, не могли мнѣ объяснить. Эта пятница называется „Цвѣтной Пятницей“ (Вінеря Флориilor).

Вербу, освященную въ Лазареву субботу (6-я недѣля), даютъ ъсть коровамъ, чтобы онѣ не заболѣли и чтобы давали побольше молока, а главное, чтобы не паѣдались полыни и ядовитыхъ травъ; „верба,— говорятъ молдоване,—освящаетъ ротъ у коровъ“. На почкахъ той же вербы настаиваютъ водку (ракіу) и даютъ ее дѣтямъ отъ испуга (ди спѣрьёт). На ночь ставятъ въ воду цвѣты, непремѣнно садовые, а не полевые, утромъ умываютъ этой водой лицо, какъ сами говорятъ, „для здоровья“ (пинтуры сыгътати)¹.

Свѣча, горѣвшая въ церкви въ Четвергъ страстной недѣли (съптынъ патимиilor) во время чтенія двѣнадцати Евангелій, зажигается, когда умираетъ кто-нибудь изъ домашнихъ. Эту свѣчу даютъ умирающему въ руку для того, чтобы легче было бы ему умирать. Этой же свѣчей окуриваютъ страдающихъ „черной (?) болѣзнью“.

Въ Пятницу страстной недѣли купаются въ водѣ знахарки (бабе, или фѣрмъкътоаре). Это купанье даетъ имъ особую силу. Въ ту же пятницу онѣ ничего не ъдятъ. Если женщина, исполнивъ эти

¹ У сербовъ—точно такой же обычай, только не опредѣляется, какіе должны быть цвѣты.

два обряда, скажетъ кому-нибудь: „быть тебѣ сухимъ, какъ великая пятница“ (съ хій ускат за вінеря маřи), то такой человѣкъ скоро станетъ сохнуть. Весьма вѣроятно, что повѣрье связано съ Великой Пятницей: въ этотъ день, какъ говорятъ молдоване, быть вообще грѣшно, и нарушившій посты умретъ внезапно, не простившись со своими родными.

Въ пятницу же обыкновенно красить яйца. Пасхальныя яйца сохраняются въ домѣ за образами, и скорлупа ихъ помогаетъ противъ разныхъ болѣзней людей и домашнихъ животныхъ. Пасхальными яйцами мажутъ стволы фруктовыхъ деревьевъ и виноградныхъ кустовъ, чтобы они не замерзли зимой, и чтобы не ъли ихъ гусеницы. На скорлупѣ пасхальныхъ яицъ настаиваютъ водку или полынnyй настой на виноградномъ винѣ (пелинѣ) и даютъ больнымъ лихорадкой.

Когда въ церковь на Пасху (Паѣти) несутъ освящать куличи, творогъ, яйца и другія яства пасхального стола, то подъ скатерть, на которой раскладываютъ все это, насыпаютъ крошки сухого хлѣба и затѣмъ даютъ ихъ коровамъ и воламъ „для здоровья“.

Въ пасхальную ночь, въ нѣкоторыхъ селахъ на кладбищахъ (цинтириѣмъ, или цвінтарѣ) разводятъ костры (общее название—фок) изъ старыхъ бочекъ и гнилыхъ бревенъ. Пасхальные костры называются нур. Вокругъ костра стоятъ мальчики, которымъ не находится мѣста въ церкви, и грѣются. Для чего это дѣлается, молдоване не могутъ объяснить¹.

Первые три дня Пасхи, по разсказамъ бессарабскихъ румынъ, ходить по землѣ Богъ съ апостолами и бесѣдуетъ съ праведниками. Одинъ крестьянинъ с. Кожушны разсказывалъ, что видѣлъ на Пасху двухъ апостоловъ, принявшихъ видъ его старыхъ знакомыхъ—стариковъ молдованъ изъ сосѣдняго села Скорянъ. Они съ нимъ бесѣдовали, угостили его хорошимъ виномъ въ какой-то корчмѣ; но о чёмъ они съ нимъ говорили, крестьянинъ уже не помнить.

На Пасху сироты относятъ красное яйцо на могилу родителей. Положивъ на могилу яйцо, они должны три раза громко сказать: „Христосъ воскресе!“ (Христосъ винвѣт). Нѣкоторые слыхали, какъ изъ могилы имъ отвѣчали: „Воистину воскресе“ (адивѣрат винвѣт).

Всѣ четверги отъ Пасхи до Троицына днѧ пельзя пахать землю или боропитъ, такъ какъ посты можетъ побить градъ.

Въ понедѣльникъ Томиной недѣли (сънтьмѣнѣ Томії) всѣ сельчане отправляются на кладбище, гдѣ служать панихиды надъ могилами близкихъ покойниковъ. Тамъ же на могилахъ они ъдять и пьютъ остатки отъ пасхального стола. Вино они не допиваются до конца, оставляютъ на днѣ въ каждомъ стаканѣ и затѣмъ выливаютъ на могилу. По однимъ объясненіямъ, это вино предназначается для

¹ У болгаръ—повѣрье, что на Пасху ангелы приносятъ „нур“ (огонь съ неба).

чорта, у которого покоиникъ кушилъ себѣ землю; по другимъ, вино выливается для того, чтобы и покоинику было веселѣе. Остатки кушаний оставляютъ на могилѣ, такъ какъ домой нести ихъ—большой грѣхъ или же дурной признакъ. На могилахъ оставляютъ ладанъ, который насыпаютъ на черепокъ, съ горящими угольями.

Приведу нѣсколько извѣстныхъ мнѣ „заплачней“ (бочет).

Плачъ по матери.

1. Скоа́ль-те, мъмўкъ, скоа́ль,
Къ ц-ъя хи дистул ди-сэръ,
Ши т-е ўйтъ пи фирястръ,
Къ-ци віни карти доміяскъ,
5. Де-ла ной съ-те порняскъ,
Съ те дук ын шёя лўми,
Уиди сате фъръ ди пўми
Ши кърари фъръ ўрми,
Уиди ну ўмблъ німи.
10. Да-къ цый, мъмўкъ, гіни,
Вин диграбъ ш-ие пи міни
Ши мъ йе ын шёя лўми,
Сы м-петрэк ши єу ку тіни.
Да-къ цый, мъмўкъ, рѣу,
15. Ласъ-мъ ку Думнеэзъу,
Сы тръиёск ын сатул мёу.

Переводъ: „Вставай, матушка, вставай: вѣдь теперь довольно поздно. И взгляни въ окно, такъ какъ къ тебѣ идетъ письмо отъ Бога, чтобы ты уѣзжала отъ насъ и отправлялась на тотъ свѣтъ, гдѣ села—безъ названий и тропинки безъ слѣдовъ, гдѣ никто не ходить. Если тебѣ, матушка, хорошо (тамъ), то приди поскорѣе и возьми меня на тотъ свѣтъ, чтобы и я кончилась вмѣстѣ съ тобой. А если тебѣ, матушка, плохо, то оставь меня съ Богомъ жить въ моемъ селѣ.“

Плачъ по отцу.

1. Скоа́ль, тътыку́цъ, скоа́ль
Ши ни спўнъ адивърат,
Кум ди ной т-ай ындурат
Ши копкій ц-ай лъсат
5. Митите́й пи ну-ынвъцацъ.
Скоа́ль, татъ, милъ поастръ,
Мілъ ноастръ, грѣжъ ноастръ;
Къ тъту́къ, кынд йера,
Ел ди ной тот ынгрѣжъ,
10. Дар амў ел ну н-а хи
Ши ди ной ку с-ынгрѣжъ,
Ши ной н-ём кулкѣ пи вѣтръ
Н-ём шти, иніни н-я фост татъ.
Тоатъ лўми-й ку милу́цъ,
15. Нумъ ной фъръ тъту́цъ.

Переводъ: „Вставай, батюшка, вставай и скажи мнѣ по правдѣ: какъ это ты насъ не пожалѣлъ и оставилъ дѣтей, дѣтей малыхъ и неученыхъ? Вставай, батюшка, наша жалость и забота, такъ какъ батюшка при жизни своей всегда заботился о насъ, а теперь не будешь его у насъ, и не будетъ онъ больше заботиться о насъ. И будемъ мы ложиться спать на очагъ и не будемъ знать, кто былъ отцемъ нашимъ. Весь свѣтъ (т. е. люди) съ отрадой, и только мы—безъ батюшки!“

Троицынъ день (Русаллие) и вся недѣля (съптьмынъ русаллор) считаются праздникомъ русалокъ, которыхъ выходятъ изъ воды,

щекочутъ людей, пугаютъ ихъ и сводятъ съ ума. У молдованъ, повидимому, иѣть цѣльнаго представлениѣ о русалкахъ. Такъ или иначе, но разсказы ихъ про русалокъ сводятся къ слѣдующему: русалки, это—умершія некрещенныя или незаконорожденныя дѣти (байструшь), или дѣти, проклятыя (блѣстьмѣць) родителями, главнымъ образомъ, еще до своего рожденія. Живутъ онѣ въ озерахъ (язь) и болотахъ (бѣлцы), спать всю зиму и питаются сыростью (узяль). Эти русалки очень безобразны, злы и стараются какъ можно больше повредить человѣку: сдѣлать пьяницей (бецѣв), самоубийцей, свести его съ ума (а пебуй), и т. п. Наряду съ этими русалками, въ представлениѣ бессарабскихъ румынъ существуютъ и другія, болѣе поэтичныя: это—дѣвшушки-утопленницы (фѣте ыннекате) или дѣвшушки, умершія на Троицу. О нихъ разсказывается только въ сказкахъ: онѣ очень красивы, съ зелеными распущенными волосами, живутъ въ подводныхъ дворцахъ, среди жемчуговъ, на время превращаются въ земныхъ царевенъ, и т. д.

Празднованіе этой недѣли имѣеть отношеніе, главнымъ образомъ, къ злымъ русалкамъ. Въ продолженіе всей недѣли, а больше всего—въ четвергъ, нельзя работать: нужно пить вино и ъесть лукъ (шапы) и чеснокъ. Къ Троицкому дню украшаютъ всѣ дома снаружи, а также сараи и хлѣвы вѣтвями, полѣ посыпаютъ травой. Все это оставляютъ въ продолженіе недѣли, такъ какъ это одно можетъ предохранить людей отъ дѣйствія русалокъ. Въ субботу эти вѣти и траву снимаютъ, несуть къ колодцу и тамъ обливаютъ водой изъ колодца, сажать же ихъ въ землю нельзя. Этотъ обрядъ называется „Проводами русалокъ“ (петрѣшеря русалілор), которая затѣмъ на цѣлый годъ уходятъ въ свои болота.

Въ лѣсистыхъ мѣстахъ Бессарабіи комнаты украшають обыкновенно липой. Изъ стволовъ липовыхъ деревъ мальчики вырѣзываютъ свистки и свистятъ цѣлую недѣлю. Этимъ свистомъ они также отгоняютъ русалокъ отъ домовъ.

Въ субботу, когда провожаютъ русалокъ, раздаютъ бѣднымъ цѣлые миски съ готовыми купальнями для поминанія иокойниковъ (пинтру поманъ). Эта „помана“ тоже охраняетъ людей отъ русалокъ.

Какъ сказано раньше, всю эту недѣлю молдоване пьютъ вино. Самое лучшее средство противъ русалокъ—пить полынную настойку на винѣ (пелинаш), а также носить листъ полыни (фойе ди пелини) за пазухой и въ волосахъ.

Въ эту недѣлю легко даются людямъ въ руки многія цѣлебныя травы, которая въ другое время прячутся отъ глазъ собирателей, принимая видъ самыхъ обыкновенныхъ сорныхъ травъ. Въ эту же недѣлю многія изъ такихъ травъ расцвѣтаютъ.

(†) Полихроній Сырку.

Замѣтка по поводу перевода выраженія „зэгэтэ аба“—охота на россомахъ въ статьѣ М. Н. Хангалова и Д. А. Клеменца „Общественная охота у сѣверныхъ бурятъ“.

Въ своей статьѣ „Общественная охота у сѣверныхъ бурятъ“, помѣщенной въ Г. т. „Матеріаловъ по этнографіи Россіи“, М. Н. Хангаловъ переводить бурятское название общественной облавы „зэгэтэ аба“ словами: „россомашья охота“, производя данное выраженіе отъ двухъ словъ: зэгэтэ—россомашья и аба—облава. Переводъ слова „аба“—правиленъ, но слово „зэгэтэ“—по моему мнѣнію, переведено ошибочно.

Если производить слово „зэгэтэ“ оть слова „зѣбен“—россомаха, то „зэгэтэ аба“—нужно было бы перевести „охота съ россомахой“, а никакъ не „на россомахъ“, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ „охота на россомахъ“ выразилась бы, по-бурятски „зѣбені аба“. Кромѣ того, едва ли вообще, производилась общественная охота у сѣверныхъ бурятъ на россомахъ, а тѣмъ болѣе съ россомахой, мясо которой не употребляли и не употребляютъ въ пищу, а изъ за одной шкуры россомахи едва ли устраивались общественная охоты, такъ какъ таковую могли замѣнить, при изобилии звѣрей, лучшими мѣхами; да и сама россомаха считается у бурятъ поганымъ и опаснымъ звѣремъ въ томъ смыслѣ, что если во время погони за ней она испустить запахъ изъ задняго прохода, то отъ этого, по убѣждѣнію бурятъ, портятся человѣкъ и конь, и желтѣеть сиѣгъ. И до сихъ поръ есть среди бурятъ повѣрье, что во время преслѣдованія россомахи нужно приговаривать слова „нере бе алда“—„не терай имени“ (т. е. чести), какъ бы уговаривая этимъ, чтобы россомаха не испустила запаха. Вслѣдствіе такого моего пониманія Хангаловскаго слова „зэгэтэ“ осмысливаюсь предложить читать это слово „зѣгте“ въ точной транскрипціи, какъ произносятъ современные сѣверные буряты, говоря, обѣ общественной облавѣ. „Зѣг“ представляется изъ себя волосянную веревку въ три скрутки, а отсюда „зѣгте“¹. Подобной волосянной веревкой съ привѣской на нее иѣкоторыхъ предметовъ-эмблемъ буряты окруждаютъ съ виѣшией стороны по основанию юрты, или же натягиваютъ подобную веревку отъ входа юрты къ палкѣ, — шесту, вкопанному въ землю немножко поодаль отъ дверей, когда у нихъ рождается ребенокъ.

Подобную волосянную веревку безъ эмблемъ или простую, конопляную веревку, которая въ данномъ случаѣ тоже называется „зег“, буряты натягиваютъ также предъ дверьми юрты во время исполненія извѣстныхъ шаманскихъ обрядовъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, говорятъ: „зѣг татха“—натянуть „зекъ“. Натягивая предъ

¹ Вообще веревка, какая бы она ни была, называется „аргамжى“.

юртой веревку, буряты показывают, означают, что родился ребенокъ, или что совершенъ такой то религиозный обрядъ, а потому для данной юрты и ея хозяевъ, а такъ же и для постороннихъ должны быть известныя запрещенія, известныя правила, (не входить въ подобную юрту постороннимъ лицамъ чужого рода, пьянымъ и т. д.).

Слово „зѣг“ въ письменномъ монгольскомъ языке имѣть видъ „чегег“, (срв. Монг.-русскій словарь Голстунского III, 346 „тонкій плетеный спурокъ“, „чег“ (Дополн.) „оторочка, карнизъ, опушка (тесьмой)“).

Въ героическомъ эпосѣ, сказкахъ, пѣсняхъ и шаманскихъ гимнахъ съверныхъ бурятъ вовсе не упоминается о какой либо охотѣ на россомахъ. Если бы, въ дѣйствительности, была охота на россомахъ, то герои, павѣрно, не преминули бы показать свою доблесть и ловкость въ подобной охотѣ и были бы воспѣты рапсодами, а мы видимъ, что герои эпоса охотились на благородныхъ оленей, дикихъ козъ, которые воспѣвались и воспѣваются по сіе время у бурятъ. Все это позволяютъ мнѣ высказать, что слово зэгэтэ, какъ пишетъ М. Н. Хангаловъ, производя его отъ слова зѣдѣц—„россомаха“ нужно писать Зэгтэ (отъ слова „зѣг“), и выраженіе „зѣгте аба“ переводить — охота круговая (окружениемъ звѣрей, сомкнутiemъ ихъ въ кольцо, облавой, охота цѣнью) или знаменная (съ известными правилами и запрещеніями во время общественной облавы. Напомню, что драконовскія правила во время „зѣгте аба“ исполняются бурятами и до настоящаго времени (вырываніе подола, ломаніе лука и стрѣль надъ головой виновныхъ, изгнаніе провинившихся изъ облавы и пр.).

Въ современныхъ облавахъ впереди огневица галчина (облавоначальника), натягивается „зѣг“, или за неимѣніемъ такового втыкаютъ шесть съ ремешкомъ или какой нибудь бичевой. За этотъ „зѣг“ кладутъ убитыхъ во время облавы звѣрей и за него никому не разводится переходить. Вѣроятно, встарину предъ походной палаткой облаво-начальника натягивался „зѣг“, показывавшій, что охота въ данномъ случаѣ не частная, а общественного или обще-государственного характера. Понятіе о словѣ „зѣг“ въ обыденной жизни бурятъ, вѣроятно, перенесено и на понятіе общественной облавы. Да и самый способъ облавы, окруженіе живою цѣнью мѣста стоянокъ звѣрей, напоминаетъ окруженіе „зѣгом“ основанія юрты.

Поэтому „зѣгте аба“ — есть облава круговая, знаменная, цѣнная, но ни въ коемъ случаѣ не охота на россомахъ.

Самъ авторъ, упомянувъ въ началѣ, что „зэгэтэ аба“ — охота на россомахъ дальше, на протяженіи всей своей статьи, въ доказательство своей терминологіи не приводитъ ни одного случая охоты, связанной съ россомахой.

В. Михайловъ.

12 декабря 1912 г.

Два условія въ договорѣ найма пастуха въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губ.

По народнымъ понятіямъ, пастухъ,—если онъ женатъ,—долженъ на весь срокъ настыбы порвать всякія отношенія со своею женою и жить совершенно отдѣльно отъ послѣдней. Такая „непогрѣшимость“ пастуха требуется въ видахъ сохраненія стада отъ хищнаго звѣря, который не рѣшился прикоснуться ни къ какому животному изъ пасомаго пастухомъ стада, если этотъ пастухъ непогрѣшимъ.

Пастухъ же, со своей стороны, не можетъ выдать ни одного животнаго изъ принятаго имъ подъ свою охрану стада, вплоть до конца сезона. Принимая у деревни стадо, онъ обходитъ стадо съ извѣстными одному ему заклинаніями, которыя и должны охранить животныхъ отъ дикаго звѣря. А если изъ стада хоть одну скотину выпустить, волшебный кругъ будетъ разорванъ, и дикий звѣрь, почуя убыль и кровь, переведетъ все остальное стадо.

А. А. Каменевъ.

Примѣчаніе. Замѣтка г. Каменева печатается въ полной неприкословенности, безъ всякихъ, даже стилистическихъ, поправокъ. Данное въ ней объясненіе народного обычая взято, вѣроятно, авторомъ изъ народныхъ усть, а не вычитано изъ ученыхъ книгъ. Какъ видно, понятіе о магическомъ кругѣ у архангельскихъ поморовъ—не окаменѣлое переживаніе, а нѣчто живое и всѣмъ ясное.

Относительно же аскетического взгляда архангельскихъ поморовъ на половое общеніе съ женою, какъ на „грѣхъ“, котораго необходимо избѣгать, въ данномъ случаѣ, пастуху,—можно замѣтить, что взглядъ этотъ бытуетъ у русскихъ крестьянъ кое где и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, намъ извѣстна широко распространенная на Вяткѣ примѣта, по которой ямщикъ (respect. фѣдокъ) наканунѣ своей поездки не долженъ спать съ женою; иначе путь его будетъ несчастливымъ. Сколько удалось намъ выяснить изъ бесѣдъ со стариками-крестьянами Глазовскаго уѣзда, Вятской губерніи, смыслъ этой примѣты тотъ, что лошади тяжело везти грѣшнаго человѣка. (Срв. съ этимъ языческий

взглядъ на коня, какъ на существо высшаго порядка).—У одновор-
цевъ Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи, отмѣчено близкое къ
этому повѣрье. Приводимъ свидѣтельство о немъ мѣстнаго бытописа-
теля Трунова: „Въ Ливенскомъ уѣздѣ (крестьяне) послѣ исполненія
супружескихъ обязанностей, равно какъ и послѣ грѣха противъ
седьмой заповѣди, омываются водою (безъ этого не долженъ дѣлать
шагу со двора; если поѣдетъ на лошади, то она или страшно п-
отрется упряженю, либо издохнетъ). Чтобы очиститься, достаточно
брьзнутъ на себя хотя-бы нѣсколько капель воды. (Записки Г. О.
по отдѣл. этнографіи, II, 13). То же самое повѣрье о „потѣніи лошади
отъ грѣховъ хозяина“ отмѣчено и въ Мытищинскомъ уѣздѣ Ярослав-
ской губерніи (Этнографич. Обозр. 1911, № 1—2, с. 251, статья
Ив. В. Костоловскаго). — Напомнимъ, наконецъ, свидѣтельство
Олеарія о томъ, что русскіе того времени, при совершеніи илотскаго
грѣха, снимали съ себя патѣльные кресты и завѣшивали иконы въ
комнатѣ (А. Олеарій, Подробное описание путешествія. Москва, 1870,
с. 215).

Д. Зеленинъ.

Изъ прошлаго Каликъ перехожихъ.

Мало извѣстно о происхожденіи и исторіи нашего духовнаго стиха. Все, что можно сказать объ этомъ, почерпается обыкновенно изъ него же самого. „Стихъ о сорока каликахъ со каликою“ и стихъ названный „Воскресеніе. Иванъ Богословъ“ берутся какъ характеристика создавшей его среды. Она—не совсѣмъ народная. „По очевидному вліянію книжному на составъ духовныхъ стиховъ,—писаль Буслаевъ,—надобно полагать, что они обязаны своимъ происхожденьемъ не простонародью вообще, а избранной массѣ, которая впрочемъ, не составляла особаго сословія, а только случайно являлась въ видѣ корпораціи. Всякій книжный человѣкъ могъ входить въ эту корпорацію, но, безъ сомнѣнія, не всѣ члены ея были людьми грамотными, такъ какъ и теперь поютъ духовные стихи безграмотные слѣпцы“¹. Но что такое эта „избранная масса“? Просто народные грамоты, одинаково изъ высшихъ и низшихъ слоевъ населенія? Во всякомъ случаѣ церковь оказывается тутъ не при чемъ. Гдѣ связь съ нею? Между церковью и духовнымъ стихомъ, какъ причина розни, стоитъ главное его содержаніе: апокрифъ. Значитъ ли, что самостоятельно, совершиенно такъ же „естественно“ какъ „естественно“, т.-е. по принципу *humanum errare est*, возникло язычество, колыбель поэзіи, на смѣну прежней новымъ и вицѣшимъ заблужденіемъ явилась поэзія двоевѣрія, ересей, богомильства, христіанской міѳологіи—апокрифической духовный стихъ? Это была уступка христіанства, если не компромиссъ, то приспособленіе. Народъ отвѣтилъ пѣсней на встрѣчу вносимому въ его среду свѣту Христова ученія, и пѣсня эта—духовные стихи. Ихъ надо изучать въ зависимости отъ отреченныхъ книгъ, съ ихъ легендами, вошедшими позднѣе въ составъ сказокъ. Такъ говорить историко-литературная *vulgata*.

Однако, вчитавшись повнимательнѣе въ стихъ „о сорока каликахъ со каликою“ можно добиться болѣе точнаго представлениія, чѣмъ „избранная масса“. Прежде всего передъ нами самымъ опредѣлен-

¹ Ф. И. Буслаевъ. Народная словесность Спб. 1887, стр. 455. Сб. отд. р. яз. и сл. Имп. Ак. Н. т. XLII, № 2.

нымъ образомъ—паломники. Въ качествѣ таковыхъ и надо разсматривать пѣвцовъ и составителей духовныхъ стиховъ. Паломничество коренная, опредѣляющая ихъ значеніе среда.

Насколько рано распространялось у насть паломничество и богоольство, видно изъ слѣдующихъ фактovъ. Мы встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что люди ходятъ на роту въ Ерусалимъ¹, т.-е. этимъ паломничествомъ заканчивались даже простые частные распри и споры. Выраженіе: „рота“ несомнѣнно относить насть къ глубокой древности. Церьковь, судя по Исеудо-Владимирову Уставу, очень рано начала добиваться, чтобы паломники и прощенники были признаны людьми церковными². Можно ли тогда сомнѣваться въ томъ, что хожденіе на богоольье поощрялось церковью очень рано? На это указываетъ особенно находящееся среди каноническихъ статей запрещеніе ходить на богоольье бѣднымъ людямъ³. Только при распространенности богоолья могло возникнуть такое увѣщаніе. А среди прочихъ Исеудо-Владимировъ Уставъ считаетъ церковными людьми еще слѣпца, хромца, калѣку. Что слѣпецъ, хромецъ, прощенникъ, калѣка подводятъ насть къ каликамъ перехожимъ, на это я и вижу вполнѣ ясное указаніе въ духовномъ стихѣ о „сорока каликахъ со каликою“. Сюжетъ „Стиха о сорока каликахъ со каликою“⁴—излюбленный па Руси отъ Кіево-Печерскаго Патерика⁵ до повѣсти о Саввѣ Грудцынѣ разказъ объ козняхъ и соблазнахъ злой жены, схожій съ исторіей молодого Іосифа и его собственной продѣлкой надъ братомъ Веньяминомъ по Бібліи. Но это только сюжетъ, фабула, виѣшность. Существеніе бытovыя черты.

Сюжетъ прекраснаго Іосифа, соединенный съ сюжетомъ Веньямина, отлично подходитъ къ тому, чтобы прославить и возвеличить каликъ. Они не какіе-нибудь „воры-разбойники“, а благочестивые пилигримы, идущіе ко Гробу Господню. Ихъ, конечно, не совратить никакими женскими прелестями, хотя бы обольстительницей была сама

¹ Статья „Дубенскаго сборника“, Срезневскій. Свѣд. и Зам. т. II, LVII, стр. 314. Сборникъ отд. русск. яз. и слов. Ак. Наукъ т. XII. и Вопрошаніе Ильино. Памятники др. р. канонического права. Спб. 1880. I, 61—62.

² Текстъ у Лейбовичъ. Сводная Лѣтоись, Спб. 1876. стр. 298; ер. Голубинскій Исторія русск. церкви I₂, I, стр. 422.

³ Вопросы Кирика § 12; II. др. р. к. ир. I, 27; сужу о томъ, что это касается бѣдныхъ по аналогіи съ увѣщаніемъ бѣдныхъ не идти въ монахи; аргументъ тотъ же: не надо уклоняться отъ труда подъ видомъ благочестія.

⁴ Я пользовался слѣд. изводами этого стиха: Кирила Даниловъ. Др. р. стихотв. изд. Шеффера Спб. 1901, стр. 93—100. тоже Безсоновъ, Калѣки перехожіе. М. 1861., стр. 7, № 4; Безсоновъ, тамъ же, стр. 21, № 6 (изъ сборника Даля); Рыбниковъ, Пѣсни. Москва. 1860, I, 39, тотъ же стихъ у Безсонова, стр. 20, № 5; Гильфердингъ. Онежскія былины 2 е изд., Спб. 1894—1900, №№ 72, 86, 96, 173, 301; Григорьевъ, Архангельскія былины, Спб. 1904. стр. 179, № 8 (44); Оичуковъ, Нечорскія былины. Спб., 1904 г., № 47.

⁵ Разумѣю исторію Моисея Угрина въ изд. Яковлева, стр. CXLIV и слѣд.

княгиня Апраксія. Весь несложный замысел стиха ведеть въ оноэтизированью каликъ, называемыхъ „добрими молодцами“, а то даже богатырями¹. Идутъ они отъ монастыря Боголюбова² или изъ самой Корелы богатой³ или изъ города Мурома⁴,

ко граду Еросолиму.

Ко святой святыни Богу помолитесе

А во Ерданъ рѣки окупатисе⁵.

Когда они „становятся во единый кругъ“, чтобы просить милостыню, любо глядѣть на нихъ, любо и слушать;

А и будуть въ городе Кеевѣ
Середи двора княжеского,
Ключи-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки изподвесили,
Подъ сумочьемъ рыта бархата;
Скричатъ калики зычнимъ голосомъ:
С теремовъ верхи новалися,
А з горницъ охлупья попадали,
В погребахъ пинья сколыбалися⁶.

Ничего пѣть и не можетъ быть жалкаго, униженнаго, просительного въ той милостыни, которую они просятъ. Что милостыня гораздо выгодаѣ всякой „золотой горы“, и „рѣкъ медвяныхъ“, и „садовъ да съ виноградами“, потому что все это могутъ отнять „вельможи люди пребогатые“ — это разъяснено въ стихѣ „Вознесенье: Иванъ Богословъ“⁷. Поэтическая идеализація каликъ перехожихъ, конечно, представляеть дѣло такъ, какъ желательно, а не какъ было на самомъ дѣлѣ, но намъ важна именно идеализація; она говорить про каликъ:

Будутъ они сыты да и пьяны
Будутъ и обуты и одѣты,
Они будутъ тепломъ да обогрѣты,
И отъ темныхъ ночи пріукрыты⁸.

Эта же идеализація, когда встрѣчаютъ калики Владимира, заставляетъ его послать ихъ въ „столъный Кіевъ градъ“ и тамъ сама княгиня приметъ ихъ и приметъ не какъ-нибудь, а посадить

¹ Гильф. № 72; Григорьевъ № 8; Рыбн. и Безсон. №№ 4, 5 (стихъ Рябинина) и 6, и Оич. № 47.

² Кирша Дан. Безс. № 4.

³ Безс. № 6.

⁴ Гильф. № 173.

⁵ Гильф. № 72 стихи 25—29.

⁶ Кирша Данил. стр. 95. у Безс. № 4 стихи 81—89.

⁷ Съ этихъ стиховъ и начинается сборникъ Безсонова.

⁸ Безс. № 3 стихи 114—118.

За те столы убраныя;
А и столники, чашники
Поворачиваются, пошевелеваютъ
Своихъ они приспѣшниковъ;
Понесли-та евства сахарныя,
Понесли питья медвяные,—
А и те калики перехожия
Сидятъ за столами убраными.
Убираютъ яства сахарныя
А и те вѣть питья питья медвяные
И сидятъ они время-часъ другой ¹.

Итакъ, калики перехожіе за ииromъ. Одна версія стиха даже называется его „столова богатырская“ ². Если вѣрить на слово этой бытовой чертѣ каличьяго стиха, окажется, что въ памяти сказителей XVIII и XIX вв. сохранился образъ калики, угощаемаго на пиру въ качествѣ нищей братіи т. е. по особому, не въ примѣръ другимъ участницамъ княжескаго пира, сказителямъ богатырской эпопеи и скоморохамъ³.

Стихъ о „сорока каликахъ со каликою“ уже этимъ намекаетъ на особыя отношенія каликъ паломниковъ съ княжескими сѣнями, гдѣ пируетъ его дружина. Объяснивъ себѣ эти отношенія мы и уяснимъ себѣ загадочное прошлое духовнаго стиха. Уже давно было замѣчено, что въ каждомъ поэтическомъ произведеніи, изучаемомъ лишь по болѣе позднимъ изводамъ, древнее—въ такихъ подробностяхъ, которыя придаютъ ему характеръ несообразности, и потому именно на самое странное, кажущееся подробностью, вовсе не важной для общаго замысла, и слѣдуетъ обращать самое тщательное вниманіе. Такой несообразностью мнѣ представляется въ разбираемомъ стихѣ эпизодъ самосуда ⁴. По версіи Кирши Данилова, отправляясь въ путь, калики перехожіе положили слѣдующій завѣтъ:

А в томъ-та вѣть заповедь положена:
— Кто украдеть, или кто солжетъ,
— Али кто пуститца на женской блудъ,
— Не скажетъ большему атаману,

¹ Кирша Даниловъ, стр. 95; — у Безс. № 4 стихи 118—128.

² Гильф. № 96 стихъ 47.

³ Вс. Миллеръ. Очерки I. с. стр. 52—63.

⁴ Эпизодъ самосуда забывается чрезвычайно рѣдко, о немъ не упоминаль лишь Рябининъ, но его стихъ въ сущности не только не оконченъ, а просто совершенно другой. Эпизодъ самосуда см. Гильф. 72, 95, 173, 301. Кирша Даниловъ у Безс. № 4, Григорьевъ № 8 (44) и Ончук. № 47.

— Атаманъ про то дело проведаетъ,—
— Едина оставить во чистомъ поле
— И окопать по плеча во сырь землю ¹.

Собравно этой „заповѣди“, когда обнаружена княжеская чашка, подложенная княгиней ² или Алешей Поповичемъ ³ въ „подсумочку“ атамана или его брата Касьяна Офонасьевича ⁴, либо Михайловича ⁵, либо Фомы Ивановича ⁶ или Михайлa Касяниова ⁷, иногда по слову самого мнимаго преступника ⁸ и совершаются самосудъ. Въ самомъ этомъ эпизодѣ еще не только пѣть несообразности, но онъ вполнѣ логиченъ, усиливая самое поэтизацио: калики не только не „воры—разбойники“, но при малѣйшемъ подозрѣніи они готовы казнить виновнаго товарища самой страшной казнью. Значить, моментъ самосуда можетъ вытекать изъ основного замысла и въ немъ одномъ нельзя видѣть какой-либо древней, забытой, но существенно важной черты. Такъ—казалось бы. Поидемъ однако съ другой стороны. Почему такимъ коварнымъ и жестокимъ оказался по отношенію каликъ дворъ Владимира? Откуда это желаніе заставить именно князя совершиТЬ несправедливость? Онъ правда не всегда иоступаетъ хорошо и въ другихъ былинахъ; но почему тогда не могутъ богатыри спровиться съ каликами и вернуть ихъ назадъ? Олеша Поповичъ ⁹ и Никита Романовичъ возвращаются ни съ чѣмъ, а Добрынъ Никитичу удается лишь хитростью и лестью заставить каликъ произвести обыскъ ¹⁰. Почему? Оттого, что они не калики, а богатыри, либо, и не будучи богатырями, такие, что съ ними не совладать? Вотъ тутъ иѣкоторая несообразность. Если бы эпизодъ о заповѣди или зарокѣ каликъ совершиТЬ самосудъ долженъ быть усилить впечатлѣніе отъ честности каликъ, вовсе не нуженъ былъ бы эпизодъ борьбы съ каликами княжескихъ богатырей. Тогда развитіе дѣйствія торопилось бы скорѣе къ чуду, спасающему мнимо провинившагося калику и доказывающему его ненависть ¹¹. Но дѣло обстоитъ не такъ. Калики борются. Мало того, они возвращаются назадъ въ Кіевъ и уличаютъ князя ¹².

¹ Безс. № 4 стихи 22—30; Кирша Дан. стр. 94.

² Гильф. №№ 72, 96 и др. Безс. № 5

³ Кирша Даниловъ у Безс. № 4 стихи 156—160.

⁴ Гильф. №№ 72 и 301; Кирша Даниловъ у Безс. № 4.

⁵ Гильф. № 173 и Григорьевъ № 8 (44).

⁶ Гильф. № 96.

⁷ Безс. № 6.

⁸ Гильф. № 72.

⁹ Гильф. №№ 72, 96, 173; Григорьевъ № 8 (44); Безс. № 4.

¹⁰ Григорьевъ № 8 (44).

¹¹ Во всѣхъ версіяхъ см. пр. 9-ое.

¹² Эпизодъ чуда на лицо во всѣхъ полныхъ версіяхъ, но онъ разнообразится; у Кирши Данилова чудо однако лишь въ томъ, что закопанный Касьянъ Михайловичъ остался живъ.

Вотъ этотъ моментъ борьбы каликъ съ княземъ или его богатырями въ связи съ мотивомъ о самосудѣ или, иначе: о самостоятельной юрисдикціи каликъ, представляется мнѣ основнымъ содержаниемъ стиха, отражающимъ древнія бытовыя отношенія. И наша церковь, какъ и церковь запада добивалась собственной юрисдикціи надъ церковными людьми, среди которыхъ мы находимъ прощеника, хромца, слѣпца, т.-е. каликъ. Не этимъ ли и представлялись сильными калики? Не отсюда ли—ихъ распры съ Владимировымъ (въ данномъ случаѣ Владимира, какъ типичнаго князя, окруженнаго богатырями-дружинниками) дворомъ и распры какъ разъ по тяжебному дѣлу? А если такъ, то вотъ — наглядный показатель несомнѣнной связи церкви съ особыми пѣвцами-паломниками. Нужды неѣть, что почти всегда апокрифиченъ репертуаръ каликъ. Церковь старательно „исправляла“, но не всегда могла исправить даже строго-церковныя книги; она должна была исправлять и каличныя стихи, а это послѣднее было, конечно, всего труднѣе; отсюда--разрывъ съ каликами, уклонъ каликъ въ ереси и расколъ; тамъ удержаться на высотѣ было легче, съ тѣхъ поръ какъ церковь, уже болѣе не нуждаясь въ каликахъ, стала лишь терпѣть ихъ и терпѣть только какъ иницихъ, отнюдь не допуская ихъ учительства.

Полученные изъ разбора духовнаго стиха „О сорока каликахъ со каликою“ выводы подтверждаются извѣстiemъ двухъ интереснѣйшихъ записей, извлеченныхъ проф. Д. В. Айналовымъ изъ Отчета Имп. Публичной Библіотеки за 1894¹.

Первая запись:

„Въ лѣто 6671 (= 1163). Поставиша Іоана архіепископомъ Новоугородоу. При семъ ходиша во Йерусалимъ калицы і при князе рустемъ Ростиславе († 1168).

„Се ходиша изъ Великаго Новагорода отъ святой Софїи 40 мужъ калици ко граду Йерусалиму ко гробу Господню. И гробъ Господень целоваша и ради быша. И походиша, вземише благословеніе у патріарха и святыхъ моющі. И пріодоша въ Великій Новгородъ къ святей Софїи. И даша святыхъ моющі въ церковь владыки Іоаноу святымъ церквамъ на священіе, а собору святые Софїи даша конкарь, во веки имъ кормление, а собѣ во вѣки славы оукоушина. И святый владыка Иванъ и весь соборъ священническій благословиша ихъ всѣхъ 40 моужъ. И походиша по градамъ съ великою радостию, славящи Бога. Пріодоша въ Русу къ святому

¹ Д. Айналовъ. Нѣкоторыя данныя русскихъ лѣтоописей о Палестинѣ, стр. 14-16 отд. оттиска изъ Русскаго Паломника; Отч. Имп. Публ. Библ. за 1894, стр. 113—115 (Х. М. Лонарева).

Борису и Глѣбу; аже седить соборъ, ины даша имъ святые мощи; а оу святого Бориса и Глѣба стоять 6 мужъ притворянъ и ины даша имъ скатерть во веки имъ кормление. И благословиша у собора вси 40 моужъ и пондоша по градомъ. И пріондоша во градъ Торжокъ къ святому Спасоу; аже седить соборъ, святого Спаса священники; они же даша имъ святые мощи святымъ церквамъ на освященіе; аже стоять у святого Спаса 12 моужъ притворянъ, ины даша имъ чашу свою во веки имъ кормление“.

Значеніе этой, на первый взглядъ, болѣе ранней записи, повидимому, опредѣлится вполнѣ только изъ слѣдующей; однако уже сразу бросается въ глаза, что это древнєе упоминаніе о „сорока каликахъ“, известныхъ намъ изъ духовныхъ стиховъ, представляетъ ихъ людьми церковными. Они исполняютъ по представленію автора записи важное дѣло: доставляютъ мощи и священные предметы въ церкви. Чуть ихъ лежитъ свободно „по градомъ“, по въ Русу и въ Торжокъ они приходять, когда тамъ засѣдаетъ „соборъ“, т. е. сѣадь приходскихъ священниковъ. Подаренные каликами священные предметы: скатерть, копкарь, чаша, дарятся церковнымъ людямъ клирошанамъ и притворянамъ и отъ нихъ „на вѣки имъ кормление“.

Вторая запись:

„Въ лѣто 6837 (=1329). Ході князь великии Иванъ Даниловичъ въ Великій Новгородъ на мироу. И постояше въ Торжку, и пріондоша къ нему святого Спаса притворяне съ чашею сю 12 мужъ на пиръ. И восклициша 12 моужъ, святого Спаса притворяне: „Богъ дай многа лѣта великому князю Ивану Даниловичю вся Роуси. Накорми инищихъ своихъ“. И князь великии вопросилъ бояръ и старыхъ моужъ новоторжцевъ: „Что се пришли за моужи ко мнѣ?“. И сказаша ему моужи новоторжци: „То, господине, моужи святого Спаса притворяне; а ту чашоу даша имъ 40 моужъ калици, изъ Ерусалима пришедши“. И князь велики, пришедшe, посмотрѣвъ оу нихъ въ чашу, а поставиша на тѣмя свое и рече имъ: „Что, брате, возмете оу мене въ сю чашю вкладе?“ И тако реконша ему притворяне: „Чимъ, господине, насть покалуешь, то возьмемъ“. И князь велики даше имъ гривну новую вклада. „А ходите ко мнѣ во всяку пѣдѣлю и емлите у мене две чаши пива, а третью меду. Такъ-же ходите къ намѣстникомъ моимъ, и ко посадникомъ, и по бракомъ, а емлите собѣ по три чаши пива. А кто сю чашу избесчинитъ, ишь дасть гривну золота да 6 берковсковъ меду князю и владыки. А кто на васъ подереть вотолу, ишь дасть три крошии нитей, а цѣна имъ полтора рубля“.

Раньше чѣмъ взвѣсить значеніе второй записи во всей полнотѣ, мнѣ хочется обратить вниманіе на слова: „и по бракомъ“. Церковные люди, владѣльцы подаренной имъ каликами чаши, притворяне церкви Спаса, получаютъ право ходить по бракамъ и взимать себѣ три чаши пива. Рѣчь тутъ идетъ очевидно не о церковномъ бракѣ; пиво аттрибутируетъ брачного пира, т. е. свѣтской, унаслѣдованной отъ язычества его части; это тотъ бракъ, что бичуютъ наши древнѣйшія проповѣди, классическое мѣсто пѣсенъ и плясокъ. Свѣтъ на происхожденіе и смыслъ обѣихъ записей проливаетъ прежде всего это упомянутое во второй записи присужденіе княземъ притворянамъ церкви Спаса иѣкоторой „десятинѣ“. Употребляю нарочно это выраженіе, чтобы вызвать представление о связи по духу записей о „сорока каликахъ“ съ Псевдо-Владимировымъ Уставомъ. Вотъ—церковные люди, которымъ не только разрѣшается (или которые претендуютъ на полученіе подобнаго разрѣшенія) побираясь по бракамъ, при чемъ оскорбителямъ ихъ угрожаетъ штрафъ въ пользу князя и владыки, но принадлежитъ и иѣкоторое право на часть княжескаго достоянія обязательное и для намѣстниковъ и посадниковъ. Притворяне не добиваются церковной юрисдикціи, какъ слѣпцы, хромцы, прощенники и т. п., упомянутые въ Псевдо-Владимировомъ Уставѣ. Они остаются подъ защитой князя, но защищаетъ ихъ и владыка. Таково правовое положеніе притворянъ, которое имъ приписывается вторая запись. Выгоды, которыхъ приходятся или должны прйтись на долю церковныхъ людей Новоторжскаго Спаса очевидно и вызвала вторую запись т. е. разсказъ о посѣщеніи Иваномъ Даниловичемъ Торжка и встрѣчи съ притворянами. А первая запись? Проф. Айналовъ призналъ, что упоминаемая тутъ чаша та же, что и во второй записи. Мне кажется, что это тѣмъ болѣе такъ, что первая запись и возникла-то подъ вліяніемъ второй. Она не старше, а моложе второй, хотя сообщаемыя въ ней события и отнесены ко времени на двѣстѣ лѣтъ болѣе древнему. Правда, въ первой записи названы еще и другія церкви: новгородская Софія и церковь свв. Бориса и Глѣба. Но какъ можно судить по началу первой записи: „Поставиша Ioана архиепископомъ Новоугородоу. При семъ ходиша во Іерусалимъ калицы і при князе рустемъ Ростиславе“, передъ нами отрывокъ какогото извода Новгородской лѣтописи, такъ что вполнѣ естественно было упомянуть и другія такія же святыни въ Новгородской землѣ.

Итакъ, мы имѣемъ отъ XVI в. извѣстіе о притворянахъ, получившихъ отъ князя привилегіи, въ числѣ которыхъ—право взимать на свадьбахъ въ свою пользу налогъ ввидѣ трехъ чашъ пива. Это единственное достовѣрное. Но намъ важно, что привозъ священныхъ предметовъ, дающихъ „во веки имъ кормленіе“ приписанъ сорока каликамъ. Тутъ несомнѣнно подтвержденіе того, что калики близки церкви; они ей не безразличны; это люди свои. Церковь т.-е. клиро-

шане придаютъ имъ большое значеніе. Ихъ путешествія во святую землю заносятся въ лѣтопись. На нихъ ссылаются при указаніи того, откуда святыни, совершенно такъ же, какъ во Франціи въ церкви св. Денисія подъ Парижемъ жонглеры-клерики, пѣвшіе *chansons de geste* на ярмаркѣ въ день Индикта сообщали о происхожденіи хранившихся у св. Денисія священныхъ предметовъ и мощей. Это послѣднее мы знаемъ изъ старо-французскихъ *chansons de geste*: *Fierabras* и *Pѣlѣrinage de Charlemagne*. То, о чёмъ у насъ говоритъ лѣтописная запись XVI в., на западѣ, дѣйствительно, имѣло мѣсто въ XII.

Дальнѣйшій свѣтъ на прошлое нашихъ каликъ и должны пролить нѣкоторая новая свѣдѣнія о происхожденіи старо-французскихъ *chansons de geste*.

Недавно наблюденію надъ такими *chansons de geste* какъ *Fierabras* и *Pѣlѣrinage de Charlemagne* суждено было получить самое неожиданно большое значеніе. Прежде всего Иѣснѣя о Роландѣ—эта самая знаменитая изъ всѣмъ мировыхъ эпопей, была поставлена въ самую тѣсную зависимость отъ монастыря въ Ронсельванскомъ ущельѣ. Тамъ показывали славные доспѣхи Роланда, тамъ показывали и могилу героя, и мѣсто битвы. Кому показывали? Кто могъ видѣть все это въ глухомъ и отдаленномъ монастырѣ въ забытомъ ущельѣ Пиренеевъ? Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. Все это показывали цѣльнымъ полчищамъ паломниковъ всѣхъ націй,шедшихъ на поклоненіе къ ракѣ Якова Кампостельскаго въ Испаніи. Иѣснѣя о Роландѣ стала знаменита лишь потому, что знаменитъ былъ этотъ монастырь въ Ронсевальскомъ ущельѣ, важная станція на пути къ Якову Кампостельскому. Не Ронсевальскій ли монастырь, спрашивается тогда, вызвалъ къ жизни появленіе и пѣсни? Выяснилось однако, что это не совсѣмъ то; въ самое недавнее время эта близость паломничества и монастырскихъ святынь съ *chanson de geste* послужила темой кропотливаго и внимательнаго изученія, и это то открываетъ цѣлый новый міръ въ области пониманія источниковъ и дальнѣйшаго развитія эпопеи не только французской, а эпопеи вообще. Какъ самое общее и самое неожиданное слѣдствіе этихъ изысканій и оказалось ближайшее участіе церкви и церковныхъ людей въ развитіи даже самой свѣтской изъ свѣтскихъ, героической и национальной поэзіи.

Поль Мейеръ на конгрессѣ историковъ въ Римѣ обратилъ вниманіе на существованіе чего-то вродѣ особаго института паломниковъ—жонглеровъ. Полчища паломниковъ сопровождали жонглеры. О нихъ существуютъ свѣдѣнія по всей такъ называемой „французской дорогѣ“, тянущейся отъ перевала черезъ Альпы на югъ въ Римъ. Это былъ главный путь паломничества. Особое название „les romes“ носили тѣ, кто ходилъ въ градъ Петра. Шли отъ монастыря къ монастырю, шли и очевидно, разъ тутъ были жонглеры, шли не молчали... Что же пѣли жонглеры паломникамъ? Йозефъ Бедье, прослѣдившій

шагъ за шагомъ, этапъ за этапомъ указанную Поль Мейеромъ „французскую дорогу“ въ Италію, пришелъ къ тому выводу, что надо разъ на всегда окончательно разстаться съ гипотезой о кантиленахъ, т. е. о чёмъ-то схожемъ съ нашими былинами, какъ объ источникѣ *chansons de geste*. Нѣть рѣшительно никакихъ данныхъ утверждать, что когда-либо во Франціи существовала эпопея въ формѣ пѣсень, схожихъ съ нашими былинами. Свое содержаніе авторы *chansons de geste*, эти жонглеры-клерики, жонглеры, бродившіе по монастырямъ, черпали изъ легендъ монастырского происхожденія, чернымъ по бѣлому записанныхъ въ пергаментскихъ и харатейныхъ спискахъ и относящихся къ существующимъ иногда даже до сихъ поръ монастырскимъ святынямъ. Такого легендарно христіанского происхожденія Гильомъ д'Оранжъ, Жераръ-де Руссильонъ, Ожье Датчанинъ, Рауль де Камбрэ и другіе герои *chanson de geste*¹.

Поэзія значить вотъ въ какомъ смыслѣ служила церкви; церковь пользовалась поэзіей, совершенно такъ же, какъ она воспользовалась ею и для распространенія житій, напр. на западѣ знаменитыхъ поэтическихъ житій св. Евлаліи и св. Алексія Человѣка Божія, и явленіе это въ сущности не можетъ удивлять послѣ того, какъ мы знаемъ о религіозномъ происхожденіи средневѣковой драмы. Но поэтическія житія и житія драматизованныя (*miracles*), это поэзія писанная, искусственная; это не пѣсни, а рядъ поэмъ, сочиненныхъ поэтами. Надо-ли тогда смотрѣть и на *chansons de geste*, какъ на писанную, вовсе не народную поэзію; т. е. на явленіе, которое сопоставлять съ памятниками русской народной словесности не приходится?

Такъ и смотрѣть на добытыя его работой выводы самъ Бедье. Миѣ важенье пока однако лишь этотъ образъ жонглера-клерика, жонглера-паломника, близкаго монахамъ и начитаннаго въ монастырскихъ легендахъ. Я спрашиваю: не принадлежала ли къ тому же типу „избранная масса“—создательница, по мнѣнію Буслаева, напихъ духовныхъ стиховъ? Можетъ быть и русская эпопея пережила моментъ весьма схожий съ тѣмъ, что обнаружено работами Бедье относительно французской. Нельзя не поднять —не устоишь—подобныхъ вопросовъ, читая изслѣдованіе А. А. Шахматова о „Корсунской ле-

¹ Joseph Bédier. *Les légendes épiques. Recherches sur la formation des chansons de geste.* Paris 2 v. 1908 (ожидается еще два тома). Теорія Бедье прекрасно изложена по русски А. А. Смирновымъ въ статьѣ „Новая теорія происхожденія старо-французского эпоса“ Записки Нео-Филологического Общества. Вып. IV, стр. 83 и слѣд. Спб. 1910. А. А. Смирновъ въ критической части своей статьи явился выразителемъ тѣхъ сомнѣній, какія вызывалъ Бедье у большинства его многочисленныхъ рецензентовъ. Подводя итоги, Смирновъ говорить: „Вместо теоріи происхожденія эпоса мы получимъ теорію его развитія. Вместо монастырского источника всего эпоса мы получимъ монастырскій періодъ черезъ который прошелъ весь эпосъ, основательно переработанный (стр. 125).

гендѣ“. А. А. Шахматовъ вообще стоитъ на точкѣ зрењія очень близко приближающейся ко взгляду Курта. Онъ часто въ своихъ разысканіяхъ о лѣтописныхъ сводахъ заключаетъ отъ лѣтописной записи или лѣтописнаго разсказа къ былинѣ или народному сказанію¹. Самое блестящее изслѣдованіе его въ этомъ отношеніи—возстановленіе былины о Мстишѣ Лють Свѣнельдовичѣ². А. А. Шахматовъ отождествляетъ его съ Никитой Залѣшанинымъ, дошедшихъ до насъ былинъ. Этотъ Мстиша, значитъ, отецъ Добрыни Никитича (Мстѣшина Микитичъ) и матери Владимира Малѣфрѣди. Первоначально и Никита Залѣшанинъ былъ отцомъ Добрыни. Былинная свѣдѣнія объ этомъ Мстишѣ-Микитѣ, какими пользовались лѣтописцы, сбивчивы. По однѣмъ это онъ убилъ Игоря, когда Игорь собиралъ дань въ земль Древлянъ, дань отданную раньше его отцу Свѣнельду. По другимъ онъ самъ убить Олегомъ Святославичемъ древлянскимъ за то, что охотился въ его владѣніяхъ; слѣдствіемъ чего была борьба Ярополка съ Олегомъ, кончившаяся гибелю послѣдняго. Тотъ же Мстиша или Мстиславъ отождествляется съ Мстиславомъ Владимировичемъ, братомъ Ярослава Мудраго, славнымъ Тмутараканскимъ героямъ. Не менѣе сбивчиво и то, что говорилось и пѣлось о Свѣнельдѣ. Исторический Свѣнельдъ, повидимому, воевода и бояринъ Святослава. Но онъ же названъ и бояриномъ Игоря и воспитателемъ Святослава. Все это вполнѣ вѣ духъ обычныхъ хронологическихъ несообразностей былинныхъ спѣвовъ. Но намъ особенно важно во всемъ этомъ то, что Свѣнельдъ и Мстиша родоначальники Владимира по матери, Малѣфрѣди, родна Добрыни Никитича, а обѣ этой Малѣфрѣди можно думать, что она была христіанка и подарила одно село (Будутино) Десятинной церкви; во всякомъ случаѣ о ней говорять „какія-то записи Киевской Десятинной церкви“ и сообщеніе о ней „явно связано съ Десятинной церковью“³. Добрыня—по существу Купало, т. е. креститель Руси, для церкви богатырь близкій и дорогой.

Вотъ это послѣднее заставляетъ съ особымъ вниманіемъ отнести къ изслѣдованію А. А. Шахматова о „Корсунской Легендаѣ“.

То, что А. А. Шахматовъ назвалъ Корсунской легендою есть особое сказаніе о томъ, какъ Владимиръ крестился въ Корсунѣ. Легенда возникла въ XI в., и происхожденіе ея—клиросъ Десятинной церкви, въ составѣ котораго входили потомки вывезенныхъ изъ Корсуни греческихъ поповъ⁴. Ни авторъ Древнѣйшаго свода, ни преп. Никонъ этой легенды не знали и они заставляютъ Владимира кре-

¹ Шахматовъ. Разысканія о древн. русск. лѣтописныхъ сводахъ. Спб. 1908 г. стр. 27, 65, 75—78, 81, 95, 109—113, 125—127, 331—334 и т. д. особенно же 477—480.

² Тамъ же, 355—377.

³ Тамъ же, стр. 1087 и слѣд.

⁴ Сборникъ въ честь Ламанского. Спб. 1908 г. II, стр. 1087 и слѣд.

ститься въ Кіевѣ¹. Эта Корсунская Легенда важна намъ тѣмъ, что и ея содержаніе или, если такъ можно выразиться, ея фабулу А. А. Шахматовъ видѣтъ въ былинѣ. Онъ тутъ восстановляетъ мнѣніе уже высказанное Костомаровы мъ. Согласно Корсунской легенды походъ въ Корсунь сопряженъ съ желаніемъ Владимира добыть себѣ важную жену—„цесаревну“. На лицо всѣ признаки народно-пѣсенной темы о добываніи невѣсты². Прибавлю отъ себя, темы не только эпической. Тема эта въ своемъ чистомъ видѣ находится въ хороводной пѣснѣ: „Ходить князь вокругъ города“. Эта тема сплетается и съ другой, которую можно было бы назвать темой „укрощеніе строптивой невѣсты“³. Итакъ корсунскіе попы-клирошане Десятинной церкви, составляютъ сказаніе о походѣ на Корсунь, и ихъ главная цѣль воз- величить корсунскія святыни, находящіяся въ Десятинной церкви, находящіяся также и въ Новгородѣ и во Псковѣ. Для этого они пользуются схемой народной пѣсни. Прибавлю еще, что разсказъ о добываніи невѣсты въ Корсунѣ, а, можетъ быть, и въ самомъ Царьградѣ совершенно тождественъ съ разсказомъ о женитьбѣ Владимира на Рогнѣдѣ, въ которомъ главная роль выпала на долю Добрыни⁴. А Рогнѣда не забыта и въ христіанскихъ легендахъ⁵. Она далеко не представляется только язычницей. Сообщалось, что она крестилась одновременно съ Владимиромъ и приняла монашество. Нельзя ли, стало быть, и ее столько же, сколько и Мальфрѣдъ, признать, если не жертвовательницей Десятинной церкви, то чимой въ какомъ-либо монастырѣ?

Между изслѣдованиемъ А. А. Шахматова и работами Бедье то сходство, нѣсколько неожиданное и, какъ мнѣ кажется, чрезвычайно важное для изученія эпическихъ сказаний европейскихъ народовъ, что и тутъ, и тамъ обнаружена связь между церковными святынями и национальной эпопеей. По теоріи Бедье оказывается, что въ монастыряхъ Франціи и Италіи, куда заходили паломники, составлены были легенды о герояхъ, чьи гробницы находились въ этихъ монастыряхъ, и о святыхъ реликвіяхъ, завезенныхъ въ нихъ изъ далекихъ странъ: внословѣствіи эти легенды, написанные сначала по латыни, были уже на национальномъ языке, особымъ составомъ бродячихъ жонглеровъ, сопровождавшихъ паломниковъ, переложены въ поэмы. По теоріи А. А. Шахматова древнѣйшая церковь въ Кіевѣ описывается происхожденіе своихъ святынь въ легендѣ, содержаніе которой широко черпаетъ изъ народныхъ былинъ⁶. При этомъ оказывается

¹ Тамъ же, стр. 1102—1108 и др.

² Тамъ же, ср. стр. 1152—1153.

³ Объ темы см. въ моей Весенней обрядовой пѣснѣ т. II, стр. 285—297.

⁴ Шахм. Раз., текстъ стр. 614.

⁵ Сб. Лам. II, текстъ стр. 1095 примѣч. 1151.

⁶ Аналогія была бы еще полнѣе, если бы Корсунскую легенду можно было предположить записанной сначала по-гречески. И основанія для такого предположенія есть. А. А. Шахматовъ считаетъ, что авторъ—грекъ.

еще и то, что цѣлый рядъ героевъ русской эпопеи, частью такихъ, которыхъ воспѣваютъ извѣстныя намъ былины (Добрыня, Владимиръ, Анастасія, Никита Залѣвшанинъ), частью же извѣстныхъ лишь по лѣтописямъ, но сюда попавшихъ изъ древнѣйшихъ недошедшихъ до насъ эпическихъ пѣсенъ (Рагнѣда, Олегъ, Мистиша Лютъ Свѣнельдовичъ), такъ или иначе связаны съ древне-русскими святынями. Таково сходство, таково и различіе.

Изъ теоріи Бедье вытекаетъ, какъ совершенно необходимо слѣдствіе, что нѣкоторые церковные круги, монахи и клерики, способствовали развитію поэзіи не только косвенно, но и прямымъ воздействиемъ. Христіанская церковь дала средневѣковой поэзіи даже не только поэтическія легенды о святыхъ, вродѣ пѣсень о св. Евлаліи и объ Алексѣѣ Божиѣмъ Человѣкѣ, не только крестоносцескіе *chansons d'outr  e*, не только драматическіе *Miracles* и легенды о Богородицѣ, не только благочестивыя пѣсни, перерабатывающія любовную лирическую пѣсню, но кроме того еще и эпическія поэмы: *chansons de geste*. Теперь нѣчто подобное, какъ будто бы вытекаетъ изъ изслѣдованій А. А. Шахматова и относительно Руси. Невольно возникаетъ предположеніе, что всѣ эти герои былинъ: Мистиша-Микита и его сынъ Добрыня, Малѣфрѣдъ, Рогнѣда, въ качествѣ добываемой невѣсты, не говоря уже о самомъ Владимирѣ, воспѣвались не безъ участія въ этомъ клироса Десятинной церкви, что они стали героями поэзіи не языческой, а уже христіанской. Были ли они сами христіане т.-е. были ли христіанами ихъ исторические прототипы, какое это имѣть значеніе? Мы узнаемъ о Малѣфрѣди, что о ней помнить въ Десятинной церкви, наряду съ блаженной княгиней Ольгой, о Рогнѣдѣ, что она постриглась и, можетъ быть, основала монастырь, а Добрыня, этотъ уже не предполагаемый, а дѣйствительно существующій былинный герой, прежде всего характеризуется, какъ говорить о немъ Вс. Ф. Миллеръ, какъ Купало, т.-е. креститель¹. А кроме этого Добрыня вѣдь еще и Змѣборецъ², такой же какъ и Георгій Побѣдоносецъ, и Федоръ Тиронъ, и еще Алеша съ его не безинтереснымъ теперь *patronimicum* Поповичъ. Только Мистиша Лютъ Свѣнельдовичъ остается въ сторонѣ. Когда онъ превратится въ Никиту Залѣвшанина, о его христіанизаторской дѣятельности говориться не будетъ. Она либо забыта, либо ея и не было, и онъ только отецъ Купалы-Добрыни. Намъ остается спросить себя: надо ли думать, что греки-клирошане, составители Корсунской легенды лишь черпали сюжеты изъ эпическихъ пѣсенъ, либо, что подъ ихъ вліяніемъ еще возникали уже христіанскія эпическія пѣсни?

¹ Очерки русской народной словесности. Москва. 1897. стр. 144 и слѣд., въ Хронографѣ ред. 1512 г. сказано: „а Добриню послы и Новгород и повеле всѣхъ крестити“ прив. у Шахм. Корс. лег. Сб. Лам. II, стр. 1079.

² Вс. Ф. Миллеръ, тамъ же.

Сопоставлениe теории Бедье о монастырско-паломническомъ про-
исхождениi chansons de geste съ разысканиемъ А. А. Шахматова о
корсунской легенде какъ будто отвлекло нась отъ духовныхъ стиховъ.
Оно заставляетъ однако думать, что вообще т. наз. народная эпохея
европейскихъ народовъ—созданіе пѣвцовъ по основному типу своему
схожихъ съ каликами перехожими. Насъ уже всецѣло вернетъ къ
репертуару нашихъ каликъ одно любопытное мѣсто изъ англо-саксон-
ской поэмы о Беовульфѣ. Воспѣвая великоглѣпіе построенной Хрод-
гаромъ залы, мѣста дружиннаго пиршества, названной имъ Хеор-
томъ, поэтъ изображаетъ въ такихъ выраженіяхъ происходившія тамъ
пиво и медо-питія, чemu и позавидовалъ врагъ людей изъ породы
Кайна, страшное чудище, Грендель:

„Тамъ арфы звенѣли и слышался сладкій голосъ скопа.
Сказывалъ, кто умѣль, повѣсть о первомъ, древнемъ про-
исхождениi людей, говорилъ, что Всемогущій создалъ твердь,
свѣтлое пространство, которое окружала вода, установилъ
все побѣждающіе солнце и мѣсяцъ, чтобы свѣтиль свѣть
на населеніе земли и украсилъ лоно почвы цвѣтами и
листьями“ (стихи 89—99).

Древній скопъ представленъ поющими именно духовный стихъ.
Иначе нельзя понять этого мѣста. Рѣчь идетъ о стихѣ разсказы-
вающемъ мірозданіе.

Застольныя пѣсни существовали и у насъ, и въ княжескихъ
сѣняхъ онѣ были обычнымъ развлечениемъ. Въ подтвержденіе этого,
въ чемъ впрочемъ было бы и такъ странно сомнѣваться, приводится
обыкновенно очень извѣстное мѣсто Патерика, гдѣ разсказывается,
какъ Феодосій Нечерскій посѣтиль князя Святослава Ярославича¹,
тогда временно занявшаго велиокняжескій столъ въ Кіевѣ. „Тако
всѣмъ играющимъ и веселящимся, яко обычаи есть предъ княземъ“—
сказано здѣсь, сѣль преп. Феодосій на свое мѣсто. На этотъ же
самый разсказъ ссылаются однако и какъ на доказательство того,
насколько нетерпимо относились „новые люди“ къ играмъ и пѣс-
нямъ на пирахъ. Преподобный Феодосій, слушая музыку и пѣніе, „бѣ
въ краи его (т.-е. князя) сѣдя и долу нича, яко же мало въсклонився
рече къ тому: то боудеть ли сице на ономъ свѣтѣ; туо аbie онъ о
словѣ блаженнаго оумилився и мало прослезився повелѣ тѣмъ пре-
стati“. И повѣствованіе продолжаетъ: „отоле аще коли приставляше
тѣхъ играть, ти слышавше блаженнаго пришедшаго, то повелеваша
тѣмъ престати отъ таковыя игры“. Распоряженіе, ясно показывающее,
что самое представлениe о томъ, чтобы за княжескимъ пиромъ можно

¹ В. Яковлевъ. Памятники русск. литературы. XII и XIII вв., Спб. 1872, стр. LIII.

было пѣть духовныя пѣсни, совершенно чуждо автору приведенного разсказа. На пиру пѣлись стало быть, какъ будто лишь свѣтскія пѣсни, нечестивыя и не согласныя съ христіанской моралью. Значить представление возникающее изъ „Беовульфа“ не примѣнимо къ нашимъ поэтическимъ древностямъ.

Но вотъ совершенно иначе понять обстоятельства дѣла поможетъ намъ „Поученіе Зарубчаго Чернeca Гeоргія“. Оно учило:

„Смѣха бѣгаи лихаго; скомороха и сла точъхара и гудця и свирця иѣ оуведи оу домъ свои глума ради; поганьско бо то есть, а не крестьянъско, да любяи та глумлѣнья поганъ есть и съ крестьяны причастья не имать; дѣяволи бо то суть всегда сли съ мысци и созванья и весѣлья блудьская бо то есть краса и радость бѣсящихся отрокъ; а крестьянъски суть гусли, прекрасная добrogласная псалтыря; еюже присно должны есмы веселитися“¹.

Обращаю вниманіе на послѣднія слова. Христіанство устами Зарубчаго Чернeca Гeоргія сулить свои собственныя духовныя радости, свое искусство, свои пѣсни. Что пѣніе псалмовъ рано установилось на Руси и ихъ умѣли пѣть, видно изъ Патерика. Нѣсколько разъ, т. е. упорно изображается преп. Феодосій поющімъ псалмы². Онъ прядеть кудель, что было обычнымъ его занятіемъ, прядеть кудель на продажу и для книгъ, которая переплеталъ великий Никонъ и подиѣваетъ псалмы. Изъ безхитростнаго разсказа Патерика его образъ какъ будто еще новымъ вѣнцомъ святости окружаетъ „добrogласная псалтыря“. И такъ характерно это монастырское пѣніе за работой. Простой человѣкъ и до сихъ поръ не умѣеть работать иначе, какъ подъ пѣсеню. Рабочая пѣсня изначальная, не только крѣпкая быту, но важная составная часть его. Ритмъ рабочей пѣсни учить работать, налагиваетъ на нее, воспитываетъ неустойчивое легко воспламеняемое вниманіе. Псаломъ замѣнилъ посидѣлочную пѣсню. Не одинъ Феодосій прялъ въ Печерскомъ монастырѣ; не одинъ онъ, конечно, и пѣлъ за работой псалмы³. Не ясно ли, что представить христіанство въ принципѣ враждебнымъ пѣнью—нельзя?

Конечно скомороховъ ни въ кемъ случаѣ не мыслимо считать даже терпимыми ни церковью, ни христіанствомъ вообще⁴. Но изобличать и преслѣдовать „потѣшныхъ людей“, какъ бы ни назывались они:

¹ Срезневскій. Свѣд. и Зам. т. I, VII, стр. 56—57 1-го выи.

² Яковлевъ. Нам. русск. лит. XII и XIII вв., ср. стр. XXI, XXIII, XXXII и друг.

³ Тамъ же, стр. XXIV.

⁴ О преслѣд. скоморошества см. у Ал. Веселовскаго, Раз. въ обл. дух. стиха VII. Прил. къ XLV т. Запис. Имп. Ак. Наукъ стр. 149—222 и Фамининъ, Скоморохи на Руси. Спб. 1889, стр. 159—167.

жонглеры, шпильманы, мими, скоморохи или игрецы, и отрицать вообще поэзию—вещи разные. Не пора ли признать это? Не пора ли разбираться въ явленияхъ, различая оттѣнки? Поученія, направленныя противъ язычества, даютъ возможность составить довольно длинный списокъ запретныхъ развлечений и забавъ. Вотъ этотъ перечень: „плясанія и всякія игры“, „позоры дѣюще“, „на улицахъ града уродословіа и глумленіа“, „плесканія рукъ, пѣсни сатанинськія“, „смѣхоторвци, скоморохи, игрецы“, „бубенная плесканья, свирѣльный звук, плесканья сотонина, фряжкскія слоньница, гусли, мусикина и замара“, „скоморохи, слы точхара, гудцы, свирцы“, „кощуны елинськія и басни жидовъскія“. Православіе не признаетъ музыкальныхъ инструментовъ, оттого ихъ оно и преслѣдуєтъ. Но оно вполнѣ признаетъ пѣніе. Что Зарубчій Чернецъ Георгій имѣеть ввиду не только библейские псалмы, и не только библейские могъ пѣть и св. Феодосій Печерскій, можно заключить изъ этого запрещенія, находящагося въ „Сказаніи Изосима объ отреченыхъ книгахъ“: „ни мірѣскихъ составленныхъ псалмовъ глаголите въ церкви“¹. Эти „мірѣскіе составленные псалмы“ сами по себѣ, стало быть, не запрещаются. Ихъ не надо пѣть въ церкви, но ихъ отнюдь не отмѣчаютъ среди отреченыхъ. Рядомъ съ этимъ послѣднимъ извѣстіемъ мнѣ и хотѣлось бы напомнить о найденномъ Срезневскимъ упоминаніи о „словутѣномъ пѣвцѣ Митусѣ“¹. Его захватилъ дворецкій князь Даніила у владыки Перемышльскаго. Срезневскій спрашиваетъ себя, не идетъ ли тутъ рѣчь просто о знаменитомъ пѣвчемъ. Но не все ли это равно? Развѣ знаменитаго пѣвчаго не заставили бы пѣть и еще что нибудь кромѣ службы? „Мірѣскіе составленные псалмы“, во всякомъ случаѣ, подходящій репертуаръ для пѣвца, состоящаго при епископѣ. Но про этого Митусу сказано, что онъ „за гордость не вѣсхотѣ служити князю Данилу“. Пѣвецъ предпочелъ службу у владыки!

Мы можемъ отвѣтить теперь на вопросъ: долженъ ли казаться страннымъ при знакомствѣ съ русской словесностью открытый Поль Майеромъ и Бедье образъ жонглера, сопровождающаго паломниковъ? И, можетъ быть, для тѣхъ древнихъ временъ позволительно нѣсколько отрѣшиться отъ взгляда на каликъ перехожихъ и Духовные стихи, какъ на совершенно особый строго отдѣленный отъ старинъ и историческихъ пѣсенъ родъ поэзіи; собиратели былинъ отмѣчаютъ нерѣдко совмѣщеніе у одного пѣвца обоихъ эпическихъ родовъ; тогда въ этихъ жонглерахъ-паломникахъ, шедшихъ по дорогамъ Франціи и Италіи, мы узнали бы близкое намъ представлениѳ, изображенное въ стихѣ о „сорока каликахъ со каликою“.

Евгений Аничковъ.

¹ Н. др. р. к. пр. I, 789.

¹ Древн. Пам. Извѣст. 2-го Отд. Ак. Н. 4⁰, т. X, стр. 194.

Александръ Николаевичъ Минхъ.

(1833—1912 г.).

Безпощадная рука смерти, вырвала и унесла въ вѣчность плодо-творную жизнь одного изъ популярнѣйшихъ людей Саратовскаго края — человѣка, снискавшаго себѣ любовь и всеобщее уваженіе своими личными качествами на разностороннихъ поприщахъ своего, болѣе чѣмъ полуувѣкового научно-общественного служенія.

21-го Іюля 1912 года въ г. Аткарскѣ, послѣ продолжительной болѣзни скончался глубокій старецъ Александръ Николаевичъ Минхъ, который въ лицѣ своемъ совмѣщалъ: и известнаго историка и боевого ветерана кровавой Крымской войны и наконецъ чуть-ли не послѣдняго могикана достославной освободительной эпохи, т. е. одного изъ тѣхъ идеиныхъ сотрудниковъ и исполнителей ВЫСОЧАЙШЕЙ воли Незабвеннаго Царя-Освободителя Александра II-го, по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, которымъ въ качествѣ Мировыхъ Посредниковъ, выпала на долю великая честь быть восприемниками новаго въ Россіи, правого строя, созданнаго на началахъ манифеста 19 Февраля 1861 г., и пионерами въ области освободительныхъ работъ.

Родился А. Н. 4 Апрѣля 1833 года, въ сельцѣ Елизаветинѣ, (Вербки тожъ) Липецкаго у. Тамбовской губ., въ дворянской семье майора Николая Андреевича Минха, которая въ началѣ 40-хъ г.г. оттуда перѣхала въ имѣніе свое с. Колѣно, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ. и здѣсь поселилась навсегда. Въ срединѣ 40-хъ же годовъ, по полученніи домашняго образованія, А. Н. былъ отданъ въ пансионъ плѣннаго француза наполеоновской арміи, Адольфа Стори въ Москвѣ, гдѣ въ совершенствѣ и изучилъ: французскій, нѣмецкій и англійскій языки. А такъ какъ Стори былъ тогда преподавателемъ французскаго языка, въ 3-й Московской гимназіи, то А. Н., какъ воспитанникъ его, былъ зачисленъ ученикомъ этой гимназіи, въ которой, кромѣ специальныхъ предметовъ, научился рисованію и черченію.

Въ 1853 г. А. Н. совершаєтъ поѣздку по Волгѣ оть Саратова до Казани, знакомится съ бытовыми условіями жителей Поволжья, изучаетъ нравы и обычай волгарей-судоходцевъ, описываетъ живописныя мѣстности красавицы рѣки, зарисовываетъ новые пароходы, ходившіе

† Александръ Николаевичъ Минхъ.

тогда оть Нижняго до Астрахани. Результатомъ этой экскурсіи явилась первая его литературная работа, напечатанная въ 1903 г. въ Казанскомъ журналь „Дѣятель“ (№ 12).

Поступленіе свое въ военную службу и участіе въ Крымской кампаниі въ своихъ „Запискахъ мирового посредника 1861—1866 г.г.“¹

¹ Записки эти напечатаны въ „Матеріалахъ по крѣпостному праву“, изданыхъ въ 1911 г. Саратовской Архивной Комиссіей ко дню 50 л. освобожденія крестьянъ.

покойный А. Н. описываетъ такъ: „въ 1854 г. кровавая борьба Россіи съ Турцией, Англіей, Франціей и Сардиніей подняла всю нашу молодежь: со всѣхъ сторонъ воодушевленные горячимъ патріотизмомъ стремились молодые дворяне подъ Царскіе знамена и штандарты. Я послѣдовалъ общему влеченію и съ согласія отца моего, стараго Майора Екатеринославскаго кирасирскаго полка, поспѣшилъ вступить юнкера въ Московскій (впослѣдствіи Лейбъ-ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА) драгунскій полкъ“. Сначала А. Н. Минхъ зачисленъ былъ въ резервный эскадронъ въ г. Чугуевъ, а затѣмъ зимою отправленъ въ Крымъ въ дѣйствующую армию, гдѣ участвовалъ во многихъ кровавыхъ сраженіяхъ: при р. Черной, на Федюхиныхъ высотахъ и друг. Будучи юнкеромъ, А. Н. былъ ординарцемъ у князя Радзивила, а когда, въ Декабрѣ 1855 г., былъ произведенъ въ офицеры, то при графѣ Ржевускомъ. Знаніе языковъ способствовало тому, что покойный неоднократно былъ прикомандированъ къ свитамъ парламентеровъ, имѣть возможность быть иѣсколько разъ въ станѣ непріятелей, гдѣ иногда, въ качествѣ переводчика, принималъ участіе въ переговорахъ между враждовавшими сторонами. Послѣ войны А. Н. прошелъ курсъ офицерской стрѣлковой школы, получивъ дипломъ 1-го разряда.

Пытливый умъ, глубокая наблюдательность, въ связи съ горячею любовью къ научному изслѣдованию окружавшей его жизни не оставали его литературныхъ работъ даже во время жгучихъ треволеній походной и боевой жизни. Такъ, въ бытность свою въ военной службѣ А. Н. набросалъ, „Путевые походныя замѣтки 1854 г.“ съ рисунками и планами гор. Чугуева; здѣсь описаны также г.г. Воронежъ, Бѣлгородъ, Чугуевъ. Рукопись эта и до днесъ хранится въ Радищевскомъ музѣѣ въ Саратовѣ. Во время же пребыванія въ Крыму А. Н. Минхъ составилъ „Походныя боевые записки въ Крыму 1855—1856 г.г.“, также съ рисунками и чертежами. Работа эта находится въ Историческомъ Севастопольскомъ музѣѣ.

Въ 1861 году по представленію предводителя дворянства А. Н. прямо изъ полка, находившагося тогда въ г. Шавли Ковенской губ., былъ назначенъ кандидатомъ мирового посредника 5 участка Аткарскаго у.; по приказу изъ штаба 1-й кавалерійской дивизіи въ чинѣ поручика выѣхалъ въ с. Колѣно, къ мѣсту своего новаго назначенія, а въ 1862 г., вмѣсто ушедшаго въ отставку посредника Фреймана, занялъ эту должностъ и утвержденъ былъ сенатомъ.

Будучи посредникомъ и стоя на стражѣ народныхъ интересовъ, А. Н. Минхъ на почвѣ устроїства крестьянскихъ надѣловъ нерѣдко вступалъ въ острые конфликты даже съ своими родственниками: въ „Запискахъ мирового посредника“ (стр. 18 и 19-я) А. Н. разсказываетъ, какъ его дальняя родственница Елена Андреевна Иванова, богатая и влиятельная помѣщица-самодурка, державшая въ извѣстной почтительности губернскія власти и архіереевъ, сначала очень его любив-

шая, вноследствии такъ возненавидѣла его какъ посредника, что при посыщениі имъ ея усадьбы она вооружалась образами и открепищивалась отъ него, точно отъ антихриста; въ письмахъ своихъ предводителю дворянства, она по имени его не называла, а писала „онъ“ или „атаманъ разбойниковъ“. Другое столкновеніе произошло также съ дальнимъ родственникомъ Н. И. П. „Благодѣтель“ этотъ „отвѣль крестьянамъ подъ надѣль мелкіе разрозненные клочки во всѣхъ трехъ поляхъ своей огромной дачи. Крестьяне, ничего не подозрѣвая, клочки эти засѣяли. Когда А. Н. пріѣхавъ для провѣрки уставной грамоты съ натурай, спросилъ владѣльца; „какимъ образомъ крестьяне будутъ ъадить на свои надѣлы для пахоты, уборки хлѣба и какъ будутъ прогонять туда скотъ, Н. И. указаль на небо и добавилъ: „по воздуху, братецъ“. Тогда А. Н. объявилъ ему, что такой грамоты не утвердить, и тутъ же землемѣру своему Чернышеву приказалъ подъ своимъ наблюденіемъ нарѣзать прогонъ по 10 саж. ширины, отхвативъ для этого у стараго скряги до 100 десят. лучшей земли. Помѣщикъ подалъ жалобу въ сѣѣздъ, а затѣмъ въ губернское присутствіе, но оба эти учрежденія прорѣзку прогоновъ утвердили. На слѣдующій годъ самодуръ вздумалъ было взять самоуправствомъ, засѣяль прогонъ пшеницей, но А. Н. отвѣтилъ уже ему крутой мѣрой, разрѣшивъ крестьянамъ гнать по засѣяннымъ прогонамъ скотъ; тогда Н. И. П. сдался, пересоставилъ грамоту и отвѣль хороший надѣль при самой деревнѣ.

Примѣры такого рѣдкаго въ то время безпристрастія пріобрѣли А. Н. Минху среди населенія не только полное довѣріе, но широкую популярность, какъ защитника крестьянъ.

„Вноследствии мировые посредники стали ходатаями и защитниками народа,—пишетъ далѣе въ своихъ запискахъ покойный,—жалобы крестьянъ, часто неподлежащія ихъ вѣдѣнію, какъ напримѣръ на взяточничество и бездѣйствіе присутственныхъ мѣстъ и лицъ, чрезъ ихъ руки переходили къ начальникамъ губерніи, прокурору и архіереямъ. Намъ случалось иногда—писаль покойный—вступать въ довольно рѣзкую переписку съ губернаторами и губернскимъ присутствиемъ. Самостоятельное положеніе посредника позволяло ему дѣйствовать прямо, не стѣсняясь высказывать правду о злоупотребленіяхъ и взяточествѣ, такъ какъ мы не могли быть уволены никѣмъ, кромѣ сената, но и то по суду. Правда былъ еще судъ общественный: отъ мирового посредника такъ много требовало общество въ отношеніи дѣятельности, добросовѣстности и честности, что даже неумышленный промахъ сейчасъ же легъ бы пятномъ на его добрую славу. *Лучшая награда посреднику народность*"¹.

¹ „Изъ записокъ миров. посредника“ А. Н. Минха (курсивъ нашъ).

Отъ вниманія того общества, которое покойный считалъ своимъ судьею, конечно, не ускользнуль его крупный нравственный обликъ; оцѣнивъ въ немъ его человѣческія достоинства и администраторскія способности въ должности посредника, оно въ 1869 г. тотчасъ же выбрало его мировымъ судью въ Аткарскій уѣздѣ, какъ только кончились полномочія первыхъ, и вступали въ жизнь выборные судьи. Въ 1875 году покойный А. Н. занимаетъ должность мирового же судьи въ Саратовскомъ уѣздѣ и остается въ ней вплоть до введенія современныхъ земскихъ начальниковъ; болѣе 20 лѣтъ высоко несь онъ ввѣренное ему знамя, на которомъ начертано: „правда и милость да здравствуетъ въ судахъ“, и вынесъ его незапятненнымъ.

Въ 1896 году, покойный А. Н. Минхъ вышелъ въ отставку и безраздѣльно отдался своей любимой научно-литературной работѣ и предпринялъ цѣлый рядъ интересныхъ изслѣдованій по археологіи, географіи и исторической этнографіи, какъ общихъ, такъ и по Саратовскому краю.

Ученая и общественная дѣятельность покойного весьма плодотворна, и результатомъ неутомимыхъ трудовъ его явились многочисленные мемуары и рукописи, напечатанные въ специальныхъ изданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій, а также въ разныхъ газетахъ.

Вниманіе свое покойный, главнымъ образомъ, посвящалъ Саратовскому краю. Такъ въ изданномъ Саратовскимъ статистическимъ комитетомъ „Саратовскомъ сборникѣ, 1881—1882 гг.“ помѣщены были статьи А. Н. Минха: „Открытие намѣстничества, Саратовскіе губернаторы, губернскіе предводители, городскіе головы и епископы Саратов. епархіи“, „Набережный Увекъ“ и др.

Географическимъ обществомъ въ 1890 г. былъ изданъ трудъ его подъ названіемъ: „Народные обычаи, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратов. губ.“; трудъ этотъ явился плодомъ систематическихъ изысканій покойного и заслужилъ ему награду отъ этого общества—серебряную медаль.

Саратовской Ученой Архивной Комиссіей (членомъ-основателемъ которой былъ покойный, А. Н.) съ 1898 по 1902 г. было издано четыре тома очень цѣнного труда: „Историко-географический словарь“ Саратов. губ. (объемомъ въ 1409 стр. съ 61 картой, чертежами и проч.). И въ мѣстныхъ periodическихъ изданіяхъ въ разное время печатались многочисленныя работы А. Н. Минха по истории Саратовскаго края, въ „Саратов. Листкѣ“, „Губернскихъ вѣдомостей“ и особенно много въ „Трудахъ“ Саратов. Ученой Архив. Ком., начиная съ 1887 года.

Помимо всего этого, много цѣнныхъ и интересныхъ трудовъ покойного хранится въ нѣкоторыхъ ученыхъ учрежденіяхъ въ видѣ рукописей, такъ какъ они по тѣмъ или инымъ причинамъ до сихъ поръ не напечатаны. Высокій историческій интересъ представляютъ

упомянутыя выше рукописи покойнаго изъ его походной и боевой жизни 1854, 1855 и 1856 г.г. (хранятся въ Радищевскомъ музѣ, и въ Севастополѣ). Отмѣтимъ еще рукопись „Поѣздка въ Пятигорскъ 1868 г.“ (637 стр.).

Въ Казанскомъ обществѣ археологии, исторіи и этнографіи находится черновая рукопись: „Разбои и клады низоваго Поволжья“, копія же ея въ И. Р. Г. О.

Послѣ волненій 1905 г. А. Н. Минхъ поселился въ Аткарскѣ на постоянное мѣстожительство, и съ этого же времени разстроенное здоровье его осложнилось разными тяжкими недугами; въ 1906 г. онъ совершенно лишился ногъ и зрѣнія.

Не взирая, однако, на свое беспомощное и крайне болѣзненное состояніе, не смотря на свой глубокій возрастъ, А. Н. Минхъ съ юношескимъ энтузіазомъ интересовался наукой и проявлялъ въ этомъ направлѣніи неутомимую дѣятельность, работая почти до самой своей кончины. Онъ до того увлекался любимыми своими предметами, историческими археологіей и этнографіей, а также интересами своего дѣтища—Саратовской Архивной Коммісії, что какъ будто бы не чувствовалъ своихъ физическихъ страданій. Необычайная память и живой увлекательный разсказъ изъ боевой жизни и про сѣдую старину воскрешали въ немъ древняго русскаго Баяна.

Онъ не только работалъ самъ, но умѣлъ пріохотить и воодушевить къ своей работе и другихъ. Такъ будучи слѣпымъ и неподвижнымъ старцемъ, онъ съ помощью сотрудниковъ въ 1908 г. на свой счетъ издалъ историко-географическое описаніе: „Городъ Аткарскъ“ (157 стр. съ его же рисунками, снятыми имъ въ 1867 г., и планами). Много было подъ его руководствомъ вскрыто кургановъ близь Аткарска, въ которыхъ оказались предметы домашняго и ратнаго обихода до-историческихъ людей. (Передано въ музей Саратов. Архив. Ком.). Въ 1910 году, Академіей Наукъ, въ обширномъ и глубоко интересномъ трудаѣ академика А. А. Шахматова: „Мордовскій этнографический сборникъ“, напечатана статья А. Н. Минха, описаніе мордвы Саратовскаго уѣзда, „Село Оркино“.

Въ концѣ 1911 г. А. Н. написалъ интересный трудъ по мѣстной археологіи—„о раскопкахъ могиль скорченного погребенія въ Аткарскомъ уѣздѣ“. Трудъ этотъ съ 16-тью фотографіями отосланъ въ Императорское Московское Археологическое Общество, для напечатанія въ „Древностяхъ“.

Въ Іюнѣ 1912 года, А. Н. отъ мѣстнаго помѣщика А. А. Балашова пріобрѣлъ для музея мѣстной Арх. Ком. древнюю кольчугу и чугунную пушку конца XV вѣка. Описаніе его этихъ предметовъ, напечатано въ 29 выпускѣ „Трудовъ“ означенной Коммісіи.

Самымъ же послѣднимъ научнымъ трудомъ неутомимаго работника была статья „Каменный вѣкъ въ нижнемъ Поволжье“, напи-

санная покойнымъ за нѣсколько дней до смерти, исключительно для трудовъ Нижегородской Ученой Архивной Коммисіи, эту статью А. Н., какъ бы предчувствуя близкую кончину, назвалъ своею лебединою пѣсней. Что и сбылось.

Покойный А. Н. состоялъ членомъ: Императорскаго Русскаго Географическаго, Императорскаго Московскаго Археологическаго обществъ; Основателемъ и почетнымъ предсѣдателемъ Саратовской Ученой Архивной Коммисіи; дѣйствительнымъ членомъ Нижегородской, Тамбовской, Владимірской, Витебской, Ставропольской и др. Ученыхъ Архивныхъ Коммисій.

Что касается частной жизни покойнаго А. Н. Минха, то таковая была обставлена чрезвычайными простотой и доступностью. Обаяніе покойнаго А. Н. Минха въ здѣшней окружѣ было неотразимо.

На похоронахъ А. Н. Минха въ Аткарскѣ, 23 Іюля, кромѣ близкихъ родственниковъ покойнаго и семи членовъ Саратовской Ученой Архивной Коммисіи, присутствовали представители мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, почетныя лица города и уѣзда и мн. др. На гробъ возложено было много вѣнковъ, въ томъ числѣ отъ Саратовской Архивной Коммисіи, Саратовскаго и Аткарскаго дворянствъ и Аткарскаго земства.

По окончаніи отпѣванія гробъ на лошадяхъ отправленъ въ село Колѣно, за 67 верстъ отъ города.

Автору настоящихъ строкъ, на правахъ члена Саратовской Ученой Архивной Коммисіи и ближайшаго сотрудника покойнаго, выпала на долю великая честь, сопровождать прахъ своего любимаго учителя, вплоть до мѣста послѣдняго его упокоенія и быть очевидцемъ трогательной картины, рѣдкой задушевной встрѣчи останковъ А. Н. Колѣновскими крестьянами¹.

Похороненъ А. Н. Минхъ, противъ южной части алтаря Колѣновскаго храма, подъ тѣнистой кущей молодыхъ, красивыхъ деревьевъ,

¹ 24 июля не взирая на самое жгучее время — разгаръ житія, крестьяне по собственной инициативѣ, отложивъ полевыя работы, пожелали почтить память своего благодѣтеля, всегда доброжелательно къ немъ относившагося и сдѣлавшаго имъ съ землей (А. Н. Минхъ уступилъ имъ свой участокъ земли по очень низкой цѣнѣ), торжественной встрѣчей всѣмъ селомъ. Часть крестьянъ встрѣтила печальную колесницу въ 8 верстахъ отъ с. Колѣна, въ д. Котовкѣ, а остальные разодѣтые по праздничному, отъ мала до велика съ иконами, духовенствомъ и хоромъ пѣвчихъ во главѣ, въ 5 верстахъ. Снявъ гробъ съ катафалка и тутъ же въ полѣ среди рѣдѣющихъ хлѣбовъ отслуживъ панихиду, мужчины понесли гробъ, а женщины попарно вѣнки. Дойдя до выгона, процессія эта повернула на право, на край села; отсюда и начался цѣлый рядъ служеній литій; каждый домохозяинъ выносилъ на улицу столъ съ хлѣбомъ солью; почти предъ каждымъ домомъ служилась литія и такъ продолжалось съ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера. Молитвенное настроение крестьянъ было неподѣльно.

рядомъ съ могилами родителей его—отца Николая Андреевича Минха (храмоздателя церкви сей) и матери Варвары Борисовны, урожденной Бланкъ.

Такъ красиво жить и такъ красиво умереть, какъ жилъ и умеръ Александръ Николаевичъ Минхъ—примѣръ достойный подражанія.

θ. П. Коноваловъ.

Аткарскъ. 5 августа 1912 г.

Списокъ трудовъ А. Н. Минха.

1. Старыя деревянныя церкви Аткарского уѣзда, Саратов. губ. древности. Археологич. Вѣстн. 1867 г., сент.-окт., стр. 239—240.
2. Сторожевые курганы Аткарского уѣзда, Саратов. губ. Труды I-го Археологического Сѣзда. Т. I-й, стр. 163—165.
3. О волостныхъ судахъ. Судеб. Вѣстн. 1870 г. № 92.
4. Отечественное право въ народныхъ школахъ. ibid. 1871 г. № 173.
5. По вопросу объ увеличеніи срочныхъ платежей Обществу взаимнаго по-земельного кредита соразмѣрно паденію курса бумажнаго рубля. Саратов. Справ. Лист. 1877 г. № 236.
6. Объ альбомѣ видовъ Саратова и его окрестностей. ibid. 1879 г. № 24.
7. Ягодно-Полянская волость. (Нѣмецкіе колонисты). Историко-статистический очеркъ. Саратов. Губ. Вѣд. 1879 г. № 152 и 153. — Отдѣльный оттискъ: Саратовъ, 1879. 32⁰. 64 стр.
8. Саратовскій Маріинскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. ibid. 1879 г. № 188 и 189. Отдѣльный оттискъ: Саратовъ, 1879. 8⁰. 8 стр. въ два столб.

9. Саратовское реальное училище. (Истор. очеркъ). *ibid.* 1879 г. № 196.
10. Набережный Увекъ, съ планомъ. *ibid.* 1879 г. № 219—220. — Перепечатано въ „Саратовскомъ Сборникѣ“. Саратовъ, 1881 г., т. I, стр. 211—233.
11. Епархиальное женское училище и пріютъ въ Саратовѣ. (Истор. очеркъ). *ibid.* 1879 г. № 217 и 218.
12. Материалы для истории Саратов. губ. I. Открытие намѣстничества. II. Саратов. губернаторы. III. Саратов. губ. предводители дворянства. IV. Саратов. городские головы. V. Епископы Саратов. епархіи. *ibid.* 1880 г. № 25—27. Перепечатано въ „Саратов. Сборникѣ“. Сарат., 1881 г., т. I, стр. 1—15. — Саратов. Дневникъ. 1880 г. № 27.
13. Саратовская Маріинская женская гимназія. Истор. очеркъ открытия. Сар. Губ. Вѣд. 1880 г. № 33.
14. Село Бѣлгаза-Маматовка. Очеркъ. *ibid.* 1880 г. № 36, 39, 40—42.
15. Аткарскій уѣздъ. *ibid.* 1880 г. № 58, 60, 63, 69, 75, 94 и 111 и 117. — Перепечатана въ „Саратов. Сборникѣ“. Саратовъ, 1881 г., т. I, стр. 65—176.
16. Слѣды древняго вала или „стѣны“, между селами Мокрое и Оркино. Саратов. Дневникъ 1880 г. № 89.
17. Слѣды сторожевой линіи XVII вѣка, сохранившіеся между Петровскимъ и Саратовскимъ уѣздами. Саратов. Губ. Вѣд. 1880 г. № 107, 127 и 128.
18. Каналъ Петра Великаго между Волгой и Дономъ въ Камышинскомъ уѣздѣ. *ibid.* 1880 г. № 123.
19. Старыя кладбища въ Саратовѣ: Красного Креста и Воскресенское. *ibid.* 1880 г. № 160 и 161.
20. Село Малая-Дмитріевка, Ахтуба тожъ, Аткарскаго уѣзда. *ibid.* 1881 г. № 144.
21. Поселеніе Черкесь въ Саратовскомъ уѣздѣ, Большой Дагестанъ. *ibid.* 1881 г. № 150.
22. Кладбища въ Саратовѣ. *ibid.* 1881 г. № 203 и 205.
23. Археологическія изслѣдованія о первобытномъ человѣкѣ и доисторическихъ временахъ. Саратов. Листокъ. 1882 г. № 72, 78 и 81. Отдѣльный оттискъ. Саратовъ, 1882 г. 32⁰. 42 стр.
24. Саратовскій уѣздъ. I. Пограничныя мѣстности въ Петровскомъ уѣздѣ. II. Ягодно-Полянская волость. III. Полчаниновская волость. Саратовскій Сборникъ. Материалы для изученія Саратов. губ. Изданіе Саратов. Статистич. Комитета. Саратовъ, 1882 г., т. II, стр. 203—327.
25. Заселеніе низоваго Поволжья. Саратов. Листокъ. 1883 г. № 27, 28, 36, 39, 42, 52 и 53.
26. Старинные книги о Поволжье. *ibid.* 1883 г. № 90, 128, 129, 198, 199, 208, 209, 212, 213 и 214.
27. Картофельный бунгъ въ Сердобскомъ уѣздѣ. *ibid.* 1884 г. № 60.
28. Старинная ариѳметика. *ibid.* 1884 г. № 96.
29. Изъ путевыхъ замѣтокъ 1868 года по Донской области. *ibid.* 1884 г. № 163.
30. Саратовъ, зо лѣтъ назадъ. Очеркъ 1853 г. *ibid.* 1885 г. № 79 и 80.
31. Западная граница Саратов. уѣзда. *ibid.* 1885 г. 257.
32. Материалы для истории осѣдлаго населения Саратов. губ. Саратов. Губ. Вѣд. 1885 г. № 222, 227, 228, 238, 253, 260, 263; 1886 г. № 11, 13, 25 и 27.
33. Саратовскій край въ 17 и 18 столѣтіяхъ. *ibid.* 1886 г. № 29.
34. Саратовская старина. Учрежденіе почты въ Саратов. намѣстничествѣ 1790 г. Саратов. Лист. 1887 г. № 199.
35. Архивъ упраздненной Аткарской градской думы съ 1782 по 1850 г. Протоколъ V-го общаго собранія Саратов. Архивной Комиссіи, стр. 38—51; протоколъ

VII-го общ. собр., стр. 13—79; протоколъ VII-го общ. собр., стр. 40—137; Труды Саратов. Архив. Комиссії, т. I, вып. I, стр. 81—119; вып. II, 224—252 и вып. IV, 456—483.

36. Описаніе дѣлъ Саратов. историческаго архива. Протоколъ IV-го общаго собр. Саратов. Архивной Комиссії, стр. 46—67.

37. Замедвѣдіцкій край до рѣки Карамыша. Труды Саратов. Архивной Комиссії. Сарп., 1888 г., т. I, вып. IV, стр. 278—284.

38. Легендарныя урочища волжскаго побережья въ предѣлахъ Саратов. края. Саратов. Листокъ 1888 г. № 258.

39. Саратовская старина, Сторожевыя поселенія Саратовскаго края въ 1700 г. ibid. 1888 г. № 275.

40. Матеріалы для исторіи заселенія Саратов. уѣзда. Труды Саратов. Архивной Комиссії 1889 г., т. II, вып. I, стр. 26—32 и вып. II, стр. 270—292.

41. Матеріалы для составленія санитарнаго описанія Саратов. уѣзда. Вып. I. Историческій очеркъ заселенія Саратов. уѣзда. Изданіе Саратов. санитар. совѣта. Саратовъ, 1889. 80. 22 стр.

42. Историческій очеркъ начала заселенія Саратов. уѣзда. Труды Саратов. Архивной Комиссії 1890 г., т. II, вып. II, стр. 259—269.

43. Народные обычай, суевѣрія, предразсудки и обряды крестьянъ Саратовской губерніи. Собранны въ 1861—1888 годахъ. Записки Имп. Русскаго Географического Общества, по отдѣленію этнографіи. Т. XIX, вып. II. Отдѣльный оттискъ: Спб. 1890. 80. II + 752 стр. Отзывы: 1) Саратов. Губ. Вѣд. 1890 г. № 22. стр. 163—164; 2) В. Полякъ. Опытъ мѣстной этнографіи. Саратов. Листокъ 1890 г. № 75.

44. Древній могильникъ въ Аткарскомъ уѣздѣ. Саратов. Лист. 1890 г. № 212.

45. Этнографическій очеркъ народностей, населяющихъ Саратовскую губ. Адресъ-календарь Саратов. губ. на 1891 годъ, стр. 8—17.

46. Преданія обѣ основаніи городовъ Саратов. губ. Саратов. Лист. 1891 г. № 53.

47. Легенды о Кудеярѣ въ Сарат. губ. ibid. 1891 г. № 99 и 1894 г. № 151.

48. Воровскіе городки. ibid. 1891 г. № 205.

49. Вѣроятное происхожденіе Скворцовскаго клада, ibid. 1892 г. № 141.

50. Археологическая замѣтка. ibid. 1898 г. № 248.

51. Русскіе на Волгѣ до покоренія Казанскаго царства. ibid. 1892 г. № 273.

52. Моляны и обряды мордвы Саратов. губ. Этнографич. Обозрѣніе 1892 г. № 4, стр. 116—128.

53. Къ исторіи переселенія малороссіянъ въ Саратов. край. Труды Саратов. Архивной Комиссії 1893 г., т. IV, вып. I, стр. 17—18.

54. Древній могильникъ Аткарскаго уѣзда. ibid., т. IV, вып. II, стр. 22—25.

55. Репей въ народныхъ обрядахъ и пѣсняхъ. Этнограф. Обозрѣніе 1893 г. № 2, стр. 191—192.

56. Сайгачы и Крыси паствуhi. ibid. 1893 г. № 3, стр. 162—163.

57. Легенды о Кудеярѣ. ibid., т. VIII.

58. Волжское и астраханское казачье войско. Историческій очеркъ. Адресъ-календарь Саратов. губ. на 1895 годъ, стр. 200—202. — Перепечатано въ Саратов. Лист. 1895 г. № 26.

59. Филологическая замѣтка. Саратов. Листокъ 1894 г. № 201 и 219.

60. Турій черепъ. ibid. 1895 г. № 61.

61. Ключевская каменная баба. ibid. 1895 г. № 219.

62. Переволока. Саратов. Губ. Вѣд. 1896 г. № 48.

63. Городъ Сердобскъ. Историко-географическій очеркъ. ibid. 1897 г. № 82—83.

64. Царскія могильницы, или каменные курганы Царицынского уѣзда. Саратов. Листокъ 1898 г. № 82.

65. Мірськія запашки. *ibid.* 1898 г. № 167.
66. Ключевская каменная баба. Труды Саратов. Архивной Комиссии 1898 г., въ т. 21, стр. 5—7.
67. Курганы Тюриной балки, Царицын. уѣзда. *ibid.*, вып. 21, стр. 1—4.
68. Историко-географический словарь Саратовской губерніи. Южные уѣзды: Камышинскій и Царицынскій. Т. I, вып. I, литеры А—І. Саратовъ, 1898. 8⁰. 207 стр. и 3 карты. Отзывы: — 1. Саратов. Дневникъ 1898 г., приложение къ № 245. — 2. Истор. Вѣстн. 1899 г. № 4, стр. 299—300.—3. Извѣстія Общ. Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казан. университѣтѣ 1899 г., т. XV, вып. 3, стр. .
- Тоже, вып. II, литеры Д—К (начало). Саратовъ, 1898. 8⁰, съ 209—278, 19 стр. и 1 карта.
- Тоже, вып. II, литеры Д—К (продолженіе). Саратовъ, 1900. 8⁰, съ 279—555+2 стр. и 11 картъ. Отзывы:—1. Саратов. Лист. 1900 г. № 72.
- Тоже, вып. III, литеры Л—Ф. Саратовъ, 1901. 8⁰; II н. съ 557+1091+II н. стр. и 17 картъ. Отзывы:—Саратов. Лист. 1902 г. № 18 .
- Тоже, вып. IV, литеры Х—Ѳ. Аткарскъ, 1902. 8⁰, съ 1093—1409+35+I н. стр. и 7 картъ. Отзывы:—1. Саратов. Коммерческій Вѣстн. 1903 г. № 65.—2. С. К. Кузнецовъ. Этнографич. Обозрѣніе 1904 г. № 4, стр. 190—192.—3. Ю(рьевъ), В. Наши археологи. Саратов. Дневникъ, 1905 г. № 81.
69. Саратовская Архивная Комиссія. Исторический очеркъ. Саратов. Дневникъ 1900 г. № 209.
70. Древній могильникъ Аткарского уѣзда, Саратов. губ. Древности. Труды Москов. Археологич. Общества. 1900 г., т. 16, стр. 151—153.
71. Церковныя лѣтописи. Саратов. Дневникъ 1901 г. № 37.
72. Бронзовая древняя стрѣла, найденная въ пашнѣ Сердобскаго уѣзда, близъ сельца Уваровки. Труды Саратов. Архивной Комиссии 1902 г., вып. 22, стр. 58—59.
73. Сельцо Песчанка. Матеріалы для II тома историко-географ. словаря. Саратов. Листокъ 1902 г. № 257.
74. Снохачество и снохачи. Труды Саратов. Архивной Комиссии 1903 г., вып. 23, стр. 31—34.
75. Наша статистика. Изъ недавняго прошлаго. *Ibid.*, вып. 23, стр. 167—202.
76. Отъ Саратова до Казани полвѣка назадъ. Дѣятель 1903 г. № 12, стр. 531—542.
77. Путевые замѣтки отъ Москвы до села Колѣна. Извѣстія Тамбовской Архивной Комиссии 1905 г., вып. 50, стр. 1—21.
78. Бытъ духовенства Саратовскаго края XVIII и въ началѣ XIX столѣтія. Труды Саратов. Архив. Комиссии 1908 г., вып. 24, стр. 55—73.
79. Дѣло мордовы селеній Захаркина и Славкина, Петров. уѣзда, о землѣ, 1703—1798 г.г. *Ibid.*, вып. 24, стр. 98—109.
80. Городъ Аткарскъ. Матеріалы для историко-географического описанія Саратов. губ. По рукописямъ и изслѣдованіямъ, съ 15 рисунками. Издание В. И. Миловидова. Аткарскъ, 1908. 8⁰. I н.+157+I н. стр. 1 портретъ и 1 планъ города. Отзывы: — 1. Саратов. Лист. 1908 г. № 217. 2. В. Р—въ. Истор. Вѣстникъ 1909 г. № 2, стр. 806.
81. Археологическая находки и раскопки въ Аткарскомъ уѣздѣ. Труды Саратов. Архивной Комиссии 1909 г., вып. 25, стр. 215—223.
82. Старая могила въ гор. Аткарскѣ. Волга 1910 г. № 163 и 237. Перепечатано въ „Извѣстіяхъ Имп. Археологической Комиссии“ 1911 г., прибавленіе къ вып. 39, стр. 133—136.
83. Описание села Оркина, Саратов. уѣзда. Мордовский сборникъ, составленный А. А. Шахматовымъ. Изд. Имп. Академіи Наукъ. Сиб. 1910, стр. 681—720.

84. Археологическія раскопки и находки въ Аткарскомъ уѣздѣ. Труды Саратов. Архивной Комиссіи 1911 г., вып. 27, стр. 1—4.

86. Изъ записокъ мирового посредника 1861—1866 годовъ. Матеріалы по крѣпостному праву. Саратов. губ. Издание Саратов. Архивной Комиссіи. Саратовъ 1911. Отдѣльный оттискъ: Саратовъ, 1911. 8⁰. 29 стр 50 экз.

87. Цѣнное приобрѣтеніе нашего музея. Труды Саратов. Архивной Комиссіи 1912 г., вып. 29, стр. 198—199. Отдѣльный оттискъ: Саратовъ, 1912. 8⁰. 2 стр. 50 экз.

Критика и библіографія.

1. А. И. Путинцевъ, Талагайская свадьба (Памятная книжка Воронежской губерніи на 1913 г. Воронежъ. 1913. Стр. 94—134).

Описана свадьба великоруссовъ „талагаевъ“, т. е. бывшихъ одновдворцевъ, Ново-Хворостанской волости Коротоякского уѣзда. Описанію обрядовъ авторъ предпосыпаетъ краткій очеркъ населенія данной мѣстности, извѣстной уже въ литературѣ по другимъ статьямъ того же А. М. Путинцева. Самая свадьба описана подробно, начиная со сватовства и кончая послѣ-свадебными пирушками. Но старинные обряды успѣли уже здѣсь въ значительной степени вымереть. Интересно обрядовое отличіе въ одеждѣ просватанной невѣсты: „символомъ того, что дѣвушка просватана-пропита, является небольшая перемѣна въ ея костюмѣ, а именно, она носить на головѣ уже не красный платокъ, а желтоватаго цвѣта“ (стр. 101)—свадебное обрядовое дерево сохранилось подъ названіемъ „садъ“; имъ служить большею частью вѣтка боярышника, украшенная разноцвѣтыми бумажками, пряниками и леденцами и, воткнутая въ ковригу хлѣба.—На дѣвишникѣ совершаются особый обрядъ подъ названіемъ „повиванье невѣсты“ или „плетеніе плетенка“: одна изъ невѣстиныхъ подругъ береть клубокъ черныхъ или синихъ нитокъ домашняго приготовленія и, размотавъ его, дѣлить нитки на три равныя пряди; другая подруга плететь изъ этихъ прядей „плетенекъ“, т. е. подобіе косы, причемъ поется пѣсня о томъ, что охотники ходять по берегу, хотятъ поймать бѣлую рыбушку, разрубить ее на 12 кусковъ, раскластъ на 12 тарелокъ и разнести на 12 столовъ. „Плетенекъ“ этотъ кладутъ затѣмъ въ солонку на столъ, гдѣ онъ и лежитъ до слѣдующаго дня; по проѣздѣ отъ вѣнца, когда новобрачную убираютъ въ „бабій нарядъ“, плетенекъ берутъ изъ солонки и вплетаютъ въ косу молодой.

Изъ 36 долгихъ пѣсенъ, приведенныхъ въ статьѣ г. Путинцева, обрядовыхъ старинныхъ пѣсень сравнительно очень мало: на мѣстныхъ свадьбахъ поются уже больше обычныя пѣсни, не обрядовыя. Поются также и новѣйшія „страданья“ или „ихахошки“, которыхъ въ разсматриваемой статьѣ А. Путинцева приведено 125 нумеровъ. Это—едва ли не самое большое въ нашей литературѣ собраніе южно-великорусскихъ „страданій“, которыхъ вообще напечатано пока весьма мало.

Всѣ пѣсни, равно какъ и разговоры дѣйствующихъ на свадьбѣ лицъ, записаны г. Путинцевымъ съ точнымъ соблюдениемъ мѣстнаго народнаго говора, почему статья его представляетъ также большой интересъ и для діалектологовъ.

Д. Зеленинъ.

2. С. Смирновъ, проф. Исповѣдь землѣ. (Рѣчь, произнесенная съ сокращеніями на актѣ Москов. Духовной Академіи 1 октября 1912 г.). Сергіевъ Посадъ. 1912 г. 39 стр.

Въ своей небольшой брошюре С. И. Смирновъ рассматриваетъ стариный обрядъ, существующій по мѣстамъ и въ настоящее время— исповѣдь землѣ.

Первое наиболѣе ясное свидѣтельство объ этомъ обрядѣ встрѣчается въ обличеніи еп. Стефаномъ ереси стригольниковъ (вторая половина XIV и первая половина XV в.), которые, отрицая духовную іерархію и церковное покаяніе, исповѣдывались землѣ, вѣря, что земля разрѣшитъ ихъ. Изъ словъ еп. Стефана нельзѧ однако узнатъ въ какіе обряды облекалась исповѣдь сектантовъ и какова была идея, лежавшая въ основѣ исповѣди землѣ, вслѣдствіе этого авторъ обращается къ нѣкоторымъ аналогичнымъ явленіямъ въ византійской и русской древности для разъясненія интересующаго его вопроса.

Въ обрядѣ исповѣди землѣ заложены два элемента: христіанскій—церковный институтъ тайной исповѣди и языческій—олицетвореніе земли и поклоненіе ей, какъ существу высшему, вліяющему на человѣка.

Авторъ даетъ цѣлый рядъ примѣровъ изъ практики христіанского Востока, характеризующихъ тайную исповѣдь, которая совершилась передъ чудотворными иконами, святыми мощами и другими священными предметами; этотъ обычай, какъ свидѣтельствуютъ вѣдь которыя житія святыхъ, существовалъ и на Руси, занесенный сюда паломниками. Переходя на Русь обычай христіанской церкви встрѣчались здѣсь съ обычаями дохристіанского быта, съ которыми иногда и сливались. Обычай почитанія земли на Руси не достигалъ размѣровъ культа: памятники древней письменности не говорять о жертвоприношеніяхъ въ честь земли, но сохранившіеся пѣсни, заговоры, преданія и повѣры вскрываютъ отчасти воззрѣнія русскаго народа на землю, какъ на мать-корнулицу, источникъ силъ и здоровья для человѣка, какъ на существо, достойноеуваженія, имѣющее вліяніе на человѣка. Отсюда становится яснымъ, что тайная исповѣдь, совершаемая передъ святынями, стала совершаться передъ землею, тѣмъ болѣе, что въ дохристіанскомъ воззрѣніи человѣка земля мыслилась и, какъ судія и какъ искупительница грѣховъ, покрывающая ихъ. Какъ художественную иллюстрацію къ извѣстію еп. Стефана авторъ приводить одинъ духовный стихъ № 161 изъ сборника Варенцова, въ которомъ изображается молодецъ, кающійся передъ землею.

Разсмотревъ составные элементы обряда исповѣди землѣ, авторъ указываетъ на его существование до сихъ поръ въ Сибири и у старообрядцевъ на Печорѣ; разновидностью стариннаго обряда авторъ считаетъ обычай прощанья съ землею передъ церковною исповѣдью. Передъ отправленіемъ въ церковь къ землѣ обращаются (Владимирск. губ.) съ такимъ причетомъ:

Возоплю я къ тебѣ, матушка сыра-земля,
Что топтали тяя походчицы мои ноженьки,
Что бросали тяя рѣзы рученьки,
Что глазѣли на тяя мои зенки,
Что плевала на тяя скорлупоньки.
Прости, мать питомная, меня грѣшную неурядливу.

Прощанье съ землею (говорить С. И. Смирновъ) передъ церковной исповѣдью есть, очевидно, не что иное, какъ народная исповѣдь землѣ, дополняющая церковную... Въ ея перечисль грѣховъ слышится ясный отголосокъ культа земли!. Таково кратко изложенное содержаніе статьи С. И. Смирнова. Для изученія народныхъ вѣрованій она является весьма цѣнной, какъ по материалу, въ ней приведенному, такъ и по тѣмъ соображеніямъ, которыми авторъ дѣлится съ читателями.

Е. Елеонская.

3. Кн. Д. Ухтомскій. Чукотскія стрѣлы (Ежегодникъ Русск. Антропологическаго Общества при Спб. Университетѣ, т. IV, стр. 103—122, 1912 года).

Этнографическому Отдѣлу Русскаго Музея Императора Александра III, въ стѣнахъ котораго за истекшее десятилѣтіе накопленъ огромный запасъ этнографическихъ сокровищъ, предстоитъ въ недалекомъ будущемъ сыграть крупную роль въ дѣлѣ изученія духовной и материальной культуры многочисленныхъ и разнообразныхъ по происхожденію, вѣрованіямъ и быту этническихъ группъ, входящихъ въ составъ всей массы населения Россіи и ея Азіатскихъ и Средне-Азіатскихъ владѣній.

Первый фундаментъ въ этомъ направленіи положилъ самъ Этнографическій Отдѣлъ своимъ изданіемъ „Матеріалы по этнографіи Россіи“. Помѣщенные въ нихъ статьи посвящены описаніямъ извѣстной части этнографическихъ коллекцій, являющихся достояніемъ Музея.

Онъ дали также необходимый матеріалъ для совершенно самостоятельной этнографической работы, напечатанной кн. Д. Ухтомскимъ въ „Ежегодникѣ Русск. Антрополог. О-ва при СПБ. У-тѣ“. Благодаря своей близости къ означеному Музею, авторъ имѣлъ удобный случай довольно обстоятельно ознакомиться съ весьма цѣнной въ научномъ отношеніи коллекціей, доставленной въ Музей изъ Анадырского края (Камчатской обл.) Н. И. Сокольниковымъ.

Въ числѣ ея обширнѣйшаго и разностороннѣйшаго этнографическаго матеріала нашелся преинтересный ассортиментъ чукотскихъ стрѣлъ, значительныхъ по количеству (130 штукъ) и оригинальныхъ по конструкціи и также 8 луковъ и 15 колчановъ. Ихъ-то и избралъ кн. Ухтомскій объектомъ своей небольшой сравнительно-описательной работы.

На тему о чукотско-эскимосскомъ оружіи, какъ боевомъ такъ и охотничьемъ, было уже писано очень компетентными въ этомъ вопросѣ учеными. Оказалось, однако, что наличность въ Русскомъ Музѣѣ, въ частности, оригиналовъ чукотскихъ стрѣлъ „даетъ, по внимательной провѣркѣ автора, значительный дополнительный матеріалъ, который позволяетъ лишній разъ прослѣдить взаимоотношенія народностей Азіи и Америки въ бассейнѣ Берингова моря“.

Къ этой цѣли авторъ осторожно подходитъ путемъ анализа и синтеза существа вопроса и его частностей. Онъ подвергаетъ детальному осмотру самый матеріалъ, изъ которого сдѣланы данныя стрѣлы, производить точныя измѣренія ихъ составныхъ частей,—древка и наконечниковъ,—изучаетъ пунктуально формы послѣднихъ, вникаетъ серьезно въ способы прикрепленія ихъ къ древку и снабженія опереніемъ оконечностей стрѣлъ, допытываясь принципа конструктивной техники, проявленной первобытнымъ народомъ при изготавленіи его примитивнаго оружія. Затѣмъ, кн. Ухтомскій ищетъ и доискивается, гдѣ это возможно, указаній относительно: происхожденія чукотскихъ стрѣлъ, сходныхъ признаковъ ихъ устройства, одинаковыхъ болѣе или менѣе условій примѣненія на практикѣ дальности полета, настѣльности боя и степени пробивной ихъ силы. Въ этихъ поискахъ ему помогаетъ отчасти соотвѣтствующая литература о чукотско-эскимосскомъ оружіи; съ другой стороны, авторъ черпаетъ необходимыя данныя путемъ сравненія вещества и формъ стрѣлъ и наконечниковъ, доставленныхъ въ Русскій Музей Н. Сокольниковымъ, а также полученныхъ изъ бывшихъ Росс.-Американскихъ владѣній и недавнихъ археологическихъ раскопокъ по старымъ стойбищамъ приморскихъ чукочъ и камчадаловъ, съ экспонатами, собранными В.Г. Богоразомъ для Американскаго музея Естественныхъ наукъ въ Нью-Йоркѣ, и другими образцами.

Продѣлавъ столь сложный трудъ, кн. Ухтомскій достигъ извѣстныхъ положительныхъ результатовъ. На основаніи сближеній и аналогій, пропущенныхъ черезъ призму вдумчивой критики и обоснованныхъ разсужденій, ему удалось расширить иѣсколько предѣлы географического распространенія типа чукотскихъ стрѣлъ, главнымъ образомъ съ костяными наконечниками, найдя ихъ образцы и аналогичные случаи употребленія на территоріи всего почти съверо-востока Америки. Между тѣмъ, какъ образцы чукотскихъ стрѣлъ съ желѣзными остріями, смѣнившими собою кремень, шиферъ и обсидіанъ, находятся, по глубокому убѣжденію автора, подъ большимъ вліяніемъ

собственно Сибирскихъ типовъ, что вполнѣ естественно, говоритъ онъ, при заимствованіи самаго материала изъ Сибири (стр. 105). Ихъ издѣліе въ большинствѣ случаевъ надо отнести на счетъ слесарно-кузнечнаго искусства ближнихъ сосѣдей чукочъ (коряковъ, ламутовъ, якутовъ и русскихъ), такъ какъ сами они, по какимъ-то невыясненнымъ причинамъ, весьма отстали въ означенномъ ремеслѣ.

Изумительную тщательность отдѣлки чукчи, подобно многимъ сибирскимъ и иноземнымъ аборигенамъ, проявили въ дѣлѣ оперенія своихъ стрѣлъ. На этой удивительной чертѣ мастерства чукочъ авторъ останавливаетъ свое особенное вниманіе, какъ на наиболѣе важномъ обстоятельствѣ, способствующемъ уясненію до нѣкоторой степени направленія эмпирической изобрѣтательности первобытныхъ народовъ, прибывающихъ въ актѣ самозащиты или нападенія къ содѣйствію лука и стрѣлъ.

Опереніемъ стрѣлы, по мнѣнію кн. Ухтомскаго, снабжаются для того, чтобы, приблизивъ къ пяткѣ центръ сопротивленія воздуха, дать устойчивость во время полета (стр. 117—118). Эскимосы, чукчи, коряки и другіе народы, стоящіе на одинаковомъ уровнѣ примитивной культуры, такимъ образомъ, въ глубокой древности зорко прослѣдили тѣсное взаимоотношеніе центра тяжести и центра давленія воздуха, что оказывается, какъ доказано научно, несомнѣнное вліяніе на правильность и дальность полета предмета, которому сообщено извѣстное движеніе. Этотъ принципъ, обусловленный физическими законами, чукчи съ большимъ успѣхомъ приложили къ древкамъ своихъ летательныхъ стрѣлъ. Поэтому рядъ чукотскихъ стрѣлъ, не имѣющихъ оперенія, говоритъ кн. Ухтомскій, слѣдуетъ рассматривать либо разсчитанными для стрѣльбы на очень короткое разстояніе, гдѣ вопросъ девіаціи не можетъ имѣть существеннаго значенія, либо какъ неоконченные изготовленіемъ экземпляры (стр. 118).

Касаясь технической стороны оперенія стрѣлъ, авторъ констатируетъ существование у чукочъ только двухъ способовъ. Въ первомъ случаѣ берутся два цѣльныхъ пера, вопреки противоположнымъ утвержденіямъ В. Богораза и Б. Адлера, признающихъ одностороннее опереніе, и, плоско налагаясь на древко, закрѣпляются, со стороны пятки стрѣлы, обмоткой изъ жильныхъ нитокъ; другой, корневой конецъ пера, бываетъ закрѣпленъ защемленіемъ въ короткой расщеплѣнѣ древка, а иногда просто жильной обмоткой. Во второмъ случаѣ, болѣе совершенной конструкціи, перо сохраняетъ одну сторону бородки или просто расщепляется пополамъ и корневая часть наклеивается продольно на древко, а концы перьевъ закрѣпляются жильной обмоткой; при этомъ бываетъ обычно три пера, иногда два. Очень рѣдко можно встрѣтить стрѣлы съ ненаклеенными, а лишь привязанными перьями (стр. 118).

Конструкція оперенія первого типа стрѣлъ, по мнѣнію кн. Ухтомскаго,

скаго, далеко несовершенна: загнувшись или оттопырывающияся волокна бородки перьевъ, легко могутъ произвести смѣщеніе центра сопротивленія воздуха, съ линіи продольной оси стрѣлы, и тѣмъ самымъ вызвать весьма нежелательное отклоненіе стрѣлы отъ линіи первоначального полета. Поврежденіе бородокъ пера при второмъ способѣ оперенія, можетъ вызвать лишь вращательное движеніе стрѣлы вдоль ея продольной оси, что будетъ способствовать большей вѣрности полета.

Точка зрењія кн. Ухтомскаго о баллистическихъ качествахъ чукотскихъ стрѣль нова и крайне интересна, какъ первая попытка теоретического обоснованія основныхъ началъ техники стрѣль, до которыхъ чуки додумались многолѣтними наблюденіями и чисто эмпирическимъ путемъ.

Правильность и основательность логического построенія этой теоріи были бы совершенпо доказаны, подкрѣпи авторъ свои разсужденія ссылками на составленныя имъ же математическая формулы. Очевидно, что для этого или не нашлось достаточного количества фактическихъ данныхъ, либо авторъ отложилъ эту часть своей работы до будущаго, когда онъ сможетъ вернуться къ затронутому имъ вопросу о баллистическихъ качествахъ стрѣль вообще.

Намъ кажется, что слѣдовало-бы также обратить вниманіе на вопросъ о способѣ укладки чуками стрѣль въ колчаны. Въ этой детали можетъ оказаться особенность национальной черты и степень практической неумѣлости или находчивости, отличающей чукочъ отъ сосьдей. Такъ напримѣръ, тунгусы Енисейской губерніи, стрѣлы укладывали въ колчаны остріями наружу: беря затѣмъ стрѣлу изъ висѣвшаго за спиной колчана, тунгусъ ощупью руки безошибочно опредѣлялъ форму острія той стрѣлы, которую онъ собирался пустить въ дѣло.

Дѣлать подобнаго рода замѣчанія не значить-ли говорить о прѣбалахъ и недочетахъ подлежащей нашему обзору статьи. Тѣ и другіе разумѣются, найдутся въ ней. Они, однако, столь малозначительны, что не роняютъ научной цѣнности труда кн. Д. Ухтомскаго.

Алексѣй Макаренко.

4. В. Ф. Трощанскій. Наброски о якутахъ Якутскаго округа. — Подъ редакціей и съ примѣчаніями Э. К. Пекарскаго. — Казань, 1911. — Типо-литографія Имп. Казанскаго университета. — (Отдѣльный оттискъ изъ XXVII-го тома Извѣстій Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Казанскомъ университѣтѣ за 1911 годъ).

Книга покойнаго В. Ф. Трощанскаго (посмертное изданіе, какъ и два другіе труда его,— „Эволюція Черной вѣры (шаманства) у якутовъ“, Казань, 1902, и „Опытъ систематической программы для

собирания свѣдѣній о до-христіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ“, Спб., 1911) — выдающееся явленіе не только въ области якутовѣдѣнія, но, пожалуй, и въ области этнографіи вообще.—въ виду двухъ обстоятельствъ.

Во-первыхъ, авторъ рассматриваетъ жизнь якутовъ чутъ-ли не со всѣхъ сторонъ ихъ быта. Здѣсь встрѣчаемъ: и статистику населенія, и отношеніе къ землѣ, и описание экономическихъ отношеній вообще, и данныя объ общественной организаціи, и физіологическая особенности племени, и характеръ и степень распространенія грамотности, и характеристику промысловъ. Уже перечисленного достаточно, чтобы книга заинтересовала этнографа въ широкомъ смыслѣ слова. Но авторъ не ограничивается этимъ: онъ проникаетъ въ тайники интимной жизни якутовъ, посвящая цѣлую главу „любви“ и, съ точки зреінія той же „любви“, браку якутовъ, — съ одной стороны, а съ другой—при описаніи экономическихъ отношеній отводить място и способамъ обогащенія, „честности“, моральному значенію богачей—тойоновъ.

Затѣмъ, книга чрезвычайно интересна въ виду того, что это—плодъ непосредственныхъ наблюдений человѣка умнаго, наблюдательнаго и образованнаго, и притомъ—наблюдений многолѣтнихъ.

Но все это не дѣлаетъ, конечно, книгу покойнаго безусловно свободною отъ не вполнѣ точнаго воспроизведенія фактовъ реальной дѣйствительности, не вполнѣ справедливой оценки характера якутовъ и не вполнѣ вѣрнаго сужденія о явленіяхъ ихъ быта. Указать теперь же на этого рода недостатки книги В. Ф. Троцкаго тѣмъ болѣе важно, что на нее, несомнѣнно, очень скоро же начнутъ ссылаться этнографы, и есть рискъ, что при этомъ они будутъ впадать въ весьма грубья подчасъ ошибки.

Необходимо отмѣтить, что, несомнѣнно на лицо—общія причины ошибокъ автора.

Прежде всего, это—нѣкоторая склонность къ обобщеніямъ. Въ сущности, наблюденія В. Ф. Троцкаго не распространялись дальше очень ограниченнаго района одного изъ улусовъ Якутскаго округа; между тѣмъ, авторъ въ заголовкѣ своей книги уже говорить о якутахъ всего округа и часто дѣлаетъ обобщенія, на которыхъ его не уполномачиваетъ ни количество, ни качество бывшаго въ его распоряженіи матеріала.

Затѣмъ, источникомъ ошибокъ въ данномъ случаѣ служить еще пессимизмъ автора: онъ съ какою-то настойчивостью отыскиваетъ въ характерѣ и бытѣ якутовъ дурныя черты. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что авторъ далекъ отъ мизантропизма. Стараясь выискать что-нибудь непривлекательное, онъ не успокаивается на этомъ, а во многихъ случаяхъ обнаруживаетъ очень теплое отношеніе къ страданіямъ, несчастіямъ и невзгодамъ якутовъ,—относится къ нимъ почти что съ

любовью,—и тутъ же указываетъ мѣры (не всегда раціональныя, а подчасъ— и наивныя) къ поднятію матеріального благосостоянія этого народа и къ повышенію уровня нравственного и умственного его развитія. Благодаря этому, нерѣдко въ другихъ мѣстахъ книги онъ высказываетъ противоположные взгляды или, по крайней мѣрѣ, сообщаетъ факты, изъ которыхъ приходится дѣлать заключеніе, какъ разъ противоположное тому, которое онъ высказалъ ранѣе. Такъ, по автору, „корыстолюбіе господствуетъ надъ всѣми остальными страстиами якутовъ“ (стр. 103),— „всѣ ихъ способности направлены на плутни“ (стр. 122),—о якутской „недобросовѣтности и говорить нечего“ (стр. 120),—и т. д.; но это не мѣшаетъ автору доказывать въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 141), что „бываютъ минуты, когда цѣлое общество вдругъ почувствуетъ свою родственную близость и солидарность... Самый заклятый врагъ князя“, — иллюстрируетъ онъ это положеніе, — „котораго онъ готовъ былъ утопить въ ложкѣ воды, явился теперь его защитникомъ. Онъ вскочилъ съ мѣста и произнесъ краткую, но сильную рѣчь, смыслъ которой состоялъ въ томъ, что они не дадутъ въ обиду своего отца, — такъ и сказалъ: отца,— и всѣ поднимутся на защиту его, къ чему бы это ни привело“.

Замѣтимъ, что хотя В. Ф. Троццанскій совершенно не владѣлъ якутскимъ языкомъ, но это не имѣло для него большого значенія, какъ то мы видимъ въ другихъ аналогичныхъ случаяхъ. Во-первыхъ, В. Ф. Троццанскій не задавался цѣлями—произвести исчерпывающее изслѣдованіе той или другой стороны быта якутовъ, а заносилъ въ свои записныя книжки лишь то, что случалось ему или самому наблюдать, или получать изъ вѣрныхъ рукъ. Во-вторыхъ,—и это — самое главное, — онъ во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ считалъ для себя обязательнымъ обращаться къ свѣдущимъ людямъ, къ голосу которыхъ внимательно и вдумчиво относился.

Къ сожалѣнію, при чтеніи книги В. Ф. Троццанского обнаруживается такъ много неточностей, невѣрныхъ сужденій и сомнительныхъ прогнозовъ, что нѣть возможности все ихъ здѣсь отмѣтить. Я ограничусь лишь нѣкоторыми изъ нихъ, — не столько въ цѣляхъ исчерпывающаго внесенія поправокъ къ книгѣ покойнаго, сколько имѣя въ виду вооружить этнографовъ критеріемъ для оценки отдѣльныхъ положеній, которыя они пожелають почерпнуть изъ „Набросковъ“.

По автору, на грамоту и, вообще, просвѣщеніе, какъ и на все въ мірѣ, якуты смотрятъ, съ грубо- utilitarной точки зрѣнія: богачамъ надо лишь умѣть записывать неоплатные долгі своихъ клиентовъ (стр. 110), средняго состоянія классъ стремится въ писаря при инородческихъ управленияхъ (стр. 111), а, кроме того, „имѣ не по силамъ то умственное напряженіе, которое требуется въ высшихъ школахъ“ (*ibid*). Не представляется особенно важнымъ, много ли или мало изъ представителей якутскаго племени слушаютъ лекціи въ высшихъ учебныхъ

заведеніяхъ, но чрезвычайно интересно для этнографа имѣть представленіе о стремлениі народа къ образованію вообще (въ томъ числѣ—и къ высшему образованію). А въ этомъ отношеніи утвержденіе В. Ф. Троццанскаго нуждается въ существенной поправкѣ. Таковую отчасти вносить редакторъ въ прим. на стр. 111, говоря: „за послѣднее время“ (курсивъ мой) „число якутовъ, стремящихся къ высшему образованію, замѣтно увеличилось“. Я сказалъ бы нѣсколько иначе. Уже тогда, когда наблюдалъ якутовъ В. Ф. Троццанскій, было извѣстно всѣмъ другимъ наблюдателямъ, что у якутовъ—далеко не грубо- utilitarный взглядъ на образованіе. „Наброски“ датированы концомъ 1893 г.,—и вотъ что встрѣчаю я въ своей записи, датированной 18 сентября 1894 г., т.-е. всего годъ спустя: „Въ юртѣ зажиточного якута одного изъ Таттинскихъ наслеговъ Ботурусского улуса Ив. Оросина: разговоръ съ хозяиномъ о якутской письменности. Онъ говорилъ, что нужно создать литературу на якутскомъ языкѣ, между прочимъ—и газету“. Замѣчу, что юрта, о которой рѣчь, находилась въ 20 в. отъ мѣста жительства В. Ф. Троццанскаго. Кромѣ того, онъ хорошо зналъ, какой громадный успѣхъ среди якутовъ, безъ различія состояній, имѣла школа В. М. Іонова,—онъ зналъ также, что этотъ педагогъ не обѣщалъ якутамъ давать и на самомъ дѣлѣ не давалъ грубо- utilitarного направленія своимъ занятіямъ съ учениками. Школа В. М. Іонова находилась также въ 20 в. отъ мѣста, гдѣ жилъ М. Ф. Троццанскій, и послѣдній въ школѣ нерѣдко самъ бывалъ. Что касается примѣчанія къ цитируемому мѣсту „Набросковъ“, то, мнѣ кажется, тутъ можно было бы еще сослаться, имѣя въ виду внести поправку въ сужденіе В. Ф. Троццанскаго, на этотъ фактъ, что именно осуществилось высказанное мнѣ 18 лѣтъ тому назадъ пожеланіе Ив. Оросина: въ г. Якутскѣ уже съ 1907 года издавались газеты на якутскомъ языкѣ (а съ прошлаго года издается и журналъ), издана книжка. Въ якутскихъ наслегахъ нерѣдко можно найти и русскую газету. Вообще, въ настоящее время именно мы имѣемъ полное основаніе утверждать что заключеніе В. Ф. Троццанскаго для его времени было невѣрно,—и въ такой же мѣрѣ оказался невѣрнымъ его прогнозъ.

Въ тѣсной связи съ указаннымъ является другой взглядъ автора „Набросковъ“: на отношеніе якутовъ къ русскимъ. „Надуть русскаго—величайшее удовольствіе не только для надувшаго, но и для каждого якута, узнавшаго объ этомъ; о русскомъ съ большой охотой распространяются самыя удивительныя небылицы... Питая къ русскимъ вражду, якуты, въ то же время,—самые завзятые патріоты. Имъ чрезвычайно лѣститъ, когда русскіе изучаютъ ихъ языкъ, а сами не особенно охотно обучаются русскому... Ихъ патріотизмъ выражается и въ томъ, что они упорно придерживаются національного костюма и общежакутскаго образа жизни“ (стр. 130—131). Здѣсь, опять-таки, и закрываніе глазъ на окружающія явленія, и отсутствіе пониманія ихъ. Якуты не могли от-

носиться иначе, какъ враждебно, къ наводнявшимъ наслеги уголовнымъ ссыльнымъ, а равно—и къ представителямъ русской администраціи, которые, подчасъ, были для якутовъ опаснѣе уголовныхъ. Но совсѣмъ не такъ они относились къ русскимъ, которые сумѣли доказать, что заслуживаютъ на самомъ дѣлѣ иного отношенія къ себѣ. Я не знаю, былъ ли вообще случай въ жизни самого автора „Набросковъ“, когда бы проявилось къ нему дурное отношеніе со стороны якутовъ. Вообще же, я могу указать на тотъ фактъ, что когда, въ 1906 г., состоялось совѣщаніе якутовъ по очень важному вопросу ихъ внутренней жизни, то въ предсѣдатели былъ избранъ русскій, одинъ изъ старѣйшихъ политическихъ ссыльныхъ,—въ изображеніе признательности, какъ говорили якуты, ко всей политической ссылкѣ, которая, развивая въ нихъ чувство человѣческаго достоинства, довела якутовъ до сознанія необходимости установленія лучшихъ формъ общественно-политической жизни. Въ своихъ записяхъ 1894 г. я встрѣчаю, слова якута В. Я. Слѣпцова: якуты-де благодарять политическую ссылку за то, что она подняла въ нихъ чувство собственного достоинства. И къ отдѣльнымъ лицамъ изъ числа представителей какихъ-угодно категорій русскихъ якуты относились съ полнымъ уваженіемъ, если тѣ того заслуживали. Укажу, наприм., на покойнаго священника о. Иннокентія Неустроева,—лицо, которое, было известно и автору „Набросковъ“. Въ сферѣ мелкихъ отношеній я обращу вниманіе хотя бы на пѣсню¹ (въ ряду многихъ другихъ), гдѣ женщина воспѣваетъ достоинства русскаго,—значить, уже не такъ отрицательно отношеніе якутовъ къ русскимъ, какъ къ та-ковымъ. Если мнѣ позволительно рѣшиться на нѣкоторое обобщеніе въ настоящей рецензії, то я скажу, что русскую культуру, русскія привычки и обычаи якуты высоко ставятъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока русскій не начинаетъ вводить въ свой обиходъ явно несответствующихъ мѣстнымъ условіямъ новшества. Якутъ прекрасно сознаетъ, что часы, наприм.,—хорошая вещь, и что ихъ можетъ сдѣлать русскій, а якутъ не можетъ сдѣлать,—и здѣсь якутъ отдаетъ предпочтеніе русской культурѣ. Но если русскій, безъ всякой предварительной тренировки, начинаетъ послѣ поѣздки кормить, безъ „выдержки“ въ 2—3 часа, купленнаго у якута коня, то якутъ съ полнымъ правомъ называетъ русскаго „мерзлымъ“, потому что кони отъ этого гибнутъ. Съ другой стороны, па моихъ глазахъ многіе якуты начинали постепенно переводить своихъ коней къ кормежкѣ безъ выдержки, такъ какъ опытъ русскихъ ихъ убѣдилъ, что это—не такъ опасно, какъ имъ казалось раньше, а, между тѣмъ, конь согрѣвшійся за дорогу, не мерзнетъ, стоя на 40° морозѣ, на привязи по 3—4 часа.

¹ См. мои „Матеріалы для изученія якутской народной словесности“, пѣсня № 3 (въ Извѣстіяхъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О-ва, Т. XXI, № 2, Иркутскъ, 1890).

Но въ сообщеніи В. Ф. Трощанскаго есть еще одна сторона. Вопросъ о взаимодѣйствіи между русскою и якутскою культурою—вопросъ довольно сложный. Почему якуты медленно движутся впередъ по пути материальной культуры, почему, съ другой стороны, русскіе уже въ третьемъ поколѣніи до недавняго времени совершенно обѣякучивались,—это очень интересный и важный вопросъ якутско-русскихъ отношеній. Но нашъ авторъ не останавливается передъ трудностями выясненія этого вопроса и рѣшающую роль здѣсь смѣло приписываетъ „патріотизму“ (партикуляризму?) якутовъ (стр. 131).

Такое же явное игнорированіе глубокихъ основъ явленія мы встрѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ. Между прочимъ, онъ описывается (стр. 109—101) „забавный“ случай съ однимъ изъ своихъ товарищей, который, изъ принципа, принялъ за правило покупать все на наличные деньги, а не на табакъ, чай, сахаръ и т. д.—Ему понадобилась берестяная посуда, и онъ обратился за ней къ якуткѣ; та запросила 2 листа махорки, что оцѣнивалось въ 10 коп. Онъ не хочетъ дать табаку, а даетъ деньги, но та настаиваетъ на своемъ. Наконецъ, якутка согласилась взять 10 коп., но только съ тѣмъ, чтобы ей подарили 2 листа табаку. Обрадовавшись успѣшности пропаганды денежнаго хозяйства, русскій далъ ей и табаку,—„а та, съ вещественными доказательствами въ рукахъ, пошла по сосѣднимъ юртамъ разсказывать о томъ, до чего пучка глупъ“,—заканчиваетъ В. Ф. Трощанскій свое сообщеніе. Я неясно понимаю, съ какой стороны „забавнымъ“ представляется автору этотъ случай. Что якутка, представительница мало-культурнаго племени, не могла понять сложной эмоціи высокоразвитаго европейца,—въ этомъ ничего забавнаго нѣтъ. Если же автору кажется забавнымъ, что якутка согласилась получить и 10 коп. и 2 листа табаку, то я не знаю, кто, вообще говоря, даже не будучи якутомъ, откажется получить больше того, что самъ запрашиваетъ за товаръ. И единственno, что оказывается, можетъ-быть, здѣсь забавнымъ, это—доведеніе принципа, хотя бы и весьма возвышенного, до абсурда. Между тѣмъ, авторъ совершенно не уразумѣлъ смысла описаннаго имъ явленія, поскольку рѣчь идетъ о якутахъ, какъ показателя степени развитія экономическихъ отношеній среди нихъ: якуткѣ нужны 2 листа черкасскаго табаку,—и, кромѣ полученія этихъ 2 листовъ, она рѣшительно ни о чёмъ въ данный моментъ не хочетъ думать. Я могу разсказать другой аналогичный случай. Спрашивается русскій у якутки какую-то вещь,—та заломила несуразную цѣну: 1 рубль. Пораженный русскій спрашиваетъ, сколько же она возьметъ вотъ за эту вещь. Оказывается, также 1 рубль. Словомъ, якутка все и вся готова была отдать именно за рубль,—и дороже рубля, и дешевле рубля стоящую вещь. Скоро обнаружилось, что въ данный моментъ якуткѣ нуженъ былъ именно одинъ рубль. Но я этого случая не назову „забавнымъ“: онъ имѣеть глубокое значеніе, и надѣ нимъ стоить

задуматься не съ точки зрењія того, что якутка станетъ разносить по соседямъ вѣсть о „глупости“ русскаго, разъ тотъ ей далъ вдвое дороже того, сколько она запросила за вещь.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ оперируетъ надъ неподлежащими сомнѣнію данными, онъ впадаетъ въ другого рода ошибку: онъ проявляетъ чрезмѣрную склонность къ обобщенію. Данныя о движении населенія по одному приходу обширной Якутской области даютъ автору основаніе говорить о жизнеспособности якутского племени вообще (стр. 87, 91, 92—93, 117 и др.). Конечно, авторъ поступилъ бы правильно, если бы выразился въ томъ смыслѣ, что данные по изслѣдованию имъ приходу подтверждаютъ общераспространенное мнѣніе, что якуты не вымираютъ. Нѣсколько якутскихъ преданій его уполномочиваются на реконструированіе исторіи происхожденія якутовъ (стр. 14 и 88 89),—очень грубая ошибка, въ которую авторъ впадаетъ уже во второй разъ (см. его „Черную вѣру и т. д., стр. 12—17).

Сказаннымъ я считаю возможнымъ ограничить свои замѣчанія на книгу В. Ф. Троццанскаго. Я не имѣю возможности остановиться на томъ, наприм., что якутское представленіе о „богатомъ“ человѣкѣ, какъ о „хорошемъ“ (стр. 97), имѣть своимъ источникомъ не отсутствіе „нравственныхъ“ чувствъ у якутовъ, а извѣстный экономическо-политическій укладъ ихъ жизни,—что проявляется извѣстная система въ томъ, что содержаніе лицъ, живущихъ на счетъ родовой благотворительности, падаетъ на якутовъ средняго достатка, а не на богачей, и что здѣсь вовсе не угодничество передъ богачами (тамъ же);—что ысыах — далеко не покрываетъ понятіемъ „кумысная попойка“ (стр. 15);—что землянной полъ въ юртахъ все-же иногда исправляется (стр. 16),—и т. д.

Конечно, скорѣе всего такого рода указанія слѣдовало бы ожидать отъ редактора, которому авторъ „завѣщалъ“ (стр. 2) изданіе своихъ трудовъ. Но, насколько мнѣ извѣстно, техническія условія изданія „Набросковъ“ были таковы, что Э. К. Пекарскому, по необходимости, пришлось сильно урѣзывать свои замѣчанія; къ тому же приводило и отсутствіе у него необходимаго досуга. И мы считаемъ долгомъ выразить здѣсь Э. К. Пекарскому признательность за то, что онъ затратилъ не мало времени и труда на приготовленіе къ печати и выпускъ въ свѣтъ какъ разбираемой въ настоящей рецензіи, такъ и другихъ работы покойнаго В. Ф. Троццанскаго.

Книга В. Ф. Троццанскаго „Наброски о якутахъ Якутскаго округа“ распадается на 11 главъ: первыя двѣ—„Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ“ 3-я—„Любовь и бракъ у якутовъ“, 4-я—„Землепользованіе“, 5-я—„Земледѣліе“, 6-я—„Скотоводство“, 7-я—„Приростъ населения. Происхожденіе якутовъ. Бракъ. Усыновленіе. Старики“, 8-я—„Способы обогащенія. Городчики. Карточная игра. Честность“, 9-я—„Органы самоуправлія. Школы. Грамотность. Медицина. Нерв-

ныя болѣзни“ 10-я—„Бюджетъ якутской семьи. Заработка (кузнечество). Культурная роль духовенства и поселенцевъ“ и 11-я—„Соприкосновение якутовъ съ русскими. Остатки родового быта. Роль богачей. Тѣлесное наказаніе“.

Но при пользованіи книгою надо имѣть въ виду, что названія главъ не вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ содержанію. Такъ, въ главѣ о землепользованіи главному предмету посвящено всего лишь 2—3 страницы, остальное же касается сельско-хозяйственной культуры; въ главу 7-ю случайно вкрашено кое-что объ обычаяхъ одариванія; о скотоводствѣ говорится не только въ главѣ 6-й, но и въ другихъ мѣстахъ книги, какъ наприм., на стр. 69; о пищѣ якутовъ авторъ говоритъ въ разныхъ главахъ,—см., наприм., стр. 82, 56—57 и др.; статистика населенія (какъ упомянуто уже выше, только по одному приходу Якутской епархіи) разрабатывается авторомъ также въ разныхъ мѣстахъ книги—стр. 37 и стр. 86.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны главная цѣнность книги заключается больше въ томъ, что въ ней мы имѣемъ литературное (а иногда и картиное) изложеніе непосредственныхъ впечатлѣній наблюдательного и вдумчиваго человѣка, воспринятыхъ въ теченіе долгаго ряда лѣтъ пребыванія въ средѣ якутовъ, нежели въ систематизаціи явленій якутской дѣйствительности.

Насколько это въ самомъ дѣлѣ цѣнно,—можно видѣть на слѣдующемъ примѣрѣ.—Авторъ много говорить о несимпатичныхъ сторонахъ взаимоотношеній между богачами и бѣдняками. Но духъ пытливости и познавательное чутье ему подсказывало, что дѣло—не такъ просто, какъ оно можетъ казаться съ первого взгляда. Правда, когда автору приходится высказать по этому поводу категорическое сужденіе, то онъ принужденъ ограничиться замѣчаніемъ: „уяснить себѣ эти отношенія чрезвычайно трудно“ (стр. 140). Однако, онъ подмѣтилъ,—и торопится занести это въ свои записи,—что „клиенты питаютъ къ нимъ (богачамъ) родственные чувства, какія были у евреевъ въ патріархальномъ быту... Богачи покровительствуютъ своимъ клиентамъ и держатся съ ними болѣе или менѣе по-родственному“ (стр. 141), и что „у якутовъ только богатство даетъ силу и почетъ, власть сама по себѣ ничего не даетъ“ (стр. 142). Въ констатируемыхъ В. Ф. Троцянскимъ фактахъ мы видимъ подтвержденіе интереснѣйшаго обобщенія Генри С. Мэна, согласно которому на первобытныхъ ступеняхъ развитія общественности богатство и власть неотдѣлимы не въ силу какихъ-либо расовыхъ особенностей того или другого племени, а именно вслѣдствіе наличности тѣхъ чертъ общественного строя, который, за неимѣніемъ лучшаго термина, мы обозначаемъ названіемъ „патріархальнаго“. И для тѣхъ, кто знакомъ съ приобрѣтеніями науки въ этой области, наблюденія В. Ф. Троцянского именно тѣмъ особенно и цѣнны, что, являясь плодомъ

многолѣтняго непосредственнаого общенія съ народомъ, не вышедшемъ еще изъ фазы патріархального строя, въ значительной степени подтверждаютъ обобщеніе Генри С. Мэна.

Это даетъ намъ новое основаніе къ тому, чтобы видѣть въ книгѣ В. Ф. Троццанскаго дѣйствительно цѣнное пріобрѣтеніе этнографической науки. Надо только, повторяю, при пользованіи этой книгой помнить, что она писана не ученымъ, а добросовѣстнымъ наблюдателемъ - диллетантомъ, при томъ же - не свободнымъ отъ иѣкоторой склонности къ обобщеніямъ и находившимся во власти прирожденаго пессимизма.

Н. Виташевский.

Настоящій выпускъ „Живой Старины“ печатался подъ наблюденіемъ Товарища Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи И. Р. Г. О. А. А. Шахматова и за секретаря А. Д. Руднева и выпущенъ въ свѣтъ 4 июля 1913 г.